

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Л I

УКРАШЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Санкт-Петербург
2006

УДК 391(571.1/.5)
ББК 63.5л6
У45

Утверждено к печати Ученым Советом МАЭ РАН

Редакционная коллегия

*Ю.К. Чистов, Е.А. Резван, Е.А. Михайлова, Ю.Е. Березкин,
Ю.Ю. Карпов, В.Ф. Выдрин, А.К. Байбурин*

Ответственный редактор выпуска: *Л.Р. Павлинская*

У45 **Украшения** народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 344 с.
(Сборник МАЭ. Т. LI).

ISBN 5-88431-129-X

Сборник посвящен одной из наиболее интересных и малоизученных областей культуры и традиционного декоративно-прикладного искусства коренных народов Сибири – украшениям, которые не только дополняли костюм, тем самым участвуя в формировании эстетического облика культуры, но и несли в себе широкий спектр символических значений. В статьях сборника рассматриваются различные типы украшений сибирских народов, а также парадные и повседневные пояса, являющиеся одним из важнейших элементов традиционного костюма. Сборник снабжен иллюстрациями из фондов МАЭ РАН, в которых представлены украшения и различные детали костюмов. Большая часть иллюстраций публикуется впервые.

Настоящее издание адресовано широкому кругу специалистов – этнографам, археологам, искусствоведам, а также всем интересующимся традиционными культурами коренных народов Сибирского региона.

УДК 391(571.1/.5)
ББК 63.5л6

ISBN 5-88431-129-X

© МАЭ РАН, 2006

Предисловие

Термин «украшения», выведенный в заглавие настоящего сборника и употребляемый для обозначения комплекса предметов и элементов, дополняющих костюм человека, не вполне точно отражает содержание, которое он несет в себе в традиционных культурах. Возникнув в русском языке от слов *красный* / *красивый*, он выражает прежде всего эстетическую функцию того или иного атрибута убранства человека, предмета или пространства, которая по мере цивилизационного развития приобретала в культурах все более и более доминирующее значение. В то же время эстетическая функция вещей и общие представления о красоте всегда формировались на основе глубинных мировоззренческих идей, пронизывающих все элементы культуры и наполняющих каждый из них рожденным этими идеями смыслом. По мере угасания мифопоэтического восприятия мира, выстраивающего необычайно сложную систему взаимоотношений человека и Вселенной, постепенно отмирала и множественность функции украшений (как, впрочем, и других предметов), воплощающих в себе широкий спектр связей между человеком, обществом и окружающим миром, при этом сохранялись функции эстетическая и экономическая. Между тем в древних и традиционных культурах эстетическая функция украшений стояла в длинном ряду множества других, играющих столь же (если не более важную) роль в жизни человека и общества. Но за неимением другого термина мы вынуждены использовать при анализе данного явления термин «украшения», вкладывая в него весь спектр символических значений, который насыщал этот комплекс предметов в культурах, развивавшихся на основе традиции.

Что же представляли собой украшения в традиционных культурах, в частности в культурах коренного населения Сибири? Будучи непосредственно связанными с костюмом и телом человека, они концентрировали в себе то сакральное содержание, которое было заложено в этом микрокосме, выстроенном архаическим сознанием в соответствии с общей моделью Вселенной, являющейся парадигмой для множества явлений культуры. И в предисловии к этому изданию, статьи которого посвящены различным типам украшений, прежде всего следует сказать несколько слов о семантике самого костюма, его кроя и о символизме материалов, из которых он изготовлялся, что послужит фоном для сюжетов, рассматриваемых авторами в этом сборнике.

Наиболее наглядно семантика самого костюма и его оформления проявляется, конечно, в ритуальном облачении (в частности, сибирских шаманов). И хотя это оформление нельзя отнести к категории украшений, общие истоки того и другого явлений позволяют глубже понять генезис украшений, и их символические функции. Именно поэтому представляется весьма полезным предварить рассуждения об украшениях повседневного и праздничного костюмов хотя бы обобщенным и кратким анализом

шаманского облачения. Следует помнить, что известные нам шаманские костюмы XIX – начала XX в. представляют собой результат длительного развития как мировоззренческой, так и художественно-образной основ культуры, анализ чего не входит в задачу настоящего предисловия.

Полный шаманский костюм воплощал в себе сложный символический образ, содержащий всю совокупность представлений человека о Вселенной. Три его основных элемента: головной убор, кафтан с нагрудником и обувь – символизировали три сферы мироздания: верхний, средний и нижний миры, отражая одну из основных идей архаического сознания о тождестве микро- и макрокосма. В то же время в основе его идейно-композиционного и художественного решения лежал образ мифического зверя-птицы, представленный такими видами, как олень, лось и орел, лебедь, гагара, филин, занимающими основное место в космологической картине мира народов сибирского региона. Каждый из этих образов (зверь и птица) при наличии множества символических значений, часто переплетающихся и дублирующих друг друга, имел и свою собственную главную, ведущую семантику. Так, олень воплощал в себе образ Вселенной, птица символизировала связь между ее сферами, подтверждая тем самым ее целостность.

Эти идеи-образы были воплощены в крое шаманского костюма большинства народов Сибири, составляющего основу символики всей композиции ритуального облачения. Так, шаманский кафтан в большинстве сибирских культур изготовлялся из цельной шкуры оленя, головной убор – из шкуры, снятой с головы животного, а обувь – с его ног. Трехчастность и в то же время единство Вселенной выражалось и во внешнем оформлении костюма (металл, вышивка, раскраска), основным структурообразующим элементом которого было изображение скелета мифического зверя-птицы. Головной убор венчали изображения рогов оленя, реже – фигурок птиц, кафтан заполняли изображения грудной клетки, лопаток, позвоночника, рукава – костей и суставов передних конечностей или крыльев, а обувь – костей и суставов нижних конечностей. Остальное пространство костюма было заполнено множеством других подвесок, придающих основной идее всю полноту и разнообразие образа Вселенной. Оно включало в себя изображения Солнца, Луны и Земли, Центра Мира и дорог в его различные сферы, духов всех миров и духов-помощников шамана и т.д. Таким образом, как мы видим из перечисленных образов-символов шаманского ритуального облачения, в нем был воплощен весь Космос, в котором мир людей занимал ничтожно малое место, он как бы подразумевался внутри всего мироздания, но не был отражен в конкретном образном воплощении. Его присутствие актуализировалось лишь в технологических традициях, в участии человека в создании костюма и его оформлении, в его сопричастности к великому акту творения.

Все эти идеи наполняли смысловое содержание и обыденного костюма, но в нем образ мироздания был выражен в более обобщенном виде, он как бы поглощался символизмом мира людей, который здесь выступал на первый план.

Космологические и космогонические представления сохранялись, как и в ритуальном облачении, в самом материале костюма, включая и матери-

ал украшений. Шкура оленя являлась исходным материалом для одежды у большинства народов региона. Однако для народов Сибири олень представлял собой не только основное промысловое животное, он был одним из главных мифологических персонажей. Образ Оленя-Вселенной, Оленя-Солнца, оленя – помощника шамана, оленя-предка и т.д. Все они в той или иной мере были характерны для мировоззренческих традиций народов Северной Азии. Поэтому шкура животного представляла собой не только и, возможно, не столько материальную ценность, сколько некую метафизическую субстанцию, наделенную высшей сакральной ценностью.

Детали костюма и ювелирные украшения, выполненные из кости и металлов, тоже несли в себе весь спектр включенных в них мифологическим сознанием символических значений. В костяных изделиях была актуализирована одна из наиболее архаических идей, связанная с представлениями о скелете животного (как впрочем, и человека) как основе жизненной силы, о постоянном умирании и возрождении природы, получившая отражение и в мифе и культе умирающего и воскресающего зверя. В костюме эти амулеты, подвески, накладные пластины выполняли функцию приобщения человека к созидательной энергии Вселенной, усиливали его собственный жизненный потенциал, подчеркивали сакральную связь социума с окружающим природным миром.

Украшения, выполненные из различных металлов, несли в себе символическое значение, которым были наделены золото, серебро, медь и железо в мифологии, обозначая все основные категории мироздания. Золото и серебро олицетворяли верхнюю небесную сферу, но если золото выступало символом Солнца, стихии света, небесного огня, верховного божества и всего спектра созидающего мужского начала, то серебро семантически было связано с Луной, ночным небом, порождающим женским началом. Важнейшей семиотической функцией меди являлась ее символическая связь с землей. Медь и медные атрибуты были устойчивым маркером всех теллурических божеств, духов – хозяев земли и духов-предков, что включало и такие смыслы, как плодородие, женское начало, водная стихия и т.д. Железо выступало как символ нижнего, подземного мира, который по своей сути был противоположен верхнему, небесному. Однако в существовании всех трех космических миров не было антагонизма. Они являлись лишь частью Вселенной, в которой все взаимосвязано друг с другом, все причастно целому, все выводимо из целого и подтверждается через соотнесенность с ним. Поэтому символика железа была пронизана и положительными смыслами, оно выступало маркером небесного божества грома, железные стрелы которого олицетворяют молнию и, следовательно, небесный огонь, очищающий и оберегающий. И эта двойственность символики железа привела к тому, что все изготовленные из него предметы воспринимались в большинстве сибирских культур как наиболее сильные обереги. В то же время медь часто выступала символом верхнего мира, воплощая созидательное начало Вселенной. Не последнюю роль в этом играли два обстоятельства. Медь была первым металлом, освоенным человеком, и на этой стадии она, видимо, вобрала в себя весь комплекс положительных смыслов символической картины мира. Кроме того, ее желтый «солнечный» цвет должен

был оказать сильное воздействие на становление художественно-образного восприятия и эстетических принципов. Весь этот необычайно широкий круг символических значений, связанный с основными космогоническими и космологическими представлениями, создающими единый мифопоэтический образ мироздания, металл вносил в костюм и украшения человека, снова и снова подтверждая идею тождества микро- и макрокосма, воплощая ее в реальную, осязаемую форму.

Символизм металлов неразрывно связан с семантикой огня, который в большинстве сибирских культур выступал олицетворением верхней, небесной сферы, солнца, священного небесного огня, жизненного начала, верховного демиурга, божественной матери-прародительницы. И именно огонь обуславливал ведущие символические функции всех изделий из металла, включая украшения и декор костюма, а именно охранительную и очистительную.

Металлы включают в себе и весь комплекс символических значений технологической традиции (также связанной с огнем): выплавки металла, литья,ковки. Здесь на первый план выступает идея упорядочения Космоса, выделения его из первозданного природного хаоса. Но через рукотворность технологической традиции металл (как впрочем, и другие созданные человеком материалы) актуализировал в пространстве костюма и собственно мир людей, выражая его сопричастность сакральной сущности мира.

Космологические и космогонические идеи получают отражение и в крое одежды, в котором у многих народов Сибири достаточно четко выражено стремление сохранить цельность исходного материала, т.е. шкуры оленя, являющейся здесь самым распространенным материалом. Наиболее ярко этот принцип проявляется в костюме эвенков и эвенов, отражая самый архаичный тип одежды. Подчеркнем, что наиболее полно весь комплекс представлений о мифическом олене вплоть до начала XX в. сохранялся именно в культуре тунгусских народов. В знаменитом «тунгусском фраке», как называли его в XVIII в., шкура оленя оставалась практически нетронутой. Она разрезалась по брюху животного, от нее отделялись куски с головы и ног животного, которые шли на изготовление головного убора и обуви, сам же кафтан только слегка подкраивался по плечам и пройме рукавов. Таким образом, шкура со спины оленя образовывала спинку кафтана, а шкура с боков и брюха – его полки. При этом даже проймы рукавов по своему положению совпадали с предплечьем животного.

Реминисценции этого кроя встречаются в костюмах многих народов. Так, спинка зимней мужской парки хантов выкраивалась вместе с капюшоном, на который шла большая часть шкуры с головы оленя (МАЭ, колл. 2709–1). Более того, на капюшоне оставались уши животного, а также отверстия от рогов и глаз, которые зашивались. Отметим, что тот же самый прием кроя прослеживается и на ритуальных камлейках эскимосов, сшитых из кишок моржа (МАЭ, колл. 4211–5). Здесь капюшон и часть спины сшиты из вертикально расположенных полос, образующих единый монолитный блок в общем крое одежды. Все это говорит о том, что архаичский (цельнокройный) тип одежды был некогда широко распространен в Северной Азии, отражая вполне определенные мировоззренческие идеи.

В семантическом плане этот крой выражает отношение к шкуре животного (под которым подразумевается не реальный, а мифический Олень-Вселенная) как к некоей сакральной ценности, имеющей важное значение для жизни общества. Здесь ярко проявляется характерная для архаического мировоззрения идея сохранения целостности Вселенной в ее совершенной форме, созданной в Начале Времен. Костюм, в котором шкура оленя оставалась практически нетронутой, что служило гарантией нерушимости мира, воплощал неразрывную связь человека с нематериальным вечным бытием. Надевая такой костюм, человек как бы полностью совмещался с телом мифического животного, что и выражало его постоянную сопричастность миру трансцендентному, миру божеств и предков.

Но и сложный крой, состоящий из многих деталей, нес в своей идеологии важнейший сакральный смысл, в котором актуализировались представления космогонического уровня и сопричастность человека к великому акту первотворения. Изготовление костюма, всегда повторяющего в символическом плане Космос, приравнивалось к воспроизведению священного акта сотворения мира в Начале Времен и к необходимости его обновления, реализуемого во многих ритуалах. В создании костюма технологические операции представляли в понятиях основной мировоззренческой модели, где выкраивание деталей воплощало в себе сотворение космического порядка из нерасчлененного хаоса, а их сшивание символизировало восстановление космической целостности, выражая все ту же идею тождества двух уровней Вселенной – микро- и макрокосма. Эта семантика технологических операций изготовления одежды получила отражение в языках и мифологии, например, тюркских народов Южной Сибири, где в мифе о сотворении земли верховным божеством Ульгеном синонимом глагола «созидать» является глагол «кроить/выкраивать». Текст гласит: «Великое место с солнцем и луною, месяц и солнце мое создал, / Отец мой Ульгень выкроил». Отметим, что именно для этих культур был характерен крой из отдельно вырезанных деталей, как для ритуального шаманского костюма, так и для некоторых типов повседневной одежды.

То же идейное содержание естественным образом присутствовало и в костюме, сшитом из ткани, которая особенно широко использовалась в одежде народов южных районов Сибири. Следует только добавить, что само полотно в силу семантики технологической традиции ткачества, которая на символическом уровне воспроизводила все тот же священный акт первотворения, воспринималось как космическая «ткань» Вселенной.

Тем не менее уже в крое одежды, не говоря о ее внешнем оформлении и украшениях, все ярче и ярче проявляется идея освоенного человеком пространства, весь его сложный мир, который впитал в себя всю Вселенную. Прежде всего, крой одежды, как каждое явление культуры, выражал и ее этническую специфику. Особенности того или иного кроя были одним из основных показателей принадлежности человека к определенному этносу, субэтносу или даже к небольшой локальной группе, т.е. воплощали основную идею национального самосознания «мы – они». Но крой также был наполнен и информацией о самой существенной категории человеческого общества – о его половозрастной структуре. Мужской, женский, девичий и

детский костюмы не просто моделировали социум, они воплощали его качество и движение во времени. Количество представителей каждой возрастной категории, а точнее количество необходимой для них одежды (частота ее изготовления, а, следовательно, и частота повторения сакрального акта творения, приобщения к трансцендентному миру божеств и предков) определяло степень включенности семьи, рода, общины в живую ткань универсума.

Таким образом, крой одежды, сохраняя широкий спектр космологических и космогонических смыслов, актуализировал прежде всего мир людей, он как бы гуманизировал и социализировал Вселенную. Эта направленность в семантике кроя с все возрастающей активностью наполняла декор костюма и ювелирные украшения (их форму, орнаментацию и топографию в костюме) идеей-образом освоенного человеком пространства. Это осуществлялось привнесением в костюм орнамента, который выступал в архаическом сознании важнейшей мерой организации пространства и времени. Его рапорты, построенные на сочетании графических знаков-символов космологического содержания, в своем постоянном повторении воплощали цикличность времени, определяя тем самым основной принцип существования Вселенной. Но как вторичная моделирующая система орнамент проецировал все свойства мироздания на мир людей, выполняя функцию и его знака, и его границы, и его ритма жизни. Это смысловое содержание орнамента определило необычайную устойчивость его в народном искусстве, где он заполняет все жизненное пространство человека – одежду, украшения, жилище, утварь, оружие и т.д.

Подчиняясь общему смысловому содержанию костюма, орнамент, как правило, располагался по горловине и полкам, по подолу и внизу рукавов, вдоль разрезов, как бы замыкая его и сужая идею космичности до образа освоенного человеком пространства. В этом случае орнамент вычленил мир людей в окружающем пространстве Вселенной. Ту же функцию несли в себе отделка костюма другим цветом, другим материалом и, конечно украшения, которые композиционно всегда подчинялись общей идее костюма. Серьги, кольца, браслеты, заполняя открытые участки тела человека, как бы включали их в единое упорядоченное пространство микрокосма, наделяя его множеством смыслов, организующих жизнь социума.

Более того, декор костюма и украшения конструировали все пространство костюма в соответствии с моделью Вселенной. Своим расположением, например, по линии талии они фиксировали сакральный центр и разделяли костюм на две части – верхнюю и нижнюю, в соответствии с космическими сферами. Эту же роль играл в костюме и пояс, как правило, богато насыщенный орнаментальными мотивами или другим декором. Заполняя часто пространство спинки костюма, орнамент или украшения обозначали самую опасную зону микрокосма, соотносимую с космическим севером/западом, в то же время защищая ее насыщенностью положительной символики. Наглядным примером здесь могут служить халаты из рыбьей кожи народов Амура, спинка которых всегда декорировалась или изображением Мирового Дерева с сидящими на его ветвях птицами, или фигурой парящего в облаках дракона, олицетворяющего небесную сферу Вселенной. Орна-

ментально выделялась в костюме и передняя часть, символизирующая самую значимую в жизни человека солнечную, южную/восточную сторону мироздания, населенную добрыми, дарующими жизнь божествами.

Форма декора и украшений, их количество, характер и топография в пространстве костюма и тела человека содержали важнейшую для жизни общества информацию о его половозрастной, социальной и экономической стратификации, освящая и наполняя ее сакральным содержанием, вытекающим из причастности социума к вечным законам бытия. Это приводило к тому, что декор костюма и особенно украшения всегда отражали жизненные процессы, протекавшие как на уровне данного коллектива людей и этноса в целом, так и на уровне личности. Украшения детской одежды и самого ребенка появлялись в строго определенные периоды его жизни, отмечая этапы его вхождения в мир людей. Первые месяцы жизни ребенок не имел одежды, его заворачивали в мягкие шкурки животных. Детская одежда до трех лет практически не была орнаментирована, в ней отсутствовали различия по полу, а из украшений можно встретить на ней лишь одну-две небольших низок бус. На ребенке не было ни сережек, ни колец, считалось, что он еще не принадлежит полностью миру людей. Этот период жизни человека воспринимался как некое пограничное состояние между социумом и трансцендентным миром предков, миром, где обитают души людей.

Социализация ребенка осуществлялась постепенно и заканчивалась в юношеском возрасте, и на всем этом пути усложнялся его костюм и комплекс украшений, приобретая завершенность в период расцвета физической и духовной жизни человека. Особенно ярко это проявляется в женском костюме и женских же ювелирных украшениях. У многих народов (например, тюрков Сибири и бурят) особые украшения девушка надевала в период половой зрелости, что отмечало ее готовность к замужеству и переходу в иную социальную страту. Этот переход фиксировался в свадебных обрядах, когда невеста меняла девичью прическу на женскую и впервые была в женском костюме, дополненном новыми украшениями. Однако полный набор украшений женщина обретала только после рождения первого ребенка, а иногда и после рождения нескольких детей, что подтверждало статус матери, определяющий ее основное предназначение в социуме. По завершению репродуктивного возраста снова менялся весь характер костюма: исчезала богатая орнаментация, изменялась цветовая гамма, а иногда и крой, но главное – снималась и передавалась по наследству дочерям основная часть украшений.

Но на жизненном пути человека украшения не только отмечали определенные этапы и фиксировали его статус, они выполняли множество других функций, среди которых важнейшей была функция охранительная. Она была обусловлена как семантикой самого материала, его цветовой гаммой, так и символическим значением орнамента, включенного в украшения, их формой, а также тем смыслом, которым были наделены все творения, созданные руками человека и олицетворяющие мир людей. Именно в этой функции кроется природа праздничных украшений, которые во всех культурах отличаются от повседневных своим обилием, яркостью, насыщенностью орнамента и т.п. Семантика праздников в

архаических или традиционных культурах, всегда связанных с календарным или жизненным циклами (будь то Новый год, сбор урожая, день летнего солнцестояния, рождение ребенка, инициация или свадьба), соотносилась с идеей разрушения и восстановления космического равновесия, порядка, стабильности.

Весь комплекс праздничных обрядов всегда в той или иной степени символически воспроизводил гибель и возрождение мира, социума, человека. Именно в это время исчезали границы между мирами Вселенной, останавливалось Время, жизнь сливалась со смертью, а живые вступали в контакт с умершими. Это был наиболее опасный момент в жизни людей, и хотя он всегда завершался торжеством Космоса, он настоятельно требовал максимальной защиты человека от разрушающих сил хаоса. Эта защита включала различный набор обрядовых действий, но прежде всего ее стремились приблизить к себе, и не просто приблизить, но и многократно усилить одеждой с насыщенным орнаментом и богатыми украшениями, т.е. теми символическими знаками, которые заключают в себе все положительные начала Вселенной. Поэтому характер праздничного костюма и украшений определялся отнюдь не эстетическими, а весьма прагматическими устремлениями, но именно они и формировали представления о красоте, закладывали основы эстетики народной культуры.

Охранительная функция украшений отчетливо проявляется и в диаметрально противоположной ситуации, когда требуется не отгородить потусторонний мир, а наоборот, создать контакт с ним, открыть путь между мирами. Такая необходимость возникает, в частности, в момент трудных родов, когда ребенок, чья душа в чреве матери еще тесно связана с иным миром, не может войти в социум. Среди различных ритуальных действий, направленных на благополучный исход, одним из самых действенных, по воззрению сибирских народов, является освобождение роженицы от всех украшений, особенно выполненных из металла. Ибо именно они, вобравшие в себя всю силу материала, огня, орнамента и созидательной энергии ремесленной традиции, создают самую прочную границу между миром людей и миром духов.

С развитием социальной стратификации общества постепенно усложняются костюм и украшения, более того, они начинают отражать не только социальное, но и экономическое положение человека и состояние его семьи. Эта функция костюма и украшений приобретает все большее и большее значение. Однако неправильно было бы считать, что символическое содержание костюма и особенно украшений полностью утратили свое значение в современной технологической цивилизации. Они прочно удерживаются, например, в церковной сфере культуры, в среде некоторых корпоративных объединений и, конечно, в тайных обществах. Но и среди широких слоев населения необычайно устойчиво держится вера, например, в чудотворную силу драгоценных и полудрагоценных камней, все большее значение приобретает цветовая символика костюма. И вполне традиционно особая потребность в этом проявляется у современного человека во время праздников, особенно Нового года. Распространение по всему миру интереса к восточному календарю, с его ярко выраженной символикой жи-

вотных образов, повлекло за собой повышенное внимание к семантике самых различных элементов культуры, в частности костюма и украшений. Какой цвет должен присутствовать в костюме, из какого металла и с какими камнями следует надеть украшения – вопросы, которые волнуют большинство женщин.

Сохранение особого отношения к костюму и украшениям обусловлено вложенными в них на протяжении тысячелетий сакральными смыслами, которые рождались в процессе осмысления человеком самого себя и окружающего его мира, определения своего места в этом мире и ощущения сопричастности всеобщим законам Вселенной.

Важное значение декора костюма и украшений в жизни традиционного общества и явилось одной из основных причин публикации материалов по культурам коренного населения Сибири в настоящем сборнике. Следует отметить, что это первое обращение к изучению данной темы, и, естественно, оно не претендует на освещение всех проблем, связанных с функциями украшений и декора в традиционных культурах сибирского региона. Будет правильным сказать, что это лишь первое приближение к постановке проблемы, требующей сбора и обобщения имеющегося материала. В статьях данного сборника он представлен, главным образом, коллекциями Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, дополненными различными публикациями по данной теме.

Л. Павлинская

Е.А. Михайлова

СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Тема «Памятники культуры народов Сибири», положенная в основу сборника, ведет свое происхождение от несостоявшегося проекта создания второго тома известного «Историко-этнографического атласа Сибири», один из разделов которого планировалось посвятить украшениям сибирских народов. В рамках этого раздела должны были рассматриваться два основных вида украшений, выделенные по степени их связанности с комплексом одежды, в который они входили, и условно обозначенные как «несъемные» и «съемные». Эти термины нельзя считать удачными, но иных выработать не удалось. К несъемным украшениям были отнесены определенные детали кроя одежды, а также украшения, пришитые (стационарно) к предметам одежды [Федорова 1988]. Съемные украшения, входя в определенный комплекс одежды, носят все же достаточно отвлеченный от нее характер, они связаны не столько с одеждой, сколько с телом человека и могут рассматриваться как самостоятельный феномен культуры.

В статье рассматриваются головные украшения (повязки, пластины, венцы, накосные украшения, серьги, височные подвески), нагрудные и шейные украшения (гривны, ожерелья, нагрудники), украшения рук и ног (кольца, браслеты).

Один из разделов темы – накосные украшения – был ранее опубликован [Клюева, Михайлова, 1988]. Поэтому в предлагаемой статье при рассмотрении украшений того или иного народа накосные украшения описываются кратко (чтобы не пострадало представление о целом комплексе украшений), или же приводятся материалы, не вошедшие в первую публикацию.

Источниками для написания статьи послужили этнографическая литература и музейные коллекции (предметные и иллюстративные).

Достаточно трудно сделать краткий обзор литературы, положенной в основу работы. Замечания, касающиеся украшений различных народов Сибири, разбросаны по многочисленным литературным источникам начиная с XVIII в. Укажу главным образом на основные работы, где можно искать и находить сведения по теме исследования.

Краткие замечания об украшениях ненцев, остяков находим в трудах И.Г. Георги, В.Ф. Зуева, П.С. Палласа. Интересная информация об украшениях тунгусов, бурят, якутов содержится в работе Я.И. Линденау. Более многочисленны материалы, относящиеся к XIX в. Интересующей нас тематике определенное внимание уделяли А.Э. Кибер, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Н.В. Слюнин, Л.И. Шренк, В.Л. Серошевский, Р. Маак, В.В. Радлов, и многие другие. Традиция монографического описания этнической культуры (материальной культуры в частности) была продолжена советскими исследователями. Необходимо назвать монографии А.А. По-

пова, Л.В. Хомич, А.В. Смоляк, Е.А. Алексеенко, Г.М. Василевич, Ю.А. Сема, К.М. Патачакова, Н.В. Лукиной. Заметим, что в обобщающих трудах такого рода сведения об украшениях обычно достаточно кратки и часто носят характер констатации наличия украшений того или иного рода. Но в ряде работ (например, в трудах Ю.А. Сема, Н.В. Лукиной) находим не только подробное описание украшений, но и варианты разработки классификаций некоторых их видов.

Как правило, более подробные сведения содержатся в работах узкой тематической направленности, в первую очередь в тех, которые посвящены одежде народов Сибири. В этой связи необходимо отметить серию публикаций Н.Ф. Прытковой, включающую статьи об одежде самодийских и палеоазиатских народов, хантов [1953; 1970; 1976], работы Л.П. Потапова по алтайцам и шорцам [1955], Е.Г. Федоровой по манси [1978]. Особое место занимает исследование Р.Д. Бадмаевой [1987], которая не только сделала наиболее полное и подробное описание украшений бурят, но и провела их систематизацию по полу и социально-возрастным категориям. Очень важно и то, что автором прослежены четкие ареалы распространения тех или иных вариантов украшений, выделены комплексы украшений по всем этнотерриториальным группам бурят.

Целенаправленный интерес для данной работы представляют также немногочисленные публикации по народно-прикладному искусству, в частности по ювелирному делу [Тумахани 1970; Вайнштейн 1974; Зыков 1976; Кочешков 1979].

Чрезвычайно полезные сведения о бытовании украшений находим в работах, касающихся различных аспектов соционормативной и духовной культуры народов Сибири, в которых зачастую содержатся многочисленные, хотя и отрывочные замечания о различных функциях украшений [Вдовин 1977; Грачева 1983; Дьяконова 1986; 1988] и их роли в обрядах жизненного цикла [Семейная обрядность народов Сибири... 1980; Традиционное воспитание детей у народов Сибири... 1988].

Специальных работ по украшениям отдельных народов Сибири крайне мало. Их нетрудно перечислить даже в рамках самого краткого тематического обзора литературы. Три статьи посвящены украшениям якутов [Стрелов 1937; Носов 1951; Дьяконова 1958], одна – украшениям локальной группы бурят [Бадмаева 1974.], одна – украшениям тувинцев [Сат 1984]. Попытки свести воедино, обобщить имеющийся материал по украшениям всех народов Сибири до сих пор не предпринималось.

Краткая характеристика коллекций съемных украшений народов Сибири из Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Санкт-Петербург) содержится в каталоге, подготовленном в процессе работы над темой [Клюева, Михайлова 1988]. Помимо этого собрания, положенного в основу статьи, учтены также коллекции Российского этнографического музея (РЭМ, Санкт-Петербург), Краеведческого музея им. В.А. Обручева (КМ, Республика Бурятия, Кяхта), Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ, Иркутск), Этнографического музея народов Забайкалья (ЭМНЗ, Улан-Удэ), Американского музея естественной истории (АМЕИ, Нью-Йорк), а также сведения из опубликованных каталогов по другим

музеям [Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Томского университета... 1979].

Оба источника – и литературные, и коллекционные материалы – страдают известной фрагментарностью и эффективно могут использоваться только в комплексе, дополняя, поясняя и уточняя друг друга.

Статья состоит из трех разделов. Первый посвящен рассмотрению фактического материала по отдельным народам. Имеющиеся данные излагаются последовательно, по единой схеме. Неравномерность распределения материала первого раздела связана с неравноценной обеспеченностью источниками информации. Достаточно материала по народам Южной Сибири, в частности алтайским этносам. Но основной недостаток этих источников – частое отсутствие четкой локальной привязки видов и вариантов украшений, их комплексов. В максимальной степени этим недостатком страдают материалы по якутам. Мало материала по народам Северной Сибири. Практически отсутствуют материалы по украшениям селькупов и юкагиров. Не всегда представляется возможным или целесообразным охарактеризовать тот или иной вид украшений по каждому отдельному народу. В некоторых случаях общность украшений позволяет ограничиться их характеристикой по определенной группе народов с указанием на локальные этнические особенности. По такой схеме, в частности, изложен имеющийся материал по народам Амурского региона, палеоазиатам Крайнего Северо-Востока Сибири.

Во втором разделе статьи приведена классификация видов съёмных украшений отдельно по каждой выделенной группе, определены этнический и географический ареалы их распространения. Систематизация и типологизация материала позволила в ряде случаев выявить этногенетические связи или говорить об этнокультурных контактах народов Сибири в различные исторические периоды. Кроме того, появилась возможность поставить вопросы генезиса и эволюции отдельных видов украшений.

План изложения и рассмотрения фактических данных в первом и втором разделах работы обусловлен методикой, присущей историко-этнографическим атласам, что и определило первоначальную цель работы. В ином ключе изложен материал третьего раздела. В нем рассматриваются некоторые аспекты функционирования украшений, выявляются их особенности в ряду других явлений культуры, делается попытка дать определение этому культурному феномену.

Хронологические рамки работы укладываются в период с середины XIX в. до 30–40-х годов XX в. Эти временные границы определяются, с одной стороны, датировкой основного корпуса источников (литературных, предметных, иллюстративных) и, с другой стороны, временем широкого бытования рассматриваемых украшений. В некоторых случаях, как, например, при обозначении проблем, связанных с выявлением генезиса тех или иных видов или типов украшений, их эволюции, привлекается соответственно более ранний материал (в отдельных случаях вплоть до археологического) или, с поправкой на современность, более поздний.

I

Ненцы. Традиционной прической ненцев были косы. У И.Г. Георги есть сведения о том, что в отличие от замужних женщин «девки <...> носят по три косы, висящие на спине» [Георги 1799, ч. 1. с. 72; ч. III. с. 9.]. Как женщины, так и мужчины носили две косы. Однако в конце XIX–начале XX в. в связи с постепенным разрушением традиционной культуры или под влиянием русской культуры мужчины стали стричь волосы «в кружок». В то же время, по свидетельству Л.В. Хомич, и в 50-е годы XX в. мужчины у восточных ненцев иногда немного отращивали волосы и заплетали их в две тугие косички, обматывая их затем полоской сукна или шерсти [Хомич 1958, с. 122–123]. Повседневная прическа женщин – также две косы, часто обмотанные шнуром (Ф. МАЭ. № 2196–12; № 2421–166; буквой «Ф» здесь помечены номера иллюстративных коллекций МАЭ, чтобы отличить их от номеров коллекций предметных).

Более сложной женской прической и одновременно накосным украшением были так называемые ложные косы *та'не*, которые начинали носить довольно рано, иногда с 6–7 лет [Хомич 1958, с. 130–131]. На протяжении жизни женщины характер этого украшения-прически не менялся: на затылке располагалась овальная пластина, обтянутая красным сукном, украшенная несколькими крупными медными пуговицами и плотно зашитая бисером. От пластины с двух сторон на спину спускались два длинных толстых жгута из волос, переплетенных с тесемками и сверху плотно спирально обмотанных шерстяным шнуром, с треугольными лопастями на концах. Все сооружение обильно украшалось низками бус и бисера, металлических цепочками, медными ажурными подвесками, бляхами, кольцами. Жгуты обязательно соединялись между собой несколькими низками бус и цепочками. «Косы» свисали ниже талии и обычно заправлялись за пояс верхней одежды. В Малоземельской и западной части Большеземельской тундры *та'не* прикреплялись к мягкой, в виде венца, повязке *судор'* (*сэдор'*). Она состояла из трех полос сукна. Одна из полос охватывала лоб и затылок, а две другие прикреплялись к ней и перекрещивались на макушке. Сукно украшалось фарфоровым бисером [Там же, с. 131]. Н.Ф. Прыткова описала головной венец иного рода, привезенный с острова Вайгач и, вероятно, имевший распространение среди ненцев западных тундр и Ямала. Он представляет собой мягкий суконный ободок, соединенный от лба к затылку полоской-лямкой. Над ушами с двух сторон прикреплена бахрома из нарезанного полосками сукна. Украшен венец узкими полосками цветных сукон (РЭМ, № 1503–18) [Прыткова 1970, с. 1–99]. В этих районах были распространены другие венцы – металлические ободки с крестовиной из цепочек [Там же, с. 48].

Широко бытовали серьги *хаво'ня* (*хаёня*), сделанные из кожаного ремешка с нанизанными на него бляшками, пуговицами, крупным бисером [Хомич 1958, с. 131]. В коллекциях РЭМ ненецкие серьги представляют собой ремешок с петлей на одном конце и колечком на другом. На ремешок, вдеваемый в ухо, нанизаны зеленый бисер и белые бусины (№ 791–18).

В другой паре серег зеленая бусина, нанизанная на ремешок, вдевается в ухо с помощью медного крючка (№ 791–19). Серьги из разноцветного бисера, нанизанного на нитку, носили и лесные ненцы. Нитка вдевалась в отверстие на мочке уха и завязывалась (РЭМ, № 10252–131/2). Встречались у ненцев серьги из нескольких цепочек, часто разного плетения (РЭМ, № 1503–16 а, в; МАЭ, № 979–32/2). С удовольствием женщины носили и привозные серьги, в частности русского производства, а также серьги местного производства, сделанные в подражание русским.

Ханты, манси. Женщины и девушки у хантов и манси носили, как правило, двухкосную прическу. Есть упоминание и о многокосной девичьей прическе: «Девки заплетают волосы в несколько кос и головы ничем не покрывают» [Георги 1799, ч. 1, с. 72]. Мужчины стригли волосы более или менее коротко, а длинные волосы казымские и обдорские ханты заплетали в две косы. Вероятно, у различных этнотерриториальных групп были локальные варианты причесок. Своеобразные мужские прически описал М.Б. Шатилов: «В верхнем плесе господствуют своеобразные местные прически: так, иногда стрижется передняя часть головы, до макушки, и оставляются очень длинные волосы сзади, или же подстригаются волосы кругом снизу вверх и оставляются более или менее длинные волосы в верхней части головы, и, наконец, совсем не стригут волосы, причем в таком случае волосы свободно падают на плечи» [Шатилов 1931, с. 162].

По накосным украшениям выделяются два ареала бытования: северный и южный. Интересными, с особенностями, были прически и накосные украшения восточных хантов. Возможно, подобные сведения о них стали известны благодаря тщательному изучению этой группы хантов.

Женщины северных хантов и манси, как и ненки, носили ложные косы. У казымских хантов эта прическа-украшение считалась девичьей, а в 50-е годы XX в. ложные косы носили уже только девочки. У обдорских хантов ложные косы носили женщины всех возрастных категорий. Ложные косы носили и мужчины, причем у казымских хантов такая прическа сохранялась до 30-х годов XX столетия [Прыткова 1953, с. 206].

Часть украшения – пластина *эх тэс* (хант.), располагавшаяся на затылке между косами, обтягивалась красным сукном, расшивалась бисером и медными пуговицами (число их обычно различалось у женского и мужского украшений). Ложные женские косы удлиняли естественные почти до колен. Напротив, мужские косы становились короче, т.к. пучок волос по длине складывался, а затем обматывался шнуром красного или синего цвета. Из конца обмотки торчал толстый пучок сложенных волос. Женские ложные косы примерно на уровне длины натуральных кос обязательно соединялись украшенной перемычкой. Развязанные, несоединенные косы служили знаком траура [Соколова 1975, с. 169]. Женские ложные косы, кроме того, украшались по всей длине различными подвесками, цепочками, низками бус и бисера. Среди других к ним обязательно подшивались медные или латунные ажурные бляхи круглой или ромбовидной формы. Такие подвески были широко распространены и у ненцев, и у нганасан. В зависимости от величины они употреблялись как деталь других

украшений. Крупные шли на подвески к косам и зимним шапкам, мелкие – на подвески к ушам [Шухов 1916, с. 49].

В литературе высказывалось мнение, что ложные косы северных хантов и манси были заимствованы у ямальских ненцев. При этом отмечалось, что у обдорских хантов сохранились и ненецкие термины для обозначения частей этой прически-украшения: затылочная пластина *эх пудар* (хант.) и *пудар* (нен.) [Прыткова 1953, с. 206]. Как более ранние и, видимо, доненецкие Н.Ф. Прыткова рассматривала украшения XVIII в., весьма неопределенное описание которых содержится у В.Ф. Зуева и П.С. Палласа. Это было нечто вроде повязки с длинными свисающими сзади концами, украшенными медными подвесками в виде фигурок рыб, «коньков» и пр. [Зуев 1947, с. 27]. Говорилось также о «покромках» из сукна, длиной до колен, которые привязывались к косам [Паллас 1788, с. 52]. На наш взгляд, здесь речь идет все же о тех же ложных косах. П.С. Паллас, кроме того, отмечал обычай носить эти «поясы с нарядом» на специальном венчике из сукна в том случае, если своих волос было мало [Там же]. Именно таким образом, прикрепляя к специальному наголовному валику, носили ложные косы остячки, если натуральные косы были уничтожены паршой, что не было редкостью.

Женщины южных хантов и манси украшали косы подвесками и лентами из бисера, нашитого на ткань или нанизанного в виде ажурных сеток. Эти украшения вплетались в косу с помощью шнурка и висели ниже кончиков кос в виде кистей. Бытовали у южных угров и косники, близкие по форме кетским, – в виде узкой расшитой бисером ленты с бисерными же кистями на концах. Средняя часть косника помещалась на затылке, затем два конца вплетались в косы, а кисти свисали ниже кончиков кос (рис. 1).

У восточных хантов женщины вплетали в концы кос косоплетки и ленты, соединяющие косы. Косоплетки заканчивались тремя низками бисера и старинными бронзовыми жетонами [Лукина 1985, с. 61].

Из головных украшений следует отметить налобные повязки *саравать*, которые носили южные ханты: и женщины, и девушки. Повязка представляла собой узкую полоску ткани или холста с тесемками по бокам, которые завязывались на затылке. К лобной части прикреплялась полоска поднизи из цветного бисера с геометрическим орнаментом, шириной около 6 см (МАЭ, № 581–4, 1965–12, 2417–3). Эта часть украшения, спускавшаяся на лоб, была видна из-под накинутаго на голову платка. У манси в прошлом, как отмечает Е.Г. Федорова, существовало и назатыльное женское украшение, сходное с назатыльным украшением марийцев [Федорова 1978, с. 105–106].

Об ушных украшениях хантов и манси приведем следующие сведения. Судя по литературным источникам, бытовали они весьма широко. Покупные и самодельные серьги носили женщины и девушки, причем на Агане носили одну серьгу в левом ухе [Лукина 1985, с. 62]. Единственное замечание о достаточно ранних формах хантыйских серег, относящееся к XVIII в., принадлежит А.И. Андрееву: «А в ушах серьги серебряные и медные большие» [Прыткова 1953, с. 207]. Позднее в литературе неоднократно упоминались серьги в виде длинных, спускающихся на плечи бисерных низок с

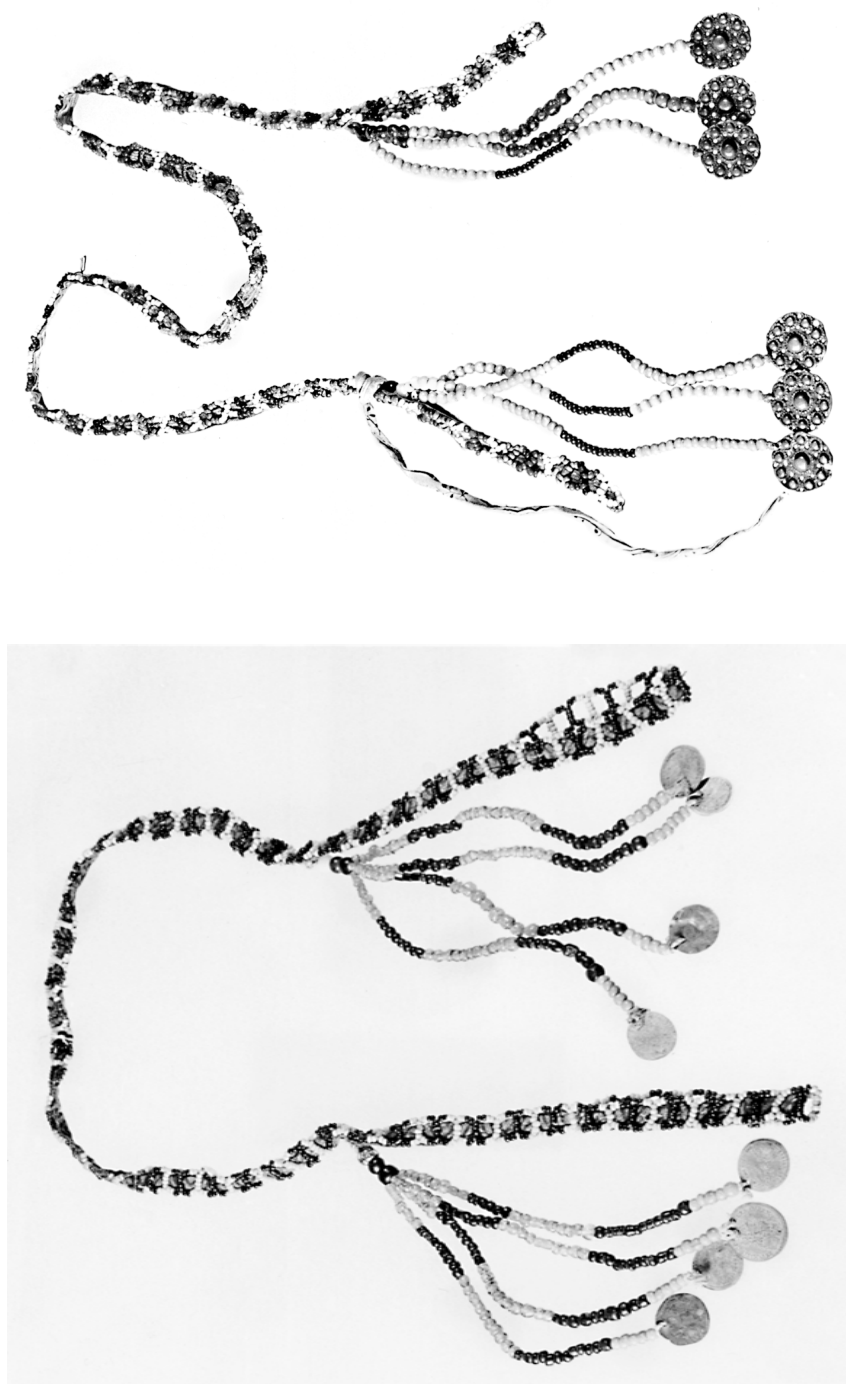

Рис. 1. Накосные украшения. Ханты (МАЭ № 51 1-140, МАЭ № 5093-7).

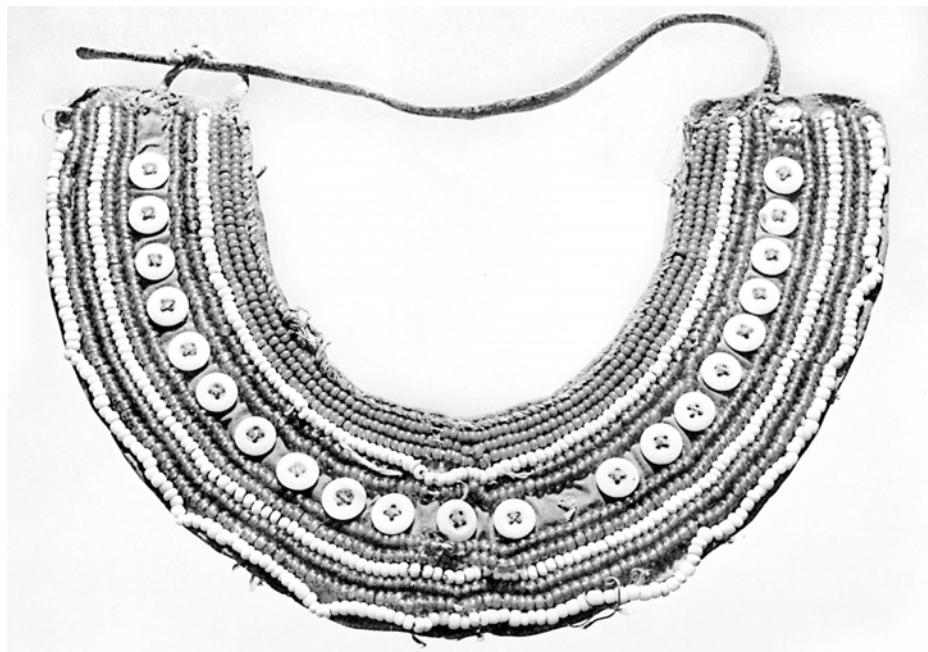

Рис. 2. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № 5093–5.

жетонами на концах. В мочку уха они вдевались с помощью металлического крючка. У северных хантов серьги часто соединялись между собой цепочкой или низкой цветного бисера, свисающей на грудь (МАЭ, № 5093–11 – ханты, р. Нарым). Широко распространены были медные покупные кольцеобразные серьги [Малиев 1872, с. 8].

Своеобразен набор нагрудных украшений хантов и манси. Основной материал для их изготовления – бисер, которым или плотно зашивалась ткань основы, или он нанизывался на сухожильные нити в виде ажурной сетки. В меньшей степени использовались металлические детали. В основном это были жетоны и монеты, а также колокольчики, наперстки, пуговицы, подвешенные к кончикам кисточек, бахромы на нижнем крае украшения. Обращает на себя внимание тот факт, что основной материал и приемы изготовления наушных украшений совпадал с материалом и приемами изготовления накосных украшений хантов и манси южного ареала расселения.

Специфические нагрудные украшения хантов и манси достаточно подробно рассмотрены в работах Н.Ф. Прытковой «Одежды хантов» и Н.В. Лукиной «Формирование материальной культуры хантов». В последней работе выделены два типа и в каждом из них два варианта шейно-нагрудных украшений восточных хантов. Эта классификация и использована в настоящей статье для описания шейно-нагрудных украшений обских угров.

Первый тип украшений представляет собой полукруглый или серповидный кусок плотной ткани или ровдуги, зашитый плотными рядами бисера, пуговиц, повторяющими форму основы, к концам украшения пришиты завязки. Украшение располагается вокруг шеи и закрывает верхнюю часть груди (рис. 2).

Описывая украшения такого типа, Н.В. Лукина добавляет, что от «нижнего края украшения отходит ажурная сетка из снизок бисера с крупными бусами в местах перекрещивания» [Лукина 1985, с. 231]. В экземпляре, принадлежащем МАЭ (№ 5093–5), сетки нет.

Такой тип шейно-нагрудных украшений бытовал у васюганско-ваховских хантов. У сургутских хантов Н.В. Лукина отмечает другой вариант этого же украшения, трактуемый ею как развитие уже описанного типа. Оба варианта имеют одинаковую форму, но у сургутских хантов бисер не нашивался на основу, а нанизывался в виде ажурной сетки [Там же]. Подобные украшения были распространены также на Казыме по названию *саппыл'лак* – «шеее кольцо» [Прыткова 1953, с. 208]. В целом описанный тип украшений в двух его вариантах был характерен для восточных хантов, хотя распространен был шире – у северных хантов, а также у северных манси.

Второй тип шейно-нагрудных украшений имел совершенно иную форму. В своей основе это была узкая полоска ткани (длиной 90–140 см), перекинутая через шею так, что концы украшения свободно свисали на грудь (рис. 3).

Рис. 3. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № И-1457–32.

Первый вариант этого типа украшения – то, что в литературе обычно называют «воротником» (у южных хантов – *рох*). Это двухслойная полоса материи (нижний слой из холста, верхний – из сукна темного цвета, как правило черного). Полоса расшита цветным бисером, орнамент геометрический. Свободной или менее плотно расшитой остается только самая середина полосы, приходящаяся на шею сзади. Концы полосы обязательно акцентировались, обычно рядом крупных бусин. Это и есть «стоячий воротник». К его концам с изнанки пришивались лопасти из ажурной бисерной сетки. Они могли быть шире или уже «воротника», но обе части украшения – «воротник» и лопасти – четко отделялись друг от друга (МАЭ, № 581–2, 1965–10, 2709–8) (рис. 3). Такой вариант украшения имел широкое распространение у южной группы хантов. В восточно-хантыйских и северо-хантыйских украшениях этого рода часто использовались металлические монеты, бляшки, которые «вписывались» в бисерные орнаменты (МАЭ, № 859–23). У казымских хантов широкие ажурные лопасти примечались в середине и по краям изделия к плотным кускам кожи, образующим изнанку. Для того чтобы лопасти сохраняли форму, к кожаной изнанке часто прикреплялось еще дополнительно несколько палочек-распорок (МАЭ, № 2385–75/2).

Второй вариант отличался от первого отсутствием плотного стоячего «воротничка». Это полоса ткани, плотно расшитая бисером (свободной оставалась только околошейная часть), к концам которой прикреплялись бисерные ажурные лопасти, иногда также наложенные на подкладку из ткани. В середине длины и на концах лопасти соединялись между собой узкими бисерными сетками-перемычками (МАЭ, № 2417–4), а также часто украшались свободно свисающими по бокам узкими бисерными сетками, низками бусин с кисточками или металлическими жетонами на концах (МАЭ, № 823–2). Некоторые экземпляры имеют внизу широкую бисерную сетку, соединяющую концы украшения так, что получается род прямоугольного нагрудника (МАЭ, № 1965–11) (рис. 4).

Украшения такой формы зафиксированы у нижнесосьвинских манси под названием *mal'soups*. Оно состоит из двух деталей: охватывающей шею узкой суконной расшитой бисером полосы на подкладке из хлопчатобумажной материи и пристегивающегося к ее концам прямоугольного куска сукна в виде нагрудника. Этот нагрудник покрыт ажурной бисерной сеткой и имеет разрез посередине, края которого соединяются при помощи петли и пуговицы [Федорова 1978, с. 205].

У сургутских хантов для украшения поверхности лопастей, спускающихся на грудь, использовались оловянные бляшки в виде четырех, соединенных между собой окружностей. Этими бляшками заполняли центральную часть полос, по краям окаймляя их бисером. Сбоку к полосам прикреплялись по две длинные низки цветного бисера и бусин с металлическими круглыми подвесками и концентрическими выпуклыми окружностями на концах (МАЭ, № 859–24).

К перемычке, соединяющей нагрудные лопасти украшения, на определенном историческом этапе стали прикреплять металлический православный крест, после чего украшение получило название *пэрна пыңэт* – «крест-

Рис. 4. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № 1965–11.

ожерелье». Оба варианта украшения (*рох* и *пэрна пыңэт* (хант.), *палсак и турлопс* (манс.)) носили одновременно, причем *пэрна пыңэт* надевались поверх *рох* (МАЭ, опись коллекции № 581).

У хантов существовало также украшение в виде двух узких полосок бисерной сетки. Верхние концы этих полосок связывались, а нижние свободно свисали на грудь (МАЭ, № 2383–80 а, в).

По материалам Н.В. Лукиной, у восточных хантов была и нагрудная перевязь: «Женщины на Васюгане носили поверх платья еще какое-то украшение в виде полосы с нанизанными пуговицами и бляшками, проходящей по верхней части груди наискось от левого плеча под правую руку (известно по фотографиям)» [Лукина 1985, с. 232].

Описанные нагрудные украшения часто дополнялись несколькими низками бус разной величины и цвета. Бытовали также ожерелья из металлических колокольчиков, крестиков и др. [Шухов 1916, с. 49].

Своеобразные виды нагрудных украшений южных хантов исчезли вместе со старинной одеждой в 20-е годы XX столетия. Только у казымских хантов продолжало бытовать полукруглое бисерное украшение *сапыл'лак* [Прыткова 1953, с. 208]. Напротив, манси, по сведениям Е.Г. Федоровой, традиции изготовления *палсак* и *турлопс* сохранили до наших дней [Федорова, 1988, с. 88–95].

Предположительно у народов Западной Сибири можно выделить еще один тип шейно-нагрудных украшений, отличный от вышеописанных. Это металлическая серповидная пластина с простым штампованным орнаментом (МАЭ, № 5542–51). В коллекциях Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета имеется более сложный вариант этого украшения. В описи этническая принадлежность этого украшения зафиксирована как «нарымские остяки», т.е. оно могло принадлежать хантам или селькупам. «Медная узкая пластинка в виде дуги (длина 11 см) имеет продольный вырез и украшена штампованным орнаментом: точками, полосами, полукружьями. На нижней стороне пластинки – девять ушек. К ним прикреплены пять круглых бляшек (диаметром 2,5 см) из матового металла в виде розеток. К двум крайним блям подвешены на больших ушках еще две одинаковые бляхи (диаметром 2,8 см) с изображением животного (лошади или дракона). По наружному краю они украшены лапчатыми зубцами. К центральной из пяти блях подвешена медная пластина (диаметр 3 см) в виде штурвала, с лицевой стороны украшенная отходящими от центра лучами» [Каталог этнографических коллекций... 1979, с. 281].

Излюбленным украшением рук были кольца. Мужчины и женщины носили простые гладкие кольца из меди, реже олова (МАЭ, № 5542–106, 114; РЭМ, № 1708–58/5). Встречались также несложной работы перстни со вставками из перламутра, стекла, кольца-печатки (РЭМ, № 1708–59/4, 60, 61, 62 – из погребений). Кольца и перстни были покупными и самодельными.

Хантыйские женщины носили кольца на всех пальцах рук, плотно нанизывая их до первого сустава (рис. 5). [Прыткова 1953, с. 208.] У восточных хантов девушки и женщины носили кольца на указательном, сред-

нем и безымянном пальцах, обычно надевая по несколько штук на один палец. Предпочтение отдавалось простым гладким кольцам из серебра или белых сплавов [Лукина 1985, с. 63]. Так же носили кольца манси. Общее количество колец на пальцах могло достигать 20–25 штук [Шухов 1915, с. 49]. Этот способ ношения колец может быть связан с бытованием спиральных перстней, которые существовали на территории западной части Волго-Обского междуречья со второй половины 1-го тысячелетия н. э. [Розенфельд 1982, с. 91–93].

Рис. 5. Женщина. Ханты. МАЭ № 2421–127.

Другая группа наручных украшений – браслеты – представлена только одним видом. Это детские браслетики в виде замкнутой низки бисера, бусин или полоски, сплетенной из бисера [Лукина 1985, с. 63]. Такие браслетики-обереги надевали на руку новорожденного ребенка [Федорова, 1988, с. 85].

Кеты, селькупы. У кетов девочкам и мальчикам до 8–10 лет волос не заплетали. С распущенными волосами ходили вдовы, вдовцы и глубокие старики. После достижения указанного возраста и девочкам и мальчикам заплетали волосы в одну косу, а позже (предположительно – в качестве определенного дополнительного возрастного знака) в косу вплеталось украшение *думс'ут* [Алексеев 1988, с. 23]. Это узкая ровдужная полоска с пуговицей на верхнем конце, который вплетался в косу. Нижний конец полоски представлял собой кисточку из трех ремешков, на которые нанизывались бисер, бусы, металлические трубочки-пронизки. Кисточка косника висела ниже кончика косы. *Думс'ут* по форме похож на обереги/подвески, которые прикреплялись на спинку детской одежды [Там же, с. 21]. Замужние женщины носили двухкосную прическу и соответствующее ей украшение *тыдан*. Оно представляло собой длинную полосу материи или ровдуги, более широкую в средней части и суживающуюся к концам. Средняя широкая часть, украшенная бисерным орнаментом, располагалась на затылке между косами. Далее концы вплетались в косы. У концов кос украшение соединялось перемычкой, также украшенной бисером. Ниже концов кос висели бисерные кисточки с металлическими кольцами на концах [Алексеев 1967, с. 149–150].

Замужние селькупки носили две косы, но никаких украшений на них не было. Девушки вплетали в косы цветные лоскутки, к концам привязывали бляхи, бусы, бубенчики [Народы Сибири... 1956. с. 676].

В коллекциях РЭМ и МАЭ нет материалов по другим группам украшений кетов и селькупов. Е.А. Алексеев отмечает, что кеты носили покупные серьги и кольца, но большого распространения они, так же, вероятно, как и другие украшения, не имели в виду бедности народа [Алексеев 1967, с. 150]. Мужчины-селькупы иногда носили в ушах одну-две серьги [Народы Сибири... 1956. с. 676] Кетские мальчики при необходимости в качестве оберега носили одну серьгу [Алексеев 1967, с. 150].

Нганасаны, энцы. Мужчины и женщины носили две косы. Но у женщин двухкосная прическа была более сложной: две пары дополнительных маленьких косичек заплетались на лбу у начала пробора и у верхнего края ушей, а затем вплетались в основную косу [Попов 1958б, с. 117]. Металлические подвески *кубын*, прикрепляемые к косам, были одинаковы у мужчин и женщин. Это распространенные по всей Западной Сибири бронзовые ажурные с рельефным рисунком бляхи круглой и ромбовидной формы. Женщины украшали косы и подвесками из медных пуговиц, вдеваемых в косу в двух-трех местах. К ушку пуговиц на ремешке подвешивались медные пластинки с прорезями, мелкие серебряные монеты. Подвесками могли служить отдельные бусины и разнообразные случайные предметы, понравившиеся женщине [Там же].

Данных о прическах энцев в литературе не было обнаружено. Видимо, для женщин была характерна обмотка волос по типу ненецкой (Ф. № 1210–33), а мужчины стриглись коротко.

У нганасан бытовало специальное девичье наголовное украшение *сай-миди*, [Прыткова 1970, с. 82], которое символизировало достижение совершеннолетия. Это украшение вместе с нарядной одеждой из красных, черных и белых сукон и шапкой с высоким султаном одевалось на праздник «Чистого чума», на свадьбу, а также входило в комплекс погребальной одежды. Оно представляло собой венец из украшенной гравировкой узкой медной пластинки, которая закреплялась на затылке короткими ровдужными ремешками. Лобная часть украшалась полоской ровдуги, прикрепленной изнутри к обручу, с бисерной вышивкой на выступающей из-под венца части. У висков подвешивались два медных кольца с прикрепленными к ним несколькими низками бус и парой медных серповидных пластинок. Несколько низок бус соединяли кольца между собой и спускались на спину, другие свободно свисали на грудь. Медные пластины ровдужными ремешками закреплялись под подбородком. Венец мог быть также обтянут сукном или ровдугой, расшитой несколькими рядами бисера. В качестве височных подвесок широко использовались медные ажурные пластины различной формы, подвешенные на ровдужных ремешках [Попов 1958б, табл. 34–35]. Иногда височные подвески делались из полосок окрашенной в красный цвет ровдуги, обшитой по краям белым подшейным оленьим волосом. В этом случае по всей длине подвесок прикреплялся ряд медных выпуклых пуговиц «с орлами», ушки которых на изнанке закреплялись продетым в них ровдужным ремешком. Нижние концы полосок завершались тонкими ровдужными ремешками с нанизанными на них бусинами и медными подвесками (МАЭ, № 6628–10–12).

Энецкие головные украшения этого вида аналогичны нганасанским. Один из энецких венцов имеет подвески в виде цепочек, замкнутыми дугами свисающих на спину и на грудь (МАЭ, № 4920–3) (рис. 6). Помимо металлических венцов у нганасан были и венцы из кожи [Прыткова 1970, с. 82].

Сведения об ушных украшениях нганасан и энцев отсутствуют. В РЭМ имеется единственный экземпляр ушной подвески, принадлежавшей вадевским самоедам (нганасанам или энцам), в виде маленькой бочкообразной трубочки-пронизки из кости (РЭМ, № 1360–13).

У нганасан и энцев было два основных вида шейно-нагрудных украшений.

Первый вид в коллекциях МАЭ представлен несколькими предметами. Это *сими (сейми)* – небольшое украшение (примерно 5 х 6 см) близкой к полуовалу формы. Основа из ровдуги, на которую нашит такой же по размеру кусочек красного сукна, украшенный concentрическими рядами разноцветного бисера и медных цепочек. Центральная часть украшения свободна от бисера. Здесь пришита круглая металлическая пластина с двумя ушками. Украшение носится на шее на двух ровдужных ремешках (№ 6628–3).

Подробные сведения о характере этого украшения приводит Г.Н. Грачева. Она отмечает, что нганасаны обоего пола, но чаще женщины носили на шее украшение в виде небольшого мешочка или мешочка, зашитого со всех сторон и расшитого разноцветным бисером. В центре его обычно при-

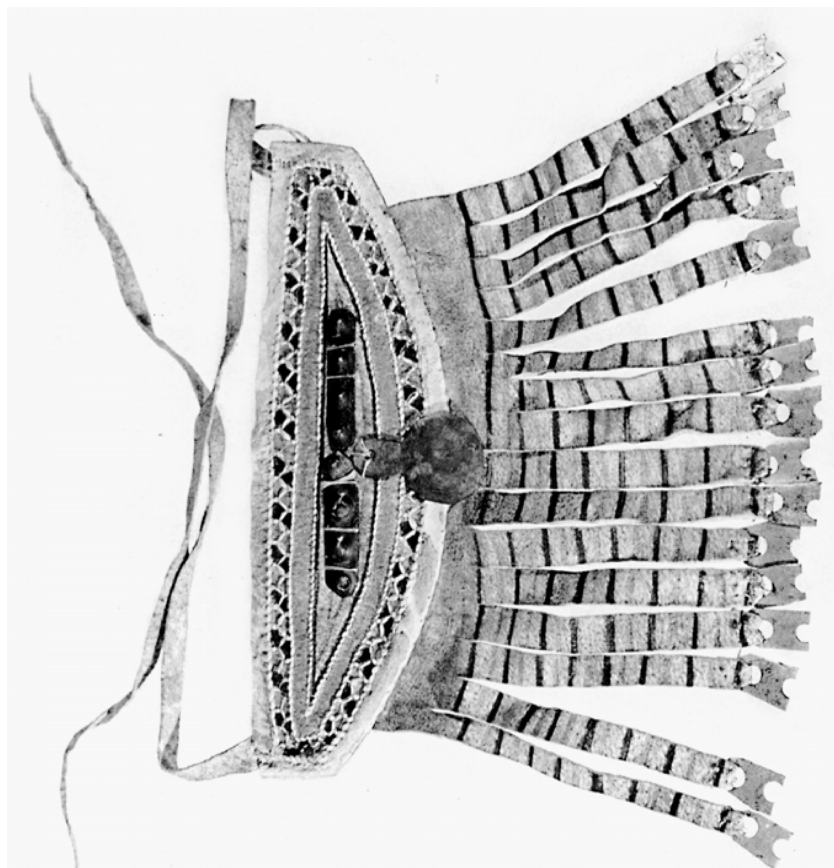

Рис. 7. Нагрудное украшение. Нганасаны.
МАЭ № 6365-11.

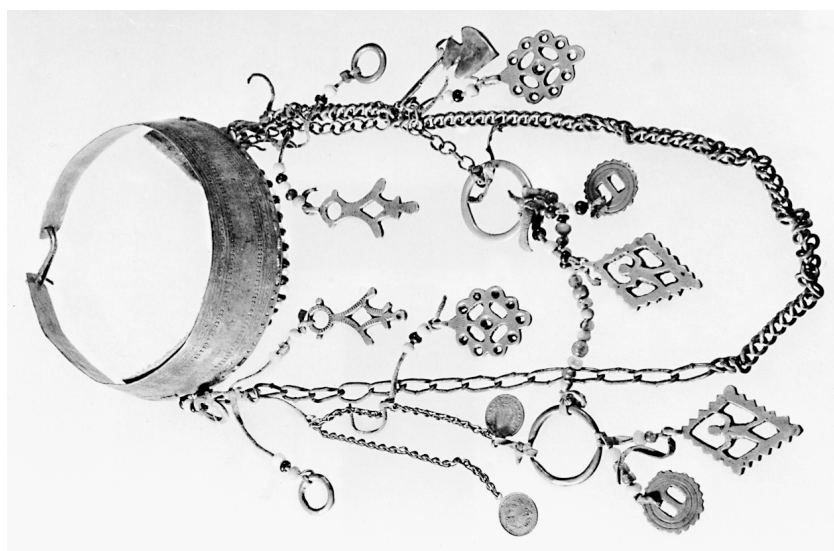

Рис. 6. Венец. Эвцы. МАЭ № 4920-3.

шивали или граненый камешек от современного кулона, или красивую пуговицу, или другой округлый блестящий предмет. Это украшение, весьма древнего происхождения, встречается и поныне. К сообщению А.Ф. Миддендорфа о том, что один из нганасан, посетивших его, носил на ремне, завязанном вокруг шеи «крошечный мешочек, наполненный золою особого рода», Г.Н. Грачева добавляет, что, вероятно, это была зола очага чума [Грачева 1976, с. 65]. Несколько украшений подобного рода привез в МАЭ А.А. Попов (МАЭ, № 5657–468–473). Он называл их «амулетами духа огня» (*сими* – «уголь»). У него же находим замечание, что «койка огня» делали из раздвоенного сучка дерева [Попов 1984, с. 68]. Вероятно, об этом же амулете речь идет, когда А.А. Попов описывает амулет из веточки тальника, сорванной весной, обугленной и зашитой в «маленькую сумочку из кожи, украшенную шитьем из подшейного оленьего волоса и бисера» [Там же, с. 62]. *Сими* или *тусе* (энецкое «огня сердце») обязательно надевали на покойника, чтобы он не заблудился по дороге в землю мертвых. Вместо этого употребляли также *дялы* («солнце-койка» или «день/свет-койка») – металлическую круглую подвеску или металлическое зеркало [Грачева 1977, с. 222, 225]. *Дялы* надевали на шею или пришивали к погребальной одежде мужчинам, женщинам и детям. С этой же целью на пальцы старались одеть побольше металлических колец. Считалось, что металлические украшения освещают дорогу. Чем больше их, тем легче идти [Грачева 1976, с. 65].

Близкую к *сими* форму имеет другое женское нагрудное украшение несколько больших размеров, сделанное из оленьей шкуры мехом внутрь (МАЭ, № 6356–11) (рис. 7). К нижнему краю этого украшения пришит кусок ровдуги, нарезанный в виде бахромы с металлическими подвесками на концах. В середине полуовала пришиты две медные пластинки с четырьмя выпуклостями каждая и медная подвеска, по форме напоминающая теннисную ракетку. Все это заключено в рамку из черных и красных линий и декоративного шва подшейным оленьим волосом. Ровдуга окрашена в красный цвет, а медные нашивки обшиты строчкой и обведены графитом. На бахрому нанесены красные и черные поперечные полосы. Это украшение по своей форме, а также по расположению декоративных деталей имеет много общего со следующим видом нганасанских нагрудных украшений.

Второй вид представляет собой серповидную металлическую (обычно медную) пластину, такую же, как пришивалась на нагрудную часть женского ровдужного комбинезона.

У энцев это нагрудное украшение *деридэку* в виде медного орнаментированного штампованным рисунком полумесяца *бэко*. Под металл подложен кусочек оленьей шкуры мехом внутрь («чтобы не мерзла шея», как сказано в описи). На нижнем краю шкуры на жильных нитях с нанизанными бусинами семь медных подвесок различной формы (МАЭ, № 4920–4) (рис. 8). Это украшение женщины одевали на праздник «Чистого чума», в день свадьбы; в нем же их хоронили.

Серповидные пластинки входили как составная часть и в ожерелья. Вместе с ними на ремешок нанизывались колокольчики, пуговицы, бусины и другие предметы (МАЭ, № 1347–96/5). Такие ожерелья обычно носили на шее дети [Грачева 1989, с. 49].

Руки украшали простыми металлическими кольцами и браслетами. У энцев встречались браслеты из латунной пластины в форме вытянутого овала с прорезанной в средней части горизонтальной щелью. Края украшались простой гравировкой, насечкой (МАЭ, № 5703–8, 9).

Эвенки, эвены. Мужчины обычно стриглись коротко, но порой отращивали длинные волосы и тогда завязывали их на затылке. Все забайкальские эвенки плотно обматывали пучок волос орнаментированной ровдужной лентой или тесьмой [Василевич 1969, с. 135]. Сведения о женских прическах и накосных украшениях скудны и весьма неопределенны. Вагнер сообщал: «Они имеют красивые длинные волосы, которые лица обоего пола не сплетая связывают близко к голове. Богачи, т.е. те, которые владеют многими животными, поверх ленты для волос, сделанной из оленьих жил, повязывают низку раскрашенных бус. Над ушами волосы висят во всю длину, они их не завязывают как венгры в узлы, а заплетают их бусами, так что они похожи на серьги» [Зиннер 1968, с. 229]. Бэлл описывает женскую прическу следующим образом: «Их длинные черные волосы заплетены и уложены вокруг головы» [Там же, с. 53]. Видимо, у разных групп эвенков прически различались. Известно, например, что у забайкальских скотоводов девушки заплетали волосы во множество косичек, а женщины – в две. Наиболее распространенной женской прической была двухкосная. Косник для двух кос представлял собой прямоугольный кусок кожи, плотно зашитый бисерным дугообразным орнаментом. Такой косник имел вид довольно широкой и короткой, вертикально висящей ленты. Нижний торец ленты был украшен бахромой с металлическими подвесками или кисточками из лоскутков ткани. К верхним углам пришивались тесемки, вплетавшиеся в косы. У девушек бытовали косники в виде кистей из низок бус, соединенных медными кольцами. Верхний конец такого косника с помощью кожаной тесемки вплетался в косу.

Головные украшения представлены венцом и девичьей повязкой, которые являлись частью ритуального костюма. Венец (*элдэн, шэргами*) представлял собой охватывающую голову полоску ровдуги, к которой пришивались перекрещивающиеся и завязывающиеся под косой на затылке дополнительные полоски, так же, как и основная, плотно зашитые бисером. На висках к венцу прикреплялись петлей ровдужные ремешки с нанизанным на них крупным литым бисером [Василевич 1969, с. 140]. Такие же височные подвески имела и головная девичья повязка (*дэрбэки* – забайк., верхнеамурск.), отличавшаяся от венца отсутствием завязывающихся на затылке перекладин. Она также делалась из узкой полосы ровдуги, плотно зашитой бисером. К лобной части прикреплялись металлические литые подвески (МАЭ, № 27–23) (рис. 9). У эвенков-орочонов *дэрбэки* делалась также из хлопчатобумажной ткани, бархата, украшалась бисером, мелкими пуговицами, металлическими бляшками (МАЭ, № 1783–3, 2649–36).

В коллекциях по эвенкам имеются серьги двух типов. Первый (*шека, шекан*) представляет собой ровдужный ремешок с нанизанным на него бисером и бусинами, с подвесками из жетонов и монет внизу. В ухо продевался верхний конец ремешка (РЭМ, № 1210–76, 4871–188 а/2, в/2). Иногда

Рис. 8. Нагрудное украшение. Энцы. МАЭ № 4920-4.

Рис. 9. Головная повязка. Эвенки. МАЭ № 27-23.

ремешок заменялся жильной ниткой, которая также продевалась в ухо и завязывалась кольцом (РЭМ, 4871–190/2).

Второй тип – заимствованные, видимо, у якутов серьги из металла в виде кольца, часто с гравировкой, и якутского типа подвесками (МАЭ, № 5530–191, 122; РЭМ, № 853–6а, в).

У эвенов также были подвески из бусин, нанизанных на ремешок (МАЭ, № 445–13) (рис. 10) и заимствованные серьги, напоминающие серьги народностей Амура, в виде проволочного кольца, один конец которого отогнут вниз и на него нанизана бусина. Под бусиной проволочка согнута петлей и обмотана спирально вокруг основания. Сделаны такие серьги очень грубо (МАЭ, № 445–11).

Несколько коллекционных предметов относятся к эвенкам-орочонам. Это уже описанные выше ушные подвески из тонких ровдужных ремешков с бусинами, пуговицами, монетами или жетонами на концах (МАЭ, № 1855–44/2, 46/2, 47). Часто монета заменялась подвеской от якутской серьги (МАЭ, № 1854–138; 1855–45). В некоторых случаях ремешок заменялся грубо сделанным из металлической проволоки ушком в виде петли, вопросительного знака, s-образной формы (МАЭ, № 1854–136; 1855–48). Изогнутая кольцом проволока сама по себе могла служить серьгой (МАЭ, № 1854–48).

Небольшую сережку в ухе носили мужчины, страдавшие головной болью [Линденау 1981, с. 56].

Сведения о шейно-нагрудных украшениях тунгусов очень скудны. Помимо субъективных факторов это, вероятно, связано с тем, что сложных специальных украшений, отдельных от нагрудника, уже не существовало. Их заменила украшенная верхняя часть нагрудника, которую Г.М. Василевич рассматривала как пережиток древнего металлического нагрудного украшения, подвешивающегося когда-то к шее [Василевич 1969, с. 134].

В коллекциях МАЭ есть несколько экземпляров тунгусских нагрудных подвесок. Одна из них представляет собой ровдужный ремешок, на который нанизаны крупные разноцветные стеклянные бусины. Посередине низки подвешена чуть выпуклая крупная медная бляха (МАЭ, № 445–7, 8 – эвены). К другому аналогичному украшению на отдельном ремешке прикреплена еще и кисточка. У основания кисточки – крупная граненая бусина, а сама кисточка сделана из нарезанного полосками и обшитого красной тканью ровдужного ремешка с мелкими черными и красными бусинами на концах (МАЭ, № 445–8) (рис. 11). Очень архаично выглядит ожерелье из ровдужного ремешка, на который по всей длине нашиты (как бы нанизаны трубочками) чередующиеся кусочки кожи и ровдуги темного и светлого цвета. На ремешок кроме того нанизаны маленькая черная бусина, медное кольцо и медная с выпуклыми ободками трубочка-пронизка (МАЭ, № 445–9). Это ожерелье напоминает украшения XVIII века, описанные И.Г. Георги: «Некоторые носят около шеи узкие ремешки из пронизок, покрывающие несколько грудь» [Цит. по: Василевич 1969, с. 134].

Из украшений других типов следует назвать гривну, о которой в качестве девичьего украшения упоминает Я.И. Линденау: «Вокруг шеи носят кольцо из желтой меди – аркчон» [Линденау 1981, с. 57]. Согласно сноске,

Рис. 11. Ожерелье. Эвены. МАЭ № 445-8.

Рис. 10. Серьги. Эвены. МАЭ № 445-13.

здесь речь идет либо о пеших эвенках Охотского побережья, либо об особой группе эвенов. В фондах МАЭ есть бронзовая гривна, этническая принадлежность которой не вполне ясна: это либо ламуты, либо юкагиры (МАЭ, № 904–2).

На руках эвенки и эвены обычно носили покупные кольца и перстни, приобретая их у якутских и русских торговцев.

В литературе нет упоминаний о браслетах, видимо, они были мало распространены. В МАЭ есть лишь простой браслет из круглой в сечении латунной проволоки, сомкнутой кольцом (МАЭ, № 2650–26 – ороконы).

Юкагиры. По данным В.А. Туголукова, юкагиры украшали свои прически следующим образом: «Мужчины заплетали волосы в косу, к которой привязывали железную бляшку или несколько ниток бисера, молодые женщины и девушки – во множество косичек, к которым подвешивали медные кольца, нитки жемчуга» [Туголуков 1979, с.90]. Если опираться на это свидетельство о девичьем многокосье, то на фотографиях из иллюстративных коллекций МАЭ, а также на фотографиях, опубликованных В.И. Иохельсоном, мы видим женские прически из двух кос. Женские накосные украшения, которые мы здесь видим, представляют собой в одном случае бисерную ленту, концы которой вплетены в косы, а середина свободно дугой свисает между ними; в другом случае это широкая вертикальная лента, нижний конец которой украшен бахромой, а верхний раздваивается и вплетается в концы кос, соединяя их между собой. Такое накосное украшение аналогично эвенкийскому.

Судя по фотографиям В.И. Иохельсона, у юкагиров были распространены те же типы серег, что и у тунгусов. Есть серьги из ремешка или жильной нити с нанизанным бисером, с металлическими жетонами или монетами на концах (МАЭ, № 4404–23/б). Бытовали и серьги якутской работы (МАЭ, № 4404–210б). Серьги носили и женщины, и мужчины, хотя последние чаще носили одну серьгу.

Мало сведений о шейно-нагрудных украшениях юкагиров. В «русский период», как известно, они носили одежду тунгусского образца, украшения, видимо, были того же типа. Об украшениях юкагиров и ламутов нижней Колымы А.Э. Кибер сообщал следующее: «Бляха серебряная или медная, довольно толстая, величиной почти с чайное блюдце, покрывает грудь. Она бывает литая и украшена изображением разных животных, а более лошади» [Кибер 1824, с. 31–33]. Юкагиры называли такую бляху «грудным солнцем». Киберу говорили, что такие бляхи на месте «не делаются, а переходят из рода в род по наследству» [Туголуков 1979, с. 90]. Аналогичные украшения из металла пришивались на нагрудник или подвешивались к шее и у эвенов. Об этом говорят относящиеся к XVIII в. наблюдения Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Георги [Василевич 1969, с. 140]. Г.М. Василевич предположительно относит эти украшения к комплексу обрядового костюма [Там же]. Между тем у юкагиров могли быть и свои специфические украшения из металла, вероятно, утраченные в какой-то исторический период. В пользу этого предположения говорят архивные данные об обработке серебра юкагирами в XVII в.: «В огонь де оне то серебро кладут же, в том де они серебре делают круги серебряные и по вороту – де у себя кругом обвешивают» [Там же].

ваются» [Иванов 1966, с. 160–161]. Из текста не ясно, о каком украшении идет речь. Ф.М. Зыков предполагает, что это специфическое юкагирское украшение, которое представляет собой род ожерелья [Зыков 1976, с. 15]. В то же время это может быть и уже упомянутое «грудное солнце».

Чукчи, коряки, эскимосы. У палеоазиатов был единый в целом комплекс украшений.

Мужчины волосы подстригали, причем часто таким образом, что часть волос выстригалась коротко, а часть оставалась более длинными. Женская прическа – две косы. Девушки заплетали косы от висков, женщины – ближе к затылку. Накосные украшения чукотских, корякских, эскимосских женщин, которые носили и тундровые юкагиры, В.И. Иохельсон описывает следующим образом: это украшение состоит из нитки бус с двумя большими пуговицами на концах кожаного ремня с подвесками на затылке, иногда задняя часть делается только из металлической цепочки без ремня [Jochelson, 1905, p. 603–604.].

Рис. 12. Эскимоска. № II-115-96.

На иллюстрации видны и другие детали украшения. «Кожаный ремень» на затылке имеет овальную вытянутую форму и расшит бисером, подобно затылочному украшению ложных кос народностей Западной Сибири. Низка бус, соединяющая концы затылочного украшения, спускается на грудь [Ibid, Plate XXXVI; P. 603, fig. 129]. Распространены были также косники в виде нескольких длинных низок бисера, прикрепленных к вытянутому треугольному кусочку ровдуги с нанизанной на него металлической пуговицей (рис. 12). Ровдужная полоска выше пуговицы вплеталась в косу (АМЕИ, № 70/6628а, в, 70/7780а, в – чукчи). Помимо низок бисера и бусин, часть из которых спускалась на грудь в виде ожерелья, в косы вплетались отдельные бусины, пуговицы и пр. [Слюнин 1900, с. 382].

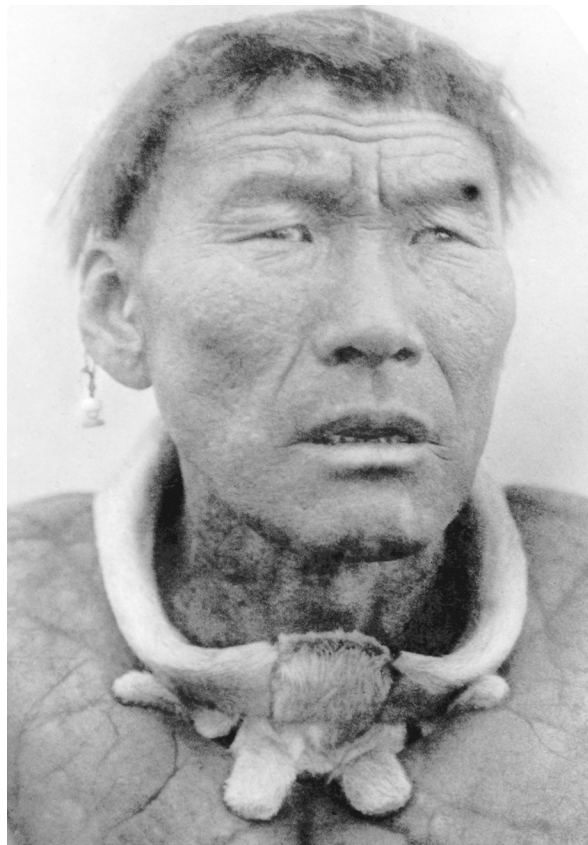

Рис. 13. Коряк. МАЭ № 4404–21 а.

Чукчи и эскимосы носили серьги из ровдужного ремешка с нанизанным на него бисером. Часто несколько низок бисера скреплялись вместе, образуя кисть. Верхний конец ремешка продевался в отверстие в мочке уха и завязывался узелком (МАЭ, № 1791–58а, в; 59а, в). Подвесками к таким серьгам у женщин обычно служили металлические жетоны, монеты, колокольчики [Вдовин 1973, с. 200]. К наиболее древним В.И. Иохельсон относит веретенообразные подвески для серег из песчаника, а позднее – вырезанные из кости, иногда украшенные линейным орнаментом, той же формы, что и каменные [Jochelson, 1905, р. 610]. Такие подвески или привязывались маленькой ниткой, или на-

девались на медное колечко, которое вдевалось в ухо. Такие же колечки часто прикреплялись для вдевания в ухо к ровдужным ремешкам. Серьги такого типа носили и мужчины, и женщины. «Оба пола в ушах носят бисер и серьги, полученные от русских» [Лазарев 1950, с. 304] (рис. 13).

Гижигинские кузнецы холодным способом изготавливали серьги из медной или латунной проволоки. Серьги делались в виде больших колец, украшенных железными или латунными подвесками, бисером, нанизанным на жилые нити. Форма этих серег и способ их изготовления, по мнению В.И. Иохельсона, были заимствованы коряками от амурских народностей, возможно через тунгусов Охотского побережья [Jochelson, 1905, р. 611] (МАЭ, № 441–32/2 – кереки, 4404–14/4 – коряки).

От амурских народностей, возможно, идет и традиция носить по несколько кольцевых серег в одном ухе (Ф. МАЭ, № 4404–201в).

Коллекция МАЭ № 442 демонстрирует различные ювелирные изделия корякских кузнецов, в частности серьги. Часть из них сделана в подражание, вероятно, русским привозным серьгам из медной или латунной проволоки. Верхний конец проволоки загнут крючком для вдевания в ухо, нижний конец раскован в продолговатую пластину, на которую в качестве ук-

рашения наклепаны один или несколько небольших медных кружочков (МАЭ, № 442–6/3, 6/5, 6/7). Иногда к такой серьге подвешивался нанизанный на сухожильную нитку бисер. Делали серьги и из нескольких звеньев с подвесками, в подражание якутским, но очень примитивно (МАЭ, № 442–3–9).

Головные повязки чукчей (*чеутыгэчев*) представляли собой ровдужные ремешки, на которые нашивались пучки оленьего волоса, маленькие раздвоенные кусочки дерева – «деревянные люди» (МАЭ, № 434–490), бусины, пуговицы (АМЕИ, № 70/6631). Последние считались «дополнительными глазами, долженствующими видеть и главным образом отпугивать зловерные существа, если они попробуют приблизиться к владельцу повязки» [Вдовин 1977, с. 143]. Женские повязки часто снабжались височными подвесками в виде кисточек из окрашенной в красный цвет шкуры нерпы, низок бисера (АМЕИ, № 70/6551, 70/6664).

Известна ритуальная повязка в виде ремешка, охватывающего голову, с пришитыми к нему височными подвесками и «султанчиками» надо лбом. Височные подвески сделаны в виде кисточек из окрашенной в красный цвет нерпичьей шкурки, а султанчики – из двух круглых палочек, обтянутых белой с коричневыми полосками нерпичьей кожей. Палочки венчают пучки оленьей шерсти (МАЭ, № 422–45). Такие головные повязки вместе с ритуальными камлеями из нерпичьих кишок, по свидетельству В.Г. Богораза, одевали на голову хозяин и хозяйка праздника Кереткуна у приморских чукчей. Причем этот головной убор рассматривался как подражание головному убору самого Кереткуна и его жены [Богораз 1939, с. 200].

Вероятно, такого рода головные повязки использовались и эскимосами во время аналогичного праздника Касака. От приморских жителей с их праздниками, связанными с морским зверобойным промыслом, эта повязка попала к оленним чукчам, где использовалась во время праздника второго убоя оленей [Кузнецова 1957, с. 275].

Весьма своеобразны чукотские ожерелья из кожаного ремешка. Это длинная полоска ровдуги с разрезом, сделанным с отступом от торцов ремешка и делящим его на две равные части. Концы ремешка – передняя и задняя часть ожерелья, голова продевается в прорезь. На концы ремешка нанизывались бусины (АМЕИ, № 70/6551 А), или они нарезались в виде бахромы с бисеринками и мелкими бусинами на концах. Продольные надрезы по длинным сторонам ремешка с нанизанными на образовавшиеся полоски бусинками также образуют род бахромы на ожерелье (АМЕИ, № 70/6621). К ремешку обычно прикреплялся крохотный мешочек для жевательного табака. Н.В. Слюнин отмечал, что такого рода мешочек для курительных принадлежностей, носимый мужчинами на шее, украшался бусами, а иногда вышивался цветными нитками [Слюнин 1896, с. 5]. На ремешок нанизывались разные амулеты: кусочки кожи, маленькие фигурки, вырезанные из моржового клыка, дерева и т.п. В XIX в. все эти предметы обычно заменялись бусинами. На шее носили амулеты, которые В.Г. Богораз определял как «личных защитников». Это фигурки, вырезанные из кости и дерева, монеты, бусины и т.д. Чаще всего их не просто прикрепля-

ли к ремешку, а «носили на ожерелье в маленьком кожаном мешочке» [Богораз 1939, с. 49]. На шее носили и привязанные к ремешку антропоморфные символические изображения предков, вырезанные из кожи, – *кикур* (АМЕИ, № 70/6372). В этом случае предки также выступают в роли личных охранителей [Вдовин 1977, с. 137].

Популярны были ожерелья из бусин, бисера и медных пуговиц, которые носили представители обоих полов (АМЕИ, № 70/7770, 70/7772, 70/7775 и др.).

Ремешки с охранителями носили не только на шее, но и вокруг торса под мышками, а ожерелья – крест-накрест на груди (МАЭ № И 115–96).

Браслеты делались из ремешка с нанизанной на него бусиной, из сухожильной нити с нанизанными на нее бусинами (МАЭ, № 442–7/16), а также из узких полосок ровдуги, расшитых рядами цветного бисера (МАЭ, № 7/12). Чукотские кожаные браслеты имели застежки в виде петли-прорези и костяной пуговицы, сделанной как стилизованное изображение кита, птицы (МАЭ, № 611–93, 94) (рис. 14).

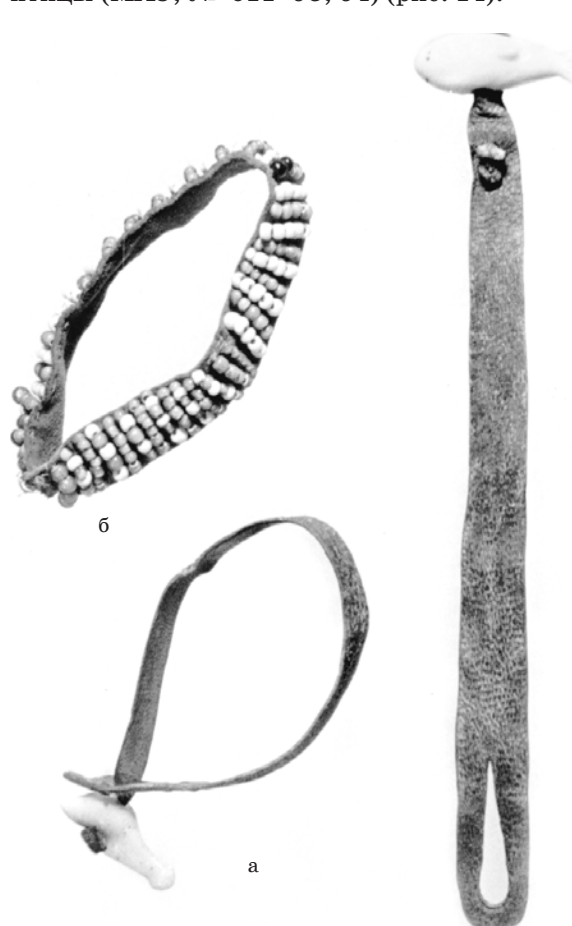

Рис. 14. Браслеты. Чукчи, а – № 611–93, № 611–94. Коряки, б – № 442–7/19.

Корякские кузнецы выковывали металлические браслеты. Женские браслеты (*миннэкса*) были круглыми и плоскими, шириной в палец [Вдовин 1973, с. 200]. Делались они из раскованной медной проволоки. Концы в виде спирали разомкнуты. Поверхность украшалась несложным штриховым орнаментом при помощи подпилка. Из полосок железа, раскаленного и скрученного щипцами, делали витые браслеты, концы которых также оформлялись спиралевидными завитками [Jochelson 1905, p. 624–625].

В коллекции № 442 (кереки) семнадцать металлических браслетов, часть из которых сделана в традиционной для корякских кузнецов манере (МАЭ, № 442–7/2, 7/14). Несколько браслетов – из плоской и довольно широкой пластины белого металла с расширенными (четырёхугольными,

Рис. 15. Браслеты кереки. МАЭ № 442-7/7, 442-7/5, 442-7/6.

округлыми, в виде китовых хвостов) концами. Как правило, у них сквозная прорезь по всей длине браслета и округлые ушки с отверстиями для подвесок на верхней и нижней гранях и концах. Эти браслеты украшены многочисленными звенящими подвесками в виде кулечков, гирек, гвоздик, треугольников и проч. Третья группа браслетов этой коллекции сделана из звеньев сложенной вдвое и спирально скрученной тонкой проволоочки (МАЭ № 442–7/10, 7/12, 7/13 и др.). Такие браслеты в литературе не упоминаются и не имеют аналогий в остальном коллекционном материале (рис. 15).

Корякские кузнецы делали и простые кольца из латуни (МАЭ, № 442–8/1–11). У палеоазиатов были распространены защитные кольца. Их вырезали из кости и надевали на указательный палец левой руки для защиты от случайного удара при работе молотком и резьбе ножом по дереву (МАЭ, № 422–84/4 – чукчи).

Народности Амура. Маленьких детей стригли, оставляя длинные пучки волос на затылке, над ушами, надо лбом. Распространенное детское украшение – маленькая бисерная розетка, прикрепленная надо лбом к узелку волос [Шренк 1899, с. 90]. Постепенно, годам к десяти, волосы детям отращивали и заплетали в одну или две косы. Обычай предписывал ношение кос и мужчинам, и женщинам. У нивхов, негидальцев, ороков, нанайцев мужчины заплетали одну косу, женщины – две. Ульчи, мужчины и женщины разного возраста, носили одну косу. Удэгейцы и орочи обоего пола носили по две косы. Есть основания полагать, что отличительным признаком неженатой молодежи были особым образом сложенные косы: коса складывалась по длине в два или три раза и обматывалась тесьмой или шнурком красного (орочи, нанайцы) или черного (ульчи) цвета [Смоляк 1984, с. 90–91; Сем 1973, с. 235]. Есть сведения о специальной многокосной прическе нанайской невесты: с каждой стороны головы заплеталось по три косички, которые затем собирались на макушке и сплетались в одну косу, уложенную вокруг головы [Сем, 1973, с. 235].

Косы украшали разного рода подвесками из низок бус и бисера с металлическими кольцами, бляшками, монетами или нитяными кисточками на концах. Такие подвески прикреплялись к подкладке свернутой косы (под сложенную косу подкладывали «подушечку» из нескольких слоев плотной материи, к углу которой пришивалась длинная тесьма для обмотки) или вплетались в концы кос. Вероятно, в конец косы вплеталось и нивхское девичье украшение на тканевой основе в виде вытянутого треугольника, на лицевой стороне которого были нашиты пуговицы, китайские монеты, металлические бляшки. Тканевую основу имело и нанайское девичье украшение *афи* – вытянутый горизонтально четырехугольник, расшитый бисером, мелкими пуговицами, раковинами каури. К верхним углам крепились завязки, с помощью которых украшение могло укрепляться на затылке между косами.

Орочи и удэгейцы носили своеобразную прическу (одновременно украшение), которую следует рассматривать как прямую аналогию ложным косам северных хантов и манси, ненцев. Мужские и женские ложные косы одинаковы. Это затылочное украшение в виде продолговатого куска тка-

ни, расшитого бисером, раковинами каури, пуговицами, к концам которого прикреплялись черные шнуры из ткани, вплетавшиеся в косы, и красные витые шнуры для обмотки кос сверху.

У нанаяк, живущих вблизи устья Сунгари, бытовали налобные повязки *хокту, геду*, которые делались из ткани и украшались в передней, несколько расширенной части нашивками из бархата, цветными кантами, бусинами, бисером, металлическими бляшками (МАЭ, № 344–62), а также раковинами каури, мелкими белыми пуговицами. На затылке такие повязки застегивались с помощью пуговицы и петли [Смоляк 1984, с. 187]. Матерчатые налобные повязки (от головной боли) были известны и нивхам (МАЭ, № 1124–57). У нанайцев встречалась налобная повязка, выполненная в другой технике – в виде узкой плетеной тесьмы с основой из темного конского волоса и утком из нитей коричневого цвета. Эта повязка застегивалась фигурной медной пряжкой с двумя темно-синими камнями (МАЭ, № 344–31).

Низовые нанайцы, возможно, только члены рода ходжер, носили и затылочные повязки *tshaambe*, украшенные стеклянными бусинами. Их при- стегивали сзади к нагруднику [Там же].

Серьги у народностей Амура – основное украшение. Их носили и женщины и мужчины. Л.И. Шренк отмечал: «Замечательно, что гиляки, ол- чи, ороки и, насколько мне известно, негидальцы, кроме серег не употребляют никаких других украшений ни для головы, ни для лица» [Шренк 1899, с. 106].

По конструктивным особенностям серьги народностей Амура можно отнести к двум видам.

Первый вид имеет в основе проволочное незамкнутое кольцо. Наиболее простой вариант – это согнутая кольцом серебряная, медная, реже железная проволока. На кольцо могут быть нанизаны один или несколько каменных дисков с отверстием посередине – *сиан* (МАЭ, № 4978–22, 30, 31; 5334–4/У, 6/Ш – негидальцы). Иногда один конец проволоки от кольца был отогнут книзу и на него нанизывалась

Рис. 16. Нивх. МАЭ № 2446–101.

бусина, обычно каменная (МАЭ, № 344–16 а, в – нанайцы, № 4978–23 – негидальцы). Оба варианта характерны и для женских (обычно девичьих), и для мужских сережек.

Мужские серьги *хусэгдэсу* (нан.) имели вид кольца из серебряной проволоки, иногда с небольшой подвеской-бусиной, отличались небольшим размером (рис. 16).

Бывало, что отогнутый книзу конец проволоки делали очень длинным. На него нанизывалось несколько каменных бусин различной величины и формы (круглой, бочонкообразной, многогранной вытянутой). Нижний конец проволоки под бусинами загибался петлей. На нее часто надевалась подвеска в виде металлического жетона, монеты, низки бисера. В ценных серьгах на эту петлю подвешивались нефритовые круглые или четырехугольные пластины. Потом проволоку загибали кверху вдоль нанизанных бусин, в середине еще раз образуя петлю (для маленькой подвески), и наконец она обвивалась плотной спиралью вокруг верхней части стержня у кольца. Обычно такие серьги массивны, с большим количеством бусин, дисков, подвесок из янтаря, нефрита, жапонита и других полудрагоценных камней разного цвета (МАЭ, № 344–84 а, в; 2252–12 а, в; 13 а, в; 5747–94/2, 95/2, 96/2, 99/2, 100/2, 101/2 и др. – нанайцы; № 4978–24 а, в, 25, 26; 5334–3 П а, в – негидальцы; № 1917–29 а, в – удэгейцы; № 6751–21/2, 22/2 – нивхи; РЭМ № 6938–11/2; 8530–104/2, 105/2 – ульчи) (рис. 17, 18).

Рис. 17. Серьги. Нанайцы. МАЭ № 2252–12.

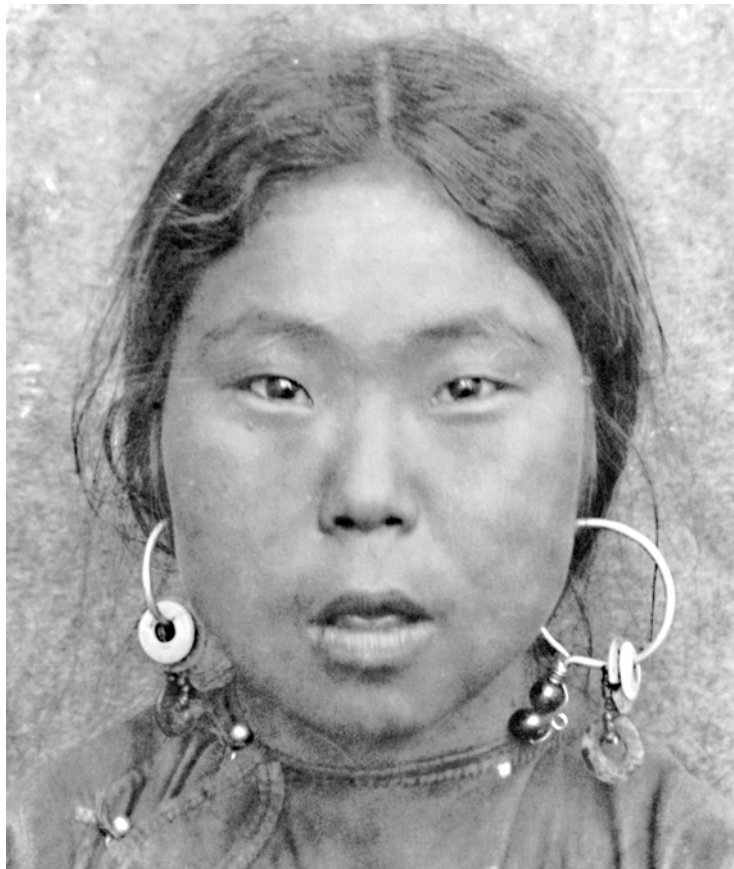

Рис. 18. Женщина. Нивхи. МАЭ № 2446–73.

Серьги такого вида бывали разными по величине: диаметр кольца – от 2–3 до 7–8 см. У нанайцев большие серьги назывались *хайпон*, небольшого размера – *мокасу манга* (*мокасон*) [Сем 1973, с. 231; Смоляк 1984, с. 188].

Серьги второго вида представляют собой лирообразную серебряную пластинку с гравировкой по поверхности и маленькими подвесками из серебряной проволоки – *лэргиукэн* (нан.).

Подобные серьги с близкими названиями носили ульчи, орочи, негидальцы, удэгейцы. У нивхов они назывались *меск* (*теск*) (А.В. Смоляк приводит таблицу терминологии для одежды и украшений всех народностей Амура [Смоляк 1984, с. 198–210]).

Как уже было сказано, серьги носили и мужчины, и женщины. Исследователи дают противоречивые сведения относительно того, как носили серьги мужчины: в одном ухе (и в каком) или в обоих ушах. Л.И. Шренк утверждал, что по одному кольцу в мочке каждого уха [Шренк 1899, с. 106]. Такого же мнения придерживался Ю.А. Сем [Сем 1973, с. 232]. По мнению А.В. Смоляк, нанайцы, ульчи, нивхи носили одну серьгу в мочке левого уха [Смоляк 1984, с. 188]. В иллюстративных материалах мы видим оба варианта (МАЭ, № 1073–2, 3; 1838–489, 509; И 107–43).

Женщины носили по одной, две, три (до четырех–пяти в праздничные дни) серьги в каждом ухе. Каждая серьга вдевалась в особое отверстие (рис. 19). Верхнее отверстие предназначалось для сережки *хайпон* (*вайка*), которая была двух разновидностей – *мухэргиз* и *лэргиукэ*. Затем подвешивались серьги *мокасу манга* [Сем 1973, с. 231]. Судя по иллюстративным коллекциям, две–три серьги вдевались в ухо так, чтобы сверху помещалась меньшая по размеру, а снизу – самая большая (МАЭ, № И 197–60; 2446–98, 60, 62; 1837–139 – нивхи). Могли соседствовать и серьги в виде колец одинакового размера, обычно одна из них с подвеской (МАЭ, № 1839–12 – нанайцы; 1838–452, 454 – нивхи).

Рис. 19. Женщина. Нанайцы. МАЭ № 471–10.

«Нисколько не преувеличу, если скажу, что груз, подвешиваемый к каждому уху гилячки, превышал иногда 1/4 фунта» [Сильницкий 1896, с. 8]. «Для того чтобы надеть побольше серег, некоторые ульчанки надевали на голову специальную повязку в виде широкой тесьмы, охватывающей

лоб и затылок; на пришитые по бокам этой повязки небольшие кожаные ремешки с петельками *сиэпту*, спускавшимися над ушами, женщины могли прикрепить одновременно по пять–восемь пар больших (до 6–8 см в диаметре) серег» [Смоляк 1966, с. 88].

Обычай носить несколько серег в каждом ухе имел значительный ареал распространения в среднеазиатском, китайском, монгольском мире [Вилькинс 1882, с. 442–443; Стариков 1867, с. 104].

Носовые серьги в Сибири имели ограниченную область бытования. Они встречались у нанайцев, расселенных по Амуру до р. Горин, самагиров на р. Горин, орочей, удэгейцев, тазов. Как исключение – ульчей, нивхов, негидальцев [Шренк 1899, с. 106–107; Смоляк 1984, с. 188–189; Сем 1973, с. 231–232; Ларькин 1963, с. 79].

Носовая серьга (*сандиха* – нан., *сандяха* – уд.) представляла собой серебряную проволоку, свернутую в плотную плоскую спираль с верхним концом, отогнутым в виде крючка (рис. 20). Диаметр около 2 см (МАЭ, № 36–5; 5530–229; 5747–130; 1998–412, 413 – нанайцы; № 1995–40 – орочи; РЭМ № 5656–27 – удэгейцы). Судя по иллюстративным материалам, использовались и серьги в форме восьмерки (МАЭ № 472–156). Такая серьга повторяла форму спиралеобразной, но сама спираль отсутствовала. Кроме того, орочские женщины и девушки (а иногда и нанайские на р. Уссури, Амуре неподалеку от их слияния) носили маленькие колечки, продетые в одну ноздрию (правую) [Шренк 1899, с. 107; Маак 1877, с. 179; Степанов 1880, с. 11–12].

Удэгейки носовые серьги в виде серебряного или медного колечка носили продетыми в правую ноздрию или реже – в носовую перегородку [Браиловский 1901, с. 130. Табл. IV (2)]. Нанайки на Уссури носили серьги в одной или обеих ноздрях [Надаров 1877, с. 68; Лопатин 1922], как и жен-

Рис. 20. Женщина с ребёнком. Нанайцы. МАЭ № 1761–26

щины орочей (у последних она называлась *тэматыни*). В XIX в. это было почти исключительно женское украшение.

О нагрудных украшениях народностей Амура имеются следующие сведения. У нанайцев, ульчей существовало женское металлическое украшение *сэлкэ* (*сэлгэ, сэлкэн*). Оно представляло собой тонкую серебряную пластину серповидной формы с отверстиями на концах. В отверстия продевался ремешок, с помощью которого украшение подвешивали на грудь. По-

Рис. 21. Нагрудное украшение.
Нанайцы. МАЭ № 5747–123.

Рис. 22. Женщина в свадебном
костюме. Нанайцы.
МАЭ № И-471–86.

Рис. 23. Украшение *ори*. Нивхи. МАЭ № 6356–24.

верхность украшалась гравированным орнаментом, к нижнему краю прикреплялись подвески (МАЭ, № 5747–123) (рис. 21). Это украшение делалось не только из серебра, но и из железа и считалось частью костюма невесты [Сем 1973, с. 232] (рис. 22).

Другим украшением, которое А.В. Смоляк относит к разряду редких, было каменное или костяное плоское круглое украшение *косо* (низ. нан., ульч.) или *ори* (верх. нан., нивх.) [Смоляк 1966, с. 88]. В МАЭ есть *ори* (верх. нан., нивх.) из нефрита (рис. 23). Диаметр круга 17 см. В середине – отверстие, за которое *ори* подвешивалось на ремешке или цепочке на шею. Нижняя половина круга украшена растительным орнаментом. Ч.М. Таксами, который приобрел это украшение для музея, описал его как девичье. Ю.А. Сем отмечал, что «часто *косо* одевали девочкам на шею», а «невесты надевали такое кольцо только во время свадьбы» [Сем 1973, с. 231]. В.А. Аврорин в пояснениях к своей работе определяет встречающийся в тексте термин *ори* как металлические круги из сплава серебра диаметром около 15 см; они пришивались к разукрашенной орнаментом и лентами материи, в центре которой был вырез для шеи. Один *ори* при этом спускался на грудь, другой на спину. Ткань с *ори* составляла часть костюма невесты [Аврорин 1986, с. 251].

Из текста № 40, приведенного тем же автором, можно заключить и нечто иное: в старину *ори* представляло собой не круглый диск, а большое

кольцо, надеваемое на шею. Согласно тексту, *ори* надели на шею 12-летней девочке ее братья, видимо, тем самым объявив ее невестой [Там же]. *Ори* являлось родовой драгоценностью, передавалось из поколения в поколение и ценилось очень высоко. Ломать его запрещалось, считалось грехом. *Ори* также означало калым, выкуп за невесту [Там же]. Интересно, что и ульчское название *косо(н)* переводится как «амулет, который надевали детям на шею». Таким образом, сведения об этом украшении достаточно противоречивы. И можно, вероятно, говорить о более или менее древней его форме.

Ю.А. Сем упоминает еще один вид шейных украшений нанайцев – *белгаптун* – массивное серебряное кольцо диаметром 2–3 см, а иногда и больше, которое также являлось частью костюма невесты [Сем, 1973, с. 231]. Возможно, *белгаптун* родственно *ори* в его старинном виде. Шейное украшение в виде незамкнутого серебряного шейного кольца диаметром в 20–25 см, по свидетельству В.Г. Ларькина, существовало у удэгейцев и орочей под названием *монгголи* [Ларькин 1963, с. 78; 1964, с. 63].

«Самое обыкновенное у всех амурских инородцев, именно у женщин, украшение – это серебряные или медные кольца. Они носят их иногда по несколько на одном пальце» [Шренк 1899, с. 107]. У нанайцев и ульчей женщины носили кольца на среднем и безымянном пальцах, мужчины – на указательном. Удэгейки носили кольца на всех пальцах [Смоляк 1984, с. 189].

Кольца (*хоняпту*, *хонякан* – нан., ульч.) были плоскими, гладкими (МАЭ, № 8528–24 – удэгейцы; № 1995–65, 80 – орочи) или орнаментировались рядами вдавленных точек (РЭМ, № 1998–410 – гольды). Ю.А. Сем выделяет у нанайцев два типа колец: замкнутые литые и разомкнутые со спиралями на концах [Сем 1973, с. 230].

Особый вид – мужские кольца для стрельбы из лука, которые надевались на большой палец правой руки или привязывались к нему. Нивхское кольцо *аам* «бывает медное или свинцовое, и украшается разнообразными гравировками и фигурками из медных и серебряных пластинок. Внутри еще кольцо бывает выложено крепко припаянной серебряной пластинкой, края которой загнуты наружу» [Шренк 1899, с. 108]. В коллекциях МАЭ есть нивхское нефритовое кольцо для стрельбы из лука (МАЭ № 344–77/1, 2). Подобные кольца бытовали и у орочей, ульчей, манегров (*орготрун*, *юся*) [Маак 1859, с. 75]. У нанайцев предохранительные кольца *пэрхэ* изготавливались из кости и металла. Обычай ношения этих мужских колец существовал и после того, как отпала их практическая необходимость.

Браслеты (*гилэпту* – ульч., нан.; *сидэри* – нан.; *тыйсь* – нивх.) – очень распространенное украшение. Браслеты носили с детского возраста до старости. Женщины носили браслеты на обеих руках, мужчины – на правой руке. Ножные браслеты носили мужчины и дети у нанайцев, причем бытовали они до 20-х годов XX в. Есть данные о существовании ножных браслетов-оберегов у ульчей и нивхов [Смоляк 1984, с. 188]. Богатые носили на каждой руке от трех до пяти серебряных браслетов, бедные – один, иногда просто из куска медной проволоки [Сем 1873, с. 229–230]. У орочей браслеты обязательным украшением не были [Маргаритов 1888, с. 11].

Большая часть браслетов – металлические. Но делались они также из стекла, кости (МАЭ, № 344–86) [Надаров 1877, с. 69; Шренк 1899, с. 107]. Выделяется группа браслетов-оберегов (в основном детских) из волокон крапивы, собачьей шерсти [Павлинская 1988, с. 23], из волос стариков, переплетенных с нитками и тряпочками, из тонких полос коры осины (МАЭ, № 4424–243 – нанайцы). Такие браслеты надевались на запястья и лодыжки детей [Смоляк 1962, с. 271]. Браслет из собственных вычесанных волос надевали на руку просватанной девочке [Золотарев 1939, с. 54]. Позже такого рода браслеты заменялись на металлические.

Браслеты из железа, меди, но чаще всего из серебра были круглыми в сечении, гладкими, с сомкнутыми, плотно сходящимися краями. Самые массивные браслеты – мужские, более легкие – женские, маленькие браслеты – детские (МАЭ, № 5530–232 а, в; 5747–125, 126, 133, 134, 151-1/2, 152 – нанайцы). Более широкие уплощенные браслеты с закругленными сомкнутыми краями и поверхностью, украшенной насечкой и гравировкой, носили мужчины (МАЭ, № 5747–135, 136 – нанайцы). Такими же, но менее широкими и еще более уплощенными делали ножные браслеты *бэгдиптун чидуричэ* (МАЭ, № 5747–112). У нивхов встречались браслеты с поверхностью, украшенной инкрустацией (МАЭ, № 1764–147/2). Другой вид браслетов – из скрученных спирально двух кусков проволоки с разомкнутыми концами. Ю.А. Сем выделяет браслеты местного производства с округлыми, украшенными спиральной гравировкой или растительным орнаментом (у нанайцев), а также геометрическим орнаментом (у нивхов) концами, и привозные браслеты с прямоугольными концами, на которых изображалась марка мастера [Сем 1973, с. 229]. Встречались браслеты с концами, оформленными в виде головы и хвоста змеи, заходящими друг за друга (МАЭ, № 4424–64).

У нанайцев при отъезде из дома невесте надевали на руку особый браслет *билэптун*, сделанный из листового серебра в виде трапеции высотой в 6,5–7 см. Браслет застегивался на два замка. Вся поверхность имела гравировку в виде зубчиков и растительного орнамента [Там же].

Буряты. Мужская прическа – коса, заплетенная на затылке, вокруг которой все остальные волосы коротко выстригались или выбривались, – была распространена у бурят, особенно восточных аймаков, вплоть до конца XIX в. Такую косу *гээгээ* заплетали мальчикам после специального обряда, который проводился приблизительно в пятилетнем возрасте. Косу украшали кораллами, круглыми серебряными пластинами, монетами, удлиняли ее вплетением искусственных волос из шелковых нитей [Астырев 1891, с. 215]. Молодым людям вместо одной заплетали иногда две–три косы [Ким 1965, с. 149]. Обычай заплетать волосы жениха на свадьбе в две–три, а то и больше косичек до сегодняшнего дня сохраняется только в памяти стариков [Бадмаева 1987, с. 21]. Уже к началу XX в. распространился обычай стричь волосы. Сначала он прижился у западных бурят, затем и у восточных.

Женские прически были разнообразны и различались локально. Первая прическа девочки аналогична мужской. К 12–13 годам волосы отращивали и в дополнение к основной косе, заплетенной от макушки (*саажэ*),

заплетали косички на висках (*шанха*). Эти височные косички, так же, как и у хакасов, были отличительным знаком девушки. Девичья прическа – множество косичек, заплетенных вокруг головы, иногда от 12 до 20. Обязательным было наличие одной косы на макушке, двух – на висках, одной или трех – на затылочной части головы (*гээгэгэ*). Женской прической практически повсеместно считались две косы – *боолто*. Отмечается два способа ношения кос *боолто*: на груди, убранными под безрукавку, и на спине. Первый способ связывается с обычаями древнемонгольских племен, второй – с культурой тюрков [Там же, с. 67–68].

Прически бурят имеют прямые аналогии с прическами хакасов, алтайцев, а также в некоторой степени тувинцев. В накосных украшениях мы найдем как общие, так и особенные элементы. Ряд украшений бурят не имеет аналогий в Сибири.

У бурятков существовало два вида головных украшений. В Забайкалье носили головную повязку, мягкую или в виде невысокого кокошника, расшитую крупными бусинами из коралла, малахита, лазурита, янтаря – *татуурга*, *даруулга*. Головная повязка девушек отличалась височными подвесками из нескольких длинных низок бусин, каждая из которых заканчивалась кистями из шелковых ниток, серебряными монетами или пластинками. Второе украшение – *юбун*: сердцевидная (лопатовидная) с заостренным концом серебряная или посеребренная налобная пластина, которая прикреплялась к косичкам на висках и на макушке. Носили это украшение в основном в Предбайкалье девушки и молодые замужние женщины до рождения первого ребенка. Одновременно с *юбун* девушки носили накосное украшение *сааж*, которое укреплялось на косе, имевшей то же название. Оба эти украшения были знаком того, что девушка готова к замужеству и может быть просватана. Эти украшения – часть свадебного костюма у тех групп бурят, где невеста приезжала на свадьбу в девичьем костюме. Височные косички при этом украшались низками коралловых бусин.

Сааж делалась на жесткой основе из кожи или нескольких слоев ткани. На эту основу пришивались коралловые бусины (*шураг сааж*), серебряные пластины с закрепленными на них редкими коралловыми бусинами (*тумер сааж*), шелковые нити черного цвета (*уһен сааж*). В старину украшение *сааж* было распространено у всех групп бурят. К концу XIX – началу XX вв. оно сохранилось только в Баргузинском районе Бурятии [Бадмаева 1975, с. 194].

Женские накосные украшения были двух основных видов. Первый, распространенный у забайкальских бурят, – *туйба*. Это «г»-образно изогнутый стержень, вставляемый в основание косы. В ряде случаев *туйба* носили вместе с чехлами для кос *шэбэргэл*. Второй вид накосных украшений – *боолто*, в виде полых цилиндров: широких, надеваемых на основание кос, и совсем маленьких – для кончиков кос. А.В. Тумахани описывает совершенно гладкие цилиндрики, лишь иногда имеющие выступающие ободки [Тумахани 1970, с. 74]. Напротив, Н.В. Кочешков говорит о богато украшенных чеканным узором *боолто* [Кочешков 1979, с. 115]. *Боолто* могли иметь и вид бархатных, на плотной основе подхватов для кос, украшенных коралловыми бусинами в серебряных колпачках.

В ряде районов молодые замужние женщины носили искусственные косы из черных шелковых нитей, украшенные четырехугольными пластинами с рельефным чеканным узором и коралловыми вставками, цепочками. Искусственные косы прикреплялись к основанию кос натуральных [Бадмаева 1987, с. 73]. Еще Я.И. Линденау отмечал обычай бурятских женщин вплетать в свои косы на уровне ушей волосы из конского хвоста и скреплять их со своими волосами широкими серебряными и медными кольцами [Линденау 1981, с. 139]. Ланганс также упоминал свинцовые кольца, которые накладывали «в закрепу собственных и лошадиных волос». При этом косы убирали в бархатные или из другой материи футляры [Ким 1965, с. 149–150].

Косы украшались всевозможными подвесками в виде оправленных монет; ажурных филигранных пуговиц с мельчайшими каплями зерн [Тумахани 1970, с. 78], крупных коралловых бусин, закрепляемых на косах ниже уровня плеч [Бадмаева 1987, с. 74]. Два последних украшения, а также *туйба* у забайкальских бурят сохранялись в прическе пожилой женщины, а более сложные отсутствовали.

Из нагрудных украшений в западных районах Бурятии бытовали ожерелья из монет, оправленных витой серебряной проволокой, и резные плоские бляхи [Очерки истории и культуры Бурятии... 1972, с. 408]. Типичное украшение забайкальских бурят — нагрудный медальон *гуу* (*урлэй гэр*). Под названием ожерелья *хоолобши* (*хоолопши*) объединяются несколько различных украшений. Вероятно, на территории Бурятии ожерелья были разными. Проследить это по литературным источникам не представляется возможным. Но во всех слу-

Рис. 24. Ожерелье. Буряты. МАЭ № 2584–3.

чаях это специальное украшение невесты. М.Н. Хангалов упоминает *хоолобши* в виде ожерелья из маржан, т.е. кораллов, в три–пять рядов, с золотыми монетами [Хангалов 1958, т. 1, с. 66], или просто в виде серебряной или золотой монеты на ленте или цепочке [Хангалов 1898, с. 40]. Более интересно *хоолобши*, состоящее из двух ниток крупных желтых бусин, в двух местах соединенных металлическими перемычками. К низкам подвешены большая металлическая бляха в форме стилизованного восьмиконечного креста и четыре бляхи поменьше (МАЭ, № 2584–3 – кудинские буряты) (рис. 24). Вероятно, эта форма *хоолобши* более архаична, т.к., по замечанию Б.Э. Петри, в дальнейшем такая крестообразная бляха была заменена монетой в серебряной оправе [Петри 1918, с. 220].

Весьма своеобразны бурятские украшения, которые исследователи обычно относят к группе височно-нагрудных. Основной их декоративный элемент – крупные парные серьгообразные подвески *эмэг*, крепившиеся у висков к головной повязке (*даруулга*), к головному убору (*даралга*) или к основанию кос. *Эмэг* соединялись между собой многочисленными цепочками с подвесками, бляхами, свисающими на грудь. В зависимости от формы и характера входивших в это украшение элементов различаются *хиихэ*, *хиихэ-хонго*, *хиихэ-моор*, *сэртэбиэ*. Эти виды височно-нагрудных украшений имели четкую локализацию [Бадмаева 1987, с. 74–75].

Р.Д. Бадмаева, изучив материалы по одежде, обуви, украшениям бурят и отметив их единообразие, выделяет ряд комплексов (или типов) костюмов. При этом под комплексом подразумевается сочетание различных частей костюма, более или менее устойчиво бытовавших вместе [Там же, с. 88]. Основываясь на выделенных Р.Д. Бадмаевой локальных группах бурят с присущими им комплексами костюмов, охарактеризуем виды украшений, входящие в эти комплексы.

Хоринские буряты Забайкалья. Головная повязка *даруулга* в виде прямого неширокого венца из плиса или бархата, обычно синего цвета, натянутого на жесткую основу из бересты или картона. Расшивалась несколькими рядами крупных коралловых бусин. У замужних женщин *даруулга* имела перемычку, идущую от лобной части к затылку. У девушек соединялись завязками только височные стороны *даруулги* [Там же, с. 71].

К *даруулге* у висков прикреплялось височно-нагрудное украшение *хиихэ-хээ*. Это украшение состояло из нескольких частей. Два парных разомкнутых гладких кольца (*эмэг*) диаметром около 10 см вдевались в петли с внутренней стороны *даруулги* у висков. От колец вниз спускался стержень, на который нанизывался крупный круглый коралл, обрамленный сверху и снизу тщательно отделанными филигранью и сканью колпачками полусферической или вытянутой тюльпанообразной формы и серебряными шариками. Заканчивался стержень кольцом меньшего размера (диаметр около 3,5 см). Длина этой части украшения – приблизительно 20 см. Нижние колечки соединялись между собой цепочками, низками кораллов, спускающимися на грудь (ЭМНЗ, № О.Ф. 3668; 1404/2).

Девушки на затылочные косички прикрепляли *гээгэбиэ* (украшение, аналогичное *шураг-сааж*) из монет с ободочками из кораллов, уложенных

в три ряда. На конец украшения пришивались кисти из шелковых нитей и серебряные подвески.

Женщины в основание своих кос вставляли украшение *туйба*. Оно представляло собой г-образный металлический стержень, нижняя вертикальная часть которого (7–10 см) была обернута волосами и обшита плотной темной тканью. От нее свободно свисала прядь волос. Эта часть *туйба* вставлялась в основание косы, свисающие волосы вплетались в косу, и все вместе сверху плотно обматывалось цветным шнурком. Из косы женщины под ухом выглядывала короткая горизонтальная часть стержня, украшенная на конце серебряным шариком. Сам стержень – круглый в сечении или граненый, у шарика проходили ободки из витой проволоки (КМ, 5480; 3562).

Медальон *гуу*, который носили на груди, – это коробочка круглой, овальной или прямоугольной формы различных размеров из золота, серебра, меди, латуни, с ушками сверху и снизу. Верхнее ушко предназначалось для цепочки, нижнее – для прикрепления другого *гуу* при двояном ношении (*гуу* часто носили по несколько штук сразу) или для прикрепления какой-нибудь другой подвески, например, оправленной монеты или серебряной пластины. Коробочка имела крышку, гладкую (КМ, № 9810–1/2) или богато украшенную чеканным орнаментом, филигранью (ИОКМ, № 13207). Содержание медальона, если оно было, составляли различные священные вещи: маленькие листы бумаги с текстами буддийских молитв, фигурки святых, лоскутки одежды святых лам, лекарства и проч. Носили *гуу* на груди на цепочке или прикрепляли к особой широкой перевязи, проходящей через плечо [Кочешков 1979, с. 114]. В старину *гуу* подвешивали на ленте *хадака* (из особого шелкового платка), затем на полоске ткани с нашитыми на нее низками кораллов. Иногда низки не нашивались, а скреплялись между собой поперечными пластинами-перемычками [Бадмаева 1974, с. 195]. Только хоринские буряты носили наплечное *гуу* в виде круглой или квадратной серебряной основы с выступающей коралловой бусиной в центре. Самые нарядные дополнялись подвесками из двойных коралловых низок с шелковыми кистями на концах [Бадмаева 1987, с. 77] (МАЭ, № 709–6 а, в).

Цонголы и частично сартулы (Селегинский и Кяхтинский районы). *Татуурга* у цонголов имела вид кокошника с выступающей вверх передней частью. *Татуурга*, хранящаяся в Этнографическом музее народов Забайкалья (Улан-Удэ), имеет жесткий каркас, обтянутый синим шелком, на который нашиты три ряда круглых и бочковидных крупных бусин (коралл, янтарь, лазурит), в центре среднего ряда – крупный белый коралл. У височной части справа и слева прикреплены подвески из шелковой ленты и коротких низок мелких кораллов с монетами на концах. От висков спускаются еще по две низки коралловых и малахитовых бусин (№ 3050).

К *татуурге* прикреплялось височно-нагрудное *хиухэ*. Височное незамкнутое кольцо *эмэг* диаметром 4,5–5,5 см, имело крючок для прикрепления к головному убору. Передняя сторона кольца покрывалась удлинённой пластиной с фигурными краями, богато украшенной чеканкой и накладной филигранью, вставками из камней, эмали. Внутреннее пространство кольца (особенно часть, прилегающая к накладной пластине) запол-

нялось ажурными узорами филигрании в виде стилизованных побегов, листьев, завитков. На стержень, отходящий от кольца вертикально вниз, нанизывались коралловые бусины, обрамленные полусферическими серебряными колпачками, ажурные шарики из серебряной проволоки и т.п. Стержень заканчивался небольшим колечком, к которому присоединялись нагрудные подвески. Это могла быть цепочка, иногда составленная из изящных звеньев, украшенных эмалью, звеньев в виде филигранных розеток (КМ, № 2970) или объемная, четырехгранная в сечении цепочка сложного плетения, дополненная подвесками из оправленных ажурным филигранным ободком монет (КМ, № 2960). Часто нагрудные подвески выполнялись в виде соединенных цепочками трех ажурных филигранных подвесок с фигурками рыбок и мелкими подвесками-колокольчиками. В этом случае все украшение называлось *хиухэ-хонхо* (*хонхо* – колокольчик) (КМ, № 4407; ЭМНЗ, № 167). Подробное описание височно-нагрудного украшения цонголов сделал М.Е. Тугутов. Он называет его *монгол-хиуха*. Интересно, что здесь отмечен способ крепления этого украшения не к головному убору, а к основанию кос. Носили это украшение женщины до тридцатилетнего возраста [Тугутов 1958, с. 137–138].

Нагрудные *гуу* были здесь прямоугольной формы (КМ, № 2960–1, 5290, 5297). Использовались и другие нагрудные украшения – украшенные филигранным ободком монеты на ленточке – *зуубшэ*.

Только цонголки носили накосное украшение *боолто* в виде бархатных подхватов для кос на жесткой основе, с нашитыми в два–три ряда коралловыми бусинами, нижний ряд бусин, оправленных серебряными колпачками, свисал в виде бахромы (КМ, № 1907/2). Вместе с *боолто* носили иногда и *туйба*. Косы убирала в чехлы *шэбэргэл*.

Сартулы и другие выходцы из Монголии (Джидинский и Закаменский районы). *Даруулга* – головная повязка – ряд крупных коралловых бусин, нашитых на узкую полоску ткани. Несколько низок мелких бусин симметрично от центра к вискам спускались на лоб.

Накосные женские украшения *хонтуул* по г-образной форме и способу крепления аналогичны *туйба*, но массивнее и значительно богаче оформлены. Горизонтальная часть украшения со всех сторон закрывала накладкой в виде фигурной чеканной пластины со вставками из малахита, коралла и т.п. К вертикальной части стержня прикрепляли пучок волос и длинную искусственную косу из черных шелковых нитей, которая висела в виде кисти ниже кончика косы. Поверх вертикального стержня, вставленного в основание косы, накладывалась и зашнуровывалась сзади серебряная с фигурным нижним краем чеканная пластина со вставками из камней (ЭМНЗ, № О.Ф.1470).

На груди носили *гуу*. В качестве височно-нагрудного украшения использовали *хиухэ-хонхо*.

Тункинский и Окинский районы Забайкалья. Своеобразными украшениями жителей этих районов были накладные косы. Из нагрудных украшений характерно *гуу-хоолопиши* – *гуу* на ожерелье из нескольких низок кораллов. При этом *гуу* могли носить отдельно, а *хоолопиши* обычно надевали как приложение к *гуу* [Художественная обработка металла в Бурятии... 1974, с. 81].

Хоринские и эхиритские роды выходцев из Прибайкалья (Баргузинский район). Здесь носили особый вариант височно-нагрудных украшений – *сэртэбшэ*. Это кольцо диаметром около 8 см с уплощенной лицевой частью, покрытой чеканным узором. Металлический стержень с нанизанными на него кораллами образовывал петлю. *Сэртэбшэ* вплеталось в пару косичек, узкой и длинной петлей спускалось чуть ниже уровня плеч на грудь [Бадмаева 1975, с. 191]. С многокосными прическами носили украшение *сааж* всех трех видов (подробное описание см.: [Бадмаева 1975, с. 72]. С прической *боолто* носили украшение в виде полых цилиндров, которые надевались на основание кос и, меньших размеров, на кончики кос. На кончики кос надевали и украшение в виде крохотных металлических цветочков (2 1,4 см) с ушками, через которые продевались завязки (КМ, № 4898 а, в).

Верхоленские буряты Прибайкалья. Височные подвески *хабига* в виде пучка мелких коралловых бусин на концах прикреплялись к женскому головному убору или к основанию височных косичек девушки. Девушки и молодые женщины на затылочных косичках носили украшение *уһэн сааж* и *тумэр сааж*.

Височно-нагрудные украшения представлены видом *хиухэ-меер*. Это круглая пластина (5–6 см в диаметре) с резным орнаментом или составленная из нескольких колечек разного диаметра, соединенных между собой в нескольких местах. От пластинки вниз шли 9–10 свободно свисающих низок кораллов, перехваченных одной или двумя металлическими или кожаными перемычками. На концах низок – монеты. *Хиухэ-меер*, так же, как и *сэртэбшэ*, прикреплялось к косичкам [Там же, с. 175]. На груди носили ожерелье *хоолопши* из коралловых бусин и монет.

Украшения бурят, особенно женские, выделялись среди всех украшений народов Сибири богатством ассортимента, разнообразием приемов обработки серебра. Для ювелирных изделий XVII–XVIII вв. характерныковка, литье, штамповка, ажурная резьба и профилировка. Изделия, относящиеся к XIX – началу XX вв. отличаются использованием ажурной и накладной филигрانی, зерни, эмалирования, золочения [Бадмаева 1975, с. 72; Тумахани 1970, с. 60–90]. Украшения западных бурят отличались более скромным ассортиментом и более простыми приемами изготовления [Кочешков 1979, 116]. Характерный признак художественного металла середины XIX в. – распространение в нем буддийской символики, что в большей степени было характерно для забайкальских бурят.

Более единообразны были такие украшения, как серьги, кольца, браслеты.

Сведения о бурятских серьгах в литературе весьма скудны. Так у А.В. Тумахани сказано следующее: «Весьма популярным видом украшений являются серьги. В глубокую старину имели распространение длинные серьги – так называемые *ээмэг*. Также древними, вышедшими из моды являются большие круглые серьги *моор хиухэ*» [Тумахани 1970, с. 89–90]. Как уже было сказано, это украшение нельзя назвать серьгами, т.к. оно прикреплялось не к ушам. Возможно, что височно-нагрудные украшения бурят развились из серег и сохранили их форму, так же, как у хакасов, некото-

рых народностей Амура, серьги крупных размеров крепились при необходимости не к ушам, а к специальной повязке или косичкам. Нужно полагать, что о таких серьгах «величиной в рубль», к которым подвешивались «корольковые пронизки», упоминает и И.Г. Георги [1799, ч.IV, с. 32]. В фондах музеев Бурятии хранятся серьги в основном современной работы. Из более старых (время изготовления не обозначено) встречаются серьги в виде незамкнутого кольца, сделанные из серебряной проволоки, более тонкой у места вдвигания в ухо и более толстой в нижней части. Иногда проволока слегка скручена спирально (КМ, № 13046-6; безномерные предметы). Вероятно, форму кольца имели и мужские серьги. Так, А. Мичи замечал, что мужчины-буряты охотно носят в ушах и на пальцах железные кольца [Мичи 1868, с. 152]. Другие виды мужских и женских серег отмечал И.И. Биллингс: «На шее и в ушах носят бисер и медные бляхи». Обычай мужчин носить серьги отмечал и И.Г. Георги [Георги, 1799, ч.IV, с. 33].

Кольца (*биһэлиг*) и перстни (*бультуру*) носили и мужчины, и женщины. Если позволяло состояние, носили по несколько штук, унизывая ими почти все пальцы. Замужние баргузинские бурятки оставляли свободным только безымянный палец [Бадмаева 1975, с. 193]. Старинные кольца и перстни не дифференцированы по полу и возрасту тех, кто их носил [Тумахани 1970, с. 76]. Отливались они преимущественно из серебра, а также из сплавов серебристого цвета, реже из золота.

В коллекциях музеев хранятся кольца литые, выпуклые и плоские, гладкие и украшенные гравированным орнаментом растительного характера (МАЭ, № 4041–18, 19). Есть и кованые кольца с несомкнутыми, находящими друг на друга концами (РЭМ, № 1897–31; 4041–18). А.В. Тумахани относит такие кольца к старинным [Там же]. Перстни обычно имели штампованный щиток, отделанный чеканкой и гравировкой. Узоры на щитке и по бокам от него на старинных перстнях имеют аналогии в рисунках на шаманских бубнах бурят и других народов Сибири [Бадмаева 1987, с. 54]. Более поздние, особенно у забайкальских бурят, украшались рисунками и надписями, связанными с буддийской символикой (РЭМ, № 4041–21, 22). Эти перстни отличались более сложной техникой исполнения. Встречались и вставки из полудрагоценных камней: лазурита, малахита, сердолика, а также коралла, которому отдавалось явное предпочтение. Камни были обычно полусферической формы, вставлялись они в небольшое углубление и закреплялись наглухо гризантным способом [Тумахани 1970, с. 76].

Браслеты – *бугааг, угаабар* – специфическое женское украшение. Они были медными для повседневного ношения или серебряными, реже золотыми, иногда со вставками из камней – для праздников и других торжественных случаев [Бадмаева 1987, с. 78].

Браслеты бывали сомкнутые и разомкнутые (без замка или с замком). Для забайкальских бурят характерен замок в виде узкой и тонкой пластинки, один конец которой соединен шарнирно с концом браслета, а другой имеет четырехугольное отверстие, накидываемое на выступ на втором конце браслета. Второй вид замка является и основным декоративным элементом браслета. Это две шаровидные головки, плотно заходящие друг за друга. Такие браслеты встречались у западных бурят [Тумахани 1970, с. 77–78].

В сечении браслеты круглые, полукруглые, плоские. По оформлению поверхности – гладкие (обычно разомкнутые, круглые в сечении браслеты) или украшенные гравировкой, как правило простыми линейными мотивами, зубцами (КМ, № О.Ф.4119; ЭМНЗ, № 3063, 3150, 3361). Более сложные мотивы (розетки, листья, реже зооморфные мотивы) обычно выполнялись чеканкой и гравировкой. Наиболее нарядные браслеты делались со вставками из нескольких самоцветных камней, кораллов. Поверхность между камнями заполнялась чеканкой [Там же].

Якуты. Мальчики и мужчины волосы стригли, девушки и женщины носили одну косу. По другим сведениям, девушки и женщины волосы носили «как хотят – заплетают волосы сзади или сбоку» [Линденау 1981, с. 26].

Косу девушки украшали разного рода подвесками из серебра, меди, бусин. Подвеска *киистэ* (*суһуох симэгэ*) составлялась из нескольких серебряных трапециевидных пластин, низок бус, полукруглых металлических чашечек и нитяных кистей на концах. Такая подвеска ровдужным ремешком привязывалась к косе у затылка. У вилуйских якутов косу плотно перевязывали ровдужной лентой и на разной высоте подвешивали на ровдужных ремешках несколько серебряных и медных ажурных пластин [Зыков 1976, с. 50]. Существовали подвески из плотной ткани в форме вытянутого треугольника с нашитыми по всей поверхности металлическими ажурными пластинками.

Типы якутских серег достаточно подробно описаны Ф.М. Зыковым. Он выделил три основных вида [Там же, с. 45–48].

Первый – *туорах ытырга* – «бусинные серьги» (рис. 25а). Они представляют собой медную или серебряную проволоку, один конец которой

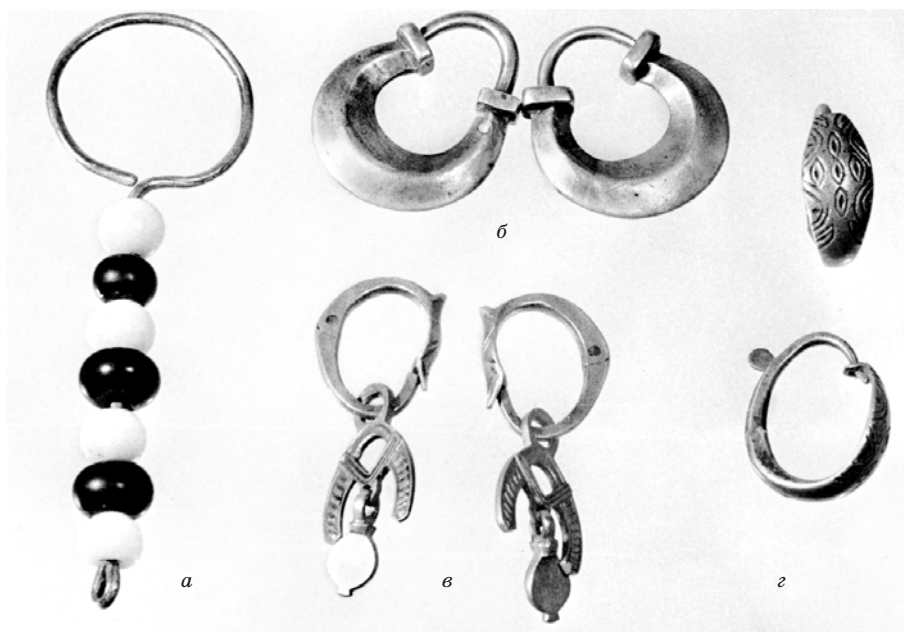

Рис. 25. Серьги. Якуты, а – МАЭ № 1576-14, б – МАЭ № 4774-22/2, в – МАЭ № 1071-82/2, г – МАЭ № 1071-87/2.

Рис. 26. Серьги. Якуты. МАЭ № 1071–23/2.

изогнут кольцом для вдевания в ухо, а второй отогнут вниз, и на него нанизано несколько бусин. Бусины обычно круглые, черного и белого цветов, часто перемежаются медными трубочками-пронизками (МАЭ, № 1576–10, 14, 15, 16, 17). Такие серьги обычны в якутских женских погребениях XVIII в., правда, встречались они и в мужских погребениях [Стрелов 1937, с. 82, 96 и др.]. Разновидностью бусинных серег следует считать серьги с подвеской, прикрепленной к нижнему концу проволоки, загнутой петелькой. Подвески металлические, чаще всего в виде жетона. Биллингсом отмечен обычай ношения нескольких серег в каждом ухе: «В ушах они носят на каждой стороне по три или по четыре колечка с подвесками из бисера, под которыми висит кусочек расплющенного серебра» [Этнографические материалы... 1978, с. 42].

Второй – *колооско ытырга* – «серьги-колечки». Такие небольшие кольцеобразные серьги имели замок в верхней более тонкой части. Нижняя часть – расширенная, иногда граненая (МАЭ, № 4774–22/2). Расширялась в виде небольшой овальной площадки и передняя часть кольца. В этом случае она часто гравировалась растительным орнаментом (МАЭ, № 1071–26/2, 87/2; 4282–91 а, в, 94) (рис. 25 б, г).

Третий *тугэхтээх ытырга* – серьги с подвесками. Часть серьги, вдеваемая в ухо – *иэмэх* («изгиб») – это собственно та же кольцеобразная серьга, описанная выше. К ней подвешивалась подвеска *тугэх*. По форме и количеству *тугэх* серьги делились на несколько разновидностей: *сиэл ытырга*, *харыйа ытырга*, *ханха ытырга*. Подвески имели многочисленные вари-

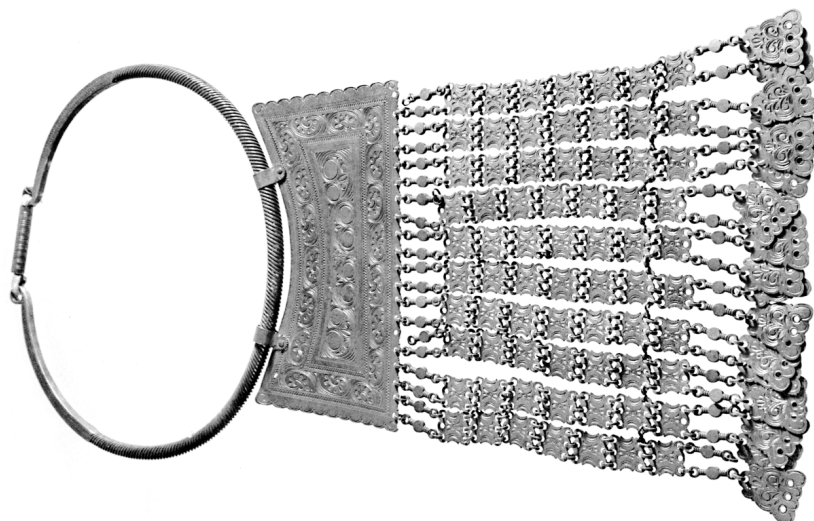

Рис. 28. Гривна. Якуты. МАЭ № 1243-1.

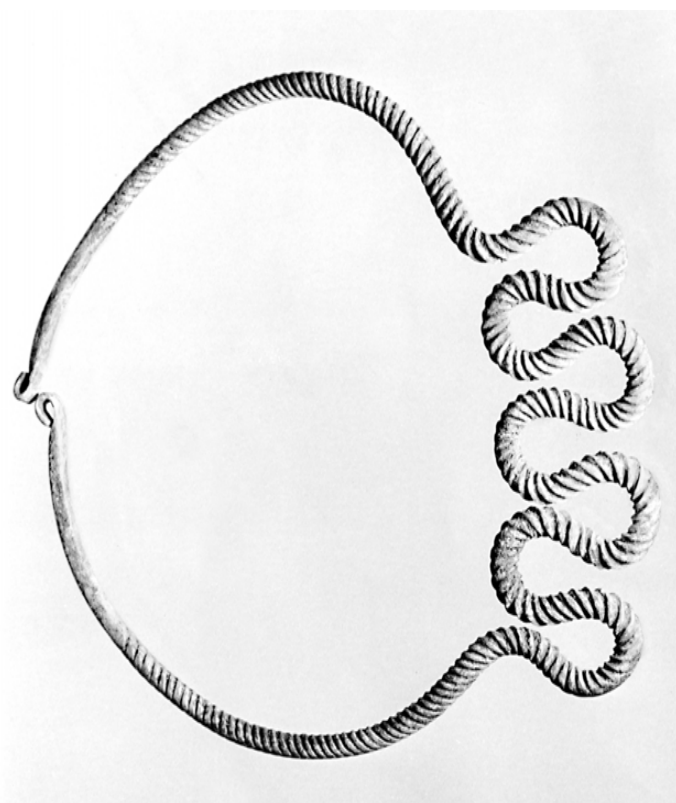

Рис. 27. Гривна. Якуты. МАЭ № 3522-136.

Рис. 29. Якутки в парадной одежде.

анты, но в основном повторяли орнаментальные мотивы, близкие к лировидной форме. Количество маленьких подвесок – от четырех до шести: в виде зерен, капель или повторения лировидных очертаний основной подвески (МАЭ, № 4282–93, 103/2; 4774–21; 1071–6/2, 12/2, 23/2) (рис. 26). Часто встречаются серьги с подвеской подковообразной формы (МАЭ, № 1071–85/2; 4282–95 в, с) (рис. 25 в).

Ф.М. Зыков отмечает повсеместное распространение серег указанных типов, с последнего десятилетия XVIII в., что не позволяет выделить каких-либо «племенных различий» [Зыков 1976, с. 48].

У якутов достаточно четко выделяются три вида шейно-нагрудных украшений. Первый – гривна *кылдьыы* – металлическое кольцо, одеваемое на шею. Это наиболее древний из известных у якутов типов украшений, бытовавший в XVII–XIX вв.

Типология якутских гривен детально разработана В.П. Дьяконовой [1958, с. 179–186]. В своей статье она привела обстоятельное описание коллекции гривен, имеющейся в МАЭ. Первый тип гривен – массивное шейное кольцо (21,5 x 20,5 см) с несомкнутыми концами, которые сделаны плоскими и загнуты в виде петель. На концах имеются отверстия для завязок. По кольцу проходит витой рельеф. Передняя часть гривны имеет петлеобразные изгибы (МАЭ, № 1576–7, 8; 3522–136). Это наиболее древний тип (рис. 27). Гривна второго типа состоит из плоского стержня, согнутого в кольцо (19 x 23,5 см). Концы гривны не сомкнуты и загнуты в виде петель. Они завязывались узкими ровдужными ремешками. На лице-

вой стороне гривны выгравирован узор в виде насечки (МАЭ, № 334–14). Третий тип – литое массивное кольцо (23 x 21 см) с несомкнутыми загнутыми концами, которые стянуты узким ремешком (МАЭ, № 4774–14; 4282–98; 1243–1; 313–78; 723–18; 1071–65) (рис. 28–29).

Ко всем гривнам могли подвешиваться подвески (*кэлин кэбихэр* – наспинное украшение, *илин кэбир* – нагрудное украшение). Поэтому, видимо, имеет смысл расширить приведенную типологию и ввести в нее такую градацию, как наличие или отсутствие подвесок и их вид. Добавим, что варианты подвесок также весьма обстоятельно описаны В.П. Дьяконовой. Заметим лишь, что подвески на первом типе гривен носили совершенно иной характер, чем на втором и третьем типах. В МАЭ имеется только один экземпляр гривны первого типа, на котором частично сохранились подвески (МАЭ, № 3522–136). Эти подвески совершенно аналогичны серьгам первого вида, наиболее архаичным, описанным Ф.М. Зыковым [1976, с. 45].

Наспинное украшение *кэлин кэбихэр* (в коллекциях МАЭ имеется на гривнах третьего типа) – это свадебное украшение, распространенное повсеместно. Оно подвешивалось не только к гривнам, но и к затылочной части головной повязки *бастынга*, а также, вероятно, могло привязываться к косам. Интересные соображения о происхождении этого вида украшений высказывал Ф.М. Зыков. Он предполагал, что *кэлин кэбихэр* когда-то предназначалось для прикрытия волос и служило накосным украшением замужних женщин. Впоследствии в связи с частичной утратой обычая украшение стало привязываться к гривне [Там же, с. 51]. Отметим – именно к гривне наиболее современного типа.

Гривны изготавливались из меди и низкопробного («польского») серебра. В.П. Дьяконова отмечает, что все гривны первого типа делались из чистой меди, а второго и третьего – из серебра. На этот счет в литературе высказано и другое мнение. Так, Ф.М. Зыков, ссылаясь на архивные документы XVII в., пишет, что нельзя говорить о большей или меньшей древности употребления того или иного металла. Изделия из серебра и меди сосуществовали в один и тот же период. Способы изготовления и декорирования изделий из меди и серебра аналогичны [Там же, с. 12]. В материалах из погребений XVIII в. описана «витая» гривна из меди (или бронзы) [Стрелов 1937, с. 92]. В то же время Б.П. Полевой приводит высказывание польского военнопленного А. Каменского-Длужика, чье пребывание в Сибири относится к середине XVII в.: «В ушах носят серьги великие, как тарелки серебряные, на лбу носят круги, а на шее серебряные и медные обручи» [Полевой 1965, с. 126].

Имеющиеся в МАЭ гривны относятся к женским украшениям. Но еще в XVII в. гривны были принадлежностью и мужского костюма [Зыков 1976, с. 56].

Второй вид – женское шейное украшение в виде шейного воротника – *хабарга симэгэ, моой симэгэ, богох*. Изготавливалось из металлической пластины в форме усеченного конуса, загнутой в кольцо (высота 5–6 см; диаметр 11–13 см). Концы не замкнуты. В них сделаны отверстия, в которые пропущен ровдужный ремешок, завязывающийся сзади на шее. Концы могли застегиваться и s-образной металлической застежкой. Поверхность украшения обычно разделялась тремя выпуклыми каннелюрами на четыре части и

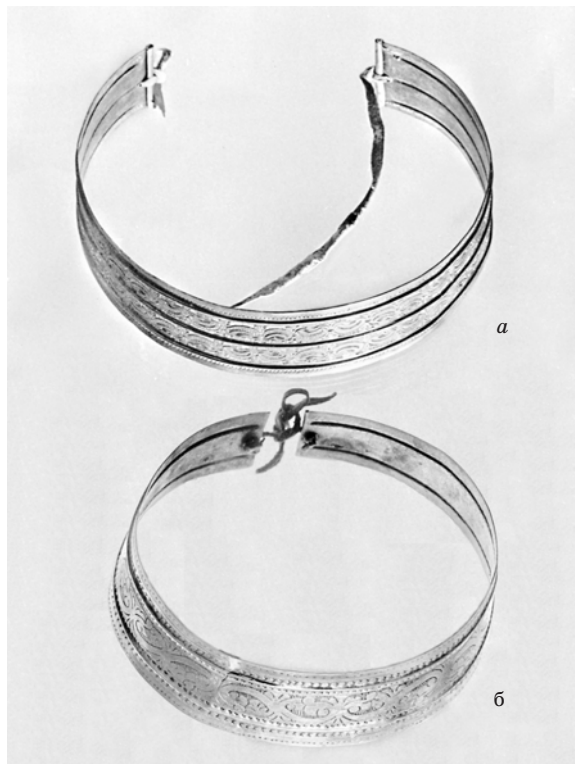

Рис. 30. Шейные украшения. Якуты, а – МАЭ № 1085–8, б – МАЭ № 334–23/1.

орнаментировалась растительными мотивами в технике гравировки. МАЭ располагает четырьмя экземплярами этого вида (№ 334–23/2; 1071–22; 1085–8) (рис. 30 а, б). К *симэгэ*, подобно гривне, могли подвешиваться нагрудные и наспинные украшения.

Третий вид – украшение в виде нагрудника из ткани или кожи четырехугольной формы, на который нашиты металлические пластины различной формы. В МАЭ таких нагрудников нет. Вид выделен по фотографиям и иллюстрациям. У В.Л. Серошевского приведен рисунок «вышитого серебром нагрудника» квадратной формы, чуть расширенной книзу. На темном фоне нашиты небольшие пластины округлой и полуовальной

формы [Серошевский 1896, с. 391, рис. 100]. Такого же рода нагрудники видим на фотографиях (МАЭ, № 971–3): на девушках-тунгусках Якутской области многочисленные украшения якутского происхождения – гривны с нагрудными подвесками, кресты и пр. Среди прочих нагрудных украшений – два нагрудника. Один из них имеет квадратную форму, с боков обшит полоской материи, которая переходит в завязки. Поверхность нагрудника темного цвета расшита небольшими серебряными (?) бляшками в форме трапеций, обращенных вершинами друг к другу. К нижнему краю нагрудника пришиты выпуклые круглые металлические бляхи. Второму нагруднику имеет иную форму. Это вытянутый в горизонтальном направлении четырехугольник. К верхним углам пришиты завязки. Поверхность расшита медными металлическими бляшками. К нижнему краю по всей длине пришиты три разной длины полосы материи в виде лент. На концах этих лент – по три круглые металлические бляхи с гравированным concentрическим орнаментом. О такого рода нагрудниках, вероятно, говорил Я.И. Линденау: «Кроме того, девушки, в отличие от женщин, носят нагрудник, какой носят тунгусские женщины; они украшают его бисером и обвешивают различными безделушками из желтой меди. Такой нагрудник называется *tyhlyck*. Когда девушка выходит замуж, она снимает нагрудник и больше его не употребляет» [Линденау 1981, с. 26].

Еще один вид якутского женского украшения – металлическая круглая подвеска *кун* («солнце»), которая подвешивалась на цепочках из ажурных звеньев. Это украшение можно рассматривать как отдельный вид. В то же время в ряде случаев это составная часть украшений уже рассмотренных видов. Такая бляха подвешивалась к верхней трапецевидной или прямоугольной подвеске нагрудного украшения гривны *илин кэбихэр*. С начальника *бастынга* ниспадала на грудь целая система длинных цепочек и серебряных ажурных пластин. Центральные ряды цепочек часто оканчивались круглой серебряной бляхой *кун*, богато украшенной гравированным, нередко с чернением растительным орнаментом [Зыков 1976, с. 51]. Вероятно, подвеска *кун* была распространена не повсеместно. Р.К. Маак, подробно описавший одежду вилюйских якутов, о ней не упоминает, что говорит скорее об ее отсутствии, чем об утрате, т.к., по утверждению М.М. Носова, это украшение бытовало в центральных районах Якутии до конца XIX в. [Там же].

На определенном этапе большое распространение у якутов получили православные нагрудные кресты, которые изготавливались местными кузнецами и подвешивались на цепочках, составленных из четырехугольных ажурных серебряных пластин (рис. 31).

Излюбленное украшение – кольца. «Я не помню, видел ли я инородца без кольца или перстня на руке. Перстень непременно именной» [Приклонский 1887, с. 38–39]. Кольца якутов обычно медные, гладкие (МАЭ, № 3522–173, 233, 234). Перстни чаще серебряные. Очень распространены были перстни-печатки со щитком круглой, овальной, лировидной формы с выгравированными инициалами. Шинка по обе стороны от щитка украшалась растительным орнаментом (МАЭ, № 334–20; 1071–45, 46, 49; 1576–9; 4282–101 и

Рис. 31. Нагрудный крест. Якуты. МАЭ № 1071–24.

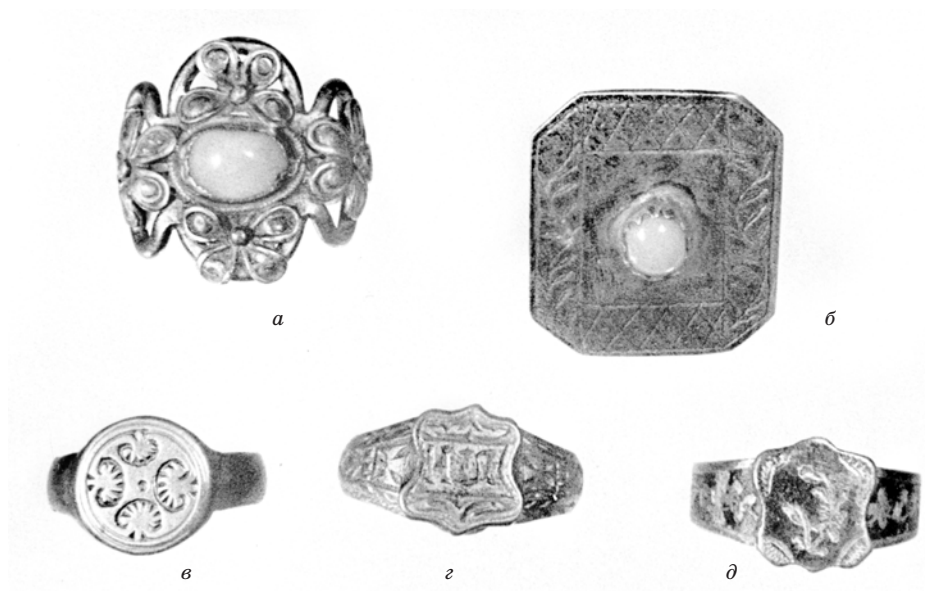

Рис. 32. Перстни, а – МАЭ № 1341–251. Сойоты; б – МАЭ № 2214–4. Хакасы; в, г – МАЭ № 334–20, № 1071–46. Якуты; д – МАЭ № 3728–110. Алтайцы.

Рис. 33. Браслет. Якуты. МАЭ № 1071–55/2.

др.). Концы старинных колец иногда не спаяны, а оформлены в виде заходящих друг за друга спиралей [Стрелов 1937, с. 88]. Носили кольца мужчины, женщины, дети (рис. 32).

Женщины в праздничные дни украшали руки браслетами. Браслеты *богох* – обязательно парные для обеих рук. Делались они из серебряной пластины в форме усеченного конуса высотой 5–7 см. Разомкнутые концы соединялись ремешком, продетым в сквозные отверстия, или специальной металлической застежкой. Поверхность браслета разделялась параллельными выпуклыми каннелюрами на горизонтальные полосы, украшенные геометрическим и растительным орнаментом в технике гравировки (МАЭ, № 344–21/2; 1071–55/2; 3758–111а, в) (рис. 33). Подобные парные широкие и плоские браслеты были характерны и для XVIII в. Так, Е.Д. Стрелов описывает найденные в женском погребении браслеты с давленным выпуклым орнаментом и оригинально сделанной застежкой. Концы браслета загнуты один внутрь, другой наружу и закрепляются друг за друга [Там же].

Традиционные прически народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев) имеют много общего. В отличие от вариabельных женских причесок, мужская прическа, сооруженная при обряде первой стрижки волос, года в три, сохранялась в первозданном виде на всю жизнь. Это заплетенная на темени косичка *кечеге* (*кичегей*, *кадеге*), вокруг которой все остальные волосы выстригались или выбривались. У хакасов и алтайцев замужние женщины носили две косы *тулунг*, девушки – нечетное количество кос, одно- или многокосные прически.

Хакасы. У хакасов прической девушки (с 10–12 лет до замужества) были косички *сүрмес*, количество которых зависело от густоты волос. Девушки, занятые работой по хозяйству, заплетали волосы в одну косу на затылке *кичеге* [Патачаков 1982, с. 80]. Одну косу заплетали и девушке, родившей ребенка до брака. Старые девы носили три косички [Бутанаев 1987, с. 158]. Девичья прическа у качинцев менялась на женскую во время свадьбы, а у сагайцев и кызыльцев – во время обряда *сас тойы* (сразу же после привоза невесты, во время «помолвки») [Там же]. В.Я. Бутанаев приводит следующие сведения. Замужние женщины к концам своих кос приплетали ложную косу, сплетенную из волос мужа и посаженной матери. Если замужняя женщина имела братьев, то к двум косам приплетала по маленькой косичке. По поверьям, они были берегами ее братьев и, с другой стороны, показывали ее связь со своим родом [Там же]. После смерти мужа женские косы распускались, но если у женщины оставались сыновья, косы расплетались не до конца. Через семь дней делали вдовью прическу [Там же, с. 162].

Женские и девичьи косы украшались различного рода кистями из бисера, часто с кусочками перламутра, бусинами, металлическими бляшками или монетами на концах. Большое распространение имели также кисти из волосяных шнурков с бисером, раковинами каури на концах. Одним из вариантов кистей были украшения в виде довольно длинных низок коралловых бусин, чередующихся с кусочками перламутра различной формы и с

бисерной кистью на конце. Верхняя часть кистей обычно сплеталась в виде волосяной косички и вплеталась в конец косы.

Специфическим девичьим праздничным украшением были *нанчи* (*нинчи*) – четырехугольный кусок кожи или другого плотного материала, обтянутый тканью и плотно зашитый крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, бисером, коралловыми бусинами. К внутренней стороне пластины прикреплялось несколько волосяных шнурков, которые вплетались в косички. Подобное украшение у кызыльцев называлось *хазазлыз чатах* [Шибяева 1959, с. 110].

Характерными для качинцев и сагайцев были серьги (*ызырга*) из медной, бронзовой или серебряной проволоки, согнутой незамкнутым кольцом. Один конец проволоки загибался крючком для застешки, второй, отогнутый книзу, унизывался крупными коралловыми бусинами круглой, бочонкообразной, грушевидной формы. Нижний кончик проволоки загибался петлей, к которой подвешивались серебряные монеты, кисти из шелковых нитей. Коралловые бусины украшались серебряными колпачками в форме лепестков, ободками (МАЭ, № 5060–91а, в, 119, 122 а, в). В ряде случаев длинный отогнутый книзу конец проволоки заменялся ниткой, привязанной к кольцу (МАЭ, № 5060-9 а, в, 120 а, в) (рис. 34, 35).

Рис. 34. Серьги. Хакасы. МАЭ № 5060–91.

Серьги этого вида были двух размеров: диаметр кольца колебался от 3–4 до 6–8 см. Небольшие серьги вдевались в мочки ушей, большие зачастую подвешивались к основанию кос или к специальным маленьким косичкам, вплетенным в основную косу [Островских 1895, с. 318] (Ф МАЭ, № 802–34; 257–10, 11 – качинцы). Иногда большие тяжелые серьги подвешивались и к тесемкам, проходящим через голову. В праздничные дни, чаще всего на свадьбу, зажиточные женщины надевали даже по две пары таких серег. На груди серьги соединялись между собой цепочкой [Патачаков 1982, с. 82].

К.М. Патачаков отмечает у хакасов и серьги другого типа: «Часто можно было видеть серьги, состоящие из двух или трех мелких бисерных кистей с монетами на концах. Кроме того, молодые женщины носили луновидной формы

серьги фабричного производства» [Там же].

Мужчины носили серьгу в мочке одного уха. Серьги делали из медной проволоки, загнутой кольцом, с одной коралловой подвеской [Кузнецова, Кулаков 1898, с. 160–161]. От женских серег мужские отличались меньшим размером.

У хакасов ожерелье *мончык* считалось украшением девичьим. На сухожильные и шелковые нити нанизывались мелкие кораллы, бисер, стеклянные шарики. Женским украшением был и нагрудник *пого*, особенно распространенный среди качинцев [Патачаков 1982, с. 82]. *Пого* имел полукруглую или полуовальную форму. Основание вырезалось обычно из кожи и обшивалось плотным материалом (плисом, бархатом). Лицевая поверхность сплошь зашивалась узором, составленным из крупных и мелких перламутровых пуговиц, небольших коралловых бусин, бисера, раковин каури, металлических блестяшек. С нижнего края часто свешивалась бахрома из стекляруса с монетами на концах нисок (МАЭ, № 264–5; 335–4; 2214–8; 2380–3 и др.) Носить *пого* полагалось поверх праздничной одежды, часто называемой в литературе «свадебной». Действительно, впервые этот костюм женщина надевала на собственную свадьбу, а в даль-

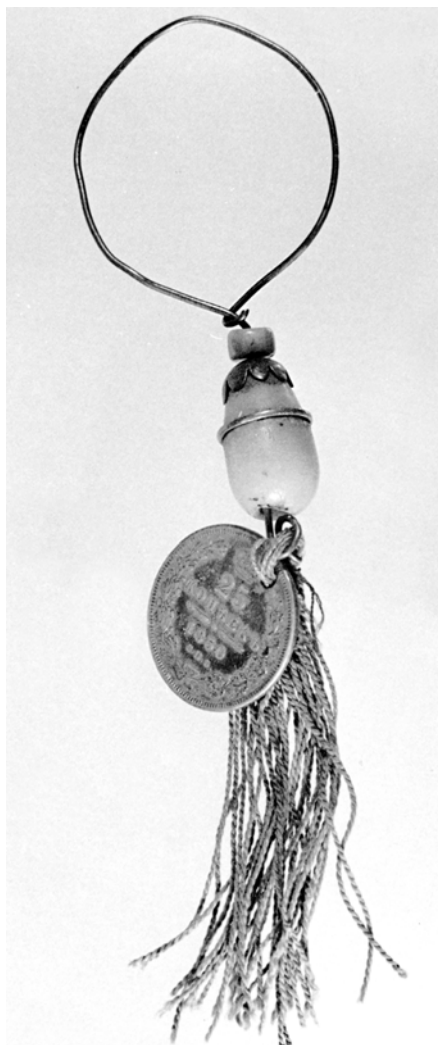

Рис. 35. Серьга. Хакасы. МАЭ № 5060–122а.

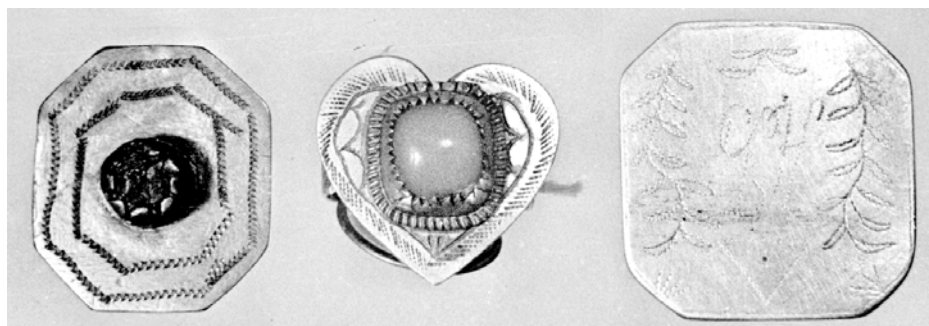

Рис. 36. Перстни. Хакасы. МАЭ № 267–82, № 5060–117, № 2214–2.

нейшем бывала в нем на других свадьбах в качестве почетной гостя *худагай* [Дьяконова, Ключева 1980, с. 82]. Вдовам носить *пого* не полагалось. Таким образом, *пого* – специфическое украшение замужней женщины.

К числу женских нагрудных украшений следует отнести и большие серебряные кресты, которые в торжественные дни носили поверх платья [Патачаков 1982, с. 84].

Медные и серебряные кольца *нурба* и перстни *чустук* носили женщины и девушки на обеих руках и на всех пальцах. Кольца могли носить также и мужчины. Шинка хакасского перстня имела расширенные и не сходящиеся вплотную концы. На них напаивался плоский большой щиток круглой или прямоугольной со скругленными углами формы, украшенный гравированными линиями и точками в виде простого геометрического орнамента, повторяющего форму щитка и каста. В центре щитка обычно располагался камень, обрамленный зубчатой розеткой. Излюбленным материалом был коралл (*шорман*) (МАЭ, № 267–82; 2214–2, 4; 5060–14, 95). Встречаются и щитки иной формы. Например, в форме сердца с тремя кораллами (МАЭ, № 50–60–116). Распространены были также именные перстни (МАЭ, № 267–83; 5060–96, 114, 117) (рис. 36, 326).

Зажиточные женщины носили золотые и серебряные браслеты. Более распространенными были браслеты, сделанные из узкой полоски плотной черной ткани или кожи и расшитые мелкими пуговицами, коралловыми бусинами, раковинами каури, бисером. Женщины Верхне-Тейских районов носили берестяные браслеты с резным или тесненным орнаментом и браслеты, сплетенные из черного и белого конского волоса. Застегивались такие браслеты на стеклянную или перламутровую пуговицу [Там же].

Алтайцы, шорцы. Женские, девичьи и мужские прически алтайцев и шорцев по своему характеру и терминологически имеют очень тесные аналогии с хакасскими. Этот вопрос очень подробно разработан В.П. Дьяконовой [1986, с. 34–44].

Косы украшали низками бус, раковинами каури, перламутровыми пластинками, различными кистями (из витых волосяных шнурков, бисера, шерстяных и шелковых нитей). Такого рода украшения бытовали у всех групп алтайцев. Широкое распространение имели накосные украшения в виде свисающей с кожаной перемычки бахромы из тонких полосок кожи с нашитыми на них связками раковин каури и медных колец. Женские и девичьи украшения отличались количеством тесемок или петель, отходящих от верхнего края перемычки (по количеству кос). По технике исполнения и использованным материалам (полоски кожи, медные кольца, раковины каури) это украшение имеет много общего с парными женскими косниками *кожагай* южных алтайцев. У северных алтайцев (челканцев, кумандинцев) женщины носили украшения в виде нескольких разной длины низок бус, подвешенных между металлическими кольцами или треугольными кусочками кожи, украшенными раковинами каури. У кумандинцев это украшение называлось *керетарткыч* [Сатлаев 1974, с. 137]. Девушки-кумандинки носили украшение в виде бахромы из бисерных низок, свисающих с узкой полоски ткани. К верхнему краю полоски пришивались петли, с помощью которых украшение подвешивалось к кончикам кос.

Бисер при нанизывании подбирался таким образом, чтобы получились цветные полосы. К концу каждой низки прикреплялось по раковине каури. Называлось это девичье украшение *чаачыш* или *чинче* [Там же].

Музейные коллекции предлагают довольно большое количество разнообразных накосных украшений. Но они, к сожалению, не дают представления о всем комплексе накосных украшений, о том, в каких сочетаниях и в каком порядке они прикреплялись к волосам. Некоторые данные на этот счет приводит В.П. Дьяконова: «В 16 лет девушке плели 12 косичек. От талии брали по две косички и заплетали в одну, таким образом прическа завершалась шестью косичками. Между двенадцатью косичками, скрепленными между собой шнурочком, по длине через одну, украшали рядом раковин каури (“аламаш”) и рядом пуговиц (“алаш”) из перламутра. К шести косичкам вплетали низки из бус и кисточки из крученых шелковых нитей» [Дьяконова 1986, с. 33]. Сведения эти получены В.П. Дьяконовой в Улаганском районе. О прическе, которую сооружали теленгитке во время свадебного церемониала, известно следующее: «Из накосных украшений сначала прикрепляли серебряную бляшку (“сакызын”) с вставленными камнями из сердолика, кораллов, затем “тана” (круглая металлическая пуговица). За тана шли низки бус (“чинчи”), затем “албаш тууткун”, и завершалось накосное украшение кистями (“алаа”) из цветных ниток» [Там же].

У шорцев, как и у северных алтайцев, девушки носили нечетное количество кос и украшали их «тяжелыми подвесками из раковин каури и бус», а также маленькими медными колокольчиками [Потапов 1951, с. 45]. Судя по музейным коллекциям, у шорцев бытовали и подобные алтайским и хакасским кисти из волосяных шнурков.

У алтайцев и шорцев можно выделить серьги следующих видов. Первый – это серьга, основу которой составляло простое кольцо из медной проволоки, иногда украшенное на одном конце металлической горошиной (МАЭ, № 5065–107 – алтайкижи; 3974–23, 25 – телеуты). Кольцо могло быть украшено нанизанными прямо на него не-

Рис. 37. Серьга. Шорцы. МАЭ № 5072–382

Рис. 38. Серьга. Алтайцы. МАЭ
№ 2334-126.

Рис. 39. Серьги. Алтайцы. МАЭ № 2334-118.

сколькими бусинами (МАЭ, № 2334–124 а, в – кумандинцы) или подвесками из нанизанного на нитку бисера с монетами, пуговицами, раковинами каури на концах (МАЭ, № 5650–73, 3720–293, 294 – алтайцы; 5072–432 а, в 5071–382 а, в – шорцы). У шорцев встречались подвески из бисерных нитей, прикрепленных не к кольцу, а к крючку (МАЭ, № 5072–382 а, в) (рис. 37).

Очень распространены были серьги из медной проволоки, верхний конец которой был изогнут в виде ушка, а нижний отогнут вниз, на него нанизывались одна, две, три коралловые бусины, и затем он загибался петелькой, на которую в свою очередь могли подвешиваться бисерные нити с монетами или кисточками на концах (МАЭ, № 5068–273 а, в; 5069–22 а, в, 23 – челканцы). Верхний конец проволоки, изогнутый для вдевания в ухо, имел форму кольца, треугольника со скругленными углами или напоминал стилизованное «сердце». Второй конец проволоки, отогнутый книзу, выше и ниже бусины часто изгибался спирально по диаметру бусины (МАЭ, № 2334–126; 5063–51 а, в – кумандинцы; 5063–106, 3650–72, 3720–286, 288, 289, 291 – алтайцы) (рис. 38).

Третий вид, судя по коллекциям, имел распространение у кумандинцев. Состоит серьга из ушка и подвески. Ушко сделано из изогнутой кольцом проволоки и продето в верхнее ушко подвески. Проволока согнута таким образом, что справа и слева от ушка подвески образуются декоративные петельки. Подвеска из тонкой ажурной медной пластинки, часто довольно сложной конфигурации или состоит из нескольких частей. Пластика украшена насечкой в виде простого орнамента, повторяющего форму и вырезы подвески. В нижней части пластинки – отверстия для крепления бахромы из бисера и мелких треугольных подвесочек (МАЭ, № 2334–118 а, в, 119 а, в, 120 а, в, 125, 211 – кумандинцы) (рис. 39).

Четвертый вид. Ушко из медной проволоки делалось та же, как в предыдущем случае, и тоже вдевалось в ушко подвески. Подвеска лирообразной, тюльпанообразной формы выливалась из латуни, олова, свинца. По нижнему краю и по бокам – округлые выступы с отверстиями для подвешивания коротких низок бисера и мелких бусин. Часто бисерные маленькие кисточки были и у сквозного отверстия в центре подвески (МАЭ, № 2242–19 а, в – телеуты; 5072–380 а, в – шорцы; 2334–123а, в – кумандинцы). Серьги этого вида часто отмечаются в описи как «старинные», «уникальные» (МАЭ, № 3974–22 а, в – телеуты; 2334–гн122 – кумандинцы) (рис. 40).

Мужские серьги на территории Алтая известны со времен ранних кочевников (V в. до н.э.), прослеживаются они по историческим памятникам в более позднее монгольское и позднемонгольское время [Там же].

Нет сведений о существовании у алтайцев какого-либо особого типа нагрудных украшений, кроме ожерелий из различного материала, чаще всего бусин, являвшихся детским и женским украшением.

У шорцев, по коллекциям Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ТГИ), можно отметить два типа шейно-нагрудных украшений. Первый – *мунчук* – представляет собой нагрудник серповидной формы из кендырной ткани, вышитый цветными нитками тамбурным

Рис. 40. Серьги. Алтайцы. МАЭ № 2242-13 а, б.

Рис. 41. Перстни, а – МАЭ № 3650-11. Алтайцы, б – МАЭ № 5072-372. Шорцы, в – № 3974-27. Алтайцы.

швом (полуокружность, зигзагообразная линия, кружки, цветочные розетки, кресты, солярные и антропоморфные изображения). К краям нагрудника пришиты подвески из двух бусин каждая. Средняя часть состоит из семи рядов цветных бус (ТГИ, № 6025–31). Подобное украшение видим на фотографии, сделанной Н.П. Дыренковой (МАЭ, № 3662–88). Второй тип ближе к обыкновенной низке бус, но сохраняет и основу из ткани. Экземпляр, принадлежащий Томскому музею, представляет собой ожерелье из трех нитей бус. Верхняя часть из мелких бусин закреплена между кендырной тесьмой и полоской розовой ткани. Средняя нить соединена с нижней, свисающей дужками, тканью красного цвета (ТГИ, № 6025–34) [Каталог... 1979, с. 68, 79].

Мужчины и женщины носили простые чуть выпуклые медные, серебряные, реже золотые кольца *чүстүк*, которыми унизывали пальцы обеих рук. Такие кольца обычно перековывали из монет (МАЭ, № 3650–9, 10, 12; 3720–296, 298). Иногда кольцо украшали небольшим щитком в виде цветочной розетки (МАЭ, № 3650–11). Орнамент на щитке выполнялся гравировкой, чеканкой, использовалось и чернение (МАЭ, № 3728–110; 3720–295; 3974–28). Подобные кольца были распространены и у шорцев. Кроме того, МАЭ располагает именными перстнями шорцев (МАЭ, № 5071–70; 5072–372, 373). Есть также перстень из трубчатой кости со щитком, вся поверхность которого украшена геометрическим узором в технике накола (МАЭ, № 5072–362) (рис. 41 а, б, в; рис. 32 д).

Тувинцы. Мужская прическа аналогична алтайской и хакасской. Таким же образом причесывали маленьких девочек. С восьми лет девочкам отращивали волосы, плели от висков косички и вплетали их в одну основную косу *кежеге*, идущую от темени. В более зрелом возрасте (с 15 лет до замужества) девушка носила прическу из четырех кос, сплетенных в одну от затылочной впадины [Дьяконова 1988, с. 15]. В косу вплетали удлиняющие ее косники из черных шелковых нитей *чалаа-кара* в виде кистей, украшенных нашитыми на прямоугольный кусок кожи коралловыми бусинами. Ниже бусин крепились три стержня, обвитые золотыми нитями. Заканчивалось украшение бахромой из разноцветных нитей [Сат 1984, с. 195]. На определенном этапе свадебного ритуала девичья прическа менялась на женскую. В различных районах Тувы женские прически делались из различного количества кос, но наибольшее распространение имела двухкосная прическа. При перемене прически к *чалаа-кара* добавлялось специальное накосное украшение женщины *чавага* (*чабога*, *чанкы*).

Маленькие девочки носили простые серьги в виде маленьких, диаметром около полутора сантиметров, колечек – *дээрбек сырга*. Девичьи серьги *дозу дээрбек* имели более сложную форму с дужкой для вдевания в ухо. *Кулак дээбектерлиг сырга* отличалась тем, что ее дужка плавно переходила в рисунок самой серьги, близкой по форме «восьмерке», «треугольнику», «кругу» и др. 8-образные серьги были широко распространены у степных кочевников еще в скифское время [Вайнштейн 1974, с. 23]. Женские серьги отличались массивностью, изысканностью ювелирного украшения, часто инкрустировались камнями и имели шумящие подвески в виде колокольчиков, трубочек, лепестков [Сат 1984, с. 194] (РЭМ, № 10064–47).

Парни и мужчины носили серьги в обоих ушах. Это были маленькие гладкие серебряные колечки [Потапов 1969, с. 239–240]. Ношение серег мужчинами (так же, как у алтайцев) отмечено со времени ранних кочевников [Вайнштейн 1974, с. 23].

Мужчины и юноши носили простые медные, серебряные и золотые кольца на большом и указательном пальцах [Потапов 1969, с. 239–240]. Такие же гладкие простые кольца *билзек* носили и девушки. Девичьими являлись также небольшие перстеньки с кораллами – *шуру каратыг билзек*. Иногда кольцо покрывалось несложным гравированным узором [Сат 1984, с. 190]. Женщины носили перстни *арыннык билзек* или *ооргалыг билзек* со щитком в виде накладной пластинки обычно круглой или вытянутой по вертикали формы, покрытым сложным криволинейным орнаментом с кораллом *шуру* в центре (МАЭ, № 1340–251). Излюбленные узоры на перстнях – сочетание завитков, различные варианты узла, «языки пламени», многолепестковые розетки, «бараний рог» [Вайнштейн 1974, с. 93].

Браслеты *билектээш* носили только женщины. Один, два, три браслета надевали впервые на свадьбу или сразу после нее. Браслеты делались из меди, серебра в виде согнутой по руке плоской широкой пластины с разомкнутыми концами. Поверхность браслета оставалась гладкой или украшалась простыми орнаментальными мотивами (штрихи, солярные знаки), чеканкой и гравировкой.

II

Классифицируя типы съемных украшений, мы разделили их на следующие группы.

- I. Украшения головы
 - 1. Накосные украшения.
 - 2. Налобные украшения.
 - 3. Головные повязки.
 - 4. Затылочные украшения.
 - 5. Височные и височно-нагрудные украшения.
 - 6. Ушные украшения.
 - 7. Носовые украшения
- II. Шейно-нагрудные украшения.
- III. Украшения рук
 - 1. Кольца.
 - 2. Браслеты
- IV. Украшения ног (Ножные браслеты).

Классификация типов, видов и подвидов съемных украшений сделана по комплексу взаимосвязанных признаков, специфических для каждой группы украшений. Как правило, основным признаком являются конструктивные особенности украшения, его форма. Виды выделяются либо

по признаку материала, либо по признаку формы, если эти признаки носят независимый характер. Подвиды учитывают второстепенные, сопутствующие характеристики. Если общая форма украшения задана самим предметом (браслеты, кольца, в меньшей степени серьги), типобразующим признаком служит материал, из которого изготавливались украшения, а также связанное с ним функциональное назначение предмета. В такой специфической группе, как накосные украшения, тесно связанной с прической, основным признаком выбрано место и способ прикрепления украшения к прическе, волосам. Признак для выделения видов – конструктивные особенности украшения, которые уточняют и конкретизируют типобразующие признаки. В этой группе дано сравнительно более подробное описание украшений, т.к. оно не приводится в основном тексте либо дано очень кратко. С материалом, используемым для изготовления украшений, связан такой сопутствующий признак, как технические приемы изготовления, технология, которые также при необходимости оговариваются в тексте.

1. УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ

1. Накосные украшения

I ТИП Основное украшение (перемычка) располагается на затылке между основанием двух кос. Укрепляется с помощью тесемок (шнуров, ремешков) вплетенных в косы.	
1 вид Затылочное украшение имеет одну пару ремешков для вплетения в косы	2 вид «Ложные косы». К затылочному украшению прикрепляется 2 пары ремешков (тесемок, шнуров). Одна пара вплетается в косы, вторая плотно спирально обматывается поверх кос
I.1.A. Длинная полоса ровдуги или х/б материи имеет расширенную среднюю часть и узкие концы. Средняя часть косника, плотно зашитая бисером, приходится на затылок, узкие концы по всей длине вплетены в косы. Ниже кос свисают украшенные кисточками, металлическими подвесками концы украшений, на уровне конца кос они соединяются перемычкой, также украшенной бисером. <u>Распространение:</u> кеты (женское украшение <i>тыйыр'ан</i>), южные ханты и манси (женское и девичье украшение).	I.2.A. Затылочное украшение имеет плотную основу (обычно кусок кожи), обтянутую красным сукном, с нашитыми на нее несколькими крупными пуговицами и бисером. Концы украшений – в виде кожаных лопастей с нашитыми на них металлическими украшениями, подвесками из бус, бисера, металлических жетонов и пр. У женских «ложных кос» концы соединены между собой перемычкой из низок бус, цепочек. <u>Распространение:</u> ненцы (женское и девичье украшение <i>та'не</i>), северные ханты и манси (женское, девичье, у хантов также и мужское украшение).
I.1.B. Затылочное украшение сделано из куска кожи вытянутой овальной формы, вышито бисером. По краям прикреплены крупные пуговицы, соединенные между собой низкой бус, бисера, свисающей под подбородком. <u>Распространение:</u> чукчи, коряки, эскимосы, тундровые юкагиры (женское и девичье украшение).	I.2.B. Затылочное украшение в виде узкой полосы плотной ткани, украшенной бисером, пуговицами, раковинами. К шнуркам обмотки пришиты кисти из бус и бисера. <u>Распространение:</u> удэгейцы, орочи (мужское и женское украшение).
I.1.B. Затылочное украшение из нескольких слоев ткани имеет четырехугольную форму. Украшено вышивкой цветными нитками, бисером, пуговицами, раковинами. Тесемки для вплетения в косы пришиты к верхним углам. <u>Распространение:</u> нанайцы (девичье украшение <i>афи</i>).	

II ТИП Украшение верхним концом вплетается в косу, а нижний конец, оформленный в виде кисти, висит ниже кончика косы.	
1 вид	2 вид
II.1. Украшение представляет собой ленту из ткани, вышитую бисером, или бисерную сетку. Нижний конец ленты украшен металлическими жетонами, шерстяными кисточками. Обычно несколько ленточек разной длины и ширины соединяются в подобие кисти. Верхний конец имеет тесемку для вплетения в косу. <u>Распространение:</u> южные ханты и манси (девичье украшение).	II.2.A. Кисть из нескольких тонких ровдужных ремешков, на которые нанизаны бусины, металлические трубочки-пронизки. Концы ремешков украшены металлическими подвесками (кольца, жетоны, монеты, колокольчики, пуговицы). <u>Распространение:</u> кеты (мужское и девичье украшение <i>думс'ут</i>), якуты (девичье украшение <i>кииста</i>).
	II.2.B. Кисть из жильных или других нитей, на которые нанизаны бусины, бисер. На конце каждой нити разного рода подвески. <u>Распространение:</u> южные ханты и манси (женское и мужское украшение), эвенки (девичье украшение), ульчи и другие народности Амура (девичье и мужское украшение), хакасы, алтайцы, шорцы (девичье и мужское украшение).
	II.2.B. Кисти из витых волосяных шнурков с бисеринами или раковинами каури на концах. <u>Распространение:</u> хакасы, алтайцы, шорцы (девичье украшение).
	II.2.Г. Кисти из шерстяных и шелковых нитей. <u>Распространение:</u> алтайцы (девичье и женское украшение).

III ТИП Прикрепляется поверх кос или косы при помощи расположенных на тыльной стороне украшения ремешков.	
1 вид Украшение на жесткой основе, на которую нашиты, прикреплены детали украшения	2 вид
III.1.А. Серебряная или посеребренная металлическая пластина подтреугольной или трапециевидной формы надета на основу из куска толстой кожи. Пластина украшена чеканным или гравированным орнаментом, нередко со вставками из камней, эмалью. Верхний край имеет полукруглую форму. Нижний – украшен подвесками из низок бус, крученой проволоки, кистей из черных шелковых нитей. <u>Распространение:</u> тувинцы (женское свадебное украшение <i>чавага</i>).	III.2. Кисти из черных шелковых нитей (искусственная коса), к основанию которой прикреплена небольшая металлическая или кожаная прямоугольная пластина со вставками из камней или нашитыми коралловыми бусинами. <u>Распространение:</u> тувинцы (женское и мужское украшение <i>чалаа-кара</i>), буряты (женское и мужское украшение).
III.1.Б. Четырехугольная или вытянутой трапециевидной формы жесткая основа из куска кожи или другого плотного материала обтянута красным сукном. На основу нашиты коралловые бусины, серебряные пластины, шелковые черные нити. Верхний край украшения венчает продолговатая посеребренная пластина, нижний – кисти из шелковых нитей. <u>Распространение:</u> буряты (девичье и для молодых женщин украшение <i>сааж</i>).	
III.1.В. Четырехугольный кусок кожи или другого плотного материала, обтянутый тканью и плотно зашитый крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, коралловыми бусинами, бисером и пр. <u>Распространение:</u> хакасы (девичье украшение <i>нанчи</i>).	

IV ТИП	
Украшение вплетается или прикрепляется с помощью пуговиц, петелек к нижним концам кос, соединяя их.	
1 вид Украшение в виде бахромы, свисающей с нижнего края перемычки. К верхнему краю прикреплены петли или короткие шнуры для крепления к волосам. Их число соответствует числу косичек.	2 вид Украшение с помощью ремешков вплетается в концы двух кос и, свободно свисая дугой, их соединит.
IV.1.A. Перемычка из ткани, украшенной бисером. Бахрома из низок бисера с раковинами каури на концах. <u>Распространение:</u> северные алтайцы (девичье украшение кумандинцев).	IV.2.A. Украшение в виде нескольких разной длины низок бусин, подвешенных между кольцами или треугольными кусочками кожи, украшенными раковинами. <u>Распространение:</u> северные алтайцы (женское украшение у кумандинцев, челканцев).
IV.1.B. Перемычка из узкой полоски кожи. С нее свисает бахрома из узких кожаных ремешков с нашитыми на них связками раковин. Ремешки соединяются медными кольцами. <u>Распространение:</u> алтайцы (кумандинцы, алтай-кижи, тубалары).	IV.2.B. Украшение в виде узкой бисерной ленты, два конца которой вплетены в концы кос так, что лента свободно свисает между ними. <u>Распространение:</u> юкагиры, восточные ханты (женское украшение).
3 вид Украшение с помощью тесемок у верхних углов вплетается в косы и висит ниже их.	4 вид
IV.3.A. Украшение в виде вертикально висящей кожаной ленты, плотно зашитой бисером. Нижний конец украшен подвесками из бубенчиков, металлических жетонов, кисточек. <u>Распространение:</u> эвенки (женское украшение), юкагиры (женское украшение).	IV.4. Парный косник для 2 кос в виде узких полосок кожи, украшенных раковинами, медными кольцами, с лирообразными медными подвесками на нижних концах, соединенных перемычкой. К верхним концам пришиты тесемки или пуговицы для крепления к косам. <u>Распространение:</u> южные алтайцы (женское украшение алтай-кижи, телеутов).
IV.3.B. Украшение в виде вытянутого по вертикали треугольника из плотной ткани, по всей поверхности которого нашиты металлические бляшки, пуговицы, цветные канты. Нижний край украшен бахромой. К верхнему углу пришита тесемка для вплетения в косы. <u>Распространение:</u> якуты (девичье украшение), нивхи (девичье украшение).	

V ТИП	
Украшение нанизывается, надевается на косу.	
1 вид	2 вид
<p>V.1. Узкие длинные чехлы для кос из ткани, украшенные тесьмой, позументом, коралловыми бусинами, серебряными пластинами.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение).</p>	<p>V.2. Замкнутые металлические ободки (полые цилиндры) более широкие для основания кос и узкие для их концов, гладкие или украшенные чеканкой, гравировкой.</p> <p><u>Распространение:</u> буряты (женское украшение <i>боолто</i> у хоринцев и эхиритов).</p>
3 вид	
<p>V.3. Подхваты для кос вытянутой овальной формы из бархата на плотной основе. Украшены рядами коралловых бусин. Одеваются на основание кос.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>боолто</i> у цонголов).</p>	
VI ТИП	
Украшение вставляется в основание косы.	
1 вид	
«Г»-образный стержень. Вертикальная перекладина вставляется в основание косы и обматывается вместе с ней ремешком. Горизонтальная часть торчит из косы под ухом.	
<p>VI.1.A. Видимая горизонтальная металлическая часть стержня, часто гравированная с шариком на конце. К этой перекладине в торжественные дни подвешивались многочисленные цепочки и подвески. Вертикальная часть стержня обшита плотной темной тканью, под которую подкладывалась прядь волос, сплетавшаяся с косой.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>туйба</i> у хоринцев).</p>	
<p>VI.1.B. Значительно более массивный г-образный стержень, целиком обшитый темной материей. Горизонтальная перекладина со всех сторон закрыта серебряной фигурной накладкой, украшенной чеканкой и гравировкой, цветными камнями. К вертикальной части стержня прикреплен пучок волос и длинная искусственная коса. После закрепления в основании косы вертикальная часть стержня закрывается фигурной серебряной пластиной и зашнуровывается с изнанки.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>хонтуул</i> у сартулов).</p>	

Кроме перечисленных видов и типов накосных украшений, к волосам прикреплялись в разном сочетании и разном количестве всевозможные подвески в виде ажурных круглых и ромбовидных металлических пластин (ханты, манси, нганасаны, якуты), оправленных в филигранный ободок монет (буряты), бусин, бубенчиков, пуговиц.

I тип накосных украшений и связанный с ним тип прически охватывает три довольно больших и не связанных между собой географически и лингвистически ареала: Западную Сибирь (северные ханты, манси, ненцы, кеты), Северо-Восток Сибири (чукчи, коряки, эскимосы, тундровые юкагиры) и Дальний Восток (удэгейцы, орочи). Второй вид этого типа накосных украшений характеризуется плотной обмоткой волос специальным шнуром. Сам по себе шнурок или ремешок, употребляемый для обмотки, трудно рассматривать как особый вид украшения, и потому в приведенную классификацию он не входит. Все же нужно иметь в виду, что традиция обмотки волос в Сибири имеет более широкое распространение, чем первый тип накосных украшений. Она известна, помимо перечисленных народов, эвенкам, якутам, нанайцам и ульчам и имеет продолжение в Северной Америке. Это уже практически весь северо-сибирский ареал, включая Дальний Восток.

Накосные украшения Южной Сибири также выявляют и типологическое сходство и специфические для каждого народа черты. Украшения на жесткой основе (третий тип накосных украшений) известны тувинцам, хакасам, бурятам, причем в видах и подвидах, очень близких между собой. Объединяет эти народы и такая черта, как обычай вплетения искусственных кос из волос и шелковых нитей (III. 2). У хакасов нет такого вида специального украшения, если не считать кистей из волосяных шнурков, но сам обычай отмечен. Украшения для кос на жесткой основе встречаются также и к западу и юго-востоку от таких достаточно далеко стоящих друг от друга народов, как башкиры, киргизы, монголы [Бадмаева 1987, с. 73].

С таким видом накосных украшений Южной Сибири, как бахрома (IV.1), по форме и конструктивным особенностям (бахрома из соединенных между собой по вертикали серебряных пластин) может быть связано и якутское наспинное украшение *кэлин-кэбихэр*, подвешивавшееся к гривне и реконструируемое как первоначально накосное украшение [Зыков 1976, с. 51].

II тип накосных украшений, объединяющий разного рода кисти, известен практически по всей Сибири и Северу. Но в наибольшем разнообразии подвидов, так же, как бахромы, он представлен в Южной Сибири. Известно, что кисти и бахромы – вид амулетов древнего происхождения, широчайшего ареала распространения, включающего в первую очередь Среднюю Азию.

IV тип объединяет разнообразные виды украшений, вероятно, генетически не связанные или мало связанные между собой. Выделение этого типа носит весьма искусственный характер. Показателен он лишь в том отношении, что демонстрирует весьма распространенный в Сибири принцип соединения кос между собой. Этот принцип в качестве сопутствующего признака, характерного для женских накосных украшений, встречается и в других типах (I. 1. А, I. 2. А, II. 1).

V и VI типы накосных украшений, характерные для бурят, не имеют аналогий на территории Сибири, но достаточно распространены у ряда племен Монголии.

2. Налобные украшения

<p align="center">I ТИП</p> <p>Налобная повязка из полосы ткани, ровдуги, завязывающаяся ремешками или застегивающаяся пуговицей, пряжкой на затылке. Лобная часть украшена бисером, бусинами, пуговицами, раковинами, металлическими бляшками и пр.</p> <p><u>Распространение:</u> южные ханты (женское и девичье украшение <i>саравать</i>), эвенки (женское ритуальное украшение <i>дэрбэки</i>), нанайцы (женское украшение <i>хокту</i>).</p>
<p align="center">II ТИП</p> <p>Налобная пластина из металла (железа, серебра) стреловидной, лопатообразной вытянутой формы.</p> <p><u>Распространение:</u> западные буряты (девичье украшение <i>юбун</i>).</p>

3. Головные повязки

I ТИП	
Головная повязка в виде венца с перекрестьем на макушке или с полосой, соединяющей лобную и затылочную (височные) части.	
<p align="center">1 вид</p> <p>I.1. Мягкая головная повязка из ровдуги, расшитой бисером, сукна.</p> <p><u>Распространение:</u> ненцы (женское и девичье украшение <i>судор</i>), эвенки (девичье ритуальное украшение <i>элдэн</i>)</p>	<p align="center">2 вид</p> <p>I.2. Головная повязка из ткани на жесткой основе из бересты (картона) в виде полосы или кокошника, расшитая бусинами.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (девичье и женское украшение <i>даруулга</i>).</p>
<p align="center">3 вид</p> <p>I.3. Головная повязка (венец) из металлического ободка, завязанная одной парой ремешков на затылке и второй под подбородком. Может иметь на макушке перекрестье из цепочек.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны (девичье ритуальное украшение <i>саймиди</i>), ненцы (женское украшение).</p>	<p align="center">4 вид</p> <p>I.4. Головная повязка из кожаного ремешка.</p> <p><u>Распространение:</u> чукчи, нганасаны (ритуальное девичье украшение, аналогичное <i>саймиди</i>).</p>

2 и 3 группы украшений – налобные и головные повязки – конструктивно очень близки между собой. Разница главным образом в том, что в первых акцентировалась и особенно украшалась только лобная часть, а во вторых – вся поверхность украшения. Количество перекладин в венцеобразных головных повязках варьировало. Так, у ненцев бытовали венцы с одной и двумя перекладинами. У забайкальских бурят наличие перекрестья на макушке – родоплеменной признак. В ряде случаев направление перекладины маркировало социовозрастную принадлежность: продольная перекладина, соединяющая лобную и затылочную часть, – признак *даруулги* женщины, а височные части – признак девичьей *даруулги* [Бадмаева 1987, с. 70].

Ко всем головным и налобным повязкам эвенков присоединялись различного рода височные подвески в виде низок бус, кистей, бахромы и т.п. У бурят височные подвески с *даруулгой* носили только девушки [Там же, с. 71].

5. Височные и височно-нагрудные украшения

I ТИП	
Парные кольцообразные височные подвески. Основу височной части украшения составляет незамкнутое кольцо из металлической проволоки с отогнутым книзу стержнем, на который нанизаны бусины (камень, коралл). Височные части могут соединяться между собой подвесками, спускающимися на грудь.	
1 вид Без нагрудных подвесок	2 вид С нагрудными подвесками, соединяющими нижнюю часть стержней
I.1.A. Отогнутый книзу стержень заканчивается петлей с подвеской в виде каменной пластины, металлического жетона, монеты, нитяной кисти. <u>Распространение:</u> народности Амура, хакасы.	I.2.A. Нагрудные подвески в виде цепочек, низок коралловых бусин. <u>Распространение:</u> хакасы, забайкальские буряты (<i>һиихэ, һиихэ-хээ</i> у хоринцев).
I.1.B. Металлический стержень с нанизанными на него коралловыми бусинами образует петлю. Височное кольцо имеет уплощенную переднюю (лицевую) часть с фигурной накладной пластиной. <u>Распространение:</u> забайкальские буряты (<i>сэртэбиэ</i> у баргузинских бурят).	I.2.B. Нагрудные подвески в виде ожерелья с тремя фигурными металлическими пластинами и колокольчиками. Височное кольцо дополнено фигурной чеканной накладкой на лицевой (передней) части. Внутреннее пространство кольца заполнено ажурным филигранным узором. <u>Распространение:</u> забайкальские буряты (<i>һиихэ-хонхо</i> у сартулов).
II ТИП	
Парные височные подвески в виде круглой пластины с резным орнаментом (или состоящей из нескольких плотно прилегающих и скрепленных друг с другом концентрических колец). От нижней части спускаются 9–10 коралловых низок, соединенных в нескольких местах между собой. <u>Распространение:</u> западные буряты (украшение <i>һиихэ-моор</i> у верхоленских бурят)	

I тип височно-нагрудных украшений объединяет кольцообразные височные подвески народностей Амура, хакасов, бурят Забайкалья. У народностей Амура и хакасов это собственно серьги больших размеров, аналогичные 3 виду (I.3) в классификации типов ушных украшений. По мере увеличения размеров и тяжести украшения его становилось невозможно прикреплять непосредственно к ушам. Крупные и тяжелые серьги по несколько пар сразу подвешивались к специальной повязке (*сиэнтү* – нан.), к тесемке, перекинутой через голову, или к маленьким косичкам, вплетенным в основные косы. По месту размещения их можно назвать не только височными, но и околоушными подвесками. Гораздо дальше от исходного вида серег отошли височно-нагрудные украшения бурят. И дело не только в наличии нагрудных подвесок. Они могли присутствовать и в хакаских подвесках и серьгах, а также в серьгах хантов, хотя и в более примитивном

виде. При сохранении общих конструктивных признаков многие элементы бурятских височных подвесок значительно усложнились. Это касается и оформления височного кольца, и способов соединения деталей украшения и сложной системы нагрудных подвесок. В целом в создании бурятских украшений использовались гораздо более сложные технические приемы.

II тип, представленный височными подвесками западных бурят, несет в себе черты культуры, свойственные древним тюркоязычным племенам Южной Сибири, предкам якутов и алтайцев [Там же, с. 76].

6. Ушные украшения. Серьги

I ТИП	
Кольцеобразные серьги из изогнутой серебряной, медной, железной проволоки	
1 вид	2 вид
<p>I.1. Серьги в виде незамкнутого кольца без подвесок, иногда с нанизанными прямо на кольцо бусинами, каменными дисками.</p> <p><u>Распространение:</u> девичьи, женские и мужские (меньших размеров) серьги практически у всех народов Южной Сибири и Дальнего Востока.</p>	<p>Кольцеобразные серьги с подвесками.</p> <p>I.2.A. Разнообразные подвески из низок бисера с монетами, жетонами, пуговицами на концах.</p> <p><u>Распространение:</u> алтайцы, хакасы, шорцы (в основном девичьи серьги).</p>
3 вид	
Кольцеобразные серьги с отогнутым книзу стержнем, на который нанизаны бусины	
<p>1.3.A. Серьги с круглым кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень с нанизанными на него бусинами имеет внизу бусину с подвеской.</p> <p><u>Распространение:</u> якуты (женские и мужские серьги <i>туорах ытырга</i>), алтайцы, хакасы, тувинцы (женские и мужские серьги).</p>	<p>1.2.B. Подвески в виде тонкой пластины, иногда составной, из меди, серебра; обычно с мелкими подвесками в нижней части из металла и бисера. Форма разнообразная, но чаще всего лиро- и тюльпанообразная.</p> <p><u>Распространение:</u> женские серьги у народностей Амура (<i>лэргшукэн</i> – нанайцы), якутов (<i>тугэхтээх ытырга</i>), алтайцев (кумандинцев, тувинцев).</p>
<p>1.3.B. Серьги с круглым кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень с нанизанными бусинами снова загибается вверх вдоль бусин и спирально закручивается вокруг верхней части стержня под кольцом.</p> <p><u>Распространение:</u> народности Амура (женские и мужские серьги нанайцев <i>хайпон</i>, мокасу, <i>хусэгдэсу</i>).</p>	<p>1.2.B. Подвески литые лирообразной формы из латуни, олова, свинца, с маленькими подвесочками из коротких низок мелкого бисера. Иногда со вставкой из коралла или камня.</p> <p><u>Распространение:</u> алтайцы (телеуты, кумандинцы), шорцы (женские серьги).</p>
<p>I.3.B. Серьги с круглым или закругленным треугольным кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень выше и ниже бусины закручен в плотную спираль по диаметру бусины.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы, алтайцы, тувинцы (женские серьги).</p>	

II ТИП

Серьги с основой из ровдужного ремешка (сухожильной нити), на которую нанизаны бисер, бусины, металлические пронизки, пуговицы и пр. К нижнему концу прикреплена подвеска в виде металлического жетона, монеты, каменная или костяная подвеска. Ремешок вдевался в отверстие в мочке уха и завязывался узелком или образовывал петлю.

Распространение: ханты, манси, ненцы, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, коряки, эскимосы (женские и мужские серьги).

III ТИП

Серьги крючковые с подвеской.

Распространение: мало распространен в Сибири, встречается в основном на серьгах, сделанных в подражание привозным образцам.

Серьги кольцеобразного типа характерны для народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев, бурят, якутов), народностей Дальнего Востока (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, нивхов, айнов). Причем повсеместное распространение среди перечисленных народов имели серьги 3 вида этого типа. А если иметь в виду вероятность происхождения височных подвесок (I типа) от кольцеобразных серег (I.3), то ареал бытования кольцеобразных серег включит в себя и забайкальских бурят.

Кольцеобразные серьги имеют весьма древнее происхождение и были распространены в Южной Сибири и Монголии, если судить по каменным изваяниям, относящимся к тюркским племенам VII–IX вв. н.э. [Евтюхова 1941, с. 128]. Рассматривая обычай ношения кольцеобразных серег мужчинами-алтайцами, Л.П. Потапов отмечает, что у кочевых народов Южной Сибири он был известен уже в период ранних кочевников, по крайней мере с V в. до н.э. [Потапов 1951, с. 8]. С.И. Вайнштейн прослеживает 8-образную серьгу тувинцев с того же времени [Вайнштейн 1974].

Аналогии кольцеобразным серьгам за пределами Сибири можно найти как у территориально близких монголов, китайцев, так и у более отдаленных народов Средней Азии и Казахстана.

7. Носовые украшения. Серьги**I ТИП**

Кольцеобразные серьги.

Распространение: нанайцы, орочи, удэгейцы, тазы, самагиры. Как исключение встречались у ульчей, нивхов, негидальцев.

1 вид

I.1. Серьга в виде небольшого колечка, которое носили в носовой перегородке или крыле носа.

2 вид

I.2. Серьга из проволоки, изогнутой в форме восьмерки, с нижней частью в виде плоской спирали. Носили в носовой перегородке.

Аналогий этой группе украшений в Сибири нет. Есть параллели в Средней Азии и Казахстане. Носовые серьги бытовали у туркмен, узбе-

ков даштыкыпчакского происхождения, некоторых групп таджиков и каракалпаков.

Носовые серьги здесь также носили и в крыле носа, и в носовой перегородке. Обращает на себя внимание один из типов этих украшений, основу которого составляет кольцо, отделанное спиралевидной проволокой [Борозна 1974, с. 40]. Прямой аналогии в оформлении серьги нет (кроме общей кольцеобразной формы), но спираль широко используется как элемент украшения [Сазонова 1970, с. 126].

II. ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

I ТИП	
Шейное кольцо	
1 вид	2 вид
Гривна – металлическое кольцо из сплава серебра, бронзы, меди округлое или уплощенное в сечении. Концы кольца разомкнуты и загнуты петлями или имеют отверстия для продевания ремешка их связывающего.	1.2. Украшение из полосы металла, загнутой кольцом в форме усеченного конуса. Максимальная ширина равна высоте шеи. Концы соединены ровдужными ремешками или металлической застежкой.
I.1.A. Литое кольцо с витым рельефом и петлеобразными изгибами в передней части. <u>Распространение:</u> якуты, юкагиры, эвенки (эвены).	
I.1.B. Плоское кольцо с гравированной поверхностью. <u>Распространение:</u> якуты.	
I.1.B. Литое массивное кольцо без петлеобразных изгибов. <u>Распространение:</u> якуты, долганы, удэгейцы (женское украшение <i>монгго-ли</i>), вероятно нанайцы (девичье и свадебное украшение <i>ори</i>).	

Женские якутские гривны *кылдьыы* могут дать также в каждом подвиде варианты по признаку наличия или отсутствия подвесок (нагрудных и наспинных) и по типу этих подвесок.

II ТИП	
Украшение в виде полосы ткани.	
1 вид Полоса ткани, расшитая бисером и металлическими бляшками, перекинутая через шею и концами свисающая на грудь.	2 вид Нагрудная перевязь – лента, расшитая бусинами, бисером, носившаяся наискосок через грудь. <u>Распространение:</u> васюганские ханты, забайкальские буряты (женское украшение).
II.1.A. Имеет выраженную шейную часть в виде стоячего «воротничка», к концам которого прикреплены подвески из ажурных лент. <u>Распространение:</u> южные ханты (женское украшение <i>рох</i>).	
II.1.B. Шейная часть не оформлена, на ней обычно отсутствует вышивка бисером. <u>Распространение:</u> южные и северные ханты и манси, восточные ханты.	
II.1.B. Концы полос ткани, спускающиеся на грудь, соединены между собой четырехугольным нагрудником, на который нашита бисерная сетка. <u>Распространение:</u> ханты, манси (женское украшение <i>мал'соупс</i>).	
III ТИП	
Нагрудники	
Нагрудники имеют довольно разнообразную форму: от вытянутой серповидной, закрывающей только верхнюю часть груди, до квадратной, закрывающей всю грудь. Видовым признаком форма служить не может, поскольку при всем разнообразии она в своей основе едина. Кроме того, в одном и том же виде украшения она может варьировать от полуовальной до полукруглой.	
1 вид Нагрудники, декоративные детали которых пришиты на плотную основу из ткани, кожи, ровдуги.	2 вид III.2. Нагрудник серповидной формы в виде ажурной сетки, низанной из бисера. <u>Распространение:</u> сургутские, кызымские ханты.
III.1.A. Серповидный кусок ровдуги или плотной ткани, зашитый рядами бисера, мелких пуговиц. Геометрический орнамент повторяет форму основы. К концам пришиты завязки, к нижнему краю – иногда бахрома в виде ажурной бисерной сетки. <u>Распространение:</u> восточные ханты, северные ханты и манси (женское украшение).	3 вид III.3. Нагрудник серповидной формы из кендырной ткани, вышитый цветными нитками. Нижний край украшен подвесками из коротких низок бисера и бусин. <u>Распространение:</u> шорцы.

1	2
<p>III.1.Б. Полуовальный, вытянутый по вертикали, с вырезом для шеи в верхней части кусок кожи, обтянутый тканью (плис, бархат). Поверхность зашита крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, коралловыми бусинами, а между ними – рядами бисера. Нижний край усажен бахромой из низок бисера, бусин, монетами.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы (женское свадебное украшение <i>ного</i>).</p>	<p>4 вид</p> <p>III.4. Полуовальной формы украшение из оленьей шкуры мехом внутрь. Мездра окрашена в красный цвет. Украшен несколькими металлическими пластинками и вышивкой оленьим волосом. К нижнему краю пришита бахрома из нарезанного полосками куска ровдуги.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны.</p>
<p>III.1.В. Нагрудник подквадратной или трапециевидной формы. Основа обтянута плотной тканью, лицевая поверхность зашита серебряными пластинами.</p> <p><u>Распространение:</u> якуты (девичье украшение).</p>	<p>5 вид</p> <p>III.5. Металлические (медь, железо, серебро) пластины серповидной формы. К нижнему краю прикреплены подвески из бусин и жетонов.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны, энцы (украшение <i>деридэку</i>), нанайцы, ульчи (украшение невесты <i>сэлкэ</i>), ханты или селькупы.</p>
IV ТИП Ожерелья*	
1	2
<p>1 вид</p> <p>Ожерелья без подвесок.</p>	<p>2 вид</p> <p>Ожерелья с подвесками. Подвески, кроме того, могли носиться на ленте, ремешке, цепочке. Подвески очень разнообразны. Выделены только основные подвиды.</p>
<p>IV.1.А. Ожерелья в 1, 2, 3 нити из бусин и бисера.</p> <p><u>Распространение:</u> повсеместно.</p>	<p>IV.2.А. Круглые подвески (а – металлические, б – каменные).</p> <p><u>Распространение:</u> а – якуты (<i>кун</i>), буряты, эвенки, юкагиры; б – нанайцы, ульчи, нивхи (<i>косо, ори, сиан</i>).</p>

*В литературе название «Ожерелье» употребляется весьма широко по отношению к различным видам украшений из разных материалов, располагающихся вокруг шеи и на груди. Здесь этот термин употреблен в более узком смысле слова, подразумеваются украшения, нанизанные на нить, шнур, кожаный ремешок. При описании различных видов украшений народов Сибири этот тип украшений практически не упоминается намеренно, т.к. он распространен повсеместно и описать его имеет смысл в одном месте, чтобы избежать повторений.

<p>IV.1.Б. Ожерелья из монет. <u>Распространение:</u> буряты, якуты (женское украшение)</p>	<p>IV.2.Б. Подвески-обереги в виде клыков диких животных, антропоморфных и зооморфных фигурок, бусин и пр. Часто хранились в мешочках, украшенных бусинами и бисером. <u>Распространение:</u> чукчи, коряки, юкагиры и многие другие.</p>
<p>IV.1.В. Ожерелья из «природных» материалов местного происхождения. <u>Распространение:</u> эскимосы (ожерелья из покрова слизняков, наростов на головах птиц, моржовых зубов), чукчи. Алтайцы, шорцы (из рыбных позвонков).</p>	
<p>IV.1.Г. Ожерелья из разнородных предметов: бусин, металлических пуговиц, пластинок, пронизок, донышек патронов, деталей часового механизма и т.п. <u>Распространение:</u> ханты, долганы, нганасаны.</p>	<p>IV.2.В. Кресты нательные. <u>Распространение:</u> якуты, хакасы, ханты, эвенки, долганы.</p>

Кроме якутов, украшения первого типа (I.1) отмечены у юкагиров и тунгусов. В данном случае речь идет либо об эвенках Охотского побережья (см. [Золотарев 1938, с. 80–81]), либо об особой группе эвенов (см. [Долгих 1955, с. 40]). Вероятно, у этих народов гривны нужно отнести к разряду заимствований. У эвенков на пограничной с якутами территории были распространены и другие виды якутских украшений. Много якутских и эвенкийских заимствований у юкагиров. Каким образом гривна (украшение, с древнейших времен распространенное у народов Европы и Средней Азии, а может быть и шире), появилась на территории Сибири, сказать трудно. В.П. Дьяконова предполагает, что якутами она была заимствована у народов Центральной и Средней Азии [Дьяконова 1958, с. 185].

Якутские воротнички (I.2) по форме и способу декорирования (каннелюры, расположенный между ними растительный орнамент) очень близки серебряным браслетам якутов же. Об этом говорит и одно из названий украшения – *бэгэх*. Различие только в размерах. В то же время у *хабарга симэгэ* есть общие черты с одним из подвидов якутских гривен (I.1.Б) – плоская, покрытая гравированным орнаментом поверхность. К тому же к *хабарга симэгэ*, как и к гривне, могли подвешиваться нагрудные и наспинные подвески. Следует заметить, что в якутских погребениях XVII и XVIII вв. находили только гривны и браслеты [Стрелов 1937]. Все это дает возможность говорить о весьма позднем происхождении этого вида украшений.

Есть данные о том, что и у народностей Амура существовали украшения, подобные гривне и шейному «воротничку». Характерно, что нанайское шейное украшение *бэлгантун* также чрезвычайно похоже на браслет *билэптун*.

II тип шейно-нагрудных украшений (II.1), вероятно, ведет свое происхождение от украшенного воротника и грудного выреза одежды (типа женской рубахи хантов *ернас*). Украшение подвида Б (II.1.Б) имело уже вполне самостоятельный характер, а украшение подвида А (II.1.А) часто еще пришивалось к вороту рубахи [Прыткова 1953, с. 208]. Интересно, что такой же характер носило и нагрудное украшение *töштöк* у алтайцев и шорцев. Это нечто вроде шалевого воротника из сукна на ситцевой подкладке, с прокладкой из бересты или плотного картона. *Töштöк* украшался серебряным галуном, бисером, пуговицами, вышивкой [Каталог... 1979, с.68]. Он хранился в сундуке и в необходимых случаях пришивался к женской рубахе *кунек* [Потапов 1951, с. 32–33]. Но отдельно от рубахи, в отличие от хантыйского украшения, никогда не носился. Думается, что постепенное выделение особо украшенных деталей одежды в самостоятельные предметы – съемные украшения – один из путей возникновения и развития ряда видов украшений.

Мансийское и хантыйское украшение (*mal'soups* – манс.) (II.1.В) представляет собой развитие II типа украшений, вероятно локальное и довольно позднее.

Украшения II типа характерны для южной группы хантов, но известны, хотя и в меньшей степени, также у северных хантов и манси (II.1.Б, II.1.В). Локализация украшений подвида Б у восточных хантов позволяет считать его не типичным, а заимствованным у южной группы. Известно, что сходные типы украшений широко бытовали у народов Поволжья и Средней Азии [Лукина 1985, с. 231].

Несмотря на то, что хантыйские и бурятские перевязи объединены здесь в один вид (II.2), генетически они между собой вряд ли связаны. Буряты, например, на таких перевязях носили медальон (ладанку) *гуу*.

III тип нагрудных украшений представлен наибольшим количеством видов и подвигов.

Нагрудник как определенная часть костюма довольно широко распространен в Сибири. Считается, что это характерная часть одежды тунгусоязычных народов, а также долган. Кроме того, нагрудники как часть шаманской или промысловой одежды бытовали у кетов, селькупов, якутов, юкагиров, энцев, нганасан [Василевич 1949, с. 42]. Известны «лечебные» нагрудники ульчей.

Рассматривая тунгусские женские нагрудники, Г.М. Василевич в особый (II-й) тип выделяет нагрудники «представляющие собой ровдужную основу, к которой прикреплены украшения: нагрудное, набрюшное или поясное и нижнее – на подоле» [Там же, с. 56]. И далее высказывает мысль о том, что одним из источников происхождения тунгусского нагрудника этого типа могли быть украшения, закрывающие грудь и гениталии: «Первоначально эти украшения были самостоятельными частями одежды, потом стали прикрепляться к основе и, наконец, превратились в орнамент на ровдужной основе» [Там же]. Если раньше речь шла о превращении особо украшенных частей одежды в самостоятельные украшения, то здесь мы, видимо, имеем дело с обратным процессом – сращиванием ряда групп украшений (нагрудных, набрюшных и проч.) и превращением их в

деталь костюма. При этом, согласно мнению Г.М. Василевич, металлические украшения сначала стали пришиваться к ровдужной основе, а затем превратились в вышитый бисером орнамент. Вероятно, в процессе этого превращения можно выделить ту стадию, когда украшения нашивались на основу и были близки описанному здесь типу украшений в виде нагрудника. Что-либо определенное о форме этого нагрудника сказать трудно. В этом плане определенную пользу могло бы принести изучение тунгусских и долганских нагрудников с этой точки зрения. В частности, большой интерес, несомненно, представляет долганский женский летний нагрудник из ровдуги (*тюһюлюк*). К краю шейного выреза его пришита самостоятельная деталь в виде нагрудного украшения неправильной формы (как бы с фестонами), орнаментированного цветным бисером и пуговицами из белого металла. К нижним краям «нагрудника» пришиты подвески из бусин и круглых медных бляшек с ушками [Попов 1958 а, с. 99]. Можно предполагать, что даже при отсутствии отдельного нагрудного украшения орнамент вышивки на нагрудной части и особенно форма этой вышивки могли бы многое сказать об исходной форме нагрудных украшений. Описывая женский нагрудник тунгусов *кэлэкэн*, С.И. Николаев отмечает, что его орнаментировали, выделяя верхнюю трапецевидную часть. На ней вышивали характерный зубчатый рисунок, зубцы которого направлены кверху. Один из зубьев нередко соединялся с окаймлением передней части нагрудника [Николаев 1964, с. 94].

Привлекает внимание исследователей общность происхождения 1 вида нагрудников (III.1). Так, например, Ю.А. Шибаева, анализируя формирование одежды качинцев, прослеживает ее связь с древнеякутской одеждой. Хакассские *пого* указывают на «давнюю культурную связь древних качинцев с башкирами, которая возникла еще в те времена, когда древние качинцы жили на Тоболе» [Дьяконова, Ключева 1980, с. 8, 84]. Очевидно, как считает Н.В. Лукина, с данной территории украшения этого типа попали к васюганским хантам [Лукина 1985, с. 231]. Развитием этого же вида можно считать и нагрудное украшение сургутских хантов (III.2), которое отличается от первого вида только техникой исполнения.

III вид – металлические нагрудные пластины – связан с 1 видом не только формой, но и в ряде случаев способом прикрепления к аналогичной по форме основе из ровдуги (энецкое *деридэжу*).

Металлические серповидные пластины из меди и латуни известны как нагрудные подвески шаманских костюмов у нганасан и энцев. Для них характерно наличие антропоморфных изображений (головок) духов-хранителей [Иванов Л., 1970, с. 104]. Вероятно, такие же пластинки, но без антропоморфных изображений, являлись нагрудными украшениями. Они подвешивались на ремешках, а также пришивались к нагрудной части женских комбинезонов. Подобное украшение в виде серповидной пластинки из низкопробного серебра с характерным штампованным орнаментом найдено также в хантыйском погребении (МАЭ, № 5542–51). К этому же виду относятся нанайские и ульчские серебряные серповидные украшения *сэлкэ*. Ю.А. Сем отмечает, что это украшение на Амуре не носило автохтонного характера. Покупали его у якутов и маньчжуров [Сем 1973, с. 232].

Выделение видов и подвидов в IV типе шейно-нагрудных украшений весьма условно, т.к. оно охватывает небольшую, хотя и типичную часть имеющихся в наличии вариантов. Как было сказано, амулеты часто хранились в мешочке, подвешенном на шею (чукчи, коряки, юкагиры, нганасаны и др.). Такой мешочек сам по себе можно рассматривать как украшение, если он, скажем, вышит и украшен бисером. Отсюда же ведет происхождение такой вид шейно-нагрудных украшений, как нганасанское *сей-ми*, которое является имитацией такого мешочка.

Кресты (IV.2.B) имеют достаточно позднее происхождение, их появление связано с процессом христианизации коренного населения Сибири. МАЭ располагает весьма обширной коллекцией крестов якутов, а также хантов, эвенков, долган, хакасов [Клюева, Михайлова 1988, с. 189–199].

III. УКРАШЕНИЯ РУК

1. Кольца

I ТИП Простые кольца	
1 вид	2 вид
Кольца металлические (медные, серебряные, реже латунные, оловянные, золотые). В сечении плоские и выпуклые. Поверхность гладкая или украшенная простым гравированным орнаментом.	Мужские предохранительные кольца из металла, кости, камня
I.1.A. Замкнутые (литые). <u>Распространение:</u> все народы Северной и Южной Сибири, Дальнего Востока.	I.2.A. Кольца, одеваемые на указательный палец. <u>Распространение:</u> северо-восточные палеоазиаты
I.1.B. Разомкнутые (кованые), с концами, находящими друг на друга, или со спиралевидными концами. <u>Распространение:</u> буряты, якуты, нанайцы.	1.2.B. Кольца, одеваемые на большой палец. <u>Распространение:</u> народности Амура.

II ТИП	
Сложные кольца (перстни). По характеру щитка можно выделить:	
1 вид II.1. Перстни со вставками из стекла, камней, коралла. <u>Распространение:</u> буряты, хакасы, алтайцы, тувинцы, шорцы, ханты.	2 вид II.2. Перстни без вставок, в том числе перстни-печатки и именные перстни. <u>Распространение:</u> якуты, хакасы, алтайцы, тувинцы, буряты

2. Браслеты

I ТИП	
Браслеты из бусин и бисера, нанизанных на нить (ремешок), нашитых на полосу ткани (ровдуги, кожи) или нанизанных в виде бисерной сетки. Замкнутые или застегивающиеся на пуговицу. <u>Распространение:</u> ханты, манси (детские), чукчи, коряки, хакасы (женские).	
II ТИП	
Браслеты, плетенные из волос, шерсти, волокон травы, коры. <u>Распространение:</u> нанайцы, ульчи, нивхи и др. народности Амура.	
III ТИП	
Браслеты из полоски бересты с давленным или резным орнаментом. <u>Распространение:</u> хакасы.	
IV ТИП	
Металлические браслеты из серебра, меди, бронзы, железа.	
1 вид	2 вид
Круглые в сечении браслеты.	Витые браслеты.
IV.1.A. Концы сомкнутые, поверхность гладкая или с простым гравированным орнаментом. <u>Распространение:</u> эвенки, коряки, нанайцы.	IV.2.A. Концы разомкнутые, спиралевидные. <u>Распространение:</u> коряки, нивхи, нанайцы.
IV.1.B. Концы разомкнутые. Поверхность гладкая. <u>Распространение:</u> буряты.	IV.2.B. Концы разомкнутые, округлые или четырехугольные. <u>Распространение:</u> нанайцы.
3 вид IV.3.A. Браслеты из вытянутой четырехугольной пластины с сомкнутыми (округлыми, прямоугольными, спиралевидными) концами. Гладкие или украшенные гравировкой, чеканкой, вставками из камней. <u>Распространение:</u> повсеместно.	
IV.3.B. Браслеты из вытянутой овальной пластины с горизонтальной прорезью. <u>Распространение:</u> энцы.	
IV.3.B. Браслеты из пластины в форме трапеции. Поверхность украшена гравировкой. Концы стягиваются ремешками или застегиваются металлическим замком. <u>Распространение:</u> якуты, нанайцы.	

IV. УКРАШЕНИЯ НОГ

1. Ножные браслеты

<p style="text-align: center;">I ТИП</p> <p style="text-align: center;">Браслеты, плетенные из волос, волокон.</p> <p><u>Распространение:</u> нанайцы, ульчи, нивхи, возможно, и другие народы Амура.</p>
<p style="text-align: center;">II ТИП</p> <p>Металлические браслеты – плоские, узкие, с округлыми замкнутыми концами.</p> <p><u>Распространение:</u> нанайцы, ульчи, нивхи, возможно, и другие народы Амура.</p>

Первые три типа браслетов, выделенные по признаку материала, из которого они изготовлены, носят в большинстве случаев ярко выраженный защитный характер и рассматриваются не столько как украшения, сколько как амулеты. Как правило, это детские браслеты, у взрослых ношение браслетов этих типов сохраняется только у северо-восточных палеоазиатов и у хакасов. У народностей Амура детские плетеные браслеты на определенном этапе заменялись на металлические (ножные и ручные). При этом особую близость к амулетам сохраняли простые медные ручные браслеты.

Совершенно особые – берестяные браслеты хакасов. Ни в каких других украшениях на территории Сибири береста больше не употреблялась. В то же время известен единственный якутский браслет из бересты, найденный в погребении, форма и размер которого полностью совпадают с параметрами серебряных браслетов XIX в. В средней части браслет украшен вдавленным сетчатым орнаментом, окруженным одним рядом кружков. По верхнему краю сохранились два параллельных ободка из тальника. Ободки пришиты волосяными нитками крестообразным швом [Зыков 1976, с. 49]. Можно предполагать, что здесь мы имеем дело с заменой при погребении металлических украшений на берестяные. О существовании такого обычая говорит В.Л. Серошевский: при погребении удаляются все металлические украшения, оставляют «только шейный крест да обручальное кольцо, а у женщин – серьги, но вещи эти отнюдь не должны быть серебряные, а медные; более щепетильные делают их даже из дерева» [Серошевский 1896, с. 618]. Может быть, этот обычай связан с бытованием в дометаллическом прошлом украшений из дерева (бересты). В определенной степени это предположение подтверждается на амурском материале. Ю.А. Сем, описывая нанайский браслет *билэптун*, типологически близкий якутским серебряным браслетам, отмечает, что в прошлом, по свидетельству его информаторов, носили браслеты такой же формы из бересты [Сем 1973, с. 299]. Обращает на себя внимание и то, что и у якутов, и у нанайцев помимо берестяных и серебряных браслетов одного типа были также шейные украшения, повторяющие форму этих браслетов. Есть сведения (не вполне определенные) о бытовании у якутов берестяного шейного украшения [Зыков 1976, с. 49].

III

В этой части работы предпринимается попытка рассмотреть некоторые аспекты функционирования описанных украшений народов Сибири. Известно, что всякий предмет, бытующий в традиционной культуре, обладает набором функций, располагающихся в том или ином порядке [Богатырев 1971, с. 297–366]. Особенность украшений состоит в том, что их прагматическая (утилитарная) функция стремится к нулю, а символическая (экстраутилитарная) выражена максимально ярко. Такое соотношение энергетической (практической у П.Г. Богатырева) и коммуникативной функций обуславливает постоянно высокий семиотический статус украшений [Байбурин 1989, с. 73].

Спектр символических функций, или коммуникативный аспект, украшений широк. Рассматривая его и прибегая с этой целью к операции расчленения функций, следует иметь в виду, что это искусственный прием, необходимый для исследования. В процессе бытования украшения выступают как «целостный факт» с нерасчлененными функциями [Там же, с. 78].

Если рассматривать комплекс украшений как некий текст, отчетливо выступает лежащая на поверхности функция обозначать статус лица, их носящего.

По своим формальным признакам (технике исполнения, характеру, форме) украшение может быть отнесено к определенному этническому ареалу, этносу, этнической группе. Украшения в этом контексте выступают в качестве этнического знака, знака своей культуры. Нет сомнения в том, что и родоплеменная принадлежность могла находить определенное выражение в украшениях. Здесь, вероятно, играли большую роль такие признаки, как используемые мотивы орнамента, преобладающие цвета и т.п. Конкретных данных на этот счет, к сожалению, практически нет. Г.М. Василевич высказывала предположение о зависимости формы женского нагрудника (а первоначально нагрудных украшений) от племенной принадлежности женщины, выделяя один тип нагрудника у долган и два типа у эвенков к западу от Енисея, что коррелирует с данными о наличии потомков двух различных племен в родовом составе этих этнических групп [Василевич 1949, с. 58].

Комплекс украшений (а в некоторых случаях отдельные украшения и их определенные детали) несет и более конкретную информацию о своем владельце, начиная с таких общих признаков, как пол, и кончая индивидуальными пристрастиями и вкусами.

Общепризнанно, что по набору носимых украшений можно судить о поле, возрасте, социальном положении владельца. Детство, отрочество, зрелость, переход человека из одной возрастной группы в другую, включение его в систему родственных и родовых связей находили отражение в наборе украшений, в определенных манипуляциях с ними.

Для периода детства, а еще в большей степени младенчества, характерно почти полное отсутствие половой обусловленности украшений, несмотря на определенную дифференцированность социального и ритуально-

го подхода к новорожденным мальчикам и девочкам. Первые детские украшения: браслеты, серьги, ожерелья – одинаковы у детей обоего пола. Такая изначальная половая немаркированность детских украшений находит выразительную параллель в специальном возрастном термине, одинаковом для мальчиков и девочек [Алексеев 1988, с. 10; Грачева 1988, с. 41; Таксами 1988, с. 99; Дьяконова 1988, с. 161]. Даже накосные украшения, появившиеся в более позднем возрасте и в силу прямого контакта с волосами чрезвычайно интимно связанные с жизненным циклом человека [Дьяконова 1986, с. 38], до определенного момента могли сохранять некое половое безразличие. У кетов, хакасов, алтайцев обоего пола украшения кос в виде кистей были одинаковы. В то же время именно прическа и накосные украшения девочки служили у многих народов первым полодифференцирующим признаком, появившимся довольно рано и, возможно, маркировавшим границу между младенчеством и детством. Лет с восьми девочкам (буряткам и телеуткам) начинали заплетать в дополнение к «мужской» (одинаковой с мальчиками и мужчинами) косе, идущей от затылка, косички из волос, растущих от висков. В косички девочек-алтаек вплетались и украшения по типу женских, но без специфических видов, впервые появившихся на свадьбе [Там же, с. 36].

У ряда народов Северной Сибири впервые сооруженная прическа с соответствующими накосными украшениями была четким полодифференцирующим признаком и оставалась неизменной в течение большей части жизни. Ненецкие девочки, а возможно и девочки северных хантов и манси, очень рано начинали носить сложные прически с украшениями в виде «ложных кос» и носили их до старости без существенных изменений.

Вступление в фертильный возраст маркировалось у многих народов появлением специальных украшений. Сам по себе факт полового созревания, будучи чрезвычайно важным, не означал, что человек автоматически вступал в брачный возраст. Для того, чтобы иметь право вступить в брак или даже добрачные половые отношения, человек должен был отвечать определенным социальным критериям совершеннолетия. В первую очередь он должен был освоить сообразную своему полу гамму хозяйственных занятий и навыков, быть включенным в ритуальную жизнь коллектива, т.е. быть готовым вести самостоятельную семейную жизнь. Сочетание двух факторов – физической и социальной зрелости – и служило нормативным критерием совершеннолетия и вступления в брачный возраст и было одинаково важным и для юношей и для девушек.

Юноши, как правило, вступали в брачный возраст позднее девушек, поскольку их трудовая социализация требовала обычно большего времени и оставляла позади момент полового созревания. Вероятно поэтому, у юношей на первый план выходил социальный фактор, оставляя в тени физиологический. Важность момента именно социальной зрелости у юношей хорошо видна на специфических мужских украшениях народов Амура – нивхов, ульчей, орочей, нанайцев, ороченов, манегров. У этих народов мужские костяные и металлические кольца, служившие в старину для стрельбы из лука, одновременно являлись знаком возмужалости, способности владеть луком, поэтому «аам» составляет необходимую принадлежность каж-

дого гиляка, достигшего зрелости» [Шренк 1899, с.36]. Знаковый характер кольцо сохраняло и при утрате прямого практического назначения – с выходом лука из употребления.

У девушек совершеннолетие (вступление в брачный возраст) наступало, вероятно, несколько раньше, их воспитание строилось таким образом, чтобы их физиологическая готовность к браку совпадала с социальной. Возможно, в силу наглядности момента вступления девушки в фертильный возраст физиологический момент некоторым образом выступал на первый план. Именно поэтому большинство украшений, маркирующих этот момент, были связаны с головой, в первую очередь с волосами (связь волос и головных украшений с репродуктивной функцией женщины будет рассмотрена ниже). Это девичьи накосные украшения *нанчи* у хакасов, *чалаа-кара* у тувинцев, *сааж* и налобное украшение *юбун* у бурят. Появление в волосах девушек этих украшений говорило о готовности к замужеству и возможности сватать их. С девичьего же возраста обычно начинали носить и другие головные украшения – венцы и головные повязки у южных хантов, эвенков, бурят, нанайцев, возможно и ненцев. У нганасан и энцев именно девичий венец *саймиди* являлся символом достижения совершеннолетия и готовности вступить в половые отношения, а затем и в брак [Симченко 1963, с. 174–175].

Определенные знаковые изменения претерпевали и те виды украшений, которые носили с более раннего возраста. Так, тувинская девушка наряду с простыми гладкими кольцами (аналогичными мужским) начинала носить небольшие перстеньки с кораллами. Девичьи серьги по сравнению с одинаковыми серьгами девочек и юношей также принимали более сложную форму. В целом знаковая роль серег в определении возрастного и социального статуса у народов Южной Сибири была значительна. Именно с серьгами у алтайцев был связан термин, означавший девушку-невесту – *сыргалу*, «имеющая серьги» [Потапов 1951, с. 44].

Функция маркирования половозрастного статуса девочки-девушки-женщины в общем виде развивалась так: недифференцированность украшений, появление в украшениях девушек первых четких полодифференцирующих признаков (с сохранением некоторых черт как бы социальной неполноценности, «бесплоности» украшений), постепенное возрастание дифференцирующих признаков, четкая маркированность украшений. Украшения мальчиков и мужчин практически не имели тенденции к изменению. Половая знаковость проявлялась за счет усложнения девичьих украшений и появления специальных новых видов украшений, главным образом головных.

В таком развитом виде эта схема представлена в основном у народов Южной Сибири, для которых вообще характерна более дробная возрастная периодизация. У народов Северной Сибири и Дальнего Востока первые специфически женские виды украшений были связаны скорее с моментом полового созревания («ложные косы» и головные повязки у ненцев) и сохранялись в качестве полодифференцирующего признака в течение всей жизни женщины без изменений, характерных для народов Южной Сибири. Вероятно, по мере размыwania традиций этот преобразующий момент в

разных этнических группах мог несколько перемещаться в сторону детского возраста или, наоборот, приурочиваться непосредственно к свадьбе. Правда, за неимением детальных данных об этом можно говорить только предположительно.

Одна из наиболее значимых символических метаморфоз в жизненном цикле человека – вступление в брак, начало наиболее продуктивного в социальном и физиологическом отношениях периода жизни – зрелости. Свадебные обряды народов Сибири при всей вариативности входящих в них ритуальных действий включали два основных момента. Во-первых, обменные отношения между двумя коллективами (родами, семейно-родственными группами), переход девушки в род мужа при патрилокальном браке, соединение жениха и невесты. И, во-вторых, переход девушки в новую возрастную и социальную категорию. Способы символизации связей между брачующимися сторонами в плане их выражения разнообразны, но значительное место среди прочих занимают манипуляции с волосами и украшениями жениха и невесты. А изменение социально-возрастного статуса невесты маркировалось, главным образом, сменой костюма, прически, украшений.

Во время первого обряда свадебного церемониала – сватовства – у тувинцев девушке заплетали дополнительную косу, означавшую, что она занята, просватана [Сат 1984, с. 192]. Вероятно, ту же смысловую нагрузку у алтайцев несло украшение *тана*, прикреплявшееся к девичьим косникам.

Момент просватанья иногда отмечался и тем, что девушка начинала носить украшения, врученные ей во время сватовства родственниками жениха или самим женихом. Это был первый знак ее будущей принадлежности к роду мужа. У иркутских бурят в свадебном обряде особую роль играло нагрудное украшение *хоолобши* в виде кораллового ожерелья с крупной крестообразной бляхой, позже, видимо, замененной подвешенной на цепочке (ленточке) серебряной или золотой монетой. *Хоолобши* надевал на шею невесте жених или его родители при сватовстве. Если сватовство отвергалось, *хоолобши* не принимали. Если же предложение было принято, то *хоолобши* символизировало новое положение девушки. М. Хангалов отмечал, что *хоолобши* – «это первый обычай сватовства и без “хоолобши” сватовства быть не может» [Хангалов 1898, с. 41]. Возможно, в древности такая же роль отводилась украшениям в виде шейного кольца (*косо*, *ори*, *белгантун*), распространенным у народов Амура. Если же рассматривать эти украшения как подарок рода жениха невесте в знак сватовства, то становятся более понятными кажущиеся противоречивыми высказывания исследователей о характере этих украшений. В логическую цепочку увязывается то, что это украшение надевали на шею девочкам, то, что это свадебное украшение, родовая драгоценность, передаваемая из поколения в поколение, а также и то, что это выкуп за невесту.

Принято называть свадебным полный набор украшений, свойственных женскому костюму и впервые одеваемых на свадьбу. Это в полной мере справедливо для тех народов (или отдельных этнотерриториальных групп), где невеста с самого начала принимала участие в центральных обрядовых действиях в женском костюме. Так, у якутов невеста надевала полный женский набор украшений (браслеты, серьги, гривну с нагрудными и на-

спинными подвесками, начальник) перед поездкой в дом жениха [Слепцов 1989, с. 36]. В то же время для многих народов Южной Сибири существенным моментом свадьбы была именно смена девичьего костюма на женский. В этом случае как свадебные можно рассматривать и девичьи украшения, включая специальные украшения, связанные с помолвкой, так как именно в этом наборе украшений невеста появлялась на свадьбе с тем, чтобы в центральном свадебном обряде поменять их на женские.

Особая роль прически и накосных украшений в свадебном ритуале общепризнана [Клюева, Михайлова 1988, с. 125–126]. Семантики украшений, связанных с волосами, коснемся кратко ниже. Пока же речь идет о манипуляции с волосами и накосными украшениями как действии, которое символизировало момент превращения девушки в женщину путем придания ей знаков нового возрастного и социального статуса. Часто эта процедура совмещалась с нанесением на невесту «меток» семьи жениха [Новик 1984, с. 187].

Моделирование обменных отношений между брачующимися группами прослеживается в обрядах причесывания невесты и жениха, в соединении концов их кос (западные тувинцы [Потапов 1969, с. 236], кеты [Алексеев 1980, с. 53]), в обмене накосными украшениями (нганасаны [Симченко 1963, с. 173]). У народов Южной Сибири обряд причесывания невесты обычно совершался представителями двух групп. Так, у теленгитов расплетание волос невесты проводили две женщины со стороны жениха и невесты. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «я даю ее», с левой – родственница жениха, произнося «я беру ее» [Дьяконова 1980, с. 22]. У бурят-сартулов во время обряда причесывания невесты гребень, украшения *туйба*, *татуурга* и другие давала мать жениха [Очирова 1986, с. 173]. Украшения, снятые с волос – девичьи – отдавали матери невесты [Бадмаева 1987, с. 67]. Таким образом, в самом выразительном варианте девичьи накосные украшения оставались принадлежностью рода невесты, а новые женские украшения принадлежали роду жениха. У теленгитов части украшений девичьей прически (бусины, раковины) раздавались присутствующим на свадьбе [Дьяконова 1986, с. 36]. У хакасов невеста дарила бусины девушкам, расплетавшим ей косы [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174]. В изготовлении специального накосного свадебного украшения *чавага* у тувинцев принимали участие и родственники жениха, и родственники невесты. Обычно *чавага* переходила по наследству от матери к дочери (т.е. была собственностью рода невесты), но если дочерей было несколько и *чавага* приходилось заказывать заново, то для его изготовления использовались украшения, привезенные женихом [Потапов 1969, с. 238]. Родовая знаковая роль накосного женского украшения *тыйыр'ан* наиболее ярко проявлялась у кетов. Есть данные о том, что это украшение (и одежда) готовились для новой невестки женщинами из семьи жениха или более отдаленными родственниками из той же родовой группы. Орнамент на этом украшении определял принадлежность к той или иной семье или родовой группе [Алексеев 1980, с. 52].

У малочисленных народов Северной Сибири и юга Дальнего Востока свадебный обряд имел общие черты с пышными и сложными свадебными

обрядами сравнительно крупных скотоводческих народов Южной Сибири [Гурвич 1980, с. 90], но отличался значительной упрощенностью, сводясь зачастую только к моделированию обменных отношений между брачующимися коллективами. У этих народов (по крайней мере по данным XIX – начала XX вв.) отсутствовала и ярко выраженная дифференциация девичьих и женских украшений. В свадебных церемониях не зафиксированы обряды, связанные с переменой прически и украшений, столь характерные для народов Южной Сибири. Исключение составляют только кеты.

Возможно, эти традиции были частично утрачены. Если И.Г. Георги отмечал существование многокосной прически у ненцев и остяков [Георги 1799, ч. I, с. 72, ч. III, с. 9], а значит она должна была в определенный момент меняться на женскую, то более поздние исследователи специальной девичьей прически уже не наблюдали. Известно, что девичьи прически отличались от женских и у северо-восточных палеоазиатов. Девичья прическа у юкагиров была многокосной в отличие от двухкосной женской. У чукчей женская и девичья прически хоть и были двухкосными, все же отличались местом заплетения кос. Они плелись в одном случае от ушей, в другом – ближе к затылку. У народов Амура прически неженатой молодежи отличались особым образом сложенными косами с соответствующими накосными украшениями, т.е. во всех случаях перемена прически должна была иметь место, но осталась, видимо, незафиксированной, может быть в силу общей невыразительности этих обрядов свадебного цикла. Можно предположить, что перемена прически осуществлялась самой девушкой без особой маркированности этого момента, подобно тому, как нанайская невеста в день отъезда из дома сама переплетала девичью косу на две женские [Смоляк 1980, с. 65].

При отсутствии специального свадебного костюма, что характерно для многих народов Северной и Северо-Восточной Сибири, невеста все же должна была отличаться от окружающих женщин торжественной нарядностью одежды [Попова 1981, с. 156], большим количеством украшений [Прыткова 1970, с. 48].

В приведенных выше примерах центральные события свадебного ритуала в основном совпали (может быть, даже в рамках одного ритуального действия), т.е. девушка получала знаки нового социально-возрастного статуса и одновременно устанавливались определенные отношения между родовыми или семейно-родственными коллективами, выражавшиеся в соединении жениха и невесты. Но эти события могли быть и значительно разнесены во времени, и получение девушкой нового личного статуса уходило как бы на периферию собственно свадьбы или вообще выпадало из ее рамок.

У народов Северной Сибири статус женщины девушка получала задолго до свадьбы. Так, у нганасан женскую одежду и украшения совершеннолетняя девушка впервые надевала на праздник Чистого чума, в центре которого были именно юноши и девушки. Затем этот же костюм использовался во всех остальных обрядах жизненного цикла: свадебном и похоронном. После участия в ритуальной игре «Иняку» на празднике Чистого чума парни и девушки могли вступать в интимные отношения, которые не озна-

чали брака, но должны были строго соответствовать экзогамным нормам [Грачева 1988, с. 59]. Подобного рода добрачные половые отношения практиковались у многих народов Сибири – хантов, манси, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и др., а также в некоторой степени (с большими ограничениями) у якутов и бурят. У эвенов свадьбу часто устраивали уже после рождения ребенка.

Вступление в фертильный возраст, беременность (или рождение ребенка), вероятно, рассматривались как социально значимые события одного ряда, при этом второе выступало реализацией первого. Оба события в равной мере оценивались как переходный момент из девичьего состояния в женское. Если у нганасан внимание фиксировалось на моменте полового созревания и вступления в фертильный возраст, то у некоторых этнотерриториальных групп бурят переходным моментом считалось рождение ребенка. Обряд *yhээ zahaxa* (переплетение волос невесты) совершался в доме невесты по прошествии довольно длительного времени после свадебного пиршества и обряда приобщения невесты к роду жениха. До проведения этого обряда новобрачная продолжала носить праздничную многокосную прическу или одну девичью косу. У ольхонских бурят невеста ходила со множеством косичек и соответствующими украшениями до рождения младенца [Басаева 1980, с. 200], у тункинских бурят – до наступления беременности. Только после этого проводился обряд заплетания женских кос, перемены накосных украшений и невеста становилась «женщиной, равной всем женщинам улуса» [Требуховский 1929, с. 20].

Таким образом, можно говорить о принципиальной разнесенности двух основных моментов свадебного цикла. Получение знаков женского статуса могло приурочиваться не столько к собственно свадебным обрядам, относящимся главным образом к общественному быту родовых коллективов, сфокусированным на установлении определенных отношений между этими коллективами, сколько к переходным моментам биологического характера. Это или момент полового созревания, совпадающий у девушек с совершеннолетием, вступлением в фертильный возраст, или реализация этого положения в виде беременности или рождения ребенка. Несовпадение во времени двух центральных событий свадебной обрядности можно, вероятно, рассматривать как следы более древних общественных отношений. В то же время эта тенденция оказалась достаточно стойкой, сохранявшейся и с привнесением совершенно иных традиций. Отмечено, что у эвенов после традиционного свадебного обряда женщина продолжала носить девичью прическу в две косы и волос не прятала. Только после венчания в церкви ей делали женскую прическу. Здесь, вероятно, новый обряд по своей социальной значимости приравнивался к рождению ребенка [Попова 1981, с. 20].

Наличия каких-либо специальных мужских свадебных украшений не отмечено. Видимо, это были те же украшения, которые мужчина носил всю жизнь. Хотя, вероятно, некоторое внимание украшениям жениха все же уделялось, особенно накосным. Практически единственное свидетельство на этот счет – замечание Р.Д. Бадмаевой. По словам ее информаторов, косу жениха к свадьбе украшали круглой пластиной, кистью, коралловыми бусами. Но подобную роскошь могли позволить себе только состоятельные

буряты. Сохранились воспоминания стариков, соответствующие наблюдениям Ф. Ланганса, относящимся к последней четверти XVIII века, о многокосной прическе бурятского жениха [Бадмаева 1987, с. 21, 47].

Тезис о различии комплекса украшений девушки и замужней женщины с учетом того, что статус приобретался не всегда во время свадьбы, вполне справедлив по отношению к народам Южной Сибири.

В ряде случаев можно выделить специфически девичьи и специфически женские виды украшений. Скажем, матерчатый нагрудник, расшитый серебряными бляшками, у якутов был чисто девичьим украшением. После свадьбы его снимали и более не надевали. А нагрудное хакасское украшение *ного* было специфическим украшением замужней женщины.

Другие группы украшений (серьги, кольца, браслеты) у девушек и женщин различались по характеру. Развитие комплекса украшений шло как по линии увеличения их числа, так и путем усложнения украшений. У тувинцев маленькие кольцообразной формы сережки *дээрбек сырга* девочки носили до брачного возраста. В ушах четырнадцати-шестнадцатилетней девушки были серьги более сложной формы – *дозу дээрбек* или *кулак дээрбек терлиг сырга*. После свадьбы носили женские серьги, отличавшиеся массивностью, изысканностью ювелирного исполнения [Сат 1984, с. 190, 194, 196]. Девичьи кольца и перстни *чустук* менялись на женские с большой накладной пластиной. Невесте полагалось надеть четыре серебряных перстня (у бедняков – медные). Девичьи браслеты из серебра или меди были совершенно гладкими, без рисунка, женские – обязательно с орнаментом [Потапов 1969, с. 239]. Свидетельства о специфических видах женских и девичьих перстней есть также у алтайцев и хакасов.

Отмечены и другие варианты дифференциации женских и девичьих украшений – по месту их ношения. У хантов на Анюе девушки, в отличие от женщин, носили серьгу в одном (левом) ухе [Лукина 1985, с. 343]. Есть данные о том, что у алтайцев девушки также носили серьгу в одном ухе [Народы Сибири 1956, с. 190]. Кольца и перстни разного рода носили и мужчины, и женщины. У тувинцев девушки носили кольца на безымянном пальце и мизинце [Сат 1984, с. 190], женщины – не менее четырех перстней на среднем и безымянном пальцах либо на трех средних пальцах [Потапов 1969, с. 259]. У баргузинских бурят отличительным знаком замужней женщины было отсутствие кольца на безымянном пальце, вообще же кольца носили на всех пальца [Бадмаева 1975, с. 193]. Тувинцы, мужчины и юноши, носили кольца на указательном и большом пальцах [Потапов 1969, с. 239]. Ульчи, мужчины и женщины, носили кольца на обеих руках, женщины – на среднем пальце, мужчины – на указательном [Смоляк 1966, с. 189].

Наибольшей полнотой, строгой обусловленностью конкретной жизненной ситуацией отличался женский набор украшений. Украшения молодой женщины у народов Южной Сибири в течение всего детородного периода были особенно изысканны, многочисленны, отличались сложным исполнением.

Вдовство как специфический жизненный статус маркировался перемной прически, часто распусканием волос, что было, вероятно, своеобраз-

ной антитезой строго регламентированной женской прическе. Накосные украшения снимались [Дьяконова 1986, с. 36]. Статус вдовы, с одной стороны, приближался к положению старухи в силу временной утраты репродуктивной функции, с другой стороны, отличался регламентированностью снятия определенных видов украшений. Для старости же как определенного этапа жизненного цикла была характерна необязательность ношения украшений, отсутствие строгой системы в их наборе.

С наступлением старости, выходом из фертильного возраста набор украшений значительно упрощался и сводился к минимуму, приближаясь к детскому («бесполому») варианту. У тувинцев женщина в 50–55 лет снова возвращалась к ношению маленьких кольцеобразных сережек *дээрбек сыр-га* [Сат 1984, с. 196]. У забайкальских бурят у женщин преклонного возраста сохранялись только косные чехлы с *туйба* или только *туйба*. Если у женщины были хорошие волосы, она продолжала носить косные украшения в виде двух крупных коралловых бусин, закреплявшихся ниже уровня плеч на косах [Бадмаева 1987, с. 74]. Жизненный путь, пройдя круговой путь развития, возвращался к исходной точке.

Наличие определенного набора украшений, как уже говорилось, было обязательным по крайней мере для женщин репродуктивного возраста. В условиях выраженной имущественной дифференциации, с одной стороны, сохранялась нормативность этого набора, т.е. все женщины носили определенные виды украшений, с другой стороны, качество и количество украшений женщины во многом зависело от благосостояния владелицы, ее семьи. Например, у якутов величина серебряных серег с подвесками была признаком состоятельности женщины. Бусинные серьги, маленькие серьги-кольца были достоянием менее имущих слоев населения [Зыков 1975, с. 47–48]. Браслеты у нанайцев были общепринятым украшением. Но представители наиболее зажиточных слоев населения носили на каждой руке по три-пять серебряных браслетов, а бедняки – один браслет, обычно медный, иногда просто изогнутый кусок медной проволоки [Сем 1973, с. 239]. У бурят, хакасов украшения различались по количеству и величине использования бусин. «Серьги свахи, как и богатой женщины, состоят из больших круглых моржанов (большой, насколько помнится – в величину крупной вишни, оценивался в 30 рублей)» [Островских 1895, с. 318]. У бурят, по воспоминаниям стариков, за каждый крупный камень отдавали лошадь или корову. Естественно, что бедняки могли позволить себе лишь однорядное ожерелье [[Художественная обработка металла в Бурятии... 1974, с. 39, 81].], а у женщин из зажиточных семей бурятской знати («лучших людей») число коралловых рядов в ожерелье достигало десяти, общая стоимость некоторых украшений доходила до 500 и 1000 рублей [Ядринцев 1891, с. 257]. Таким образом, при наличии определенных имущественных различий внутри общества сложные дорогостоящие украшения являлись в основном достоянием местной знати, зажиточных слоев населения, т.е. могли выступать знаком богатства и высокого социального положения.

Информационный аспект бытования украшений очень важен, но он далеко не исчерпывает всех функций. Не менее существенно то, что укра-

шениям приписывалось обладание некоей «независимой магической» или «сверхъестественной силой» [Богатырев 1971, с. 201, 202].

Некоторые предметы приобретали магические свойства в результате совершения над ними определенных действий. Так, у чукчей посредством заклинаний, сделанных шаманом, бусины обращаются в охранителей и «обычно замещают всякого рода мелкие изображения и лица» [Богораз 1939, с. 52]. Другие предметы обладали магической силой изначально в силу присущей им природы. Поскольку обладание силой, о которой идет речь, не сводится ни к магии, ни к сверхъестественному, и связано подчас с действием сложных семантических механизмов, его и рассматривают как семантику или символику вещей [Топорков 1989, с. 91].

Простейший способ семантизации заключается в том, что предмет наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик: материал, цвет, форма и т.п. [Там же, с. 94].

Сверхъестественной силой обладали определенные части тела животных: клыки, когти, отдельные кости, части шкуры и т.п., которые часто употреблялись для изготовления украшений. Особенно широко эти материалы применялись для изготовления детских украшений-амулетов. Но известны случаи, когда женщины носили бусы из когтей рыси, зубов диких животных [Сем 1973, с. 324]. Употребление определенных частей тела животных связано с представлениями о порционных душах, которые, например, по представлениям эвенков находились у медведя в лапах, когтях, клыках [Василевич 1969, с. 225]. Такого рода предметы являлись полноценными заместителями самого зверя и могли с помощью его физической или ментальной силы по законам магии охранять своих хозяев. «Если у нанайца умерло несколько детей, то, спасая новорожденного, он брал клык медведя или кабана, коготь рыси или медведя и обращался к ним со следующими словами: “Моего ребенка караулить (защищать) тебя зову”, – и привязывал клык или коготь к колыбели» [Иванов 1977, с. 89]. Нивхи обвязывали кисти и лодыжки ребенка нитками, ссученными из волокон крапивы и собачьей шерсти, полагая, что это оградит его от злых духов, поскольку считали, что собака способна видеть злых духов и отгонять их своим лаем [Павлинская 1988, с. 231]. Путем присоединения определенных предметов животного происхождения могла увеличиваться охранительная сила украшений. У нанайцев к серьгам подвешивались косточки из головы сазана *чикуктэ*, клыки лисы, когти рыси [Сем 1973, с. 231]. Обращает на себя внимание обычай прикреплять к серьгам клочки меха и пух: пух лебедя на девичьих серьгах алтайцев [Потапов 1951, с. 44; МАЭ, № 2334–126; ГМЭ, № 4334–109/2.], пучки лисьего волоса на детских серьгах у нивхов [Шренк 1899, с. 633], ненецкие «серьги с шерстью» [РЭМ № 1503–14 а., в]. Помимо того, что определенные части тела животных (кожа и концы носов крупных животных, когти, зубы и челюсти волка, медведя, лисицы) считались «отстранителями несчастья», они могли передавать ребенку черты характера, приписываемые животным. У нанайцев, чтобы мальчик стал смелым, отец вешал ему на шею крепкий клык медведя [Липский 1923].

У народов Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана охранительная сила приписывалась раковинам каури, из которых делались детские оже-

релья, а в более древние времена каури были непременной частью женского ожерелья. Широко использовались каури для изготовления наконечников украшений не только в Южной Сибири, но и у народов Амура. Не останавливаясь более подробно на представлениях, связанных с раковинами каури, отметим лишь то, что они в большой степени были связаны с культом змеи [Васильева 1986, с. 190]. Теленгиты нанизывали раковины на шнурок и надевали на шею ребенку или нашивали на белую тряпочку, которую подвешивали к колыбели [Тоцакова 1978, с. 40]. Каури у народов Южной Сибири – универсальный оберег, символ рождения и жизни.

Перламутр, по представлениям тувинцев и алтайцев, обладал лечебными свойствами. Украшение *тана* в виде перламутрового диска, пуговицы было широко распространено у тувинцев, алтайцев (теленгитов), хакасов с древнетюркских, уйгурских эпох [Дьяконова 1986, с. 42].

Огромна сакральная сила металла – материала, наиболее широко употреблявшегося у всех народов Сибири для изготовления всевозможных украшений и их деталей. Сами по себе металлические украшения, блеск металла, звон металлических подвесок в мировоззрении всех сибирских народов обладали способностью отпугивать злые сверхъестественные силы [Гурвич 1977, с. 117]. Г.Н. Грачев усматривает связь металла с огнем и солнцем (а белого металла и с луной) через огонь и блеск металла [Грачева 1989, с. 115, 117].

В особой разработке нуждается вопрос цветовой символики, в частности – цветовой символики металлов, у народов Сибири. Здесь отметим лишь особое отношение многих народов Сибири к белым сплавам. Часто отмечалось пристрастие хантов и манси к кольцам из белых металлов [Лукина 1985, с. 232]. Излюбленным материалом для украшений у якутов было серебро. «Желая выразить высшую степень красоты, они говорят “как серебро” и любовное ласкательное их имя – *конюсь* – серебро» [Серошевский 1896, с. 393–394]. Особо ценились серебряные женские украшения (перстни, браслеты) у алтайцев, тувинцев, хакасов. У бурят большую роль в свадебных украшениях играло олово. Косы новобрачных и их одежду обязательно украшали оловянными бляшками. Знаковую роль олова подчеркивает и термин *туулгатай басаган* – «девушка с оловом», т.е. невеста. Наконечники украшений у закаменских и окинских бурят назывались в дословном переводе «кораллы и олово невесты» [Галданова 1986, с. 154]. В данном случае особую символическую нагрузку нес именно серебристо-белый цвет металла. Белый цвет у тюрко-монголов ассоциируется с положительной парадигмой значений. Поэтому символическим требованиям, наиболее существенным в данном случае, отвечали и другие материалы белого цвета – серебро (в виде монет) и даже белые пуговицы, которыми в дальнейшем заменили оловянные бляшки [Там же, с. 155].

Нужно отметить, что широкое распространение серебра в качестве материала для украшений в Сибири в целом – явление довольно позднее. Так, у якутов в XVII в. (возможно и ранее) наиболее распространены были медные украшения и отделка медью. Лишь в XIX в. на первое место среди металлов выступает серебро, правда не в чистом виде, а со значительными примесями меди и олова [Носов 1988, с. 11].

Семиотична и форма украшений. Повсеместное распространение имели круглые подвески из различных материалов (дерева, металла, камня), вышивка (бисером, сухожильными и другими нитками, оленьим волосом) в виде розеток, концентрических кругов с зубцами, расходящимися из центра радиальными линиями, лучами и т.п. Эта форма и орнаментальные мотивы ассоциировались с солнцем, представления о котором связывались с благожелательным, защищающим началом. Упомянем здесь, например, нганасанскую подвеску в виде металлического зеркала, которая носила название солнце-койка или день(свет)-койка [Грачева 1977, с. 225]. Подобные подвески в Сибири хорошо известны у ненцев, энцев, бурят, якутов, эвенков, юкагиров. У последних круглая нагрудная подвеска также имела характерное название, перекликающееся с нганасанским – «грудное солнце». Солярные кружки из камня в виде амулетов упоминает С.В. Иванов [1977 с. 84–85]. Изображение солнца в виде деревянного кружка с бороздками по краю и спиральной линией в центре *к'енг'най* было и у нивхов [Иванов 1954, с. 400–401].

Символика круга не сводится только к его солярным значениям, но имеет и более общую семантику, связанную с верой в охранительную силу круга, где он выступает как постоянный магический круг, граница между внутренним и внешним мирами. Оберегом является вещь, устанавливающая символические (поэтому наиболее эффективные) границы между людьми и силами внешнего мира [Байбурин 1989, с. 86].

С этим связана повсеместно распространенная вера в магическую силу кругового обвязывания рук, ног, пальцев, суставов и т.п. Отсюда ведут свое происхождение такие украшения, как кольца, браслеты, ожерелья, головные повязки. У народов Амура в некоторой степени сохранилась и преемственность форм магического круга. Здесь уже упоминался обычай нивхов обвязывать кисти и лодыжки новорожденного растительными волокнами, переплетенными с собачьей шерстью. Детские браслеты делались и из волос стариков, переплетенных с нитками и тряпочками, тонких полос коры осины, кожи. Вероятно, браслеты из такого рода материалов считались особенно сильными амотропеями, в которых особенно нуждались маленькие дети. Позже (лет в 5–6) младенческие браслеты заменялись металлическими, аналогичными браслетам взрослых, но, естественно, меньших размеров. Значительную близость с круговым обвязыванием сохраняли кожаные браслеты на запястье и предплечье, ремешки с подвесками, которые носили на шее и вокруг торса под мышками чукчи и эскимосы.

Важные амотропеические и катартические функции выполняли кольца, часто унизывавшие пальцы обеих рук. У манси и хантов кольца надевали на все пальцы так, что они закрывали фаланги до суставов. Много колец одновременно имели обыкновение носить нанайцы и многие другие народы. Особое внимание уделялось женским рукам в связи с общей концепцией ритуальной нечистоты женщины. Наиболее строгой табуации подвергались женщины в период их физиологической активности [Новик 1984, с. 164–165]. Вера в охраняющую и очищающую силу колец свойственна всему Востоку, начиная от ведических индусов и кончая современными персами. Так, у таджиков широко распространено поверье, согласно

которому готовить пищу женщина должна была непременно в серебряном кольце, иначе руки ее будут считаться нечистыми [Чвырь 1977, с. 98]. В этом же ряду находится и обычай, предписывающий тувинским женщинам носить не менее четырех перстней, предпочтительно серебряных.

Представление о магическом круге входило, вероятно, и в семантику таких украшений, как серьги (ушные и носовые), если иметь в виду исходную кольцеобразную форму этих украшений, включая и петлю из ремешка, вдеваемую в ухо, у народов Северной Сибири. Основным магическим назначением этих предметов была охрана так называемых «ворот души» – отверстий, через которые душа могла покидать тело. У алтайцев шаман, поймав душу, вышедшую из тела, возвращал ее человеку, дуя в ухо через кулак [Анохин 1929, с. 256].

Несколько слов нужно сказать об отверстии в мочке уха. Обычай прокалывать ухо рассматривается как практическая необходимость, связанная с ношением серег, т.е. отверстие делали для того, чтобы продевать серьгу. Некоторые данные, связанные главным образом с амурским регионом, дают возможность рассматривать эти явления в противоположном порядке, меняя местами причину и следствие. У нивхов отверстие в мочке уха имело некое самостоятельное значение, связанное с представлениями о жизненном цикле человека, круговороте человеческих душ. Нивхи считали, что если в ухе не сделать отверстия для серьги, то душа может после смерти человека погибнуть навсегда. Е.А. Крейнович приводит предание, согласно которому возле входа в селение мертвых сидит старуха и просматривает уши умерших. От нее ведут две дороги. Если у мертвого есть серьга или просто отверстие в ухе, старуха направляет его в селение мертвых по хорошей дороге, а если такого отверстия нет, она прокалывает ухо души своим шилом и пускает ее по плохой дороге, где душа и погибает [Крейнович 1973, с. 348]. По другому варианту этого предания, приведенному Л.Я. Штернбергом, у покойника отнимают душу, если он отказывается проколоть дырку в ухе при встрече со старухой. «Сережки носят, – говорится там же, – не для украшения, а ради дырок в ушах» [Штернберг 1933, с. 330]. Совпадает с этим высказыванием и мысль Е.А. Крейновича о том, что прокалывание в ушах отверстий для серег – это позднее переосмысление обряда, смысл и природа которого забыта нивхами [Крейнович 1973, с. 348]. Если иметь в виду первичность отверстия в ухе, то окажется, что серьга была нужна для того, чтобы не дать этому отверстию зарости, закрыться. А отверстие в мочке уха само по себе обладало сверхъестественной силой. Информатор Курчук рассказывал Крейновичу о том, что, когда он родился (до этого у его матери умерло несколько сыновей), ему в одном ухе прокололи много дырок, чтобы спасти его. Потом эти дырки заросли [Там же]. Свидетельством некоего самостоятельного значения отверстий в мочках ушей может служить и достаточно распространенный обычай сначала прокалывать уши, а серьги вдевать спустя значительное количество времени. Например, у тувинцев уши девочкам прокалывали в один-два года, но серьги не вдевали. В дырочки, чтобы они не заросли, вдевали палочки от кирпичного зеленого чая, которые всплывали на поверхность во время приготовления напитка, или собственные волоски девочки. Маленькие коль-

цеобразные сережки девочки начинали носить только в пять-семь лет [Сат 1984, с. 190–191].

Защитная магическая функция украшений включает в себя как составной элемент и приемы криптоической магии. Обычаи прятания (сокрытия) мальчиков как более ценных членов сообщества описаны у многих народов. Например, у тувинцев при необходимости «мальчикам прокалывали при рождении мочку одного уха и вдевали серьгу, давая при этом имя девочки» [Там же]. Не свойственные представителям мужского пола украшения служило не только для временной ритуальной перемены пола, но и расценивалось как дополнительный оберег, особенно эффективный в силу своей необычности. Этим же целям служил и кетский обычай продевания серьги в ухо мальчику, оставшемуся без матери [Алексеев 1967, с. 150]. У бурят мужчина должен был носить одну сережку в ухе, если он оказался единственным ребенком у матери и назывался *эрганса* [Тугутов 1948, с. 135].

В особых случаях прибегали к ношению украшений, не свойственных данной этнической группе или всему этносу. У нанайцев, живших по Амуру ниже реки Горин, а также ульчей женщины носили носовую серьгу в виде крошечного колечка в перегородке носа в качестве предохранительного амулета в том случае, если умирали дети. Даже в 1947 г. в селе Булава А.В. Смоляк видела ульчскую женщину с колечком в носовой перегородке. С такой же целью носил кольцо в носовой перегородке и мужчина-нанай, встреченный в 1860 г. К. Максимовичем, которому объяснили, что это кольцо являлось своеобразным оберегом, используемым в том случае, если у женщины умирало несколько детей [Смоляк 1984, с. 225].

Некая исходная общность украшений, олицетворяющих магический круг, подчеркивалась одновременным их надеванием в младенческом возрасте. У нивхов обвязывали суставы младенца и прокалывали мочки его ушей [Крейнович 1973, с. 348]. Подобным образом у чукчей в первые месяцы после рождения ребенка на его запястье одевали кожаный ремешок с бусиной [Чесноков 1988, с. 142]. Если родители боялись, что ребенок умрет, они применяли особое «защитающее ребенка заклинание». Во время произнесения этого заклинания на шею ребенка надевали кожаное ожерелье, потом протыкали мочки ушей ребенка и вставляли серьги из трех маленьких цветных бусинок [Богораз 1939, с. 178]. У манси мать надевала на ручку новорожденного ребенка бисерный браслетик, который носился до тех пор, пока ребенок не вырастал. Такие же браслеты были у северных хантов [Федорова 1988, с. 85]. Из бусинок, раковин каури, подаренных родственниками на рождение, делали браслет и надевали на правое запястье ребенку у хакасов [Бутанаев 1988, с. 212]. Как уже говорилось, для многих народов было характерно раннее прокалывание ушей, а там, где носили носовую серьгу, и носовой перегородки. Носовую серьгу девочкам одевали в среднем в четыре-пять лет [Сем 1973, с. 231]. Но если предполагалась серьезная угроза ребенку со стороны враждебных сил, к помощи этого охранителя прибегали гораздо раньше. А.А. Белькович видел носовые серьги и у грудных детей [Белькович 1896, с. 67]. С.Н. Браиловский отмечал, что носовую серьгу начинали носить «чуть ли не со дня рождения» [Браиловский 1901, с. 130].

Вероятно, к этому же ряду относятся и шейные, главным образом детские украшения в виде нанизанных на нить предметов (раковин каури, рыбьих позвонков и т.п.) или подвешенных на веревочку амулетов.

Браслеты, серьги, головные повязки и некоторые другие украшения выполняли функции лечебной и репродуктивной магии. Браслеты (особенно медные) считались у многих народов лечебным средством. Например, буряты полагали, что медный браслет помогает при вывихах, растяжении жил или мышц [Бадмаева 1987, с. 78]. У эвенков мужчины, страдающие головной болью, носили маленькую серьгу в ухе [Линденау 1981, с. 56]. Можно усмотреть в этих украшениях и определенные черты магии плодородия. Скажем, нанайские женщины носили с этой целью ножные браслеты [Сем 1973, с. 230]. Иными словами, все эти украшения благодаря материалу, из которого они были сделаны, обладали определенным комплексом магического воздействия на человека. Но наиболее ярко проявлялись их апотропеические свойства.

В другой группе украшений, свойственных главным образом женщинам фертильного возраста, молодым замужним женщинам, при сохранении охранительной функции украшений максимально актуализируется магическая функция, связанная с идеей плодovitости, чадородия, сопричастная живительным силам природы. Свидетельством этой сопричастности являются многочисленные установки, сопрягающие манипуляции с украшениями и еще в большей степени волосами женщины с природными явлениями. У алтайцев уши девочкам старались прокалывать ранней весной, когда разливались реки [Потапов 1951, с. 50]. Появление украшений, приуроченных к началу цветения и половодья, символизировало сопричастность девушки-невесты порождающим силам природы [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 173]. Первая стрижка волос у теленгитов Горного Алтая также проводилась весной, когда дни становились длиннее, в дни совпадающие с новолунием. Прическу делали только в благоприятное время суток, после обеда – «чоло-ой». Мыли волосы раз в месяц, в новолуние [Дьяконова 1986, с. 34]. Связь волос с внешними силами могла выражаться и табуированием операций, связанных с волосами в определенные периоды [Клюева, Михайлова 1988, с. 127].

Этими свойствами в наибольшей степени обладали накосные женские украшения. В архаическом мировоззрении усматривалась некая внутренняя связь волос женщины (их длина, густота) с ее плодovitостью, возможностью сохранить свое потомство. Характерно в этом отношении тюркское презрительное прозвище, которым награждали бесплодную женщину или женщину, дети которой умирали, – «*куу баш*» – буквально «высохший череп», т.е. женщина, «лишенная волос» [Абрамзон 1949, с. 86]. Широкое распространение в Сибири имела тенденция увеличивать с помощью накосных украшений косы женщины (их длину, толщину) до преувеличенных, не свойственных естеству размеров. «Ложные косы» ненцев, северных хантов и манси создавали впечатление, что косы женщины достигают колен, а при необходимости (при облысении от парши) они полностью заменяли собой косы. По представлениям алтайцев, косы женщины должны были быть как минимум до талии. Если они не отвечали этим тре-

бованиям, к ним обязательно приплетались чужие волосы [Радлов 1989, с. 133]. Таким же образом замужние женщины, но не вдовы, у хакасов приплетали к концам своих кос ложную косу, сплетенную из волос мужа и посаженной матери [Бутанаев 1987, с. 158]. Обычай увеличивать свои косы за счет накладных волос или их имитации в виде черных шелковых нитей, кистей был известен и бурятам и тувинцам. Такое же отношение к количеству женских волос запечатлено и в фольклоре. Например, в фольклоре алтайцев и хакасов девичьи прически характеризуются одним и тем же устойчивым приемом гиперболизации. В алтайском героическом эпосе количество косичек девушки, что «распущены по спине и о пояс ударяются», выражено числительными пятьдесят, шестьдесят, девяносто. На самом деле и у теленгитов, и у тувинцев, и у хакасов девушки носили лишь около пятнадцати косичек [Дьяконова 1986, с. 34].

С идеей чадородия связано и хакасское нагрудное украшение *ного*, специфическое украшение молодых замужних женщин. Принципиально важно для характеристики этого украшения то, что женщина впервые надевала его на собственную свадьбу, затем в нем же принимала участие в других свадьбах уже в качестве свахи или почетной гости, т.е. его ношение было связано с моментами ритуальной жизни, для которых характерна максимальная демонстрация идей плодородия. В композиции орнаментальных мотивов *ного* В.Я. Бутанаев склонен даже усматривать стилизованное изображение лиц каменных баб Окуневского времени, богини Умай (Ымай), владеющей детскими душами. Согласно шаманской традиции хакасов, Умай владела коралловыми бусинами *суру*, заключавшими в себе души-зародыши девочек. Вместе со стрелами *ух* – душами мальчиков – она хранила их внутри горы Ымай-Тасхыл [Бутанаев 1984, с. 97, 89]. В соответствии с этими представлениями коралловые бусины, щедро используемые в различных украшениях, ассоциировались с многочисленным потомством, будучи символами и выражением личности богини Умай [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174]. Коралл – излюбленное украшение у хакасов, алтайцев, тувинцев, бурят. Знаковая роль приписывалась, вероятно, и цвету коралла, который по этому свойству мог заменяться бисером красного цвета, бусинами из пасты, имитирующими коралл. Так, у тувинцев красный цвет ассоциировался со счастьем женщины, выражавшемся в здоровье и крепком потомстве [Потапов 1969, с. 174–175].

Сильная магическая потенция украшений связана не только с такими простейшими семантическими характеристиками, как форма, цвет, материал и т.п. Являя собой символическую границу между телом человека и внешним миром, они обладали способностью как бы продолжать в себе магические силы тела, волос человека. Украшения женщины наделялись сильными множительными и одновременно охранительными магическими функциями, с одной стороны, обеспечивающими обильное продолжение рода, с другой стороны, способствующими сохранению потомства. Среди алтайцев бытовало мнение, согласно которому женщина, особенно кормящая мать, непременно должна носить кольца, серьги, бусы, чтобы дети не умирали, а были «при себе» [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174–175]. Подобным образом у корячек, молодых матерей, до сих пор

бытует установка на обязательное ношение украшений, особенно в период вскармливания ребенка. При этом особое внимание уделяется бисерным накосным украшениям [Клюева, Михайлова 1988, с. 103].

Особой субстанцией, способной аккумулировать в себе магические силы человека, несомненно, являлись его волосы. Есть основание полагать, что прическа женщины определенным образом манифестировала ее родственные связи, как реальные, так и сверхъестественные. Если замужняя женщина у хакасов имела братьев, то к двум своим косам она еще приплетала по маленькой косичке, которые, по поверьям, были оберегами ее братьев [Бутанаев 1987, с. 158]. Подобным образом, по некоторым данным, у монголов-дербетов число косичек девушки соответствовало числу имеющихся у нее братьев. Причем девушке запрещалось подрезать волосы, ибо вследствие этого как будто бы уменьшалась жизненная сила ее братьев и сестер [Потапов 1959, с. 111]. Магическую охранительную силу сохраняли и вычесанные волосы. Так, волосы входили в состав амулетов, развешиваемых над колыбелью ребенка у телеутов. Считалось, что прядь материнских волос обладает способностью отпугивать злых духов [Тощаклова 1978, с. 40]. У нганасан оцесы иногда привязывались к ремешкам, украшавших спину меховой одежды [Грачева 1983, с. 59]. Просватанной девочке у ульчей расчесывали голову и из упавших волос плели браслет, который в знак помолвки и «чтобы не умерла», «для счастья» одевали на ее руку [Золотарев 1939, с. 54]. Браслеты, сплетенные из волос стариков, надевали на ручки и ножки детей у ульчей, нивхов, нанайцев [Смоляк 1962, с. 271].

У бурят прическа невесты во время свадьбы олицетворяла существенный в тот момент принцип единения женского и мужского начал. На правой – «мужской» – стороне головы невесты заплетали девять косичек, на левой – «женской» – восемь [Хангалов 1960, с. 83]. В ритуальной сфере монгольских народов число девять связано с луной, сакральным мужским началом, число восемь – с солнцем, женским началом. Плетение волос в восемь и девять косичек символизировало супружеские отношения солнца и луны, единство мужа и жены [Галданова 1986, с. 156]. В этом контексте антитезой единения выступает разъединение мужа и жены в результате смерти одного из супругов. Вещественными символами этого положения могут выступать такие символические противоположности, как заплетенные в косы и распущенные волосы, соединенные перемычкой накосные украшения и разъединенные косы и т.д. [Клюева, Михайлова 1988, с. 126]. Красноречив в этом отношении обычай, согласно которому вдова у бурят срезала одну косу, которая погребалась вместе с мужем [Галданова 1986, с. 156]. Так же, вероятно, читается и семантика обрезания волос вдовой или вдовцом у других народов. У негидальцев на похоронах жена или муж срезали у себя волосы сантиметров на десять и вешали их на дерево. Иногда женщина бросала пучок своей косы на могилу мужа или заворачивала ее в тальник [Штернберг 1933, с. 536].

Одежда и украшения человека, являясь внешним покровом тела, были одновременно его продолжением, своеобразной экстериоризацией личности [Топорков 1989, с. 98]. С этим качеством украшений, вероятно, связан широко распространенный в эпосе тюркоязычных народов Сибири мотив

превращения женщины в перстень или серьгу [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 173; Липец 1984, с. 43]. У нивхов на деревянное изображение умершей обязательно «навешивали серьги, делали медные нашивки на платье, надевали браслет, кольцо, бусы» [Крейнович 1973, с. 382]. Тем самым деревянное изображение не только получало некую портретную характеристику умершего человека, но и могло в полной мере выступать его заместителем. Периоду зрелости человека, времени максимального подъема его жизненных сил соответствовал наиболее полный набор украшений с максимальным спектром символических функций. В этих украшениях, главным образом женских, сконцентрированы представления о высших жизненных ценностях, таких, как счастье, благополучие, продление рода, плодородие и т.д. Все эти представления с помощью конкретных символов имели зримую форму. На определенном этапе развития общества, при достаточном уровне развития местного ювелирного искусства (или возможности приобретать художественные произведения других народов) символика высших жизненных ценностей ассоциировалась со сложностью и изысканностью украшений, высоким художественным уровнем их исполнения, наконец – с материальной ценностью этих украшений. Идея высокой символики украшений переплетается с представлениями об их эстетической и материальной ценности.

У народов Южной Сибири (включая в определенной степени юг Дальнего Востока) женские парадные украшения – это зачастую драгоценные произведения ювелирного искусства, символическое и материальное воплощение богатства как в широком, так и в узком смысле этого слова. Представления о связи ювелирных украшений с богатством, достатком реализуются в шорском эпическом сюжете волшебного превращения. Выходя замуж «скот Кара Казана не взяла. Скот и народ отца и матери своей, превратив в золотую и серебряную серьги, в уши их взяла» [Дыренкова 1940, с. 162]. О неразрывной связи эстетической функции женских украшений с символикой плодородия, например в тюркской традиции, уже говорилось. Материальные ценности, в частности деньги, монеты, осмысливались не только как таковые, но и как символ обладания высшими жизненными ценностями. Отсюда широкое использование монет (и их имитации) в различных ритуальных действиях, в изготовлении украшений.

Рассмотрев различные функции украшений, вернемся к целостной структуре их функций, свойственной традиционной культуре.

Украшения в общем не имели утилитарного назначения. Можно отметить весьма условную практическую роль накосных украшений в упорядочении и поддержании в должном виде прически, а также использование в качестве рабочего приспособления мужского кольца на большом пальце руки у ряда народов Амура.

Напротив, экстраутилитарные функции украшений были весьма разнообразны. В своем внешнем выражении, обращенные вовне, украшения, как и одежда, манифестировали социальные ценности, являясь знаком половозрастного и общественного статуса человека [Топорков 1989, с. 98]. В силу присущих им внутренних свойств (или, с внешней точки зрения, – в силу тех свойств, которыми их наделили люди), а также благодаря тому,

что, находясь на границе человеческого тела, они выражать его сверхъестественные свойства [Там же], украшения обеспечивали апотропеические, криптические, катартические, симпатические, лечебные и другие магические функции. Различные виды магического воздействия украшений сводимы к одной существенной медиативной функции. Находясь на границе различных семантических сфер – внутреннее/внешнее, человек/природа – украшения могли либо перекрывать эту границу, выступая в качестве оберега, либо, напротив, открывать эту границу, приобщая человека к животельным силам природы, сообщая ему физиологическое развитие, здоровье, плодородие и т.д. Наконец, именно украшения среди других явлений культуры должны были иметь ярко выраженные эстетические функции.

Украшения – факт культуры, в котором изначально заложен определенный спектр («пучок») синкретических функций. Отдельные виды украшений обладают присущей им особенностью структуры функций. Так, в различных украшениях доминируют те или иные магические функции, которые определенным образом соотносятся с функциями другого порядка. По признаку соотношения функций можно условно выделить три основные группы украшений.

Первую группу составляют «украшения-амулеты», в них явно доминирует магическая функция в целом, а особенно ярко выражена охранительная функция. Способность этих украшений обозначать состояние (статус) лица незначительна. Эстетическая функция этих украшений часто не очень развита. Обычно это первые украшения, которыми снабжают ребенка, а также большая часть мужских украшений, сохраняющих «детские черты». Позже, особенно у девочек, эти украшения заменяются на иные – с другой структурой функций. Но у тех народов или в тех случаях, когда эти украшения сохраняются и в других возрастных классах, украшения этой группы продолжают сохранять свою половую, возрастную, социальную индифферентность. Так, у северо-восточных палеоазиатов браслеты, ожерелья, головные повязки в виде ремешков с бусинами (пуговицами) были абсолютно одинаковы у детей, мужчин, женщин. И даже более поздние украшения из бусин и бисера сохраняли преемственность недифференцированности. Ожерелья здесь носили представители обоих полов. Одинаковыми были и бисерные серьги. А.П. Лазарев писал об азиатских эскимосах, что на острове Св. Лаврентия «оба пола в ушах носят бисер и серьги» [Лазарев 1950, с. 295]. У коряков как мужчины, так и женщины носили серьги или ушные подвески *кэмэ*, состоящие из нанизанного на нитку бисера [Вдовин 1973, с. 200].

Более того, те украшения, которые начинали носить в младенчестве независимо от пола, с сильно выраженными охранительными свойствами, в дальнейшем имели тенденцию существовать как украшения и мужские, и женские. Так, браслеты у народов Амура носили всю жизнь и мужчины и женщины. А у тех народов, где детские браслеты не отмечены (например, у бурят, тувинцев), они были исключительно женским украшением. У бурят браслеты вообще впервые надевали на свадьбу или сразу же после нее. У народов Дальнего Востока и Южной Сибири мужские серьги отличались от женских не конструктивными особенностями, а меньшими размерами и про-

стотой оформления. Именно этими особенностями отличались детские серьги. Наиболее распространенный вариант – маленькие колечки, иногда с подвеской из одной бусины. Во многих случаях самый простой (и, вероятно, древний) вид определенного типа украшений не имел половой дифференциации, а с развитием более сложных форм он получал четкую половую привязку. Одним из примеров могут служить якутские гривны, которые в своей исходной примитивной форме были и мужским, и женским украшением [Зыков 1976, с. 56.], а более сложные виды гривен с подвесками стали исключительно женским украшением.

Для второй группы украшений характерна некая сбалансированность функций. Трудно выделить доминирующую функцию, все присущие украшению внутренние и внешние свойства выражены максимально ярко. К этой группе относятся украшения, свойственные репродуктивному возрасту, главным образом это женские украшения. Они четко маркируют малейшие изменения в возрастном и социальном положении носителя. Из магических функций наиболее развиты охранительная и репродуктивная, причем последняя обнаруживает теснейшую связь с эстетической. Художественный уровень украшений молодых женщин-матерей наиболее высок.

В третьей группе украшений наиболее актуализированной оказывается эстетическая функция. В качестве социального знака украшения этой группы выражают главным образом высокое положение человека в общественной иерархии. Магические функции подразумеваются, но существенного значения могут и не иметь. Они находятся как бы на периферии восприятия. В отличие от первой и второй групп, предназначенных для повседневного ношения, украшения, относящиеся к третьей группе, – парадные.

Украшения, входящие в каждую из трех групп, могут существовать в культуре синхронно. В диахронном же аспекте они обнаруживают тенденцию к движению от первой группы к третьей, так что первая группа украшений определенным образом соотносится с архаическим пластом культуры, вторая – с традиционной, а третья – в своем наиболее развитом виде тяготеет к культуре современной.

Рассмотрим в диахронном плане такое специфическое украшение, как специальное мужское кольцо, носимое на большом пальце рядом народов амурского региона, – *хонякан* (нан., ульч.), *пэрхэ* (нан.). Это, пожалуй, единственное украшение, происхождение которого можно связать с вещью, имевшей не только символическое, но и практическое назначение. В то же время, прослеживая дальше во времени эволюцию этого кольца, Л.И. Шренк отмечал, что это украшение превосходной работы, из слоновой кости, агата, яшмы встречается на пальцах высших сановников, мандаринов в Китае [Шренк 1899, с. 108]. Это кольцо обладает следующей структурой функций. Начнем с практического назначения: оно предохраняло палец при стрельбе из лука. Р.К. Маак считал, что кольцо не только служит для натягивания лука, но употребляется и при добывании рыбы: поражая рыбу острой, ее верхний конец упирают в кольцо, чтобы придать больше силу удару [Маак 1859, с. 207, 219]. Ж. Лаперуз, видевший это кольцо у орочей, отмечал, что оно служит упором для ножа при потрошении рыбы и сдирании с нее кожи [Шренк 1899, с. 107]. Е.А. Крейнович

указывал еще на одно практическое употребление этого кольца: нивхи в момент раздражения били им противника в лицо [Крейнович 1973, с. 385]. Таким образом, кольцо служило необходимым приспособлением во многих мужских занятиях. Символический аспект функционирования кольца связан с тем, что оно было знаком маскулинности, возмужалости, а также, как всякое украшение, выполняло магические функции. Наконец, кольцо было красивым. Его делали из серебра, железа, меди, свинца, нефрита, украшали «разнообразными гравировками и фигурками из медных и серебряных пластинок» [Шренк 1899, с. 108]. Если попытаться иерархически разложить перечисленные функции, то выяснится, что диахронически они располагались в разном порядке. В архаической культуре наиболее актуализированными оказывались практические и символические функции. Затем на первый план вышла социальная знаковость этого кольца, практическая функция сошла на нет. Наконец постепенно стала доминировать функция эстетическая.

Кольцо, о котором шла речь, является в определенном роде исключением в силу выраженности своего практического назначения. Более типична ситуация, когда изначально доминирующей выступает одна из экстраутилитарных функций – магическая.

Бурятское нагрудное украшение *гуу* по своему происхождению – род ладанки, медальона, куда помещались различные священные предметы, обеспечивавшие высокую магическую силу этого украшения. Но постепенно *гуу* превращается в украшение в чистом виде (в украшение в современном понимании этого слова). А.Н. Кузнаков писал: «Такие га-у на широкой суконной перевязи можно часто видеть в Тибете на богатых богомольцах, купцах или должностных лицах, когда они в дороге. Иногда на одной перевязи прикреплено 6–7 га-у, по большей части пустых и носимых лишь как украшение» [Кузнаков 1907, с. 123]. При подчеркнутой здесь эстетической ценности, несомненно, осознавалась магическая сила украшения. Достаточно обратить внимание на то, что надевалось оно обязательно в дорогу, когда возможность неблагоприятного воздействия злонамеренных сил была особенно велика. В Бурятии на рубеже XIX–XX вв. *гуу* – чрезвычайно искусно сделанное украшение, хотя представления, связанные с охранительной функцией этого украшения, должны были сохраняться.

Таким же образом и нганасанское нагрудное украшение *сейми*, если иметь в виду его происхождение от мешочка для хранения амулета, в своей семантике сохраняло магические силы этого амулета, уже отсутствующего.

Таким образом, на определенных исторических этапах (а также ситуативно) из всего спектра заложенных в предмет функций в наибольшей степени актуализированы были только некоторые, причем одна из них могла доминировать. Правда, нужно иметь в виду, что выделение доминирующей функции не только достаточно условно, но зачастую может быть и субъективно. Доминирующая функция определяет функционирование и восприятие вещи. Стремясь найти в предмете единственный смысл, выделяя из широкого спектра функций традиционных украшений одну, мы получаем, например, «кольцо для стрельбы из лука», если за доминирующую принимаем практическую функцию предмета. Но гораздо чаще в качестве доми-

нирующей выступает магическая функция, действительно чрезвычайно существенная в украшениях. Отсюда происходит определение украшения в качестве «амулета», «охранителя».

Тенденция противопоставлять магические и эстетические функции украшений весьма характерна при рассмотрении этого явления культуры. Действительно, можно задаваться вопросом, являются ли украшениями, например, ожерелья чукчей, крайнюю неэстетичность которых (во всяком случае с европейской точки зрения) отмечал В.Г. Богораз. Он же писал, что это украшение является амулетом [Богораз 1901, с. 16]. Ответом на этот вопрос служит тезис о полифункциональности и синкретизме функций вещей в архаической и традиционной культурах, не допускавших противопоставление функционального и эстетического, практического и символического и т.д. При этом мы должны иметь в виду два вида прагматики, свойственные архаическому мировоззрению: собственно утилитарную и знаковую [Байбурин 1989, с. 81–82]. В этом же плане было бы неправильно выводить происхождение украшений из предметов, удовлетворяющих исключительно практические или исключительно символические, в частности только магические или только эстетические потребности человека. Один из способов наделить вещь необходимыми свойствами – ее украшение. В то же время определенным образом оформленная (украшенная) вещь только и могла обладать силой, которая от нее требовалась. Невозможно ответить на вопрос, какая из функций вытекает из другой: магическая из эстетической или эстетическая из магической в силу комплиментарности этих свойств. Они изначально неразрывно связаны и немыслимы друг без друга. Только в современном обществе вырабатывается специализация функций.

Таким образом, особенность украшений в ряду других явлений культуры нужно видеть в их постоянно высоком семиотическом статусе, ярко выраженной эстраутилитарности. Структура функций украшений изначально характеризуется высокой степенью синкретичности. Украшения возникают как факт культуры, в котором изначально заложен целый спектр символических функций. В диахронии структура функций постепенно перестраивается таким образом, что преобладающей становится эстетическая функция, имевшая тенденцию постепенно вытеснять, удалять на периферию все остальные. А в современном обществе при специализации функций она приобретает вполне самостоятельный характер. В развитом виде ювелирные украшения относятся к тому особому классу вещей, вся ценность которых заключена в них самих, в том, что они есть [Там же, с. 81].

Библиография

- Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. Т.ХП. Л., 1949.
Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986.
Алексеев Е.А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
Алексеев Е.А. Свадебная обрядность: Кеты // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
Алексеев Е.А. Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлениям телеутов // Сб. МАЭ. 1929. Т.ХІІІ.
Астырев Н. По улусам монголо-бурят Иркутской области. М., 1891.

- Бадмаева Р.Д.* Одежда и украшения баргузинских бурят XIX–начала XX веков // Полевые исследования ИЭ. 1974. М., 1975. С. 189–196.
- Бадмаева Р.Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.
- Байбурин А.К.* Семиотический аспект функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1980.
- Белькович А.А.* Из дневника во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Труды Приамурского отдела РГО. 1895. Хабаровск, 1896.
- Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Богораз В.Г.* Очерки материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти. СПб., 1901.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. II: Религия. Л., 1939.
- Борозна Н.Г.* Виды украшений народов Средней Азии и Казахстана // Сов. Этнография. 1974. № 1. С. 40.
- Браиловский С.* Тазы, или удихэ: Опыт этнографического исследования // Живая старина. 1901. Вып. II–III.
- Бутанаев В.А.* Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 97, 89.
- Бутанаев В.А.* К истории семьи и семейного права хакасов (XIX – нач. XX в.) // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Бутанаев В.А.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. XI. 1949.
- Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки. Л., 1969.
- Васильева Г.П.* Магические функции детских охранителей у туркмен // Древние обряды, верования и культы у народов Средней Азии. М., 1986.
- Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 200.
- Вдовин И.С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 117–172.
- Вилькинс А.И.* Среднеазиатская богема. Антропологическая выставка 1879 г. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 35. Ч. 1. Вып. 4. 1882.
- Галданова Г.Р.* Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии: Материалы и исследования. Новосибирск, 1986.
- Георги И.Г.* Описание всех живущих в Российском государстве народов. СПб., 1799.
- Грачева Г.Н.* Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Грачева Г.Н.* Традиционные культы нганасан // Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.
- Грачева Г.Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Грачева Г.Н.* Этнические особенности языка культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 115, 117.
- Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
- Гурвич И.С.* Заключение // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Долгих Б.О.* Этнографический состав населения якутского уезда // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1955. Вып. 24.
- Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
- Дьяконова В.П.* Старинные якутские шейные украшения // Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 179–186.
- Дьяконова В.П.* Этнокультурные параллели к традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 34–44.
- Дьяконова В.П.* Свадебная обрядность: Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Дьяконова В.П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.

- Дьяконова В.П., Клюева Н.И.* Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Т.35. 1980.
- Евтюхова П.А.* Каменные изваяния Северного Алтая // Труды Гос. историческо-го музея. Вып.16. М., 1941.
- Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения якутов. XVII в. Якутск, 1966.
- Иванов С.В.* О детских амулетах нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- Зуев В.Ф.* Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов: Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М., 1947 (ТИЭ, нов. Сер. Т.5).
- Золотарев А.* Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк марксист. 1938. Кн. 2 (66).
- Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
- Зыков Ф.М.* Ювелирные изделия Якутов. Якутск, 1976.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954. С. 400–401.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Северной Сибири. Л., 1970.
- Иванов С.В.* О детских амулетах нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера // Сб. МАЭ. Т.33. Л., 1977. С. 89.
- Каталог этнографических коллекций* Музея археологии и этнографии Томского университета. Томск, 1979. Ч.1.
- Кибер А.Э.* Извлечения из дневниковых записок, содержащих в себе сведения и наблюдения в болотных пустынях северо-востока Сибири // Сибирский вестник. Ч.1. СПб., 1824.
- Ким Н.В.* Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии. Вып.4. Улан-Удэ, 1965.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Накосные украшения сибирских народов // Сб. - МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 105–128.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Каталог съемных украшений народов Сибири // (по коллекциям МАЭ) // Сб. МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 195–208.
- Кочешков Н.В.* Декоративное искусство монголоязычных народов: XIX–середина XX веков. М., 1979.
- Крейнович Е.А.* Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.
- Кузнаков А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму. Т.П: Монголия и Кам. 1907. Вып.1.
- Кузнецова А.А., Кулаков П.Е.* Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. С. 160–161.
- Кузнецова В.Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. II. 1957. С.275 (ТИЭ. Нов. сер. Т.35).
- Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Носов М.М.* Художественно-бытовые изделия якутов XVIII – начала XIX в. Якутск, 1988.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.III. СПб., 1788.
- Лазарев А.П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950.
- Ларькин Р.* Материальная культура удэгейцев до установления советской власти // Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР. Серия историческая. 1963. Т.5.
- Ларькин В.Г.* Орочи. М., 1964.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири: Первая половина XVIII века. Магадан, 1981.
- Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Липский А.Н.* Элементы религиозно-магических представлений гольдов. Чита, 1923.
- Лопатин И.* Гольды. Владивосток, 1922.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов: Восточная группа. Томск, 1985.
- Маак Р.К.* Путешествие по Амуру, совершенное по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 г. СПб., 1859.
- Маак Р.К.* Вилюйский округ Якутской области. Ч.III. СПб., 1877.

- Малиев Н.* Отчет о вогульской экспедиции Н. Малиева // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.3. № 2. 1872. С. 8.
- Маргаритов В.П.* Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
- Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей и путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. СПб., 1868.
- Надаров И.П.* Северноуссурийский край // Зап. РГО. по общей географии. 1877. Т. XVII. № 15.
- Народы Сибири.* М.; Л., 1956.
- Николаев С.И.* Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964.
- Носов М.М.* Одежда и ее украшения у якутов XVII–XVIII веков // Сборник научных статей ЯРКМ. Якутск, 1951. Вып.1. С. 92–103.
- Островских П.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1854 г.) // Живая старина. 1895. Вып. III.
- Очерки истории и культуры Бурятии.* Т.1. Улан-Удэ, 1972. С. 408.
- Очирова Г.Н.* Свадебная обрядность сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск, 1986.
- Павлинская Л.Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Петри Б.Э.* Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ. Т.V. Вып.1. Пг., 1918.
- Полевой Б.П.* Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века // Сов. этнография. 1965. № 5. С. 126.
- Попов А.А.* Материальная культура долганов в коллекциях МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XVIII. 1958а.
- Попов А.А.* Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1958б.
- Попов А.А.* Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984.
- Попова У.Г.* Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Потанов Л.П.* Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. Т. 13. М.; Л., 1951. С. 5–59.
- Потанов Л.П.* Некоторые итоги работы тувинской экспедиции // Сов. этнография. 1959. № 5.
- Потанов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Патачаков К.М.* Очерки материальной культуры Хакасов. Абакан, 1982.
- Приклонский В.Л.* Материалы по этнографии Якутской области // Известия Вост.-Сиб. Отд. РГО. Т. XVIII. 1887.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // Сб. МАЭ. Т.15. Л., 1953.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1–99.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5–53.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Розенфельд И.Г.* Древности Западной части Волгоокского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 91–93.
- Сазонова М.В.* Украшения узбеков Хорезма // Сб. МАЭ. 1970. Т.26. С. 126.
- Сат Л.Ш.* Прически и традиционные украшения тувинских женщин: XIX–начало XX в. // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 187–198.
- Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. С. 137.
- Сильницкий А.В.* Быт гиляков на низовьях Амура // Труды Приамурского отд. РГО за 1895 г. Хабаровск, 1896.
- Симченко Ю.Б.* Праздник Аны’о у авамских нганасан // Сиб. этногр. сборник. М., 1963. Т.5. (ТИЭ. Т.84).
- Сем Ю.А.* Нанайцы: Материальная культура. Этнографические очерки. Середина XIX–середина XX веков. Владивосток, 1973.
- Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения.* М., 1980.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т.1.
- Симченко Ю.Б.* Праздник Аны’о дялы у авамских нганасан. М., 1963 (ТИЭ. Т.74).
- Слепцов П.А.* Традиционная семья и обрядность у якутов: XIX – начало XX в. Якутск, 1989.
- Слюнин Н.В.* Среди чукчей. М., 1896.
- Слюнин Н.В.* Охотско-Камчатский край. Т.1. СПб., 1900.

- Смоляк А.В. Магические обряды сохранения жизни детей у народов Нижнего Амура // ТИЭ. Т.78. 1962.
- Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966.
- Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984.
- Смоляк А.В. Свадебная обрядность: Нанайцы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования. ИЭ. 1974. М., 1975. С. 169.
- Старииков В.С. Материальная культура китайцев. М., 1867. С.104.
- Степанов. Южно-уссурийский край // Древняя и новая Россия. Март, 1880.
- Стрелов Е.Д. Одежда и украшения якутки в половине XVIII века // Сов. этнография. 1937. № 2–3.
- Таксами Ч.М. Традиционное воспитание детей у нивхов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев. Новосибирск, 1978.
- Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
- Требуховский П.Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем // Просвещение Бурятии. 1929. № 1–3.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
- Тугутов И.Е. Материальная культура бурят: Этнографическое исследование. Улан-Удэ, 1948.
- Тулахани А.В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970.
- Федорова Е.Г. Одежда манси XIX–XX века // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196–207.
- Федорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Сб. МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 86–104.
- Федорова Е.Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Хангалов М.Н. Собр. соч. В 3 т. Улан-Удэ, 1958–1960.
- Хангалов М.Н. Свадебные обряды унгинских бурят // Собр. соч. Т.2. Улан-Удэ, 1960. С. 83.
- Хангалов М.Н. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания бурят унгинского инородческого ведомства Балаганского округа // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. XXXVI. № 1.
- Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1958.
- Художественная обработка металла в Бурятии. Улан-Удэ, 1974.
- Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977. С. 98.
- Чесноков Ю.В. Некоторые аспекты трудового воспитания детей в культуре оленых чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т.4. С. 162.
- Шибалева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959.
- Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899.
- Штернберг Л.Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып.36. Тобольск, 1916. С. 49.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. Магадан, 1978. С. 42.
- Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
- Bogoras W. The Chukchee: Material Culture // Memoir of the American Museum of Natural History. Vol.7. Leiden; New York, 1904; Богораз В.Г. Очерки материальной культуры чукчей // Сб. МАЭ. Т.2. СПб., 1901.
- Jochelson W. The Koryak // Memoir of the American Museum of National History. Vol.VI. New-York, 1905. P. 1.

Е.Г. Федорова

**УКРАШЕНИЯ ВЕРХНЕЙ ПЛЕЧЕВОЙ ОДЕЖДЫ
НАРОДОВ СИБИРИ
(НАРОДЫ ПРИАМУРЬЯ, ПРИМОРЬЯ, САХАЛИНА,
ДОЛГАНЫ, ЯКУТЫ, НАРОДЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ)**

Настоящая статья представляет собой вторую часть работы «Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири» (первая была опубликована в 1988 г. [Федорова, 1988]), выполненной по схеме, близкой тем, что использовались при создании Историко-этнографического атласа Сибири (1961 г.). Статья посвящена несъемным украшениям верхней плечевой одежды тех народов Сибири, которые не рассматривались в первой публикации.

Следует напомнить, что понятие «украшения верхней плечевой одежды» в определенной степени условно. Здесь под ним подразумевается использование цветового контраста между основными деталями или ими и надставками из одного и того же или разных материалов, а также наглухо пришитых или вшитых деталей из различных материалов, функционально не связанных с покроем, т.е. то, что несет на себе эстетическую нагрузку.

Хорошо известно, что украшения, как и костюм в целом, многофункциональны. Но изучение ряда их важных функций (символической и эстетической) невозможно без предварительного рассмотрения таких признаков украшений, как материал, техника, топография, чему, главным образом, и посвящена эта статья. Изучение украшений в таком аспекте помогает понять еще и закономерности формирования костюма, позволяет выявить общее и особенное в одежде, что дает выход на этноисторические проблемы. Источниками при подготовке данной статьи послужили коллекции МАЭ РАН и сведения, содержащиеся в этнографической литературе.

Народы Приамурья, Приморья, Сахалина

К этой группе из рассматриваемых в данной статье народов относятся нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, негидальцы, нивхи, ороки. Их сложная этническая история, тесные контакты друг с другом и соседними народами привели к формированию облика культуры, характеризующегося наличием значительного комплекса общих элементов.

Верхняя плечевая одежда народов Приамурья, Приморья и Сахалина была распашной. Выбор материала, из которого ее шили, зависел от того, для какого времени года она предназначалась. Для изготовления одежды использовали шкуры собаки, оленя, лося, кабарги, тюленя, ры-

бью кожу, ткани. Как в мужской, так и в женской одежде фиксируется два варианта покроя: с полками одинаковой ширины и с так называемой удвоенной левой полкой. В мужской одежде наблюдается еще один вариант покроя – с более узкой, чем удвоенная, полкой. Причем все виды материала и варианты покроя, как установлено, известны населению этих территорий с давних пор [Смоляк, 1984; с. 135–137, 140–141, 219]³³⁹. Различия в верхней плечевой одежде перечисленных выше народов сводятся, главным образом, к большому или меньшему использованию конкретных материалов и способов украшения, определенной цветовой гаммы.

Имеющиеся данные о меховой одежде народов Приамурья, Приморья и Сахалина позволяют выделить несколько способов декорирования с помощью этого материала. В первую очередь нужно отметить такой прием, как сочетание деталей, выкроенных из меха различных оттенков. Он фиксируется у нивхов (Рис. 1), ороков, низовых негидальцев, орочей, ульчей. У этих народов бытовали мужские халаты или куртки из шкуры нерпы, при изготовлении которых мех подбирался так, чтобы подчеркнуть особенности кроя, где достаточно четко просматривается безрукавка, до-

Рис. 1. Мужская одежда, в которой сочетаются детали, выкроенные из меха различных оттенков. Нивхи. МАЭ, № 4362–19.

³³⁹ В этой же работе приводится и детальное описание одежды, снабженное богатым лексическим материалом. О покрое верхней плечевой одежды см. также: [Смоляк 1957, 1966; Прыткова 1961, с. 233–234, 237–238].

полненная рукавами. Кстати, безрукавка бытовала в качестве охотничьей одежды у всех народов региона, а нанайцы носили ее еще и с отдельными рукавами [Смоляк, 1984, с. 142].

По низу куртки из шкуры нерпы проходила достаточно широкая полоса из того же материала, положенного ворсом поперек. На шубах из собачьих шкур, бытовавших у всех народов данного региона, за исключением, видимо, удэгейцев [Там же, с. 141], встречалось украшение в виде опушки. Она располагалась на обшлагах, которые делались мехом внутрь, в отличие от остальных деталей шубы, и окаймляла их по нижнему и верхнему краям. Аналогичным образом отделялись концы рукавов мужской одежды из оленьего меха, стоячие воротники женских халатов у нанайцев. Опушкой из меха выдры украшали лисьи шубы ульчи.

Принцип декоративности применялся в ряде случаев и при изготовлении подклада одежды – той ее части, которая скрыта от глаз посторонних. Речь идет о женских шубах нивхов, нанайцев, ульчей, негидальцев. Их шили в технике меховой мозаики (составной мех) из шкурок с лап лисицы, выдры, рыси, соболя и покрывали шелком. Фрагменты мозаики из разноцветного меха вырезались в виде квадратов, треугольников, других элементов орнамента (ульчи) [Там же, с. 161–162]. Ульчи украшали меховой (составной мех из разноцветных шкурок с лап собак), а также смешанной (с использованием таких же шкурок и кусочков крашеной рыбьей кожи) мозаикой подол своих свадебных халатов с рукавами до локтя.

Наиболее яркими были предметы одежды, для украшения которых использовалась ткань. Она служила преимущественно для отделки халатов и курток, сшитых из ткани же (хлопчатобумажной, сукна, атласа и др.).

В изделиях из ткани также использовали прием украшения путем сочетания деталей, выкроенных из материи разных цветов. Причем в таких случаях часто применялась набивная хлопчатобумажная ткань. Из нее делали полки равнополых женских свадебных халатов нанайцы и ульчи. Удэгейцы, нивхи, орочи шили из различавшихся по цвету тканей верхнюю и нижнюю части халата («юбка» с «кофтой») (Рис. 2). У нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, удэгейцев нередко встречались халаты с рукавами из иной, чем стан, ткани. А.В. Смоляк связывает это с отсутствием ткани такой ширины, которая позволила бы выкроить туникообразный с цельнокроенными рукавами халат [Там же, с. 138–139]. Но, возможно, здесь в покрое прослеживаются контуры безрукавки, носимой ранее поверх халата, как и в равнополой свадебной одежде, о чем уже говорилось в этнографической литературе [Иванов, 1954, с. 229; 1963, с. 414.]. Во всяком случае, обшлага халатов с рукавами из ткани другого цвета украшались так же, как и обшлага одноцветных халатов.

У народов Приамурья, Приморья и Сахалина распространен был и такой способ украшения одежды, как мозаика из ткани. Он встречался главным образом на равнополых свадебных халатах. Мозаикой в виде ромбов или прямоугольников, расположенных в шахматном порядке, украшались их полки (Рис. 3) (иногда только их верхняя часть и передняя сторона рукавов). В технике мозаики выполнялась верхняя часть спинки таких халатов. Кусочки ткани, из которых составлялась мозаика, оформ-

Рис. 2. Женская одежда, в которой сочетаются детали из ткани разных цветов. Нивхи. МАЭ, № 6751-42.

Рис. 3. Женский свадебный халат, украшенный мозаикой из ткани. Вид спереди. Нанайцы, МАЭ, № 5821-7.

Рис. 4. Женский свадебный халат, украшенный вышивкой.
Вид сзади. Нанайцы. МАЭ, № 5821-7.

Рис. 5. Украшения ворота одежды из ткани.
Нанайцы. МАЭ, № 2252-2.

лялись в виде чешуек, окантованных узкой полосой яркой ткани и заполненных вышивкой или аппликацией. Согласно С.В. Иванову, они символизировали чешую дракона, выполнявшую по отношению к невесте защитную функцию [Иванов, 1954, с. 229–230; 1963, с. 406]. Существует и другое мнение, по которому чешуйки являются имитацией материала, а именно, рыбьей кожи, использовавшегося прежде для изготовления свадебных халатов [Сем, 1973, с. 221–222]. Нередко спинка состояла из нескольких широких, горизонтально расположенных полос ткани, заполненных вышивкой (Рис. 4).

Одним из самых распространенных видов техники украшения одежды народов Приамурья, Приморья и Сахалина была аппликация из ткани. Она использовалась при отделке одежды, сшитой из различных тканей, реже ее можно было увидеть на халатах из рыбьей кожи. Значительно богаче обычно украшалась женская одежда.

Выделяется два вида аппликации: полосы и орнаменты. Полосы разной ширины выполнялись из разноцветной ткани. В некоторых случаях (имитация воротника, окаймление бокового разреза) их свободный край имел фигурные очертания. Практически на всех предметах присутствовала полоса ткани, заходившая на изнанку. Она окантовывала края одежды. В большинстве случаев с лицевой стороны эта окантовка представляла собой узкую полосу. Замечено, что наиболее характерен такой способ отделки для мужских праздничных халатов нанайцев и удэгейцев, затем – ульчей и нивхов [Смоляк, 1984, с. 219].

Количество узких и широких полос ткани на одежде, принцип их чередования, цветовая гамма различны. Здесь возможно выявление этнических особенностей. Так, нанайцы нашивали полосы вокруг ворота в следующем порядке: за полосой, окаймлявшей вырез и заходившей на изнанку, – одна или две узких полосы, затем шла широкая, с орнаментом или без него, дальше – от одной до трех узких полос (Рис. 5). Такая группа полос была почти обязательной. Часто она дополнялась чередующимися в том же порядке узкими и широкими полосами. Украшение полностью закрывало плечи и верхнюю часть спины.

Ширина узкой полосы составляла 0,4–0,5 см, широкие были различными – от 5 до 15 см (ширина последних не зависела от их количества вокруг ворота). Еще одна характерная особенность отделки: первая от края ворота широкая полоса могла иметь фигурные очертания. Возможно, она имитировала воротник, надевавшийся раньше поверх халата.

Порядок чередования полос на полах, подоле и обшлагах был более свободным. Первой от края могла проходить как узкая, так и широкая полоса, между широкими располагалось от двух до четырех узких. Часто широкие, но разные по ширине полосы нашивались рядом друг с другом. В этих случаях на одной из них, как правило, присутствовал орнамент.

Подобный декор был характерен для нарядной мужской и женской одежды с удвоенной левой полкой, а также для мужской равнополой. Украшение вдоль боковых разрезов мужской одежды (Рис. 6) или вдоль бо-

Рис. 6. Украшения вдоль боковых разрезов мужской одежды из ткани.
Нанайцы. МАЭ, № 5168–1.

ковых швов женской состояло из орнаментированной, реже – гладкой полосы, окаймленной одной–тремя узкими полосками.

На подоле халатов нивхов, как правило, от края сначала шла узкая полоса. Порядок чередования полос на обшлагах обычно повторял таковой на подоле, на воротах же был несколько иным. У орочей на подоле, обшлагах, левой поле от края сначала нашивали по две относительно широких полосы, потом одну узкую и одну очень широкую. Заканчивалась эта комбинация узкой полосой. Ороки на концах рукавов и в верхней части полы мужских праздничных халатов делали сравнительно узкую полосу (так же, как и нивхи). Иногда она орнаментировалась [Там же, с. 139]. На подоле женских халатов нанайцев располагалось обычно две-три широких полосы [Там же, с. 157], чередовавшиеся с узкими. У низовых нанайцев, которые вплотную соприкасались с ульчами, на подоле халатов имелось две полосы: одна из них была широкой (12–15 см), вторая – вдвое уже. Она нашивалась гораздо выше первой. У низовых нанайцев халаты были более короткими, чем у верховых, но вся ширина украшения из полос на подоле у них доходила до 0,5 м, в то время как у верховых нанайцев она была вдвое меньше [Там же, с. 159–160]. У правобережных ульчей на подоле халатов нашивались две нешироких полосы, причем нижняя – в два раза шире верхней [Там же, с. 160]. Отмечено, что для ульчей в целом были характерны более узкие, чем для нанайцев, полосы на халатах [Там же, с. 212].

Удэгейцы нашивали полосу ткани еще и по линии талии, тем самым как бы разделяя халат на две части – плечевую и поясную.

Равнополюе свадебные халаты нанайцев и ульчей украшались по подолу, полам, концам рукавов, находившемуся в нижней части спинки разрезу одной полосой ткани шириной 7–9 см. Мужские и женские рав-

нополюе свадебные халаты нанайцев по тем же линиям, а также по боковым разрезам имели полосы с орнаментом [Сем, 1973, с. 206, 215–216] (Рис. 3, 4).

Цветовая гамма полос на халатах у каждого народа своеобразна. Низовые нанайцы предпочитали яркие цвета, верховые – черный для той полосы ткани, которой обшивались края одежды. У низовых нанайцев в отделке подола обязательно присутствовал красный цвет. Мужские праздничные халаты с удвоенной левой полкой декорировали тканью голубого цвета [Там же, с. 207]. Удэгейцы и орочи пользовались тканями ярких цветов. Они сочетали оранжевый с синим и красным, желтый с красным и черным. Правобережные ульчи нашивали на подол халата полосы ткани черного цвета [Иванов, 1963, с. 412; Смоляк, 1984, с. 157, 159–160.]. У нивхов женские халаты отделялись чаще всего тканью темных цветов [Таксами, 1970, с. 173].

Полосы нашивались на халаты швом «вперед иголку», чаще всего нитками контрастных цветов. У нанайцев стежки шва могли группироваться по два–три, у орочей – по три [Иванов, 1963, с. 368].

Наряду с полосами применялся, как уже отмечалось выше, и другой вид аппликации из ткани – орнаменты. Как правило, аппликативный узор сначала нашивался на полосу ткани, которая потом прикреплялась к одежде. Непосредственно к ней крепили орнамент удэгейцы р. Бикин при изготовлении праздничной мужской одежды [Смоляк, 1984, с. 143].

Аппликативный орнамент могли заключать не только в полосы, но и в круги, овалы, «сегменты». Так, на правой стороне левой полы женских халатов верховых нанайцев, чуть ниже пояса, пришивался круг или неполный круг (диаметром 15–20 см) с орнаментом. Сначала при наличии такого украшения полоса ткани на подол не нашивалась, позднее эти два вида украшений стали совмещать [Там же, с. 157]. Аппликативные «сегменты» располагались также вдоль боковых разрезов праздничных халатов удэгейцев [Там же, с. 212]. На мужских свадебных халатах нанайцев спереди и сзади в нижней части пришивались треугольники с аппликацией [Сем, 1973, с. 207]. Отдельными медальонами, а не сплошной полосой располагался и аппликативный орнамент на фигурной полосе ткани вокруг горловины («воротника») ульчского халата [Смоляк, 1966, с. 245]. Аппликативные медальоны нашивались по всей спинке свадебных халатов из белой хлопчатобумажной ткани у нанайцев и ульчей. Различия в оформлении этих халатов заключались в том, что верховые нанайцы объединяли элементы орнамента в сложные комбинации, а низовые нанайцы и ульчи либо располагали эти элементы отдельно, либо группировали их в горизонтальные полосы. Орочи орнаментировали не только спинку, но и левую полку. Так же располагалась аппликация из рыбьей кожи, о которой будет сказано дальше.

В одежде с удвоенной левой полкой орнамент, нашитый вдоль нее, по ее верхнему краю, вокруг ворота, как правило, был разным. Орнаментированная полоса, расположенная вокруг ворота, отделялась от полосы верхнего края левой полы небольшой полоской черной ткани. Эта особенность характерна для всех народов региона. По мнению А.В. Смоляк,

такое членение декора свидетельствует о том, что первоначально халаты были равнополыми [Смоляк, 1984, с. 159].

Аппликативным орнаментом из ткани украшали не только халаты с удвоенной левой полкой, но и равнополые свадебные. Здесь орнамент располагался на полосах, окаймляющих полы, подол, концы рукавов, разрез на спинке.

Аппликация из ткани встречалась также на ровдужной одежде. Ею украшали свои праздничные халаты ульчи. Эти халаты отличались короткими, до локтя, рукавами. Орнамент нашивался на полосы ткани, которые прикреплялись к ровдуге. Располагался он на спинке, на широкой левой полке, на поперечной горизонтальной полосе вдоль талии, на двух дугообразных полосах, идущих по спинке от боков и сходящихся у ворота [Смоляк, 1966, с. 86; 1984, с. 162].

Удэгейцы р. Анюй декорировали верхнюю часть спинки халата аппликацией в виде ромба с вогнутыми сторонами или квадрата с нашитыми по углам пуговицами, бусами, металлическими бляшками и шелковыми кисточками [Смоляк, 1984, с. 161].

Аналогичное украшение в виде ромба с сильно вогнутыми сторонами, над углами которого прикреплено по одной металлической пуговице, окруженной четырьмя пластмассовыми, встречалось у нивхов (Рис. 2)*. Такая же композиция из пуговиц располагалась в центре ромба. Ромбы меньших размеров с нашитыми на них мелкими пуговицами завершали короткие и широкие орнаментированные полосы, находившиеся в нижней части халата, по бокам, перпендикулярно украшению подола.

Для аппликативного орнамента использовали обычно ткань черного цвета. При нашивании узора ее края подворачивали для того, чтобы они не осыпались. Обычно края обшивались кантиком, выкроенным по косой из белой ткани. Удэгейцы же обрамляли их шелковыми нитками, используя гладевой шов [Иванов, 1963, с. 373–374]. Аппликативный узор приклеивали к основе и прихватывали ниткой.

У орочей Тумнина зафиксировано украшение в виде двух лент из ткани. Они пришивались вверху, у ворота. Эти полосы расширялись книзу и заканчивались меховой опушкой, металлическими подвесками и бусами. Такое украшение было характерно для женских нарядных халатов. Вообще же кисти считают чертой местной «моды», которая просуществовала недолго [Смоляк, 1984, с. 161].

Для украшения одежды народами Приамурья, Приморья и Сахалина применялась еще кожа рыб и ровдуга. Последняя использовалась сравнительно мало. Известны нанайские и удэгейские охотничьи куртки без рукавов или с короткими рукавами, сшитые из летней шкуры косули мехом наружу или козьей шкуры мехом внутрь, которые обрамлялись вдоль пол полосами ровдуги, иногда орнаментированными. Аналогичные куртки бытовали и у орочей [Там же, с. 141–142].

Рыбья кожа применялась для отделки одежды значительно шире. Больше всего для изготовления орнаментов ее использовали нанайцы, меньше

* На этом халате сосредоточены практически все виды украшений одежды народов Дальнего Востока, сшитой из ткани: сочетание деталей разных цветов, аппликация (полосы, орнаменты), пуговицы, металлические подвески.

других народов удэгейцы [Там же, с. 170]. Из рыбьей кожи вырезали узоры, которые нашивали обычно в виде медальонов на праздничную одежду из рыбьей кожи (Рис. 7), ровдуги, редко – из ткани.

Аппликация из рыбьей кожи была двух видов. Первый – узоры из тонких линий, пришитые на основу, второй, часто применявшийся нанайцами, ороками, орочами [Иванов 1963, с. 375], – ажурная аппликация, когда орнамент прорезался в кусочке кожи, крепившемся потом к одежде. Аппликация, как правило, сочеталась с окрашиванием (см. ниже), лишь на ульчских ровдужных халатах с удвоенной левой полой и длинными рукавами узор делали из белой кожи [Смоляк 1966, с. 86]. Накладные орнаменты обычно приклеивались к основе и пришивались дополнительно сухожильными или шелковыми нитками. Располагались аппликативные узоры на одежде из рыбьей кожи или ровдуги так же, как и на халатах из белой ткани тканевая аппликация.

Еще один способ использования рыбьей кожи, по определению С.В. Иванова, дающий ажурный орнамент с подкладным фоном [Иванов 1963, с. 415], был известен негидальцам и орочам: отверстиям на местах вырезанных плавников придавали правильную форму и подкладывали под них кусочки кожи, часто окрашенные в черный цвет.

Очень распространенным видом украшений женских халатов из ткани и рыбьей кожи у всех народов региона были металлические подвески. Их располагали на подоле (Рис. 8). На один халат нашивали, как правило, одинаковые подвески. Вообще же форма подвесок отличалась большим разнообразием. Они могли быть круглыми, овальными, треугольными, их делали ажурными и литыми, с насечками [форму подвесок см. там же, рис. 247]. Изготовлением этих украшений занимались как местные, так и приезжие мастера [Там же, с. 343; Смоляк 1984, с. 160]. В качестве подвесок использовали и китайские монеты *чоу* с отверстием в центре. Названия подвесок зависели от их формы*.

Известно два способа крепления металлических подвесок к одежде. Первый – нанизывание подвески на кожаный ремешок, который пришивался к подолу. Второй – пришивание подвесок непосредственно к одежде либо к аппликативной полосе ткани на подоле. Этот способ использовался обычно при отделке женских халатов на вате [Смоляк 1984, с. 161]. Первый прием является, видимо, более древним, так как известны экземпляры одежды с пришитыми подвесками и полосками красной краски, имитирующими ремешки, что, по мнению С.В. Иванова, отражает процесс перехода подвесных украшений в орнамент [Иванов 1963, с. 406].

Расстояние от края до линии крепления подвесок, количество их рядов, размеры – признаки, отражающие особенности способа украшения верхней плечевой одежды у отдельных народов. Так, у низовых нанайцев подвески были мельче, чем у ульчей, нивхов, низовых негидальцев, орочей Тумнина. Низовые нанайцы прикрепляли подвески ближе к краю подола, чем верховые, которые нашивали их на третью от края подола полосу ткани. Орочи, удэгейцы, уссурийские нанайцы пришивали подвески по подолу в два ряда, иногда группируя их по три–пять штук в различные геомет-

*Названия ульчских подвесок см.: [Смоляк 1984, с. 222]; нанайских [Там же, с. 160]. У нивхов они носят название *выч* [Таксами 1970, с. 175].

Рис. 7. Халат с орнаментом из рыбьей кожи. Нанайцы. МАЭ, № 313–18/7.

Рис. 8. Женский орнаментированный халат из рыбьей кожи с металлическими подвесками на подоле. Нанайцы. МАЭ, № 5821–3.

рические фигуры. Левобережные ульчи и нивхи крепили подвески прямо к ткани халата либо к полосе ткани, имевшей ширину не более 10 см и пришитой на расстоянии 10–15 см от края подола. Халаты нанайцев и ульчей, сшитые из белой и голубой ткани или из рыбьей кожи, по подолу украшались только металлическими подвесками [Смоляк 1984, с. 157, 159–161]. Удэгейцы пришивали металлические подвески еще и к широкой полосе ткани, проходившей по линии талии [Там же, с. 161].

Металлические подвески – это украшение праздничной одежды. Как только халат переходил в разряд одежды повседневной, подвески с него спарывали и пришивали к новому [Там же, с. 160].

Одновременно с подвесками халаты украшались мелкими пуговицами, сгруппированными по 3–5 штук или же расположенными в ряд. В частности, мелкие белые пуговицы прикреплялись по краю подола, параллельно металлическим подвескам, у всех групп нанайцев, а также у удэгейцев. В этом состояло отличие нанайской одежды от ульчской, нивхской, негидальской, украшенной только металлическими подвесками [Там же]. На удэгейских женских халатах пуговицы присутствовали еще и по линии талии, а также на ромбовидном украшении на спинке, о котором говорилось выше.

Значительно реже встречались в качестве украшения верхней плечевой одежды раковины каури. Они пришивались к подолу женских халатов из рыбьей кожи или ткани у нивхов, низовских негидальцев, орочей, нанайцев, ульчей [Таксами 1970, с. 175; Смоляк 1984, с. 160, 168].

С начала XX в. у нанайцев, ульчей и других народов стало распространяться такое украшение, как белое или черное кружево, располагавшееся вдоль полос из ткани [Смоляк 1984, с. 159].

Одним из характерных способов украшения одежды у народов Приамурья, Приморья и Сахалина было вышивание разноцветными шелковыми нитками по ткани или ровдуге. Расположение вышитых узоров на одежде из ткани соответствовало топографии других украшений. Так, на свадебных халатах из белой ткани с удвоенной левой полкой элементы вышивки присутствовали на спинке, на нанайских и ульчских равнополых свадебных халатах – на отдельных фрагментах-чешуйках, а также на полосах, окаймлявших детали халата. Полосы вышивки украшали одежду вдоль пол, по вороту, обшлагам и подолу.

Вышивка на подоле появилась лишь в начале XX в., раньше в этой технике декорировалась только верхняя часть полки (фигурный вырез) халатов с удвоенной левой полкой, а также ворот. Выявлена и некоторая специфика в использовании вышивки у отдельных народов. Так, для удэгейцев этот способ был менее характерен [Там же, с. 222]. Ульчи, нивхи, негидальцы украшали вышивкой в виде одной полосы шириной 5–7 см подол только праздничных халатов [Там же, с. 157–160]. Вышитый орнамент располагался на груди мужских халатов для поездок нанайцев [Сем, 1973, с. 207]. На одном экземпляре одежды могли совмещать разные орнаменты, различающиеся еще и размерами.

У нанайцев, ульчей, негидальцев, нивхов бытовала украшенная вышивкой ровдужная одежда, которая использовалась как праздничная. Вышив-

ка располагалась на спинке и левой полке, плечах, на полосе вдоль талии. Сначала вышивали прямо по ровдуге, потом орнамент стали предварительно наносить на ткань. Вышитые ровдужные халаты носили как мужчины, так и женщины [Иванов 1954, с. 228; Смоляк 1984, с. 144, 162].

Часто вышивка орнаментов производилась по настилу (старому трафарету), который приклеивался к ткани и обшивался нитками ярких цветов. Зафиксировано около сорока видов швов, встречающихся на изделиях народов региона [Иванов 1963, с. 368]. У всех народов, кроме удэгейцев, в вышивке присутствовал тамбурный шов, а у нанайцев, ульчей, орочей еще и прерывистый тамбур. Нанайцы применяли в вышивке без настила также прямой и косой крест. Гладевой шов с прямым стежком встречался у нанайцев и негидальцев, петельный – у ороков, нанайцев, нивхов, растянутый зигзаг – у орочей, удэгейцев, ороков, нивхов и др. В вышивке по настилу применялись следующие швы: решетчатая косичка (ульчи), простая гладь с вертикальными стежками (нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, нивхи), гладевый шов с прикрепом по настилу, состоявшему из двух параллельных полосок кожи (ульчи), петельный (ульчи, негидальцы), двойной петельный (ульчи) и др. Считается, что это швы местного происхождения и очень древние [Смоляк 1984, с. 223; Иванов, 1963, с. 368–372]. Крест, которым вышивали растительный орнамент по краю подола, появился сравнительно поздно, под влиянием русских и украинцев [Иванов 1963, с. 400]. Для швов существовали, как правило, и собственные названия [Смоляк, 1984, с. 222].

Своеобразный вариант рассматриваемого вида декора представлен в утепленных халатах. Их шили из тканей и простегивали на вате ровными рядами стежков.

Ульчи демонстрируют еще один вид украшений из шелковых ниток. Это кисточки, которые делались из разноцветного шелка и вшивались между полосами нашитых на ткань шкурок морских птиц, служивших материалом для праздничных халатов. Есть сведения, что таким же способом выполнялась когда-то верхняя часть равнополого свадебного халата [Смоляк 1966, с. 86; 1984, с. 162–163.].

Вышивка производилась не только шелковыми нитками, но и подшейным волосом оленя и лося. Этот материал использовался для украшения предметов, сшитых, как правило, из ровдуги, всеми народами региона, за исключением удэгейцев, которые вышивали сухожильными нитками. Волос накладывали на основу и закрепляли его сухожильными нитками.

Вышивали как по настилу, так и без него. Основными швами, выполнявшимися волосом, были перекрученный жгут (ульчи, орочи, ороки, нивхи), гладь (ульчи, негидальцы, ороки, орочи, нивхи), зигзаг (орочи), «косичка» (негидальцы, ульчи) и др. [Иванов 1963, с. 372, 378]. Топография узоров, вышитых волосом, была аналогична таковой, сделанной шелковыми нитками.

В связи с техникой аппликации из рыбьей кожи здесь уже говорилось о применении для отделки одежды техники раскрашивания: краской разных цветов наносили на край подола, обшлага, край левой полы, вокруг ворота (Рис. 7, 8, 9), по линии плеча полосы разной ширины. Здесь также

выделяется некоторая этническая специфика. В частности, у нанайцев преобладал синий цвет для нанесения полос на рыбью кожу, ульчи же использовали его обычно для аппликативных орнаментов из этого материала [Смоляк, 1966, с. 87]. Полосы, которые они наносили на подол и другие части халата, обычно были зеленого, коричневого, черного и желтого цветов. Нивхи окрашивали концы рукавов в черный цвет. Полоса краски здесь была очень широкой, с фигурными очертаниями. Такие же очертания могла иметь и полоса краски, наносимая вокруг ворота, у всех народов.

Окрашивание всегда сочеталось с украшениями, выполненными в других видах техники: аппликацией (она чаще всего совмещалась с окрашиванием) либо металлическими подвесками. Краска наносилась непосредственно на одежду или на полосы рыбьей кожи, которыми она надставлялась.

Нужно отметить, что имеются экземпляры нанайской и ульчской одежды из рыбьей кожи, украшенные по подолу, рукавам, вокруг ворота полосами разноцветной ткани. А.В. Смоляк считает, что такой способ отделки мог появиться очень давно, когда ткани встречались редко и использовались только для украшения одежды [Смоляк, 1984, с. 168]. Следует заметить, что ткани вообще вряд ли стоит рассматривать как редкое или же позднее явление для Приамурья, Приморья и Сахалина. В данном случае речь может идти, скорее, об использовании иного, по сравнению с основным, материала (в других случаях – цвета), отмечающего края одежды – зону, граничащую с внешним миром. Этот прием широко применялся многими народами.

Одежду народов Приамурья, Приморья и Сахалина отличает сходство в топографии украшений, выполненных из разных материалов и в различных видах техники. Женская одежда, как и у многих других народов, украшалась богаче мужской. Декорировались подол, обшлага, ворот, край левой полки (на одежде с удвоенной левой полкой), боковые швы, линии плеча и проймы, украшения располагались на спинке одежды. Особняком стоит равнополоый свадебный халат нанайцев и ульчей, сверхнасыщенный различными украшениями.

У мужских халатов с удвоенной левой полкой украшали обычно верхнюю ее часть. Но для нарядной одежды был характерен более богатый декор. Топография украшений та же, что и на женской одежде. Кроме того, отмечались нижние углы левой полы в одежде с удвоенной левой полкой (Рис. 10) и углы обеих пол в равнополой одежде. Богато украшались и равнополоые мужские свадебные куртки: орнамент располагался по подолу, вдоль бортов, по вороту, концам рукавов (иногда до локтя). Если на одежде имелся разрез сзади, то он также окаймлялся орнаментом.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, расположение орнамента вдоль линии плеча и проймы, характерное для нанайской одежды, встречалось также у нивхов и ульчей. Орнамент по углам левой полы фиксируется пока только у нанайцев.

Выделяются и другие особенности топографии украшений. Так, у низовых нанайцев и ульчей мужские праздничные халаты имели украшения на полах, по вороту, на подоле и концах рукавов. Характерной их

Рис. 9. Верхняя часть женского халата из рыбьей кожи с украшениями в технике окрашивания и аппликации. Нанайцы. МАЭ, № 5821-3.

Рис. 10. Мужская праздничная одежда. Нанайцы. МАЭ, № 5168-1.

особенностью было наличие наряду с гладкими полосами еще и орнаментированных. У верховых нанайцев и удэгейцев на праздничной одежде с удвоенной левой полой только в верхней ее части можно было увидеть полосу орнамента. Кроме того, над боковыми разрезами нашивались большие орнаментированные пальметки [Там же, с. 143].

Орнаментированная полоса на подоле отсутствовала до начала XX в. на женских халатах нанайцев. Не характерна она и для халатов, сшитых из белой или голубой ткани [Там же, с. 157]. Нередко без полос ткани оставался подол женских халатов нивхов и левобережных ульчей.

Декор по линии талии был наиболее характерен для удэгейцев. Орнамент на спинке халата типичен для праздничной одежды, а спинка женских свадебных халатов нанайцев и ульчей украшалась еще богаче, чем праздничных. Кроме того, в нижней части боковых швов они имели украшение, представлявшее собой имитацию разрезов [Там же, с. 160–163]. Обычно фрагменты декора, расположенные на определенных местах женских халатов, имели свои названия (такие названия у нанайцев и ульчей приводит А.В. Смоляк [1984, с. 157, 159].

Как можно видеть, одежда народов Приамурья, Приморья и Сахалина и в способах ее украшения имеет очень много общего. Вероятно, это нельзя объяснять просто развитием торгово-обменных отношений, хотя случаи обмена одеждой не единичны. Но в качестве объекта обмена предмет одежды мог выступать, если он соответствовал традиции народа-реципиента. В данном же случае такое широкое распространение одежды не только одинакового покроя, но и одинаково украшенной лишний раз подтверждает давнее родство и большую близость культур народов Приамурья, Приморья, Сахалина.

Вместе с тем у каждого из этих народов сохранились определенные представления о специфике своей одежды, отличающей ее от одежды «чужих». Эти представления проявляются в оценке изделий мастериц – представительниц другого народа. По замечанию А.В. Смоляк, она отрицательная. И в данном случае речь идет именно об украшениях плечевой одежды: ширине полос, их расцветке и т.д. [Там же, с. 221–222.]. Но следует отметить, что такой подход характерен и для многих других народов.

Долганы

Одежда долганов, сравнительно поздно сформировавшегося народа (см. об этом: [Гурвич 1982, с. 192–196; Дьяченко 1999, с. 272–331]), отражает специфику культур основных вошедших в его состав этнических компонентов – тунгусов и якутов, а также влияние самодийцев и русских [Гурвич 1982, с. 195]. Преобладающей у долганов была распашная одежда, сшитая, в зависимости от времени года, из оленьих шкур, грубой ткани, а также ровдуги. Для отделки одежды использовали разные материалы: мех, ткань, ровдугу, бисер, нитки, металл. В зависимости от характера украшения находилось и название самого предмета одежды (описание см. [Прыткова 1961, с. 230]; описание способов декорирования отдельных экземпляров долганской одежды см.: [Каплан 1983, с. 177–179]).

Долганам, наряду с другими народами, было свойственно использование такого приема, как сочетание деталей, выполненных из меха разных оттенков. Он применялся при шитье глухой (совик) и распашной (парка) одежды. У последней это обычно клинья в нижней части спинки, надставки пол и подола, причем не только из оленьего меха. Надставки были также характерны для суконной одежды, где выполнялись из шкуры коровы или жеребенка (подкрашенной) и служили своего рода фоном для украшений в других видах техники.

По краям меховую и суконную одежду оторачивали полосой шкуры волка, росомахи, песца, лисицы, реже – оленя либо мехом белки. На одной вещи могли сочетаться разные оторочки, например, песцовая с оленьей – по вороту, беличья – на подоле. Меховая опушка вокруг ворота в функциональном отношении соответствовала воротнику. Заячьей шкуркой, окрашенной в красно-коричневый и черный цвета, окаймляли полосу, служившую украшением женской парки. При этом кусочки меха разных цветов чередовались.

Для украшения одежды долганы применяли технику меховой мозаики [Каплан, 1983, с. 178]. Простейшие геометрические мотивы, выполненные из меха, были составляющей декора бортов и подола женской праздничной парки.

В одежде, сшитой из ткани, также сочетались детали разных цветов. Так, борта суконной одежды надставлялись широкой полосой сукна другого цвета. Двухцветная (красная с синим или серым, черным) суконная надставка проходила по подолу женской праздничной парки, а также заменяла обшлага [Там же]. Иными по цвету могли быть вставки в нижней части спинки. Клинья из сукна украшали спинку летней ровдужной одежды. Узкой полосой ткани контрастного цвета обшивали ворот суконной одежды.

Использовался для отделки долганской одежды и суконный кант, который располагался вдоль бортов и подола парки, выполненной из ткани. Цветной суконный кант отмечал швы на спинке женской праздничной парки [Там же].

Весьма распространенным способом украшения женской повседневной одежды из сукна была аппликация из ткани. Она располагалась вдоль бортов, на некотором расстоянии от их края, по линии талии, на спинке от проймы до талии, по подолу чуть выше колена, над фалдами в виде небольших прямоугольников, на обшлагах, по воротнику. Это были чередующиеся узкие и широкие полосы (например, три узких, пришитых на некотором расстоянии друг от друга, одна широкая и еще три узких) или простые геометрические орнаменты (зигзаг, треугольники и т.п.), выполненные из узких полос ткани и окаймленные с обеих сторон той же тканью. Максимальное из зафиксированных количество аппликативных узких, идущих подряд полос равняется восьми (МАЭ, колл. № 4324–2).

Отделочная ткань на одном предмете могла варьироваться в оттенках светлых цветов, фона и узора (сама же одежда, как правило, была темной).

Своеобразна мозаика с использованием сукна. Долганы применяли этот способ для декорирования женской праздничной одежды. В заготовке для ук-

рашавшей ее каймы из коровьей, жеребьячей или оленьей шкуры со стороны мездры проделывали ряд отверстий, в каждое из которых вставляли кусочек цветного сукна, закрепленный с изнанки ниткой. В целом композиция представляла собой зубчатую линию [Там же]. Здесь, таким образом, мы видим сочетание разных материалов при использовании одного вида техники. Мозаикой из ткани могли отделять идущие подряд надставки одежды.

Ткань, кроме того (в виде одной широкой полосы красного цвета или нескольких узких чередующихся, красных и черных) служила фоном для бисерных украшений.

Использовали ее и для изготовления бахромы. Небольшой кусочек красного сукна надрезали так, что получалась кисточка из трех полосок. Такие кисточки пришивали к краю подола меховой одежды через определенные промежутки, которые заполнялись меховой оторочкой, нашитой вдоль всего подола.

Подобное украшение выполнялось и из ровдуги. Кроме того, ровдуга использовалась для обшлагов меховой одежды.

Характерным признаком долганской мужской и женской праздничной одежды были бисерные украшения. Долганы использовали разноцветный (желтый, зеленый, белый, черный, красный, синий) стеклянный и так называемый фарфоровый бисер [Василевич, 1951, с. 160]. Его нанизывали на нитку и пришивали к суконной основе.

Декорированные бисером суконные полосы крепились вдоль бортов, на некотором расстоянии от их края, по бокам, на обшлагах, по краю подола, вдоль линии талии (Рис. 11), где сзади полоса располагалась несколько ниже, чем спереди. На спинке было еще два прямоугольника или треугольника над фалдами. От основной полосы сзади по центру спускалась еще одна (узкая), также вышитая бисером (Рис. 12) и напоминающая украшение эвенской одежды. Непрерывной линией бисера окаймлялись все суконные полосы парки.

Характерным орнаментом, для которого практически обязательны крестообразные и жгутообразные узоры на красном фоне, долганские вещи отличались от близкой по покрою одежды соседних народов.

На долганской одежде встречалась также вышивка цветными нитками (на обшлагах или на кайме женской праздничной парки). Преобладали тамбурный шов, вероятно, заимствованный от якутов [Иванов, 1963, с. 278], строчевой и растянутый зигзаг. Этими швами выполняли геометрические узоры.

Видимо, заимствованием от якутов же можно считать металлические подвески, крепившиеся к спинке женской праздничной парки [Каплан, 1983, с. 178].

Якуты

На рубеже XIX–XX вв. якуты значительно отличались от многих северных народов по облику своей одежды. Для ее изготовления помимо шкурок таежных животных (зайца, лисы, выдры, бобра, рыси) использовали лошадиные и коровьи шкуры – материал, характерный для скотовод-

Рис. 11. Мужская одежда, украшенная бисером.
Вид спереди. Долганы. МАЭ, № 1070–64.

Рис. 12. Мужская одежда, украшенная бисером.
Вид сзади. Долганы. МАЭ, № 1070–64.

ческого населения, каковым и являлись якуты. Широко применялись ткани (сукно, плис, для нарядной одежды – шелк и парча), а также ровдуга. Мужская и женская верхняя плечевая одежда якутов была распашной. Практически одинаковая по покрою, она различалась материалом, длиной и украшениями. Зимнюю одежду шили из меха и покрывали ровдугой или тканью, летнюю – из ткани, обязательно на подкладке. У северных групп якутов была распространена одежда из оленьих шкур, сходная с долганской. У других соседних народов (чукчей, тунгусов, юкагиров) якуты покупали верхнюю одежду, которая служила им дорожной [Серошевский, 1993, с. 321]. Собственно же якутская одежда имела ряд специфических черт покроя: стан, сильно расширяющийся книзу за счет вставок, образующих фалды, разрез по центру спинки от талии до самого низа, большой отложной воротник, рукава с буфами (описание покроя см.: [Прыткова, 1961, с. 231; Серошевский, 1993, с. 318–329]). Последние достигали иногда значительных размеров, что служило признаком высокого социального статуса владельца одежды [Серошевский, 1993, с. 319].

К числу распространенных приемов украшения якутской одежды относится сочетание в одной вещи деталей из меха разных оттенков или шкурок разных животных. Сочетали, например, шкурки выдры и бобра. Как правило, за счет такого приема выделяли имевшие разную ширину надставки полков, подола, рукавов, разрез сзади. Сложную конфигурацию из-за сочетания различных материалов имела спинка. В женской одежде из оленьей шкуры за счет цвета выделялись полки и треугольные клинья.

Отделка ценным мехом была также характерна для женских летних кафтанов, сшитых из сукна и парчи: из шкурок бобра, рыси, выдры, черно-бурой лисы делали широкие обшлага. Важным элементом декора был большой отложной воротник (Рис. 13 а) из ценного меха на шубе.

Встречалась на якутских шубах, крытых шелком или ровдугой, а также на ровдужной одежде и меховая опушка. Ее делали из ценного меха (соболя, бобра), на одной вещи могли сочетать разные меха. Использовали также конскую шерсть (например в женской одежде из соболиных шкурок) [Константинов, 1971, с. 63]. Опушка выступала по краю подола, полков или пришивалась над обшлагами из ткани, завершавшими рукава. Узкая полоса бобрового меха проходила вдоль разреза сзади, а также по вороту мужских беличьих шуб, крытых шелком. Аналогичный меховой «воротник» украшал женскую ровдужную одежду с рукавами до локтя.

Еще один вид техники украшения меховой одежды якутов – мозаика. Она представлена составным мехом. Его полосы нашивались по подолу, обшлагам, полам шуб. На женских шубах комбинировали также несколько узких меховых полосок. Обычно они вставлялись между более крупными деталями и располагались вертикально или горизонтально.

Один из ярких примеров мозаики дает одежда (известная в конце XIX в. как главным образом женская свадебная, в более ранние периоды эта одежда бытовала шире [Серошевский, 1993, с. 321]), которую шили мехом наружу из шкурок тарбагана или бобра, а на спинке делали напоминавшее

орла с распростертыми крыльями украшение, выполненное из того же меха, но более темного оттенка [Там же].

К числу самых распространенных материалов для декорирования якутской одежды относится ткань. Ее использовали на вещах из меха, ровдуги, ткани. Чаще всего для украшения одежды применяли сукно черного, зеленого, красного, белого цветов. Сочетали обычно два цвета: например, первой от края одежды шла полоса красного цвета, затем – черного и снова красного. На всех известных экземплярах одежды, независимо от их основного материала, надставками из ткани окаймляли полки, подол, разрез на спинке, обшлага (Рис. 13аб, 14аб, 15). Везде прослеживается определенная закономерность расположения надставок: от края шла широкая, затем – еще более широкая, завершающей являлась узкая.

Крайние полосы в одежде из ткани могли делаться из основного материала. В этом случае композиция из тканевых надставок получалась трехцветной, т.к. контрастная вставка окантовывалась дополнительно (например, при основном зеленом цвете вставка, которая в целом в композиции была второй полосой от края, делалась из ткани красного цвета с окантовкой из белого).

Встречались и более простые экземпляры одежды – с надставками только из одной полосы ткани, расположенной на подоле.

Отмечается еще одна особенность трехполосного украшения из ткани: на спинке, над разрезом, оно могло иметь фигурные очертания (Рис. 13б, 14б), в виде вильчатого или ромбовидного мотива, расположенного в центре, и двух дуг по краям от него.

По цвету выделялся обычно воротник из ткани на ровдужной и матерчатой одежде, а также ластовицы. Узкие полосы ткани синего цвета проходили также по месту соединения деталей стана мужских шуб из волчьих шкур, на плечах же они были более широкими [Константинов, 1971, с. 59].

Надставки из ткани – характерная черта якутской одежды. Если их исключить, то кафтан получается значительно более коротким и узким, с относительно короткими рукавами. Сказанное относится и к одежде с надставками из меха.

Достаточно броским было украшение на правой полке кафтанов. Это ромбы из яркого сукна, к одному углу которых крепилась воздушная петля. Ромбы могли выполнять в технике мозаики, составляя их из треугольников, окантованных полосами разноцветного сукна (Рис. 16).

В различных сочетаниях в якутской одежде использовалась ровдуга. Вставками из этого материала дополняли женские шубы, сшитые из рысьего и бобрового меха. Их располагали на спинке по обеим сторонам от центральной меховой детали. Манжетами из ровдуги заканчивались рукава мужских шуб из волчьих шкур. Ровдугой покрывали также заячьи шубы.

Как украшение женской ровдужной одежды, по материалам археологических раскопок погребений XVIII в. в Центральной Якутии, реконструируется ажурная аппликация из черной кожи с подкладным фоном из синей ткани. В полосе кожи прорезали ряды кружков и полулун, комбинируя их в различные композиции. Аппликацию располагали по линии плеча, краям полков, концам рукавов, на спинке [Там же, с. 43, 63–64].

Рис. 13аб. Женская заячья шуба, отделанная тканью: а – вид спереди, б – вид сзади. Якуты. МАЭ, № 1071-3.

Рис. 14а. Ровдужная одежда, отделанная тканью.
Вид спереди. Якуты. МАЭ, № 723-1.

Рис. 146. Ровдужная одежда, отделанная тканью.
Вид сзади. Якуты. МАЭ, № 723-1.

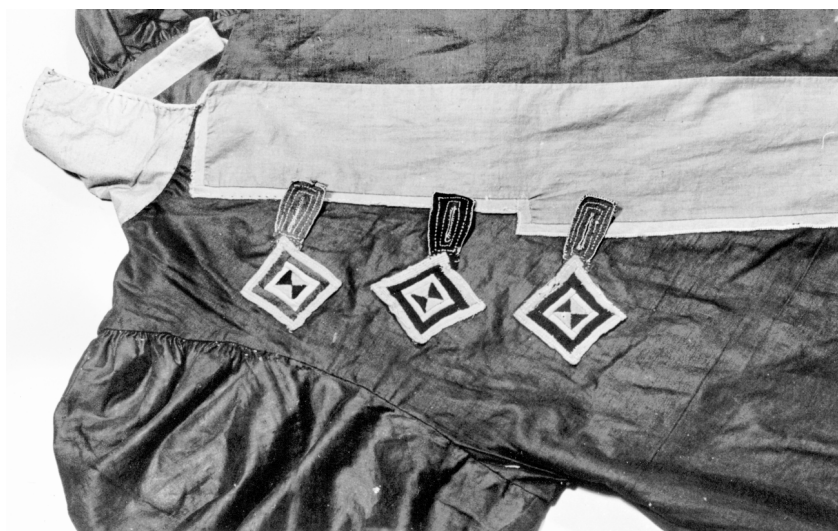

Рис. 16. Суконная мозаика на женской одежде из ткани. Якуты. МАЭ, № 1071–72.

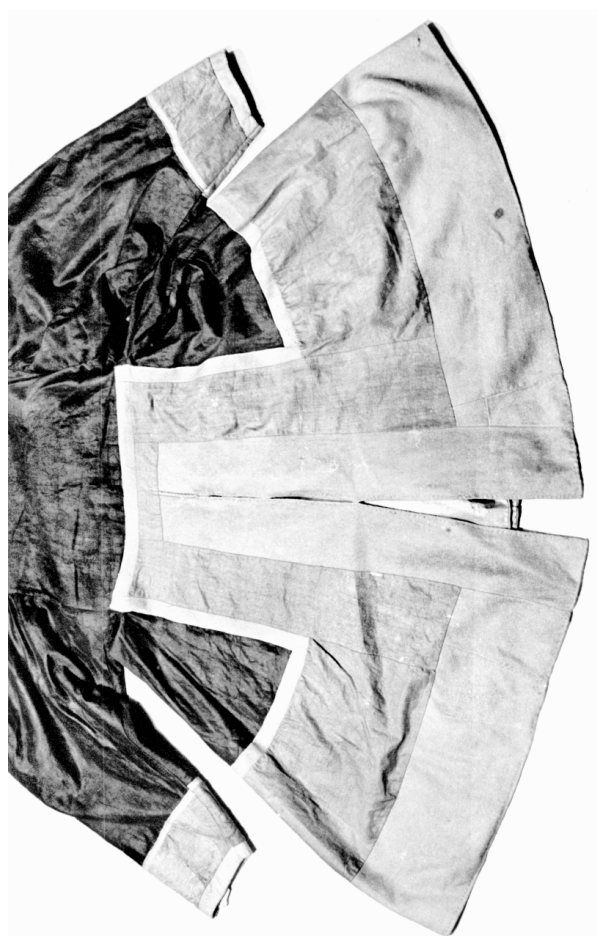

Рис. 15. Подол женской одежды, составленный из полос разноцветной ткани. Якуты. МАЭ, № 1071–72.

Нарядные шубы украшались помимо всего еще и бисером: им вышивали спинку и бока. Основой здесь были кожаные прямоугольники (26 x 6 см), располагавшиеся среди меховых деталей. К их нижнему краю пришивали узкие ремешки, на которых были нанизаны белые и черные бусы [Там же, с. 60]. Рядами бус обшивали по краям ткань, которой покрывали шубы. Из крупных голубых бус делали пуговицы для мужских шуб. Бусы в сочетании с медными пронизками завершали ровдужную вздержку воротника нарядной одежды. В сложном металлическом украшении бусы сочетались с подвесками.

Металлические украшения якутской одежды достаточно разнообразны. Прежде всего, это пуговицы, но на женских меховых шубах, крытых шелком или парчой, на суконной одежде имелось и оригинальное украшение в виде соединенных в одну длинную вертикальную полосу серебряных или медных ажурных подвесок, аналогичных тем, что крепились к шейным обручам и спускались на грудь и спину. На одежде подвески располагались сзади и спереди, по одной слева и справа, и по бокам. Металлические бляшки украшали также кайму суконной одежды, а пронизки и подвески – вздержку воротника.

Медные литые бляхи по бокам были обязательным украшением летней праздничной одежды молодых женщин, только в ней они могли показываться родственникам мужа, старшим мужчинам [Там же, с. 61]. Нередко ажурные металлические украшения сочетались с колокольчиками и бубенчиками.

Вышивки нитками на известных автору образцах якутской верхней плечевой одежды сравнительно немного. Это одна или две линии строчкового шва в верхней части фалд суконной одежды, служившие для их скрепления. Они выполнены нитками либо под цвет одежды, либо контрастными. Контрастным же был и петельчатый шов, проходивший по верхней линии последней от края подола полосы-надставки. Возможно, этот прием, так же, как и светлый кант, который мог выступать вместо вышивки, использовался для подчеркивания «инородности» полос-надставок.

На старинных женских шубах вышивка шелковыми нитками (гладь) располагалась по бокам и на спинке [Серошевский, 1993, с. 321] двумя дугообразными линиями, начинавшимися от середины проймы и сближавшимися на талии, как и на одежде хакасов (см. ниже). А.П. Окладников рассматривает эти линии как «крылья» одежды [Окладников, 1955, с. 149–150.]. Как представляется, здесь тоже присутствуют следы безрукавки, которая могла надеваться поверх шубы. Безрукавки хорошо известны якутам. Их шили из шелка и украшали кружевом. Носили же безрукавки поверх платья.

Предполагается, что безрукавка у якутов появилась в XVII – начале XVIII в. [Попов, 1949; Шибаева, 1959, с. 59] и когда-то была ровдужной. Наличие безрукавки или ее следов на другой одежде – черта, сближающая якутов и других тюркоязычных народов Сибири, украшения одежды которых будут рассмотрены ниже. В целом же якутская одежда, как показывает анализ материалов XVIII – начала XX в. [Константинов, 1971], претерпела определенные изменения не только в покрое, но и в украшениях.

Хакасы

Среди всех народов Южной Сибири хакасы выделяются, пожалуй, наиболее ярко украшенным костюмом. Верхнюю плечевую одежду шили из меха (мерлушка, овчина, белка, лисица), а также из тканей, чаще всего из черного сукна. Вся одежда была распашной. Меховая, как правило, имела более широкую левую полу с характерным вырезом верхней части, запахи-вающуюся направо. Суконная одежда делалась с полками равной ширины [Шибаета, 1959; Прыткова, 1961, с. 234–235; Бутанаев, 1993, с. 61–72]. Мужская и женская одежда мало различалась по покрою, комплект женской дополнялся безрукавкой (*сигедек*), которую носили замужние женщины. Женская же одежда была и наиболее нарядной.

Для отделки костюма в различных вариантах использовался мех. Это были широкие надставки, главным образом мерлушкой, по подолу, левой полке и обшлагам шуб. Все эти детали удлиняли одежду и увеличивали ширину ее левой полки. Часто в одном изделии сочетался мех белого и черного цветов. Таким образом, хакасы тоже использовали прием украшения одежды путем соединения деталей, выкроенных из различного меха. Здесь имело место еще и сочетание деталей мехом внутрь и мехом наружу, как, например, в шубе с отложным воротником (Рис. 17). Для воротника, как стоячего (старинный вариант), так и отложного брали (правда, не всегда) какой-либо ценный мех (выдра, бобр). Мехом выдры обшивали полы и обшлага мужских шуб, обшлага женских.

По краю подола и поллок шубы выпускалась узкая полоса черной мерлушки – своего рода опушка. На отложном воротнике с изнанки пришивалась опушка из меха выдры, которую можно расценивать как рудимент стоячего воротника, как, видимо, и то, что на отложном воротнике мех широкой полосой заходил на изнанку. Из меха россомахи или выдры выполнялась также опушка стоячего воротника мужской суконной одежды одной из групп хакасов – кызыльцев [Шибаета, 1959, с. 115].

Для украшения шуб хакасы использовали составной мех (Рис. 18) из шкурок с лап черных овец, белок, богатые – выдры [Там же, с. 38], соболя, что особенно характерно для украшения женских праздничных шуб с перехватом у подола. Полосу составного меха располагали либо по самому краю подола и поллок, иногда в два–три ряда, либо после полосы ткани (см. ниже).

Отмечается и такой способ украшения шубы, как нашивание на мех с изнанки беличьих хвостов на расстоянии 20–30 см друг от друга [Там же, с. 39].

Приемы украшения одежды мехом одинаковы у всех групп хакасов. Выявляются лишь некоторые различия. Так, у бельтиров были очень длинные меховые обшлага, для кызыльцев менее характерна меховая опушка [Там же, с. 107].

Ткань также широко применялась в отделке одежды хакасов. Прием украшения путем сочетания деталей, выкроенных из различных тканей, ярко выражен в праздничной и свадебной одежде женщин – крытой шелком шубе с перехватом у колен (Рис. 19а): здесь из шелка другого цвета или парчи выполнялись надставки подола, рукавов, а также стоячий воротник.

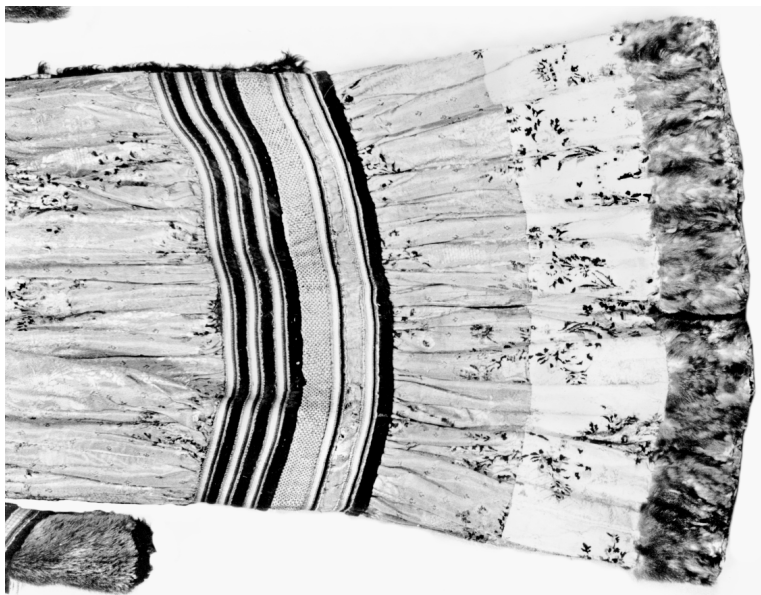

Рис. 18. Фрагмент женской праздничной шубы с отделкой составным мехом, тканью, цветными шнурами. Хакасы. МАЭ, № 5060–26.

Рис. 17. Мужская шуба с украшениями в виде меховых деталей и вышивки. Хакасы. МАЭ, № 5060–9.

Рис. 19аб. Женская праздничная шуба из разных тканей: а – вид спереди, б – вид сзади. Хакасы (качинцы). МАЭ, № 264–1/2.

Применялся этот прием и для отделки других шуб. Широкие полосы ткани (шелк, парча, бархат) располагались по подолу, левой полке, обшлагам. Полоса, но более узкая, могла быть и на правой полке. Как правило, отделка из ткани шла над меховой. Кроме того, полосой яркой ткани обшивали воротник женской шубы с изнаночной стороны.

На некоторых шубах надставки были двойными: две полосы из одной или разных тканей. Обычно они чередовались с меховой отделкой. Иногда над широкой полосой ткани располагалась узкая. Отмечено, что для украшения шуб молодых женщин использовалась какая-либо цветная ткань, старых – парча [Там же, с. 38].

Рассматриваемый прием применялся и в холщовой, а также в суконной мужской и женской одежде: ее отложной воротник покрывали красной или черной тканью, черным бархатом, парчой. Нередко на черной суконной одежде полностью из черного бархата выполнялись обшлага. В данном случае имеет место использование одного цвета, декоративный же эффект достигался за счет различной фактуры тканей. Из черного бархата делали еще и клапаны карманов.

Матерчатая одежда того же покроя, что и шубы, с широкой левой полкой имела расположенные как и в меховом варианте украшения в виде полос из ткани контрастного цвета.

Для соединения деталей из разных тканей применяли строчевой или (на свадебных шубах) прерывистый тамбурный швы.

Ткань (черный бархат) служила также фоном для своеобразного хакасского украшения *чеек* из шнурков (см. ниже), характерного для безрукавок (Рис. 20) и свадебных шуб (Рис. 18, 19аб).

Одежду сагайцев и качинцев отличало аппликативное украшение на спинке над складками – *праты* (Рис. 21). Это одна или несколько расположенных в ряд изогнутых полос, выполненных из кусочков разноцветного шелка, бархата или парчи, окаймленных тамбурным швом. Размер такого украшения 5 x 5 см [Там же, с. 38; см. также Максимов, 1983, с. 189], обычно оно сочеталось с вышивкой. Первоначально им отделяли шубы, затем стали применять и в декоре суконной одежды.

Использование ткани было присуще всем группам хакасов, менее других этот материал применяли кызыльцы [Шибеева, 1959, с. 107]. Неравномерно было распространено и украшение *праты*. Происхождением оно связано с сагайцами, от которых перешло к качинцам [Там же, с. 78].

Хакасы декорировали свою одежду также вышивкой шелковыми нитками. Над складками женских шуб, под украшением *праты* располагалась отделка *тартхан* (Рис. 21). Она имела вид прямоугольников, иногда сильно вытянутых, состоявших из нескольких (от 2 до 10) рядов коротких строчевых швов, выполненных из разноцветных ниток. Эти прямоугольники размещались в шахматном порядке. Нередко по обе стороны от каждого из них спускались кисти из тех же ниток длиной до 10 см [Там же, с. 30]. Утилитарная же функция *тартхан* – скрепление сборок на спинке одежды. Видимо, с шуб это украшение распространилось на суконную одежду и на безрукавки.

Строчевая вышивка присутствовала также на бархатных обшлагах мужских шуб. Над отделкой из составного меха шуб, крытых тканью, проходила строчка тамбурной вышивки. Две строчки тамбура, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, украшали подол одежды из сукна, образуя своего рода кайму. Подобная вышивка вдоль бортов и на концах рукавов мужских шуб имитировала линии кроя первоначальных видов одежды. Таким образом выделялись «надставки» полок и «обшлага».

На спинке шубы вышивку располагали следующим образом: по одной дугообразной полосе от проймы до талии и вдоль линии талии под рукавом и по середине спинки, перпендикулярно подолу, обычно тоже только до талии (Рис. 17). Каждая полоса состояла из чередующихся разноцветных сильно вытянутых прямоугольников. Здесь чаще всего использовалась техника перекрещивающейся неплотной глади. Косой перекрещивающейся гладью могли вышивать и растительный орнамент на тех же, что и прямоугольники, местах. Вышивкой украшали также обшлага шуб (Рис. 17), плечи кафтанов (сагайцы). У бельтиров фиксируется техника вышивки тамбурным швом по контуру, с заполнением его гладью. Так украшались обшлага мужских шуб [Там же, с. 92]. А по линии локтя могли нашивать полосы черного бархата со строчевым орнаментом (качинцы).

Места расположения вышивки на мужской и женской суконной одежде были те же, что и на меховой. Кроме того, ею могли украшать клапаны бархатных карманов и воротник. Особенно богато декорировалась спинка женской одежды (Рис. 21). Аналогичные украшения отмечаются и для безрукавки (Рис. 22). Декоративную нагрузку несла также вышивка цветными нитками несложных геометрических узоров (чаще – прямых линий), основная цель которой – скрепление верха и подкладки одежды. Для скрепления рукавов и стана использовали различные варианты шва «козлик» [Там же, с. 38–39].

Наряду с уже отмеченными выделяются и другие особенности вышивки у разных групп хакасов. Так, больше всего украшений, выполненных в этой технике, встречалось у бельтиров и сагайцев степных улусов. У кызыльцев вышитой одежды было сравнительно мало. Украшение здесь располагали только под проймой. У качинцев на спинке всегда присутствовала композиция из четырех рисунков. В целом же качинский орнамент более стилизован, чем у других групп хакасов [Бутанаев, 1993, с. 65].

Кроме вышивки нитки использовали для изготовления кистей, как уже говорилось, спускавшихся от *тартхан* или пришитых вдоль бортов безрукавки, а также бахромы, украшавшей ее подол.

Безрукавка имела отделку *чеек* – узкие шнуры, сплетенные в виде косичек из разноцветного шелка, которые нашивались определенным образом: по два одноцветных рядом в порядке расположения цветов радуги (всего 24 ряда) [Шиббаева, 1959, с. 57–58]. Украшение *чеек* проходило вокруг ворота, по верхней части бортов, полностью окаймляло проймы (Рис. 20). Ряды шнурков могли заменяться позументом.

На праздничных шубах богатых замужних женщин, а также на специальных шубах свях *чеек* располагали по воротнику, прямоугольному выступу левой полки, рукавам выше локтя, над оборкой подола.

Рис. 21. Спинка женской суконной одежды, украшенная вышивкой. Хакасы. МАЭ, № 267–2/89.

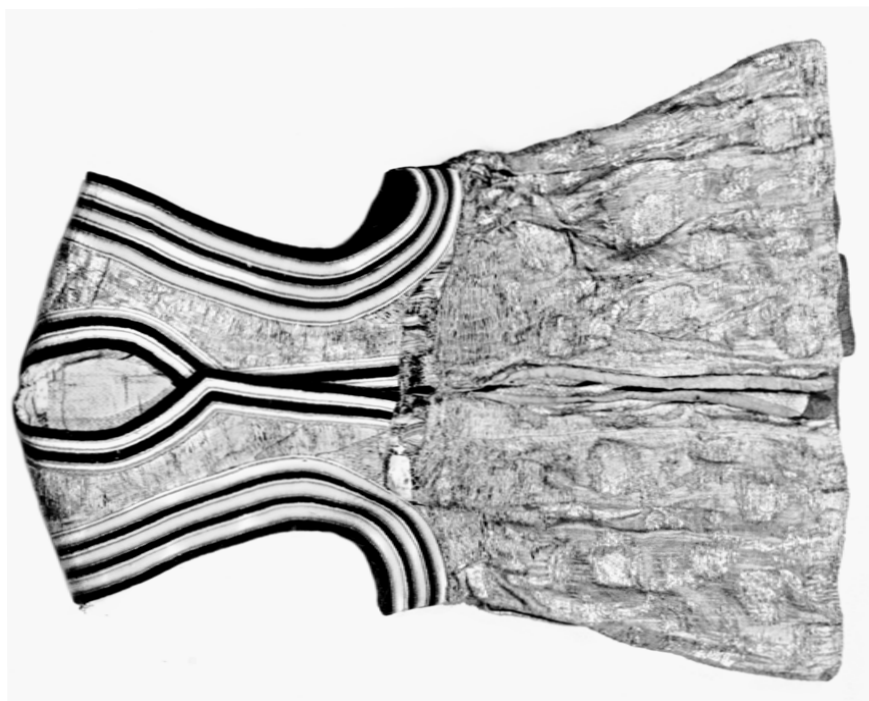

Рис. 20. Женская безрукавка. Хакасы. МАЭ, № 5060–33.

Еще одна характерная черта хакасской одежды – использование китайских перламутровых пуговиц «тана», нередко очень крупных. Их нашивали в определенном порядке на воротник женской суконной одежды (Рис. 23), располагали на бортах (по 3 с каждой стороны) несколько ниже воротника. Пуговицами украшали также клапаны карманов. Иногда использовались стеклянные (красные и белые) пуговицы. Воротник по краям окаймляли жемчужными пуговицами. Вместо них на воротник могли нашивать раковины каури.

На концах воротника женской суконной одежды пришивали небольшие кисти из бисера. Низки стеклянных бус крепились к воротнику женской зимней шубы. Но в целом, насколько известно, бисер и бусы мало использовались для украшения верхней плечевой одежды хакасов.

Также, видимо, не получили распространения металлические украшения. По имеющимся данным, лишь у кызыльцев на рубеже XVIII–XIX вв. бытовала праздничная одежда из плиса, короткая (до пояса), застегивавшаяся на большие медные пуговицы и с двумя рядами таких же пуговиц по бокам [Потапов, 1952, с. 94]. Кроме того, в качестве украшения одежды могут рассматриваться старинные бронзовые пуговицы с ушком, на которые застегивалась одежда, в частности с удвоенной левой полой. Считалось, что такие пуговицы спасают от злых духов, которых можно было поразить из ружья, заряженного ими [Бутанаев, 1993, с. 67].

Как видим, в одежде разных групп хакасов имеются как общие, так и специфические черты. При заимствовании покроя, вероятно, старались сохранить прежний, собственный характер декора. В то же время определенные украшения переходили от одной группы к другой, видимо, как неотъемлемая составляющая конкретного предмета. В качестве примера можно назвать сагайские украшения *праты* и *тартхан*, распространившиеся и среди качинцев вместе с отрезной шубой, частью декора которой они были. Нельзя не отметить, что аналогичное украшение было характерно для якутов. Относительно происхождения пратов у хакасов существует предположение, что это украшение заимствовано от бурят [Бутанаев, 1989, с. 125]. Но у хакасов оно всегда соседствует с вышивкой, пожалуй, одним из наиболее разработанных способов отделки одежды, в том числе и по разнообразию швов [Кидиекова, 1979]. Особенности вышивки можно отнести к числу наиболее показательных признаков, которые могут служить для выявления специфики декора одежды отдельных групп при общности покроя. В целом же, насколько можно судить по имеющимся материалам, наименее нарядной была одежда кызыльцев.

Алтайцы. Шорцы

Одежда южных алтайцев, по сравнению с северными, а также шорцами, отличалась определенным своеобразием. Преобладающим материалом для нее был мех, в то время как у северных алтайцев и шорцев меховой одежды было меньше. Характерным для них являлось широкое использование такого материала, как самодельный кендырный холст. Одежда южных алтайцев отличалась от североалтайской и шорской по покрою. Ее

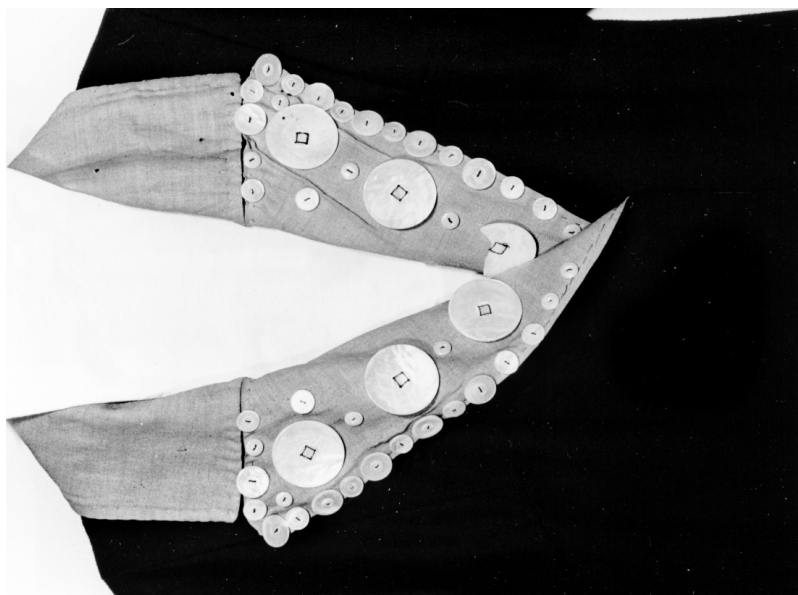

Рис. 23. Верхняя часть женской одежды с украшением из перламутровых пуговиц, Хакасы, МАЭ, № 267–2/89.

Рис. 22. Женская безрукавка, украшенная вышивкой, Хакасы, МАЭ, № 5060–35.

выделяло, в первую очередь, наличие широкой левой полы, в то время как северные алтайцы и шорцы носили одежду равнополую: левая пола лишь немного заходила на правую. Мужская верхняя плечевая одежда отличалась от женской в основном количеством украшений, а у южных алтайцев еще и очертаниями выреза верхней части левой полы (о покрое см.: [Прыткова, 1961, с. 234–235; Потапов, 1951]). У мужской одежды он был ступенчатым [Потапов, 1948, с. 118]. По материалу украшений различали также одежду богатых и бедных.

Для украшения одежды южных алтайцев, как можно судить по имеющимся материалам, применялся мех. Декоративный эффект обеспечивало сочетание деталей шубы, сшитых мехом внутрь и мехом наружу. При этом использовались еще и разные меха. Например, алтай-кижи и теленгиты носили шубу из овчины с отложным лисьим воротником. Воротник из ценного меха (соболя, горностая) упоминается и при описании одежды былинных богатырей [Потапов, 1951, с. 9].

Вдоль левой полы шубы нашивалась полоса меха выдры (иногда довольно узкая), шкуры теленка или жеребенка. Такое же украшение могло быть по подолу или концам рукавов [Там же, с. 17–18]. Из мерлушки, мехом наружу, делались обшлага шуб с характерным «копытообразным» оформлением свободного края. Поскольку шубы, как правило, покрывали тканью, с лицевой стороны получалось сочетание меха и ткани.

На всей меховой одежде имелась опушка. Она представлена в двух вариантах. Первый – выступающий по краям шубы с лицевой стороны основной мех, из которого она была сшита. Вторым вариантом опушки – обшивкой стоячего воротника мехом лисы (телеуты).

Для украшения одежды как южных, так и северных алтайцев и шорцев служили и ткани. Здесь применялся прием отделки путем сочетания деталей, выполненных из материала разных цветов. Так, воротник суконной одежды *чокпень* южных алтайцев делали также из сукна, но, как правило, желтого или красного цвета [Там же, с. 14]. Иногда воротник был плисовым. За счет цвета выделялись и обшлага женских шуб, имевшие «копытообразную» форму. Их выполняли обычно из красной ткани. В боковых швах мужских курток располагались карманы из ярко-желтой или красной ткани.

Декоративный эффект достигался за счет сочетания тканей одного цвета, но разной фактуры, в частности черного сатина и черного бархата (телеуты), из которого выполняли воротник.

Контрастным по цвету был воротник распахнутой одежды из холста северных алтайцев и шорцев. Но технику, в которой он выполнен, хотя и с определенной долей условности, можно отнести к аппликации, поскольку длинные концы воротника спереди наглухо пришивались к полкам одежды (Рис. 24, 25). По краям его окантовывали тканью, отличавшейся по цвету как от самого воротника, так и от стана. Аналогичные воротники встречались и на шелковой одежде южных алтайцев.

Аппликация – достаточно характерный прием украшения верхней плечевой одежды алтайцев, не только из ткани, но и из меха. Полосы черной ткани, чаще плиса, нашивали вдоль левой полки, по подолу и концам ру-

кавов шуб и суконной одежды южные алтайцы. У северных алтайцев и шорцев широкой полосой черной ткани обшивали концы рукавов, имитируя широкие обшлага. Параллельно краю их разделяла на две равные части полоса – узкая аппликативная – или строчки вышивки (см. ниже). Такие же узкие полоски нашивались на воротник. Вместе с его окантовкой число полос достигало четырех.

Аппликативные полосы из контрастной ткани проходили вдоль левого борта женской одежды (Рис. 24). Известно два варианта такого украшения: две полосы, расположенные параллельно, с незаполненным пространством между ними, и с аппликативным же зигзагом, выполненным из ткани иного цвета, между параллельными полосами. Аналогичная отделка присутствовала на подоле женской одежды. Двумя разноцветными полосками, идущими параллельно друг другу, отмечали угол левой полы, которая при ношении одежды немного заходила на правую.

Различия между мужской и женской одеждой заключались не только в том, что на мужской отсутствовали аппликативные полосы на полах и подоле (хотя фиксируются и исключения из этого правила), но и в расцветке ткани, использовавшейся для отделки: на мужской одежде она была менее

Рис. 24. Женская холщовая одежда с “воротником” из ткани и аппликацией. Шорцы. МАЭ, № 5071–35.

Рис. 25. Мужская холщовая одежда, украшенная вышивкой.
Шорцы. МАЭ, № 5071–12.

Рис. 26. Верхняя часть женской одежды с “воротником” из позумента и кистями
на его концах. Телеуты. МАЭ, № 2242–26.

яркой. В целом же преобладала черная и красная хлопчатобумажная ткань. Для окантовки, зигзагообразного узора брали светлый материал. Нередко черный воротник сочетали с красным кантом. У южных алтайцев помимо черного бархата, красного и желтого сукна широко использовалась парча. Для украшения одежды бедных брали более дешевые ткани, но тех же характерных для алтайцев цветов [Там же, с. 35].

Полосы парчи шириной около 4 см нашивали по горловине, полам, проймам, разрезу сзади женской безрукавки *чегедек*. Для отделки воротника шелковой свадебной одежды телеутов служил позумент. Им покрывали концы бархатного воротника, так же, как у северных алтайцев и шорцев, наглухо пришитого к полкам (Рис. 26). Ниже, на каждой поле, пришивали по две полоски черного бархата. Поскольку концы воротника были очень длинными, полоски располагались почти на уровне талии.

У алтайцев зафиксирована специальная одежда для вдов – очень широкая, с короткими рукавами. Она обшивалась по вороту полосой красной ткани, а на некотором расстоянии от края – по подолу, полкам, около ворота, по низу рукавов, разрезу сзади, линии талии – украшалась двойной узкой полосой желтой ткани [Там же, с. 30]. Полы от подола до талии, а также подол праздничной одежды вдов, не отличавшейся по покрою от обычной, обшивались по самому краю полосой ткани. Окантовку имела и специальная стеганая безрукавка – праздничная и свадебная одежда молодых женщин и девушек у телеутов. В данном случае обязательным было сочетание красного (основной материал) и синего (кант) цветов [Там же, с. 35].

Для украшения одежды как южных, так и северных алтайцев и шорцев использовалась вышивка шелковыми нитками. Северные алтайцы и шорцы применяли еще и шерстяные нитки. Они были яркими, преобладали синий, желтый, зеленый, красный цвета. На особо нарядной одежде вышивали все аппликативные полосы (Рис. 25), на более простой – только воротник. Особенно характерным, насколько можно судить по имеющимся материалам, был тамбурный шов. Вышивка выполнялась также швом «козлик» и в технике перекрещивающейся неплотной глади. Орнамент сравнительно простой: волны, располагавшиеся в шахматном порядке разноцветные прямоугольники, чередовавшиеся разноцветные квадраты, ряды крестов, растительные узоры.

Более простой была вышивка южных алтайцев. Она украшала и суконную, и меховую одежду. Преобладал строчевой шов. Несколькими линиями отделявали воротник одежды *чокпень*, подбирая, как правило, нитки в тон ткани. На подоле, рукавах, левой поле выстрачивали треугольники [Там же, с. 15]. На телеутских шубах строчка располагалась в несколько рядов по подолу. Орнаментом, заключенным между двумя параллельно идущими швами, украшали подол безрукавки *чегедек*. Декоративную нагрузку несли также расположенные в определенном порядке швы стеганой одежды.

Своеобразное украшение из ниток делали для чегедека. За пришитой по его краям полосой парчи шли одиннадцать парных нашивок из скрученной вдвое нитки каждая. Они были разноцветными и располагались следу-

Рис. 27. Женская одежда, украшенная раковинами каури и аппликацией. Шорцы. МАЭ, № 5071–38.

ющим образом: черная, три зеленых, белая, желтая, три оранжевых, вишневая, желтая [Там же, с. 29].

Нитки применялись еще и для изготовления кистей, которые прикреплялись к концам воротника из позумента (Рис. 26) праздничной (свадебной) одежды телеутов. Эти кисти делали из разноцветного шелка.

Украшением разных видов одежды служили пуговицы. Южные алтайцы нашивали ряд китайских пуговиц у выступа левой полы праздничных женских шуб, пять пар – здесь же на праздничной одежде вдов. На воротнике суконной одежды вдоль полос тесьмы располагалось по четыре пуговицы с каждой стороны. Одна или две крупных, красных с металлом, или китайских пуговиц нашивались на левой полке чегедека. У телеутов на металлических пуговицах крепилась в верхней части левой полы стеганого халата полоса позумента – воротник. Пуговицы у ворота украшали и одежду шорцев [Там же, с. 29, 31, 35] (МАЭ, колл. № 3974–3, 5065–55, 5071–50).

Для отделки одежды шорцев использовались и раковины каури. Они в несколько рядов нашивались на воротник (Рис. 27), чередуясь с аппликативными полосами, но иногда покрывали и полы.

У южных алтайцев зафиксировано еще дополнение в виде рядов бус к сложному украшению воротника суконной одежды, состоявшему из полос ткани, тесьмы, пуговиц (МАЭ, колл. № 5065–55).

Из сказанного выше видно, что при использовании общих приемов декорирования одежды у всех групп алтайцев, а также шорцев имеются определенные различия. Некоторые из них связаны с этноисторическими процессами, как, например, появление характерных особенностей южно-алтайского костюма, вызванное включением в состав этих групп алтайцев монгольских этнических элементов [Там же, с. 53]. Северные алтайцы как по покрою одежды, так и по способам ее украшения близки к шорцам, хотя между ними тоже есть некоторые различия: в частности, женская одежда челканцев украшалась меньше, чем у шорцев и кумандинцев, при том что в целом верхняя плечевая одежда челканцев почти полностью совпадала с шорской [Прыткова, 1961, с. 234].

Тувинцы

Верхняя плечевая одежда тувинцев шилась из меха (овчины, более дорогих мехов – у богатых) или ткани. Она была распашной, имела характерный фигурный вырез верха левой, более широкой (как и у ряда других народов Южной Сибири) полы, запахивавшейся слева направо. Мужская и женская одежда тувинцев практически не различалась по покрою, но разнообразной была расцветка ткани, которой покрывали шубы (мужчины предпочитали черный и синий цвета, женщины – красный и голубой), а также цвета отделки [Дьяконова, 1960, с. 240–255; Прыткова, 1961, с. 235; Потапов, 1969, с. 203–227].

Из способов украшения мехом на тувинском материале фиксируется только выпушка – выступающий с лицевой стороны подола и пол мех, из которого шили шубу, как нагольную, так и крытую тканью.

Чаще использовали для украшения одежды ткань. За счет цвета выделяли ряд деталей: обшлага и воротник – меховой одежды, воротник, «копытообразные» обшлага, надставки полков, подола – матерчатой одежды (Рис. 28).

Распространены были обшивки (кант). Ими отделявали левую полу по краю, воротник, рукава (на некотором расстоянии от края). Для женской одежды был характерен красный цвет отделки. Считалось, что применение его в одежде приносит счастье, семейное благополучие, как черного и синего в мужской – удачу в охоте и других занятиях [Дьяконова, 1960, с. 250–251].

Окантовка из ткани присутствовала на воротнике как меховой, так и матерчатой одежды. Воротник-стойка состоял из нескольких деталей, выполненных из ткани, у шуб к ним добавлялась еще и меховая, окантовка же была общей [Там же, с. 246, 249].

Из ткани же делали аппликативные полосы, украшавшие меховую одежду по низу подола, левой полке. Эти полосы чаще всего были сравнительно узкими. Широкая нашивка располагалась в верхней части левой полки, впечатление фигурного очертания которой в этой части достига-

Рис. 28. Женская летняя одежда, украшенная контрастными полосами ткани. Тувинцы. МАЭ, № 1340–64.

лось не столько за счет кроя, сколько благодаря ступенчатым линиям отделки. Одна или несколько полос ткани нашивались еще и по концам рукавов.

Аппликативное украшение на одежде из ткани выглядело богаче. Оно применялось для отделки женских летних халатов (Рис. 28). Например, на подоле от края сначала располагалась широкая полоса черного бархата, затем более узкая из красной хлопчатобумажной ткани, полоса пошире из шелка, над ними – самая узкая из парчи или цветастой ткани. Над ней шла полоса из такой же ткани, затем нашивка пошире из черного сукна и, самая последняя – узкая полоса цветной ткани. Часть полос украшения подола отмечала место пришива волана.

На левой полке и вокруг ворота полос было меньше. В верхней части полки последняя от края нашивка имела изломанные под прямым углом очертания.

Воротники меховой и матерчатой одежды обязательно украшались вышивкой. Использовали простые, шелковые и шерстяные нитки. Для

вышивания воротников существовали специальные швы [Там же, с. 242-244]. Орнамент был несложным: ромбы, меандр, расположенные в определенном порядке квадраты с точками в середине. В последнем случае сочетали белый (квадраты) и синий (точки) цвета [Там же, с. 249]. Вышивали также фигуру в виде треугольника на полосе ткани, отделявшей волан на подоле. Как украшение можно рассматривать швы на стеганой межсезонной одежде.

Тувинцы украшали свою одежду и разноцветными скрученными нитками. Нитку нашивали сплошной линией. Чаще всего это была своего рода окантовка для полос ткани.

На одежде тувинцев присутствовали и пуговицы, которые можно рассматривать как часть декора. Они были медными или серебряными, сферическими. По археологическим материалам их форма прослеживается с VIII в. н.э [Там же, с. 250].

В целом одежда тувинцев обнаруживает сравнительно мало вариантов отделки (как в материале, так и в технике). Топография украшений типична для территорий, где в качестве верхней плечевой одежды преобладали пшубы и халаты с характерной формой верха широкой левой полы.

По материалу и технике украшения рассмотренной здесь верхней плечевой одежды группируются следующим образом.

МЕХ.

I. Украшение путем сочетания деталей, выкроенных из меха разных оттенков или из шкур разных животных или расположенных мехом внутрь и мехом наружу.

Распространение: нивхи, ороки, орочи, ульчи, негидальцы (низовские), долганы, якуты, хакасы, алтайцы (южные).

II. Дополнительные меховые детали в одежде из других материалов.

Распространение: долганы, якуты, хакасы, алтайцы.

III. Оторочка, выпушка.

1. Из меха неокрашенного.

Распространение: нанайцы, ульчи, ороки, орочи, негидальцы, долганы, якуты, хакасы, алтайцы (южные), тувинцы.

2. Из меха окрашенного.

Распространение: долганы.

IV. Мозаика.

1. Составной мех.

Распространение: нивхи, нанайцы, негидальцы (у всех – главным образом, подклад), долганы, якуты, хакасы.

2. Полосы.

Распространение: якуты.

3. Орнаменты.

Распространение: ульчи (подклад одежды), долганы, якуты.

V. Кисти.

Распространение: хакасы (беличьи хвосты, нашитые на мех с изнанки).

ТКАНЬ.

I. Украшение одежды путем сочетания деталей, выкроенных из тканей разных цветов.

Распространение: нанайцы, удэгейцы, ороки, орочи, нивхи, ульчи, негидальцы, долганы, якуты, хакасы, алтайцы, шорцы, тувинцы.

II. Дополнительные детали из ткани в одежде из других материалов.

Распространение: долганы, якуты.

III. Кант.

Распространение: нанайцы, ульчи, долганы, якуты, хакасы, алтайцы (северные), шорцы, тувинцы.

IV. Аппликация.

1. Полосы.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, ороки, орочи, удэгейцы, негидальцы, долганы, якуты, хакасы, алтайцы, шорцы, тувинцы.

2. Орнаменты.

Распространение: нанайцы, ульчи, удэгейцы, нивхи, ороки, орочи, негидальцы, долганы, якуты, шорцы.

3. Отдельно расположенные геометрические фигуры:

Распространение: удэгейцы, нивхи, якуты.

V. Мозаика.

Распространение: нанайцы, ульчи, долганы, якуты.

VI. Кисти, бахрома.

Распространение: орочи, долганы.

РОВДУГА. КОЖА. РЫБЬЯ КОЖА.

I. Дополнительные детали из ровдуги в одежде из других материалов.

Распространение: нанайцы, удэгейцы, ульчи, негидальцы, удэгейцы, нивхи, ороки, орочи.

II. Мозаика.

Распространение: ульчи.

III. Аппликация.

Распространение: нанайцы, ульчи, негидальцы, удэгейцы, нивхи, ороки, орочи.

IV. Бахрома.

Распространение: долганы.

СТЕКЛО.

I. Бисер, бусы.

Распространение: орочи, долганы, якуты, хакасы, алтайцы (южные).

II. Пуговицы.

Распространение: нивхи, нанайцы, удэгейцы, хакасы, алтайцы, шорцы.

МЕТАЛЛ.

I. Подвески.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, ороки, орочи, негидальцы, удэгейцы, долганы, якуты.

II. Пуговицы, бляшки.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, ороки, орочи, негидальцы, удэгейцы, долганы, якуты, хакасы, алтайцы, тувинцы.

ПОДШЕЙНЫЙ ВОЛОС ОЛЕНЯ.**I. Вышивка.**

Распространение: нанайцы, ульчи, ороки, орочи, нивхи.

НИТКИ.**I. Вышивка.****1. Сухожильные.**

Распространение: удэгейцы.

2. Шелковые, шерстяные.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, ороки, орочи, негидальцы, удэгейцы, долганы, якуты, хакасы, алтайцы, шорцы, тувинцы.

II. Нашивание крученых ниток или шнурков из них.

Распространение: хакасы, алтайцы (южные), тувинцы.

III. Кисти.

Распространение: ульчи, нанайцы, хакасы, алтайцы (южные).

КРАСКА.**I. Выделение деталей кроя.**

Распространение: нанайцы.

II. Полосы.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, ороки, орочи, удэгейцы, негидальцы, долганы.

III. Окрашивание аппликативного узора:

Распространение: нанайцы, ороки, орочи, негидальцы, нивхи, удэгейцы.

РАКОВИНЫ КАУРИ.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, негидальцы (низовские), хакасы, шорцы.

ПЕРЛАМУТР.

Распространение: хакасы.

Несъемные украшения верхней плечевой одежды представляют значительный интерес в нескольких аспектах. Хотя в данной работе не удалось рассмотреть весь существующий материал, особенно в области локальных особенностей костюма, все же, учитывая и те данные, что были опубликованы в первой статье, можно сделать ряд выводов общего плана.

Материал. Достаточно характерным материалом для украшений верхней плечевой одежды у всех народов Сибири был тот, из которого шили сам предмет, чаще всего мех. Северные таежные и тундровые народы, занимавшиеся оленеводством, обычно обыгрывали олений мех разных цветов и оттенков. В Южной Сибири, где занимались скотоводством и охотой, предпочитали овчину разных цветов и шкурки пушных зверей. Эти же материалы применяли якуты – самые северные скотоводы в мире. Пушнину использовали и многие таежные народы, основным или одним из основных хозяйственных занятий которых была охота. Таким образом, и материал одежды, и материал украшений в немалой степени был обусловлен хозяйственной деятельностью населения.

Использование тканей в одежде народов Сибири нельзя связывать только с влиянием русских. Пожалуй, лишь камлейки из ткани у чукчей могли появиться под их воздействием. И то речь идет о материале, а не о покрое.

Остальные народы, использовавшие ткань при производстве одежды и ее украшений, знали этот материал, скорее всего, до начала контактов с русскими. В каких-то случаях ткань появилась в результате торговых связей с населением прилегающих к Сибири с юга территорий. Например, у южных и западных соседей народов Нижнего Амура ткани известны с IV–VII вв. н.э. [Смоляк, 1984, 135–136]. Анализ западно-сибирских археологических материалов показывает, что население эпохи бронзы, обитавшее в южной части позднейшего обско-угорского ареала, включая и территории, занимаемые восточными левобережными хантами, было знакомо с ткачеством [Глушкова, 1993, с. 8, 10–16]. В свете последних исследований преобладающей становится точка зрения, согласно которой одежда из ткани была известна еще далеким предкам современных обских угров [Лукина, 1985, с. 152–154; Федорова, 1994, с. 108–110]. По этнографическим данным, ткачество из растительных волокон у их южных групп, а также у северных алтайцев и шорцев (см. Рис. 24, 25) существовало на рубеже XIX–XX вв. Таким образом, применение ткани для украшения верхней плечевой одежды целого ряда народов Сибири может иметь многовековую историю: от собственного производства или древних торговых связей через торговлю с Востоком в эпоху средневековья к торговле с русскими. Учитывая сходство в приемах использования меха и ткани, следует отметить, что здесь явно наблюдается перенос способа украшения одежды с одного материала на другой.

Применение какого-либо материала для изготовления одежды и ее украшений, как представляется, диктуется не только его доступностью, но и устойчивостью традиций. Механизм этого явления во многом остается непонятным. Например, использование рыбьей кожи у народов амурского региона даже в XX в. и практически полное отсутствие его, видимо, после XVIII в. у обских рыболовов и охотников. Нужно отметить, что в целом для украшения одежды кожа и ровдуга были не очень характерны.

Большой интерес представляет такой материал, как бисер. Он реже, чем бусы, встречается в материалах археологических раскопок. Вместе с тем бисер для украшения одежды широко использовался некоторыми народами Сибири. Особенно следует выделить тунгусов и обских угров. Остальные народы также применяли его, но в меньшем объеме, хотя нигде у коренного населения он не производился. Это был привозной материал. В частности, к народам Обского Севера в XIX – начале XX в. он поступал из Европы через англичан, перепродававших его русским купцам. Еще раньше, во время существования Булгарского государства, бисер ввозили из Ирана и Малой Азии [Иванов, 1963, с. 80–81].

Можно думать, что бисер заменил какой-то другой материал. Это, возможно, бусы, причем не только стеклянные, но и (скорее всего) костяные, металлические или каменные. В пользу последнего варианта говорит, в частности, наличие общего названия для камня и бисера у южных хантов (подробнее см.: [Рындина, 1998]). Предположение о возможности замены бисером мелких бус подтверждается наличием их (возможно, это и есть бисер) в материалах археологических памятников сопредельных территорий (в частности, мелкие пастовые бусы, как предполагается, украшали одежду населения Приаралья раннесакского времени [Итина, 1992, с. 40]).

Металл в несъемных украшениях верхней плечевой одежды встречается у многих народов Сибири. Как показывают, в частности, якутские и угорские материалы, в более ранние периоды он был распространен шире. Позднее его вытеснили другие материалы. Этот процесс у различных народов происходил, видимо, по-разному, неодинаковы были и причины, в силу которых металл вышел из употребления. Основной из них здесь является прекращение производства металлических украшений, что было обусловлено различными процессами, в том числе и запретами на производство металлических изделий и их продажу коренному населению в процессе освоения русскими Сибири.

Видимо, одними из древнейших материалов являются подшейный волос оленя и сухожильные нитки, которые использовались для вышивания. С развитием производства и торговых связей они были заменены шерстяными и шелковыми.

Исключительно в результате торговли у некоторых народов Сибири (южные группы обских угров, северные алтайцы, хакасы) стали использоваться раковины каури и перламутр.

Техника. Наиболее распространенной была техника нашивания длинных (широких или узких) полос материала (меха, ткани) на основу. В процессе выделки шкур или выкраивания одежды создавался запас кусочков меха. Кусочки тканей (а получение этого материала было затруднено) также не выбрасывались. По мере накопления мелких фрагментов материалов возникала возможность использования их в соединенном виде. Таким образом сложилась техника мозаики. Ее первым вариантом был, скорее всего, составной мех. В процессе развития орнаментального искусства узоры стали переноситься с одного материала на другой, меховая мозаика усложнялась. Мозаика из ткани, вероятно, была вторичной по отношению к меховой.

Параллельно могла развиваться и техника аппликации, часто применявшаяся в изготовлении узоров у народов, имевших богатый фонд орнаментальных мотивов, а также полос-окантовок. Там, где орнамент не был развит, аппликация выразилась только в виде полос.

Нанесение украшений одежды краской, по всей видимости, возникло у каждого народа самостоятельно и связано с местными материалами, из которых эта краска производилась. Как было показано выше, здесь также имел место переход одного материала в другой, в частности металла в краску, с помощью которой наносился узор. Но этот способ, как представляется, вторичен. Первичным же было нанесение полос или какого-то узора краской непосредственно на материал. Им могли быть ровдуга, рыба, кожа, ткани.

Вышивка волосом и различными нитками также связана с уровнем развития орнаментального искусства. Она была ярче выражена у тех народов, которые имели богатый орнамент. Техника вышивки, ее происхождение у народов Сибири подробно рассмотрены Ю.А. Шибаровой (1959), В.П. Дьяконовой (1960), С.В. Ивановым (1963 и др.), И.К. Кидиековой (1979), В.Я. Бутанаевым (1993) и др., поэтому останавливаться здесь на данном вопросе не представляется необходимым.

Различна техника, в которой производились металлические украшения. Видимо, повсеместно были распространены разнообразные металлические пуговицы. Бытование в прошлом ажурных бляшек, литых и штампованных подвесок более ограничено. Основной акцент в данном случае приходится на обских угров, якутов и народы Амура. Это те этнические образования, орнаментальная культура которых была чрезвычайно развита.

Топография. Расположение несъемных украшений на верхней плечевой одежде, в первую очередь, помогает выявить наиболее архаичные варианты костюма или детали кроя (прием украшения путем сочетания материала разных цветов или различных материалов, разнообразные полосы, вышивка, закрывающие швы). Так, наличие материала разных цветов в халатах народов Приамурья, Приморья и Сахалина выделяет «юбку», «кофту» и «рукава». Это позволяет говорить о том, что, во-первых, на халат могли надевать безрукавку, во-вторых, что первоначальной формой одежды народов данного региона были юбка и кофта. Юбка из холста реконструируется здесь для племен первой половины I тысячелетия н.э. [Смоляк, 1984, с. 135]. Наличие здесь такой одежды подтверждается еще и сохранившимися деталями шаманского костюма, состоявшего из юбки и кофты (как известно, в обрядовой одежде сохраняются наиболее древние формы костюма). Были распространены и мужские юбки из различных материалов. Наличие ярко выраженной отделки вокруг ворота халатов свидетельствует о том, что когда-то эта одежда носилась со съёмным воротником (кстати, известным по музейным коллекциям).

Следы безрукавки, как уже говорилось, обнаруживаются и в якутской одежде. Они подчеркиваются вышивкой спинки. Те же самые линии находим в одежде различных групп хакасов. У южных групп обских угров они обозначены вышивкой бисером.

О выявлении более древнего покроя одежды путем исключения различного рода надставок полков и подола в этнографической литературе сказано уже достаточно. Крой одежды подчеркивался еще и такими видами украшений, как мозаичные или аппликативные полосы, которыми отмечались швы. Таким образом можно выявить и не существующие уже варианты кроя.

Помимо отмеченных, украшения верхней плечевой одежды народов Сибири выявляют и другие архаичные черты костюма. В частности, установлено, что орнаментированные полосы, расположенные перпендикулярно подолу, имитируют разрезы в нижней части одежды. Наличие же разрезов свидетельствует о происхождении данного элемента костюма из кочевнической среды. А.В. Смоляк говорит об этом в связи с одеждой народов Амура, предполагая в данном случае возможность заимствования разрезов на подоле у монголов [Смолк, 1957, 101–102]. Аналогичные вставки, имитирующие разрезы, присутствуют и на меховой и суконной одежде обских угров.

Как результат переноса на одежду съёмных украшений (браслетов, ожерелья) можно рассматривать подчеркнутую декоративность обшлагов и воротника, характерную для многих народов Сибири.

Заданная топография украшений была обусловлена их важной функцией: они выполняли роль оберега. По этой причине украшения присутствовали по краям одежды даже в тех случаях, когда практической необходимости в них (например, закрепление края) не было. Места соединения деталей, швы полагалось закрывать полосой контрастной ткани или орнамента в первую очередь потому, что они также относились к числу наиболее уязвимых участков одежды. Вероятно, собственно инородность материала украшений тоже имела охранительное значение, как это прослеживается на примере бисера/камня, не говоря уже о металле. Аналогичную функцию несли и определенные узоры, располагавшиеся на определенных же местах.

Вопрос о семантике несъемных украшений верхней плечевой одежды народов Сибири требует специальной разработки, обращения к богатой духовной культуре сибирских этносов, к их обычаям. Сказанное здесь – лишь обозначение основных направлений изучения такого яркого явления, как традиционная одежда, насыщенного важной информацией о человеке и обществе. По одежке встречают...

Библиография

Бутанав В.Я. Этнокультурные связи хакасов с населением Прибайкалья в эпоху позднего средневековья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 123–125.

Бутанав В.Я. Хакасская национальная одежда // Российский этнограф. 1993. № 12. С. 55–94.

Василевич Г.М. Ессейско-чирингдинские эвенки // СМАЭ. 1951. Т. 13. С. 154–186.

Глушкова Т.Н. Очерки истории по древнему плетению и ткачеству населения Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. 18 с.

Гурвич И.С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 180–196.

Дьяконова В.П. Материалы по одежде тувинцев (По полевым материалам 1958 г.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. Т. I. С. 238–266.

Дьяченко В.И. Формирование долган в процессе исторических связей тунгусов, якутов и русских // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 272–331.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1954. Т. 22. 839 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1963. Т. 81. 500 с.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–72.

Каплан Н.И. Художественные ремесла Эвенкийского и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономных округов // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983. С. 169–183.

Кидиекова И.К. Техника хакасской вышивки // Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979. С. 141–152.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. Якутск, 1971. 212 с.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. 364 с.

Максимов Ю.В. Народные художественные ремесла Хакаской автономной области // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983. С. 183–199.

- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1. 432 с.
- Попов А.А.* Материалы по религии якутов бывшего Вилюйского округа // СМАЭ. 1949. Т. 11. С. 255–323.
- Потапов Л.П.* Очерк изучения социалистической культуры и быта алтайцев // СЭ. 1948. № 1. С. 107–138.
- Потапов Л.П.* Одежда алтайцев // СМАЭ. 1951. Т. 13. С. 5–59.
- Потапов Л.П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. 218 с.
- Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. 402 с.
- Прыткова Н.Ф.* Верхняя одежда // ИЭАС. М.; Л., 1961. С. 227–328.
- Рындина О.М.* Камень и бисер: традиция и инновация в окультуренной среде обских угров // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 220–224.
- Сем Ю.А.* Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.): Этнографические очерки. Владивосток, 1973. 314 с. с илл.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984. 246 с. с илл.
- Смоляк А.В.* Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза // СЭ. 1957. № 1.
- Смоляк А.В.* Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966. 290 с. с илл.
- Таксами Ч.М.* Одежда нивхов // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 166–195.
- Федорова Е.Г.* Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // СМАЭ. 1988. Т. 42. С. 86–104.
- Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. 286 с.
- Шибачева Ю.А.* Одежда хакасов. Сталинабад, 1959. 126 с. с илл.

Н.В. Ермолова

ПОЯСА У НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Настоящая статья посвящена одному из важных, но все еще мало изученных элементов одежды у народов Северной Сибири – традиционным поясам. Как самостоятельное явление культуры они не привлекали к себе достаточного внимания исследователей, в связи с чем и специальных работ по этой теме в этнографическом сибиреведении нет. В лучшем случае пояса в той или иной степени рассматривались у отдельных народов при общем описании и анализе их одежды, как это сделано, например, Е.А. Алексеенко на материале кетов, В.И. Иохельсоном – коряков, Н.В. Лукиной – хантов, А.А. Поповым – долган, Н.Ф. Прытковой – самодийцев, А.В. Смоляк – приамуро-сахалинских народов, Л.В. Хомич – ненцев. Но по многим другим северо-сибирским этносам подобные материалы отсутствуют, и все сведения, которыми мы располагаем о них по интересующему нас вопросу, заключаются лишь в беглых упоминаниях, разбросанных по разнообразным литературным источникам. Данная ситуация, несомненно, повлияла и на то, что до сих пор отсутствует специальное обобщенное исследование, в центре рассмотрения которого находились бы пояса сибирских народов, подобно тому, как это сделано, например, А.К. Байбуриным или А.А. Лебедевой на восточно-славянских материалах [Байбурин, 1992; Лебедева, 1989]. Такое непростительное упущение давно уже требовало принятия самых безотлагательных мер, тем более что пояс являлся и у северных – таежных и тундровых – народов не менее значимым элементом традиционной культуры, чем он был, например, у земледельцев-славян или у кочевых скотоводов степей Евразии.

Обращение к данной проблеме, помимо ее очевидной и давно назревшей актуальности, было продиктовано еще и планами разработки новых тем для второго выпуска «Историко-этнографического атласа Сибири». В рамках подготовительных работ, предпринятых с этой целью в МАЭ РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в фондах отдела Сибири были выявлены материалы по поясам, систематизация которых и легла в основу публикуемой только теперь статьи. В силу ряда обстоятельств ее этногеографические рамки включают не весь огромный регион Сибири, а лишь Север и Дальний Восток с их таежными и тундровыми ландшафтами, ставшими «местом развития» для народов, традиционный образ жизни которых определялся занятиями рыболовством, охотой, оленеводством.

Такое ограничение обусловлено тем, что круг обозначенных этносов представлял собой определенную общность не только по своим стадийно-хозяйственным характеристикам, но также и в плане развития тра-

диции поясов, обнаружившей сравнительно сходные практические (утилитарные) и символические (знаковые) функции. Наиболее удалены от них по особенностям этого элемента культуры сибирские скотоводы – буряты и якуты – с их древней кочевнической традицией так называемых наборных поясов, которые являются объектом рассмотрения другой статьи данного сборника. Вне нашего внимания остались и пояса тюркоязычных народов Южной Сибири, тяготеющие по многим признакам к общетюркскому миру. Поэтому кажется правильным посвятить им отдельную работу с тем, чтобы рассмотреть их в тесной взаимосвязи и сравнительных сопоставлениях с культурным кругом кочевников. И, наконец, еще одно исключение касается долган, которые по своему статусу оленеводческого этноса Северной Сибири должны были бы входить в число рассматриваемых нами народов. Однако чтобы избежать повтора уже опубликованных ранее материалов, данная статья не содержит описания долганских поясов, поскольку они были довольно подробно рассмотрены в исследовании А.А. Попова [Попов, 1958, с. 102–109], написанном им на основе коллекций МАЭ, т.е. в основном на тех же источниках, что и предлагаемая теперь работа. При этом необходимо подчеркнуть, что во всех обобщениях, сравнительных характеристиках и предлагаемой типологии долганские данные используются наравне с данными по другим народам.

Археологи, в отличие от этнографов, уделяют внимание сибирским поясам уже давно, очевидно в связи с тем, что пояса довольно часто встречаются в составе погребальных комплексов, а потому являются важным археологическим источником. В целом на базе исследований поясов и поясных наборов археологами написан не один десяток работ, среди которых немало трудов и по материалам Сибири. Однако в них представлены преимущественно наборные пояса, наиболее привлекательные в археологическом плане, поскольку элементы их гарнитуры, а также пряжки изготавливались из металла и в силу хорошей сохранности этого материала они имели больше шансов пережить свою эпоху, став впоследствии достоянием археологов.

Такой возможности лишены безгарнитурные и беспряжковые пояса, поскольку их кожаная или матерчатая основа подвергается быстрому разрушению, из-за чего подобные экземпляры почти не представлены среди археологических собраний. На всей территории Сибири находки их единичны, как, например, плетеный пояс-шнур из раскопок пазырыкской культуры с плоскогорья Укока, сохранившийся благодаря специфическим условиям вечной мерзлоты [Полосьмак, 2001, с. 117]. Поэтому по другим поясам (не наборного типа) у народов Северной Сибири мы почти не располагаем археологическими свидетельствами, и в подавляющем большинстве случаев наши сведения о них заключаются лишь в историко-этнографических данных.

Однако и по наборным поясам археологические материалы могут быть привлечены к исследованию нашей темы только в очень ограниченном объеме в связи с тем, что их распространение по Сибири охватывало главным образом лесостепные скотоводческие регионы Саяно-Алтая, Бурятии и Якутии, которые остались за рамками нашего исследования.

В ареале же таежно-тундровых культур наборные пояса успешно исследуются археологами пока только в двух районах: на юге Дальнего Востока (культуры мохэ VII–IX вв. и чжурчжэней XII–XIII вв.) и на севере Западной Сибири (самодийские/праселькупские памятники средневековья). Опубликованные по результатам раскопок этих культур данные дают возможность заглянуть в более ранние (по сравнению с освещенными в этнографических источниках) этапы развития традиции поясов у некоторых интересующих нас современных народов. При этом дальневосточные материалы по мохэ и чжурчжэням, к сожалению, могут быть привлечены лишь с большой долей осторожности, поскольку между ними и этнографическими данными по современным народам Приамурья существует лакуна продолжительностью почти в пять столетий из-за того, что пока не найдено памятников позднее XIII–XIV вв. [Васильев, 2000, с. 116–118].

К счастью, подобного недостатка лишены позднесредневековые комплексы Западной Сибири, которые уже несколько десятилетий раскапываются на севере Томской области в Нарымском Приобье. В исследуемых здесь погребальных памятниках XV–XVIII вв., относимых археологами к культуре селькупов, обнаружены пояса, а точнее их детали, с металлическими и бисерными нашивками, позволяющими составить представление о более ранних селькупских поясах в сравнении с теми, о которых нам известно по данным конца XIX–XX вв. Такие материалы имеют огромное значение для понимания исторической традиции развития поясов, но пока подобными данными из других районов Северной Сибири мы не располагаем, и остается только надеяться, что они появятся в ближайшем будущем.

Среди археологических публикаций последнего времени особого внимания в связи с нашей темой заслуживают работы с обобщенным рассмотрением поясов. Это, прежде всего, книга В.Н. Добжанского [1990], а также большая статья А.И. Бобровой и Я.А. Яковлева [1994], содержащие, помимо чисто археологических данных, также разделы, посвященные вопросам, связанным с выявлением различных функций и общей символики пояса как явления культуры с использованием в первую очередь сибирских материалов.

Назначение пояса как элемента культуры весьма многогранно, в связи с чем его можно исследовать в самых разных аспектах: как часть одежды, способ ношения необходимых аксессуаров, совокупность украшений, элемент воинского или промыслового снаряжения, социальный символ, сложную знаковую систему, наконец, с художественной точки зрения. Поэтому в изучении поясов сталкиваются интересы не только этнографов и археологов, но и искусствоведов, историков, культурологов, исследующих пояс через призму задач своих областей знаний и тематики. Любой из этих подходов обладает своей спецификой, и важно оговорить, что ни археологическое, ни искусствоведческое рассмотрение не входят в задачи настоящей работы, которая ставит во главу угла изучение пояса с этнографической точки зрения. Однако при этом нельзя совсем обойти вниманием такие аспекты как, например, привлечение (по возможности) доступных археологических данных или анализ способов и приемов художественной отделки поясов, которые, несомненно, тоже будут полез-

ны, но лишь в той степени, которая необходима для проведения этнографического анализа.

Как любой элемент народной культуры, пояс несет в себе определенный заряд этнической специфики, которая, тем не менее, далеко не всегда лежит на поверхности и порой достаточно трудно поддается выявлению. Нередко кажется, что этничность не выражена в поясах настолько ярко, чтобы быть легко уловимой и однозначно понятой, из-за чего появляются суждения о невозможности в ряде случаев использовать пояса в качестве этнического определителя. Такое мнение выражено, в частности, археологами на основе изучения позднесредневековых поясов селькупов, которые, с их точки зрения, «по формам, функциональному назначению и семантическому наполнению не представляют собою исключительного явления, а находят многочисленные и прочные аналогии в культурах других дорусских этносов Западной Сибири и Крайнего Севера. По этой причине у селькупов, как, например, и у хантов, пояса не могут быть этномаркирующим признаком» [Боброва, Яковлев, 1994, с. 81].

Трудно согласиться с таким мнением, и надо думать, что подобный взгляд мог возникнуть лишь как следствие острого дефицита необходимой информации, поскольку археологические источники, пусть даже относящиеся к самому позднему времени, не создают всей полноты картины, требуемой для характеристики этого элемента культуры и его этнографического анализа. В действительности же суть проблемы состоит в многочисленных лакунах, по мере заполнения которых обычно снимается и острота, и даже сама постановка этого вопроса. В качестве аргументации приведем лишь один этнографический пример, показывающий, что пояса могут быть не менее ценным этномаркирующим признаком, чем другие компоненты культуры. Так, в юкагирском предании, записанном В.И. Иохельсоном, рассказывается, что чукчи в войне с чуванцами, по неведению, убили юкагира и узнали, что это юкагир, по поясу, который юкагиры носят особенным образом [Иохельсон, 1898, с. 260–261], т.е. способом, отличающимся от чуванского.

Это убедительно доказывает, что для понимания этнической специфики поясов очень важно знать самые разные их особенности, в том числе, например, и то, каким образом их носят, о чем археологические находки обычно умалчивают. Для этнографического же анализа пояс необходимо рассматривать в системной целостности всех его признаков, главными из которых, очевидно, являются следующие:

- конструкция пояса и ее сочетание с покроем одежды,
- форма пояса,
- способ крепления пояса на стане человека,
- манера подпоясывания,
- материал изготовления,
- приемы отделки,
- характер гарнитуры (поясного набора),
- расположение подвесок и особенности их крепления.

Изучение этих характеристик при комплексном подходе позволяет выделить интересные детали, являющиеся порой ценными этническими

показателями, и тогда традиционные пояса дают очень важный материал для исследования.

В настоящее время основная трудность в изучении этой темы состоит в серьезных лакунах, существующих у большинства народов по многим из названных показателей. Как уже отмечалось, опубликованные данные не создают всей полноты картины, которая необходима для изучения поясов в качестве историко-этнографического источника. Эти материалы не всегда удается восполнить в достаточной степени и с помощью коллекций МАЭ, в которых собрание поясов тоже далеко не полно: ряд народов представлен скупо и отрывочно, а по некоторым данные отсутствуют вообще. Поэтому едва ли не главной задачей при подготовке статьи стало проведение объемной работы по взаимодополнению материалов, извлекаемых, с одной стороны, из музейных коллекций, а с другой – из разнообразных нарративных источников (опубликованных и архивных, историко-этнографических, фольклорных, терминологических), с тем чтобы создать, таким образом, базу для последующего анализа. Собранный благодаря этому материал, довольно значительный по своему составу и объему, позволил предпринять попытку рассмотрения сибирских поясов, с одной стороны, более подробно, чем это было сделано ранее по каждому из народов, а с другой стороны, и более обобщенно по всему региону в целом.

Однако прежде чем перейти к непосредственному изложению материалов, необходимо сделать еще несколько пояснений, касающихся на этот раз более четкого определения самого объекта нашего изучения. Дело в том, что слово *пояс* в этнографической литературе относится не только к тому элементу культуры, который находится в центре внимания данной статьи, но еще и к охотничьим чересплетным ремням-перевязям (местное их название – *натруски*), к так называемым поясам стыдливости, являющимся скорее разновидностью набедренной повязки, а также к особым женским поясам, вообще относящимся к сфере специфически женской субкультуры. И те, и другие встречались у ряда народов Северной Сибири, но не вошли в предмет рассмотрения в настоящей работе, поскольку по своим функциям заметно отличались от поясов в собственном смысле этого слова, т.е. таких, которые предназначались по чисто практическому их применению для поддержания одежды, прилегающей к телу. В данном случае мы сознательно уходим от углубления в проблему древнейших истоков общего происхождения всех этих видов изначально, очевидно, одного и того же элемента культуры, воплощавшего собой «суть идеи “одетости”» [Байбурин, 1992, с. 5].

Однако даже в таком единственном, оговоренном только что значении пояса будут представлены в настоящей работе далеко не в полном своем объеме, так как их применение у коренных народов Северной Сибири отличалось чрезвычайным разнообразием. Они широко использовались как в быту, так и в ритуальной жизни, в связи с чем существовали особые виды поясов, употреблявшихся во время различных обрядов, свадебных или погребальных церемоний. О таких поясах данные еще более ограничены, что не позволяет составить о них достаточно полного пред-

ставления, но во всех случаях их обнаружения они будут привлекаться к рассмотрению, поскольку использовались обычными людьми, участвовавшими в обрядах. В то же время специальные пояса, которые надевались шаманами на время камлания, рассматриваться не будут в связи с тем, что они являлись предметами культа и потому требуют к себе отдельного внимания и особых подходов к изучению.

Структурно работа построена таким образом, что ее основную и самую значительную в объемном отношении часть составляет подробное, насколько это было возможно и оправданно, описание поясов по народам или группам народов, что, тем не менее, не является самоцелью. Оно необходимо прежде всего потому, что только на этой основе может быть осуществлена классификация материала, позволяющая подойти к его типологии, благодаря которой он смог бы превратиться из массы интересных, но разрозненных сведений в систему, отражающую различные уровни и направления стадийного и этнокультурного развития данного элемента культуры.

Описательная часть работы нужна еще и потому, что она обеспечивает необходимые условия для реализации главной задачи – выявления этнической специфики предмета исследования, раскрытие которой чрезвычайно важно для понимания общих процессов развития этноса и функционирования его культурной традиции, а также для решения проблем этногенеза, этнической истории и этнокультурных взаимовлияний. С этой же целью в статье привлекаются и некоторые данные, характеризующие сложнейшую и тончайшую сферу символических (знаковых) представлений, которые имеют, как показывают сравнительные материалы, много общего с представлениями других народов и культур. Но при всей общности этих идей, определяемых универсалиями человеческого развития, в них все же в достаточной степени присутствует и этническая доминанта.

Остается добавить, что характеристика поясов для удобства изложения и восприятия материала сгруппирована в статье по четырем разделам: «Народы Западной Сибири», «Эвенки, эвены, юкагиры», «Народы Северо-Востока Сибири», «Народы Нижнего Амура и Сахалина». Их выделение обусловлено, с одной стороны, этногеографией Сибирского региона, а с другой – этногенетическими и этнокультурными связями населяющих его коренных народов.

Народы Западной Сибири

По сравнению с остальными выделенными в статье регионами пояса западно-сибирских народов получили относительно неплохое освещение в литературе благодаря работам Е.А. Алексеенко, Н.В. Лукиной, А.А. Попова, Н.Ф. Прытковой, Е.Г. Федоровой, Л.В. Хомич и др. Западная Сибирь представлена и гораздо большим количеством иллюстраций – фотографий и рисунков, как опубликованных, так и архивных, являющихся важным дополнением к имеющимся у нас коллекционным материалам. Последние хотя и довольно значительны по объему (в общей сложности они составляют 43 экземпляра, не считая отдельных пряжек и подвесок),

но распределены по народам крайне неравномерно. Больше всего поясов по ненцам (14 экз.) и кетам (13 экз.), 9 экз. – по нганасанам, включая и тундровых энцев, 7 экз. – по хантам, лишь один – по манси, и совсем не представлены селькупы.

Осложняет изучение материала и этническая разнородность региона. Семь народов, пояса которых рассматриваются в этом разделе, принадлежат к трем этнолингвистическим группам: угорской (ханты и манси), самодийской (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) и енисейскоязычной (кеты). Кроме того, каждый из этносов отличается сложной историей формирования и имеет в своем составе отдельные локальные подразделения, нередко разобщенные друг с другом и различающиеся спецификой культуры, в частности и особенностями поясов. Однако объединение названных народов оправдано тем, что одни из них связаны общностью происхождения, другие – длительными этнокультурными контактами, что привело к сложению ряда общих традиций, касающихся в том числе и поясов. Поэтому на обширной территории, которую населяют указанные этносы, встречаются пояса сходных типов, хотя распределение их очень мозаично. Часто они разделяются не по народам, а по подразделениям соседних этносов, либо совпадают в разных этнических группах. Так, пояса тундровых энцев были однотипны с нганасанскими, в то время как лесные энцы носили пояса, аналогичные ненецким. Или: один из видов поясов у восточно-хантыйских женщин – из ткани с подкладкой и отделкой бисером – был сходен с поясами кетских мужчин. Вообще в отдельных подразделениях угров наблюдается чрезвычайная пестрота материала, но при этом большое сходство между собой имеют пояса ненцев и северных групп хантов и манси. Несколько обособленное положение занимают пояса кетов, которые и открывают рассмотрение материалов по этому региону.

Кеты. То, что в МАЭ насчитывается 13 кетских поясов, благодаря сборам таких известных исследователей, как Е.А. Алексеенко, В.И. Анучин, Б.О. Долгих, Н.К. Каргер, в сопоставлении с небольшой общей численностью этого народа воспринимается как достаточно обширная этнографическая база. В дополнение к информации, опубликованной в монографии Е.А. Алексеенко [1967, с. 130–147], эти данные позволяют составить о традиционных кетских поясах довольно полное представление. Немаловажным является и то, что сам кетский материал единообразен и не отличается такой мозаичностью, как, например, угорский.

У кетов отмечено три вида поясов, два из которых – мужской и женский – были повседневными, а третий использовался как промысловый, одинакового образца и для мужчин, и для женщин. Все они назывались словом *кут*, восходящим, по мнению Е.А. Алексеенко, к общетюркскому корню [Там же, с. 140]. Нижнюю рубаху кеты носили навыпуск, без пояса, а все виды верхней плечевой одежды обязательно подпоясывали. Верхняя плечевая одежда, однотипная для мужчин и женщин (летний суконный *котлам*, зимний стеганный на меховом подкладе *бесем*, а также меховая парка), была распахной, с глубоким запахом справа налево. К *полам котлама* завязок не пришивали, поэтому необходимым условием того,

Рис. 1. Повседневный женский пояс и способ его ношения. Кеты. МАЭ, № И-1706-445.

Рис. 2. Кеты. Два женских пояса красного цвета, один из них с бахромой на концах. МАЭ, № 6787-2 б, в.

чтобы они не расходились, являлось обязательное ношение пояса. Возможно, у кетов с этим связано подпоясывание любого вида распашной верхней одежды. От том, что основной практической функцией повседневных кетских поясов может считаться именно поддерживание ими пол в запахнутом виде, косвенно свидетельствует и то, что эти пояса не имели бытовых подвесок.

Для повседневных кетских поясов, надеваемых зимой поверх *бесема*, а летом на *котлам*, характерно четкое деление на женские и мужские. Женские пояса представляли собой длинную, около двух метров, и широкую – 15–30 см – полосу хлопчатобумажной ткани, обычно красного цвета, в один слой или сложенную вдвое. Края пояса могли быть с бахромой или без нее.

Женщины носили пояс, обертываясь им несколько раз, концы завязывали и подтыкали. Во время работы длинные полы *котлама* или *бесема* заправляли за пояс и высвобождали правую руку, спуская одежду с плеча [Алексеев, 1967, с. 139].

В отличие от женщин, мужчины носили пояса, ширина которых составляла 7–10 см, а длина (80–90 см) чуть превышала, с запасом на застегивание, обхват талии. Пояс имел форму вытянутой прямоугольной полосы с закругленными краями. С одной стороны на нем крепились две пуговицы, а с другой – две петли, прорезные или воздушные, пришитые изнутри пояса. Изготавливали мужские пояса из сукна и хлопчатобумажной ткани. Их

шили двухслойными: один слой из сукна, другой – из ткани. Причем сочетание могло быть любым – сукно с лицевой стороны пояса, а изнутри хлопчатобумажный подклад, или внутри сукно, снаружи обшитое тканью. Цвет верхнего материала в мужских поясах был темным, чаще всего черным, а

также синим или зеленым. Края пояса окантовывали матерчатой бейкой яркого контрастного цвета – красного, белого, синего.

Декоративным оформлением поясов служила вышивка – подшейным волосом оленя, бисером голубого, зеленого, желтого, красного цветов, а позднее и фабричными нитками, причем последние прикрепляли мелкими стежками в технике вышивки подшейным оленьим волосом. Орнамент вышивки на всех поясах включает два основных для кетов мотива – вильчатый, или фаллический, а также стилизованное изображение оленьих рогов [Алексеев, 1967, с. 139–140; Анучин, 1914, с. 37–39, 81, 85]. Нижний край некоторых поясов украшали провисающие нити, имеющие вид полукруга, с нанизанным на них бисером синего, розового, зеленого цветов.

На промысле и мужчины, и женщины носили одинаковые пояса иного типа. Они подпоясывали промысловую одежду узким ремешком, изготовленным из лосиной кожи, шириной около одного (реже – двух) сантиметров, длиной немногим более метра (115–130 см). На правом конце пояса крепилось железное кольцо, а на левом, зауженном, – специальный штырь длиной около 9 см, с заостренным, слегка изогнутым краем, сделанный из кости лося либо из дерева. С левой стороны, на расстоянии примерно от 20

Рис. 3. Кеты. Мужские повседневные пояса. МАЭ, № 1238–26; 4034–77, 82.

до 30 см от этого штырька, в полотне пояса шел ряд сквозных отверстий-прорезей, используемых при застегивании. Пояс затягивался спереди через кольцо, а штырек вставлялся в одну из прорезей, в зависимости от обхвата талии. В XX в. этот традиционный для кетов способ крепления пояса был вытеснен обычными пряжками фабричного образца.

Узкая кожаная основа промыслового пояса не имела украшений. Функционально, наряду с подпоясыванием одежды, пояс использовался также для подвешивания к нему необходимых на промысле предметов, прежде всего ножа в ножнах, топора, набора для добывания огня, игольника и пр. Для этого в полотне пояса делали несколько прорезей, к которым привязывали ремешки с подвешенными на них вещами. И только специальная ско-

Рис. 4. Кеты. Два промысловых пояса, один со специальным штырьком для застегивания и кожаной петлей для топора, второй с современной пряжкой и металлической скобой для топора. МАЭ, № 4919–12, 6905–2а, б, в, г.

ба для ношения топора, металлическая или плетеная, крепилась непосредственно на поясе, без дополнительных ремешков. Помимо топора, к этой скобе привязывали также и запасные завязки для лыж, сведения об этом мы находим в описи коллекции известного этнографа Б.О. Долгих (МАЭ, № 4919–13).

Скоба и ножны крепились с правой стороны пояса так, чтобы нож находился ближе к застёжке, а топор висел на боку. Ножны подвешивали на двух ремешках, из которых один был чуть длиннее другого. Нож при этом

оказывался в горизонтальном положении, рукоятью назад, поэтому Б.О. Долгих при описании внешнего вида кетов отмечал, что ножи висели «у них на бедрах, словно кортики моряков» [Долгих, 1934, с. 4]. Но встречался и другой способ, когда ножны подвешивали на одном ремешке вертикально, а в нижней своей части они были снабжены ремешком для привязывания к бедренной части правой ноги. Такой прием ношения ножен на бедре считался эвенкийским [Алексеев, 1967, с. 53].

С левой стороны к поясу подвешивали мешочек, сшитый из шкуры с оленьего лба либо с уха или подбородка лося. В нем держали огниво, кремь, трут (позднее спички), а также игольник, нитки, чай. Особая форма мешочка в виде двух соединенных карманчиков, перегибающихся пополам, позволяла носить его также путем закладывания одной из частей за пояс. Подобным образом носили аналогичные сумочки – заложив их одной половинкой за пояс – и мужчины у восточных (ваховских) хантов [Лукина, 1985, с. 257].

Отдельно от остальных мелких предметов крепился точильный камень. Для него к поясу пришивали специальный ремешок шириной около 3 см, в нижней части которого был узкий карманчик (МАЭ, № 1239–34/1,2).

Как уже отмечалось, женщины носили на промысле такие же пояса, как и мужчины, и все же охотничий пояс изначально следует считать принадлежностью прежде всего мужского костюма. Подтверждение этому находим в детской одежде, где ровдужный пояс встречался лишь у мальчиков. По данным Е.А. Алексеев, как только ребенок начинал ходить, ему изготавливали такой пояс, к которому прикрепляли ровдужный мешочек с его пуповиной. С 7–8 лет мальчик уже носил на поясе ножны с ножом, а позднее и другие предметы промыслового снаряжения [Алексеев, 1967, с. 52; 1988, с. 14–15]. Этот набор вместе с поясом служил ярким знаком мужской принадлежности.

Рис. 5. Кеты. Промысловый пояс с мешочком для огнива и других мелких вещей. МАЭ, № 6787–14 а, б, в, г.

Таким образом, в кетской культуре пояса выполняли очень важную функцию половой дифференциации, которая была тем более необходима, что традиционная одежда кетов в целом являлась сходной у женщин и мужчин.

Важно отметить также, что традиционным для кетов являлось низкое подпоясывание «по бедрам», с образованием небольшой пазухи [Алексеев 1967, с. 139; Долгих, 1934, с. 119; Народы Сибири, 1956, с. 229]. При этом одежда оказывалась несколько открытой на груди. Это хорошо видно на фотографиях, одна из которых (изображающая женскую одежду) помещена на рис. 1, а другая (изображающая мужскую) опубликована в статье Е.А. Алексеева «Техника изготовления одежды у кетов» [1970, с. 130, рис. 5].

Обские угры. В сравнении не только с кетами, пояса которых дают довольно четкую типологию, но и в целом по Западной Сибири пояса обских угров выделяются чрезвычайным разнообразием. Их конструкция и материал, так же как и способы ношения, имели столь значительное количество вариантов, что они не всегда укладываются в определенные типы. Очевидно, это было обусловлено особенностями формирования различных этнолокальных групп угров и возникшими в связи с этим существенными различиями в их одежде. Одежда хантов и манси в целом очень разнообразна, и для нее одинаково характерны как глухой, так и распашной типы. В XIX–XX вв. распашная одежда была более свойственна женщинам, но известно, что в прошлом ее носили и мужчины, у которых она дольше всего сохранялась в южных и восточных группах. У северных же хантов и манси мужчины уже давно и повсеместно перешли к глухой одежде, по-видимому, заимствованной ими у ненцев и коми-зырян в результате приспособления к суровым условиям Севера. В то же время женщины в северных группах продолжали неукоснительно пользоваться традиционной распашной одеждой, сохраняя ее самобытный крой, утраченный здесь в одежде мужчин.

Подобные изменения не могли не привести, с одной стороны, к заимствованию вместе с новыми формами одежды поясов новых типов, а с другой – и к некоторым отступлениям от принятых ранее норм подпоясывания. Очевидно, в этом и надо искать объяснения тому, что в различных группах с аналогичной одеждой даже одинаковые пояса могли носить по-разному, поэтому в литературе очень часто встречаются указания на какие-то исключения или несовпадения в правилах.

По-видимому, изначально ханты и манси, подобно кетам, надевали пояса только с верхней плечевой одеждой, а рубахи, а затем и платья, носили неподпоясанными. Но к XX в. четкость этой установки размывается, и в источниках появляются сообщения о ношении в той или иной угорской группе какой-либо верхней одежды без пояса или, наоборот, о подпоясывании рубах, в частности во время работы. Любопытно также не имеющее пока подходящего объяснения свидетельство о том, что нижнесосьвинские и обские манси носили всю одежду неподпоясанной и по этому признаку даже отделяли себя от других северо-мансийских групп [Федорова, 1994, с. 119–120, 184].

Наряду с отмеченным, известную долю сложности в изучение поясов обских угров привносит и то, что отдельные их группы по-разному обеспечены необходимыми сведениями. Собрание МАЭ содержит хантыйские пояса, привезенные преимущественно из северных (4 пояса), а также восточных (3 пояса) групп, которые лучше известны и по данным, опубликованным Н.Ф. Прытковой [1953] и Н.В. Лукиной [1985]. Менее известно о традиционных поясах южных хантов, так как к середине XIX в. они почти полностью перешли к ношению русской одежды. Данные по манси также ограничены. Опубликованные сведения, характеризующие в основном их северные группы [Федорова, 1994; 1978], в то время как о южных и западных манси данных почти нет, дополняются всего лишь одним мансийским поясом, хранящимся в коллекциях МАЭ.

Хантыйское (*антыв*) и мансийское (*энтап*) названия пояса, зафиксированные в ряде диалектных вариантов в разных группах этих народов, образованы, как считает Н.В. Лукина, от глагола *ант* «надеть» и имеют общий корень у всех обских угров, что свидетельствует о несомненной древности традиции ношения пояса в их среде [Лукина, 1985, с. 199]. Для обозначения определенных видов поясов нередко использовались дополнительные слова, которые будут приводиться во всех случаях, когда такая информация имеется.

По-видимому, самыми распространенными и встречавшимися повсеместно среди разных групп хантов и манси являлись тканые или плетеные пояса, называемые обычно опоясками. Носили их с распахной одеждой и женщины, и мужчины. Хантыйское название опоясок – *энтап-кель* [Соколова, 1972, с. 43], манси при их обозначении добавляли слово *квалыг* – «веревка, шнурок» [Федорова, 1994, с. 145]. Они представляли собой длинную – от 2,5 до 3,5 м – узорчатую ленту, с кистями на концах или без них. Будучи в целом однотипными, эти пояса варьировались по материалу и технике изготовления, а также по длине и ширине в зависимости от назначения.

Существовало три способа их изготовления, из которых два относятся к плетению, а третий – к ткачеству. Наиболее простой способ – плетение на руках, без всяких приспособлений. По сообщению У.Д. Сирелиуса, ручное плетение было распространено по рекам Конде, Иртышу и Васюгану [Сирелиус, 1906, с. 39], т.е. у южных и восточных хантов и у южных манси. Основа и уток на таких плетеных поясах перекрещивались по прямой линии. Нити основы делались из шерсти, а уток из конопли [Попов, 1955, с. 133]. На р. Аган (восточные ханты) носили плетеные пояса, изготовленные также из шпагата или кожаных ремешков, в которых поперечные полосы были окрашены отваром сосновой коры [Лукина, 1985, с. 50].

Вторым способом, известным у восточных хантов (по рекам Салыму и Ваху), было плетение поясов при помощи берда – специальной деревянной дощечки с отверстиями [Попов, 1955, с. 133–135]. И только на реке Салым зафиксировано тканье поясов на ткацких станках, служивших ранее для изготовления крапивного холста [Шульц, 1924, с. 181].

В остальных группах собственное изготовление опоясок не отмечено. Их покупали готовыми или делали из тесьмы фабричной работы. Умевшие

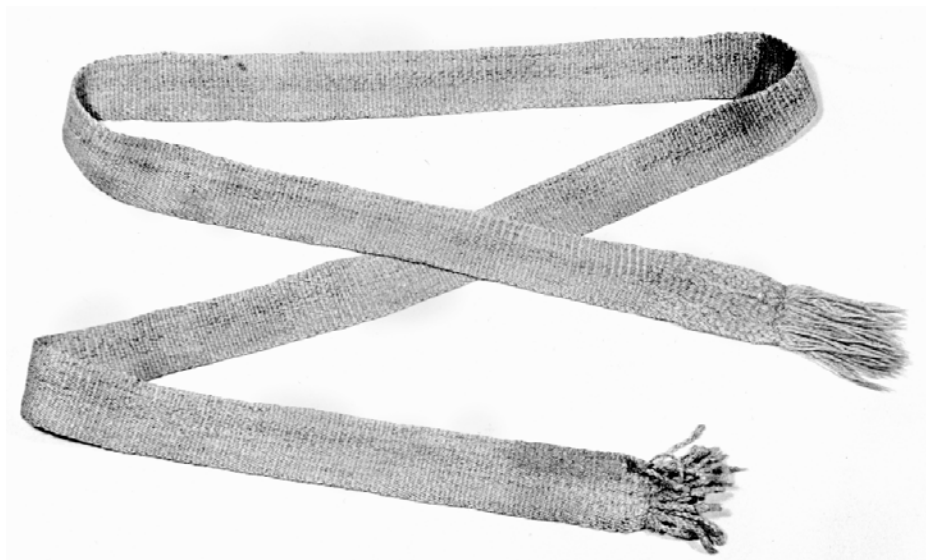

Рис. 6. Плетеный пояс восточных хантов (р. Салым). МАЭ, № 1965–17.

сами изготавливать опояски применяли для этого цветную шерстяную нить, которую получали у соседей, распуская, например, шерстяные вязаные чулки, купленные у коми [Жеребцов, 1982, с. 188], так как своего исходного материала – овечьей шерсти – у обских угров не было.

Основным тоном расцветки опоясок был красный, который встречался в сочетании с желтым или темно-синим. Для окрашивания пряжи пользовались растительными материалами: корневищем подмаренника окрашивали в красный цвет, а плауном – в желтый. Синюю краску приобретали в русских деревнях [Сирелиус, 1907, с. 46–47]. За счет переплетения цветных нитей пояса имели узорчатую фактуру. Орнамент геометрический, состоявший из полос, зигзагов, прямоугольников, чередующихся светлых и темных квадратов.

В среднем ширина опоясок составляла 6–10 см. Самые узкие, 1–3 см шириной, отмечены у хантов р. Агана [Лукина, 1985, с. 50], наиболее широкие, до 25 см, – у салымских хантов [Шульц, 1924, с. 181]. Любопытно, что и те, и другие являются восточными, дающими вообще наибольший разброс признаков.

На концах опоясок часто делали кисти из свободных нитей основы длиной около 10 см, а у восточных хантов отмечен и более сложный способ украшения, когда концы пояса обматывали шерстяными нитками и к ним прикрепляли вначале полосы ткани, расшитые бисером, а далее – полосы нанизанного бисера с металлическими ажурными бляшками на концах [Лукина, 1985, с. 50].

Никаких других украшений на опоясках не отмечено, очевидно потому, что для их декоративного убранства было достаточно цветной узорчатой фактуры самой основы и кистей нанизанного бисера с металлическими бляшками на концах.

Восточные ханты оборачивали опояски дважды или трижды вокруг туловища и при завязывании пояса оставляли свисающие концы. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины – и сзади, и спереди, а в бассейне р. Агана – сзади или сбоку [Там же, с. 49, 50]. Женщины у северных хантов завязывали пояса по-ненецки: пояс складывали вдвое таким образом, что на одном конце были кисти, а к другому прикреплялось медное кольцо, заменявшее собой пряжку. Концы пояса с кистями продевались сквозь кольцо, и пояс затягивался [Прыткова, 1953, с. 194–195].

Опояски имели универсальное распространение, их носили как с повседневной одеждой, так и с промысловой. В последнем случае к поясу подвешивали с правой стороны нож в ножнах, в том числе и женщины, когда они шли на промысел в тайгу, а под опояску затыкали топор и добытую пушнину [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 92, 102].

Если распашную одежду подпоясывали опоясками, то с одеждой глухого типа угры носили короткие твердые пояса из кожи или сукна. Ханты называли их *андап кель*, а манси – *суп менг энтап* [Соколова, 1972, с. 44; Федорова, 1978, с. 200].

Особенностью ношения таких поясов было низкое их повязывание с образованием на одежде в результате подпоясывания большого напуска-пазухи, который назывался по-хантыйски *мэлси-хыр* («мешок малицы») или *хэн хыр* («брюшной мешок»). Этот напуск использовался как вместительное для складывания мелких вещей – трубки, кисета с табаком, хлеба и пр. [Прыткова, 1953, с. 150–151]. В XIX – начале XX вв. одежда глухого типа была в употреблении у мужчин во всех группах обских угров, хотя и в разной степени. У северных хантов и манси глухой была вся мужская одежда

Рис.7. Северные (казымские) ханты. Мужчины в подпоясанной зимней одежде. МАЭ, № 2421–57.

(малица, парка и гусь), а у восточных хантов она использовалась наряду с распашной, чаще всего в качестве дорожной. Поэтому твердые пояса у хантов и манси повсеместно известны как мужские. Такой низко повязанный и богато украшенный пояс с многочисленными свисающими металлическими цепочками и подвесками был едва ли не единственным украшением и в то же время знаком достоинства мужчины [Перевалова, 1992, с. 90-91].

Информация о ношении твердых поясов женщинами встречается очень редко, скорее как исключение, и один из таких случаев относится к восточным хантам в районе р. Тромъегана. Здесь женщины носили их с двойными меховыми шубами [Лукина, 1985, с. 50].

Твердые пояса шили из цельной полосы кожи – покупной сыромятной (коровьей) либо лосиной, а также из ровдуги или позднее сукна, длиной по обхвату талии, а шириной у хантов приблизительно от 5 до 12 см, у манси – от 2 до 8 см. Более узкие пояса обычно не украшались и скреплялись костяными пряжками либо – позднее – завязывались спереди завязками или застегивались на пуговицу. Есть основания считать, что такие пояса мужчины носили преимущественно летом, в то время как зимой они пользовались широкими и богато украшенными поясами. Подтверждения этому встречаются как в музейной документации (например, хранящийся в МАЭ пояс № 2383–93 назван зимним, а № 2383–94 – летним), так и в литературе [Старцев, 1928, с. 29; Прыткова, 1953, с. 157]. И.Н. Шухов при описании казымской группы северных хантов в начале XX в. сообщал, что среди поясов у них различаются «два типа – летний и зимний. Летний делается из ремня, снабженного пряжкой из кости оленя, нож подвешен ремешками или цепочкой к поясу, ножны деревянные, в большинстве случаев без украшений, мешочек для бруска из кожи или замши. Зимний пояс делается из широкого кожаного ремня, обшитого сукном; весь пояс усажен медными пуговицами; ножны обделаны жостью или медью, мешочек для бруска вышит бисером» [Шухов, 1916, с. 48–49].

По характеру отделки широкие пояса можно разделить на три группы, как это следует из данных МАЭ и опубликованных в имеющейся литературе [Народы Севера Сибири..., 1986, с. 102–104, Приложение, 29, рис. XXIX, 2–6; Каталог этнографических коллекций..., 1979, с. 247; Федорова, 1994, с. 142]:

1) весь пояс снаружи покрывали сплошь рядами медных/латунных блях круглой формы или плоских металлических пуговиц, при этом нередко его основу предварительно обшивали красной тканью (ханты и манси);

2) по всей длине пояса прикрепляли ажурные металлические или костяные накладки (манси);

3) наружная сторона пояса украшалась тиснением в виде косой сетки, окрашивалась в бордовый цвет либо вообще не имела никакой отделки – характерно для хантыйских поясов шириной 5–6 см.

Особенности отделки и наличие двойных металлических пряжек позволяют отнести широкие твердые пояса с нашитыми на них бляшками или пуговицами к тому типу поясов, которые получили в литературе название наборных. Причисление к ним поясов с тиснением косой сеткой или вообще без отделки кожаного полотна основано на способе их крепления –

с использованием таких же пряжек, что и на поясах с накладками или пуговицами. У северных хантов и манси это были чаще всего латунные пряжки, подобные пряжкам на ненецких наборных поясах. Такая пряжка состояла из двух парных частей, прикрепляемых к разным концам пояса. На внутренней стороне одной из половин, обычно правой, имелся выступ подтрапецевидной формы, слегка загнутый внутрь наподобие крючка, которым цепляли вторую часть пряжки за отверстие в ней. Пряжки были прямоугольной формы, размерами 7 x 3, 9 x 5, 10 x 4, 11 x 6 см. Продольные стороны пряжек прямые, а торцевые (либо только одна из них) – фигурные, чаще всего в виде треугольника, заканчивающегося полукруглым выступом. Пряжки украшались прорезным орнаментом сердцевидного типа или в виде двух-трех прямоугольных отверстий.

Однако в прошлом на хантыйских и мансийских поясах вместо латунных использовались костяные пряжки прямоугольной формы двух типов: 1) с профилированными краями в виде фестонов или зубчатых выступов; 2) с прямыми краями, но украшенные концентрическими кругами с точкой в центре, полукругами и бордюрами из наколотых точек [Иванов, 1963, с. 56, 64]. Поэтому можно полагать, что старинные костяные пряжки обских угров были иного типа, чем латунные, аналогичные пряжкам ненцев и, вероятно, заимствованные у последних. Об этом же свидетельствует и сообщение об использовании в прошлом на мансийских поясах застежек с изображением лежащего медведя, отголоском чего является сохранившееся у манси до настоящего времени наименование медведя «застежечный зверь» [Чернецов, 1953, с. 227; Федорова, 1994, с. 143].

Кроме того, на некоторых хантыйских поясах зафиксированы круглые бляшки, украшенные насечным орнаментом в виде всадника на коне, цветов, звездочек и кругов [Народы Севера Сибири..., 1986, с. 104, Приложение, 29, рис. XXIX, 2–6], которые не встречались у ненцев. Можно полагать, что в этих изображениях отражались древние угорские представления о мифологическом солнечном божестве, являвшемся добрым посредником между верховным творцом Нуми-Торумом и людьми. Угры представляли его в виде всадника на коне и рядом с его изображением помещали солнце или звезды, подчеркивавшие небесное происхождение этого персонажа, бывшего персонификацией солнца [Чернецов, 1947, с. 18; Иванов, 1954, с. 52].

Таким образом, в угорских поясах встречаются как общие черты с наборными поясами ненцев (изготовление из сыромятной кожи, двойные металлические пряжки, использование наряду с ажурными накладками металлических пуговиц), так и некоторые специфические особенности (старинные костяные пряжки и круглые бляшки с изображением всадника). В литературе широко распространено мнение о появлении подобных поясов в зоне тайги от южно-сибирских кочевников на ранних этапах этнической истории, однако при ближайшем рассмотрении эта проблема оказывается намного сложнее, чем выглядит на первый взгляд. Очевидно, что ее изучение потребует значительных совместных усилий со стороны этнографов и археологов, и важным вкладом в эти исследования является специально посвященная этой теме статья Л.Р. Павлинской в настоящем сбор-

нике. Можно отметить одно важное обстоятельство, свидетельствующее о глубокой самобытности поясов данного типа в культурах хантов и манси. Имеется в виду известное фольклорное упоминание об использовании обшитого пуговицами пояса Нуми-Торума в акте мироздания. Мансийский миф (аналог которому есть и у хантов) повествует, как верховный дух Нуми-Торум укрепил (опоясал) поднятую со дна моря вертящуюся землю, опустив на нее свой пояс. «Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это земли самая середина» [Чернецов, 1935, с. 26].

Данный сюжет, повествующий о действиях демиурга, предпринятых им для укрепления оси не установившейся еще первоземли, несомненно, является очень архаичным и должен рассматриваться как подтверждение глубокой древности бытования в хантыйско-мансийской культурной среде поясов, обшитых пуговицами-бляшками. Учитывая их специфические особенности, это может говорить в пользу самобытной угорской линии развития поясов наборного типа, однако пока подобное предположение носит лишь предварительный характер.

Обязательной принадлежностью твердых поясов были нож в ножнах и кожаная или суконная сумочка с точильным бруском. Ножны подвешивались чаще справа, хотя встречалось и левостороннее их крепление, по-видимому, если человек был левшой, как, например, в случаях, изображенных на рис. 7 и 8. У северных хантов и манси, как и у ненцев, для подвешивания ножен использовали три-четыре цепочки (или ровдужных ремешка) различной длины, чтобы ножны висели горизонтально с небольшим наклоном, а рукоять ножа располагалась выше, чем клинок. Крайняя левая цепочка (или ремешок) крепилась непосредственно на пряжке или очень близко к ней, другие привязывались через отверстия в нижнем крае пояса.

В то же время в восточных и южных группах обских угров был распространен иной способ ношения ножа – в вертикальном положении. В этом случае своей верхней частью ножны подвешивались на ремешке к поясу, а в нижней части снабжались специальным сквозным отверстием, куда также продевался ремешок. При необходимости его обвязывали вокруг ноги, фиксируя ножны на бедре [МАЭ, №338–20 – манси; Прыткова, 1953, с. 160; Народы Сибири, 1956, с. 587; Чернецов, 1957, с. 159], подобно тому, как выше это было уже отмечено у кетов. По мнению Е.Г.Федоровой [1994, с. 221], такой способ крепления использовался для ножей, носимых на охотничьем поясе, так как нож в ножнах должен был как можно меньше мешать движению.

Встречались у манси и сдвоенные ножны (для двух ножей), которые вырезались из одного куска дерева или рога оленя. Они крепились к поясу при помощи двух цепочек и к ноге не привязывались [Федорова, 1994, с. 219, 221–222].

Наряду с ножом на поясе обязательно носили оселок (точильный брусок), имевший не только важное функциональное назначение, но и определенную символическую нагрузку, обусловленную представлениями о связи реального и потустороннего миров. У манси запрещалось передавать точильный брусок другому человеку, так как считалось, что в противном

Рис. 8. Ханты. Мужской пояс с пряжкой, ножнами и амулетом. МАЭ, № 5541–212.

случае эти люди уже не встретятся ни при жизни, ни после смерти [Там же, с. 144]. Ханты если и передавали его, в виде исключения, из рук в руки, то обязательно не с ладони, а с тыльной стороны руки [Дунин-Горкавич, 1904, с. 194]. Очевидно поэтому футляр для подвешивания оселка старались сделать особенно тщательно и нарядно. Его украшали металлическими бляшками, пуговицами, ремешками с нанизанными на них бусинами или сплошь покрывали бисером, как, например, экземпляр, привезенный в МАЭ от северных (казымских) хантов, расшитый бисером синего и белого цветов и обрамленный по краям бисерными пронизками (МАЭ, № 2383–95). Есть сведения, что в прошлом ажурные металлические или костяные накладки прикреплялись к поясу именно над местами подвешивания ножен и футляра для оселка, и лишь позднее они стали распределяться по всей длине пояса [Федорова, 1994, с. 142].

Пояс и сам по себе являлся местом ношения многочисленных и разнообразных подвесок, являвшихся не только и не столько украшениями, сколько охранителями-оберегами и вместилищами магической силы. Для их подвешивания по нижнему краю основы пояса делались специальные прорезы, в которые вставлялись цепочки или ремешки, украшенные трубчатými металлическими пронизками или крупными бусинами. На них и держались различные дополнительные предметы – бляхи, кольца, пуговицы, у детей часто колокольчики. В северных группах (в бассейне нижней Оби) отмечено подвешивание к поясу девяти изготовленных из желтого металла подвесок вытянутой формы, напоминавших собой фигуры птиц, которые равномерно распределялись по всей длине пояса [см. рис. в работе У. Сирелиуса, 1907, с. 63].

Очень часто сзади подвешивали зубы или когти различных животных: медведя, лося, лисицы. Так, на поясе, изображенном в работе У.Д. Сирелиуса [1907, с. 63], на цепочке прикреплен один медвежий клык, а хранящийся в МАЭ пояс содержит 17 зубов лисицы, которые нанизаны

двумя связками – в одной 6 и в другой 11 зубов. Вера в охранительную роль звериных зубов и когтей широко распространена в охотничье-промысловых культурах, и обские угры не являлись исключением. Так, в музейной документации к коллекции № 1710, хранящейся в Российском этнографическом музее, С.И. Руденко записана одна из мансийских трактовок, надевшая медвежьи клыки магической силой, охраняющей от боли в поянице [Федорова, 1978, с. 200].

Третий тип поясов, бытовавший у обских угров, – пояса из кожи, ровдуги или ткани, украшенные бисером. Для манси подобные пояса отмече-

Рис. 9. Ханты. Амулеты из 17 зубов лисицы на мужском поясе. МАЭ, № 5541–212.

ны как мужские. Обычно они обшивались поверх плотной основы красным или оранжевым сукном, на котором крепилась ажурная сетка из разноцветного бисера [Федорова, 1994, с. 142]. У хантов бисерные пояса носили также и женщины [Каталог этнографических коллекций..., 1979, с. 247, 264], причем отделка их заметно варьировала в различных группах, о чем можно судить, например, по материалам восточных хантов, собранным и опубликованным В.М. Кулемзиным и Н.В. Лукиной. Так, в васюганской группе женщины применяли для украшения поясов небольшое количество бисера, добавляя к нему цветные полоски ткани и металлические бляшки, подвесок при этом обычно не было. Пояса ваховских женщин богато расширялись бисером, который располагался в виде полосы из мелких ромбов. Они снабжались также большим количеством металлических подвесок с зооморфными изображениями и геометрическими фигурами. Такие пояса назывались *кочлэн-энтэв* («пояс с побрякушками»), и ими очень дорожили и передавали их по наследству [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 100].

В МАЭ хранятся два восточно-хантыйских пояса с бисерной отделкой, привезенные из сургутской и нарымской групп, при этом сургутский пояс назван в описи женским, что подтверждается и характером его подвесок, среди которых имеется трубчатый игольник. При некотором различии в оформлении оба этих пояса имеют общие признаки, позволяющие объединить их описания. Каждый представляет собой прямоугольную полосу, соответствующую своей длиной обхвату талии (72 и 83 см), при ширине 5 и

7,5 см. Оба имеют одинаковую застежку в виде двух металлических пуговиц, пришитых с левой стороны, и петель, расположенных справа. В одном случае петли прорезные, во втором – воздушные. По наружной стороне оба пояса орнаментированы цветным бисером.

Нарымский пояс изготовлен из ровдуги, сургутский (женский) – из фланели розового цвета с подкладом из черной материи. Край сургутского

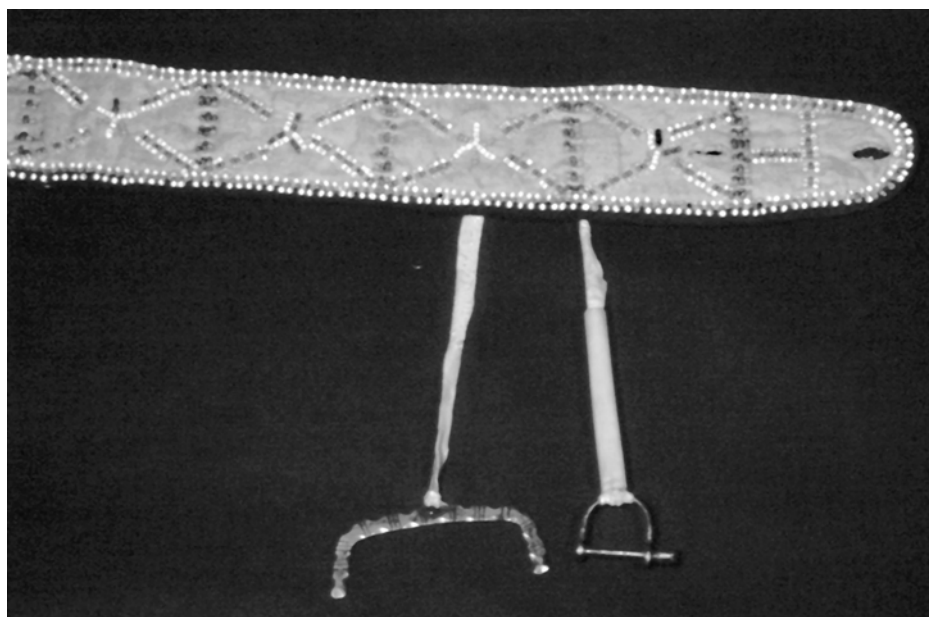

Рис. 10. Восточные (сургутские) ханты. Бисерный женский пояс. МАЭ, № 859–19.

закруглены, и спереди справа на нем прикреплены две подвески (трубчатый игольник и металлическая скоба), каждая на отдельном ремешке, пришитом с изнанки к нижнему краю пояса. Нарымский пояс украшен узкими продольными полосками темно-красной ткани, между которыми сгруппированы по две и по три штуки бисеринки белого, черного и синего цвета, а по краю каждой полосы проложен подшейный волос оленя, прихваченный мелкими стежками. Спереди на поясе слева и справа пришиты по две небольших провисающих нити с нанизанными на них бусинами и колечками для подвешивания предметов. На одном из колечек висит маленькая (3 x 4 см) ровдужная сумочка.

В этих поясах прослеживается много нехарактерных для хантов и манси особенностей: 1) способ крепления – застежка на две пуговицы; 2) закругленные края одного из поясов; 3) крепление подвесок на ремешках, пришитых с изнанки к нижнему краю пояса, а не вставленных в специальные прорезы; 4) провисающие петли с бусинами и колечками; 5) использование в декоративной отделке подшейного волоса оленя; 6) нехарактерные для обских угров подвески – скоба и игольник.

Первые пять особенностей связывают рассматриваемые пояса с кетскими. Некоторые из них присущи и эвенкам, но в полном комплекте ха-

рактены именно для кетов. Шестой же признак – подвески в виде скобы и игольника – напоминает больше о тунгусской традиции. По данным Н.В. Лукиной, хантыйские женщины не прикрепляли игольники к поясу, а хранили их в сумке или коробке со швейными принадлежностями [1985, с. 199], в то время как эвенкийские женщины обязательно носили игольник на поясе. Металлическая скоба – это не что иное, как старинное тунгусское огниво, очень ценимое эвенками и эвенами в качестве украшения одежды (см. аналогичное украшение на одежде эвенов – МАЭ, № 445–6/2). Точно такая скоба изображена в работе У.Д. Сирелиуса, где она подвешена к швейной подушечке с Васюгана и про нее сказано: «железная, тунгузской работы дужка» [Сирелиус, 1906, с. 29, рис. 41].

Как видим, названные особенности больше присущи кетским, а частично и эвенкийским поясам. У восточных хантов они могут быть отнесены на счет сравнительно поздних кетско-эвенкийских заимствований, произошедших, скорее всего, путем смешанных браков. Свидетельство Н.В. Лукиной о том, что женщины у восточных хантов часто носили пояса ниже талии [1985, с. 197], также говорит в пользу влияния кетов, повязывавших пояс низко по бедрам. Однако следует иметь в виду, что сходство этой традиции может быть и отражением каких-то общих явлений более древнего происхождения, в значительной степени присутствующих в культурах кетов и восточных хантов, что неоднократно отмечалось исследователями этих народов [Алексеев, 1980; 1986; Лукина, 1985].

Выделение бисерных поясов обских угров (в первую очередь хантов, так как данные по манси слишком фрагментарны) в отдельный тип обусловлено не только характером их отделки – с использованием бисера, но еще и способом застежки – при помощи завязок или пуговиц. Следовательно, по этому признаку они также отличаются от широких кожаных поясов наборного типа с парными металлическими пряжками.

Четвертый тип поясов, встречающийся у обских угров, – это мягкие матерчатые пояса, представлявшие собой длинные (до 3–4 м) широкие полосы из ткани и сукна. В МАЭ нет поясов данного типа, поэтому воспользуемся описанием Н.В. Лукиной, зафиксировавшей два варианта подобных поясов у восточных хантов [Лукина, 1985, с. 49–50].

Первый вариант, известный только как женский пояс, представляет собой две полосы яркого сукна шириной 15 см и длиной около 150 см каждая, соединенных между собой полосой хлопчатобумажной ткани, которая составляется из кусков разных расцветок. При этом общая длина пояса составляет от 3 до 4 м. Пояс оставляли неподшитым либо окантовывали узкой полоской контрастной по цвету ткани. Поясом обертывались трижды и завязывали его сзади, прикрывая хлопчатобумажную вставку и оставляя длинные концы. Женщины стремились иметь несколько поясов разных цветов.

Другой вариант известен как мужской и как женский. Это необшитая полоса хлопчатобумажной ткани, которой обертывались дважды и завязывали, оставляя свисающие концы, но более короткие, чем у суконных поясов. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины сзади или спереди.

Такие пояса среди обских угров в обозримый период времени отмечены лишь у восточных хантов, причем здесь они были наиболее распространенными [Лукина, 1985, с. 49, 196]. Однако И. Идес в своей работе, написанной по материалам конца XVII в., опубликовал изображение вогула (манси) в одежде, подпоясанной мягким матерчатым поясом [Идес, Бранд, 1967]. Кроме того, аналогичные пояса были зафиксированы В.Н. Чернецовым у северных хантов и манси в качестве обрядовых, надеваемых во время медвежьего праздника [Чернецов, 1974]. Следовательно, можно считать, что этот тип поясов в прошлом широко присутствовал в культуре всех обских угров.

Итак, имеющиеся данные по поясам обских угров позволяют выделить у них четыре основных типа: 1) тканые или плетеные (опояски), 2) твердые короткие из кожи или сукна, с накладками или пуговицами (наборного типа), 3) твердые короткие из кожи, ровдуги или сукна, украшенные бисером, 4) мягкие матерчатые в виде длинных и широких полос ткани.

Ранее в литературе предлагалось выделять у хантов три типа поясов [Лукина, 1985, с. 195], а у манси – два типа [Федорова, 1994, с. 141]. Такие расхождения обусловлены, прежде всего, разными подходами к анализируемому материалу. Так, в двух типах, выделенных у манси, не учитываются вышедшие у них из повседневного употребления мягкие матерчатые пояса. А пояса, отделанные бисером, авторы обеих работ считают возможным относить к широким твердым поясам, обшитым пуговицами-бляшками, объединяя их, таким образом, с наборными.

Но такая оценка правомерна лишь при диахронном подходе к материалу, когда бисерные пояса считаются поздней модификацией наборных, в которых произошло вытеснение и замена металлических нашивок новыми материалами. При этом не учитывается, что бисерные пояса, как правило, крепились посредством завязок или пуговиц, т.е. не имели двойных металлических пряжек, поэтому отличия заключаются не только в характере гарнитуры, но и в способах застегивки. В связи с этим, на наш взгляд, существует больше оснований для выделения бисерных поясов в качестве отдельного типа, независимо от того, явились они следствием упрощения наборных поясов в условиях Северной Сибири или самостоятельно сложились в зоне тайги на базе обычных кожаных поясов путем внесения в их отделку бисерных украшений.

Ненцы. В связи с тем, что у ненцев мужчины и женщины носили пояса разных типов, возможно, из-за того, что их плечевая одежда четко разделялась по половой принадлежности (у мужчин она была глухого покроя, а у женщин – распахнутого), удобнее рассматривать мужские и женские пояса отдельно.

Мужские пояса. Мужчины имели несколько видов глухой одежды – малицу, парку, совик, надевавшиеся последовательно один на другой, в зависимости от обстоятельств и температуры окружающего воздуха. Из всех видов этой верхней плечевой одежды лишь малицу надевали непосредственно на тело, и только ее и подпоясывали, образуя при этом напуск, игравший роль своеобразного кармана, где держали кисет с табаком, труб-

ку и прочие мелочи. Свободный покрой малицы позволял ненцу, не снимая одежды, вынуть руки из рукавов и набить, например, под малицей трубку [Хомич, 1966, с. 117]. Длинной малицу шили ниже колен, но подпоясывание с большим напуском при необходимости легко укорачивало ее, делая едва достигающей колен.

Кожанный пояс *ни*, украшенный металлическими накладками, был обязательным атрибутом мужской одежды во всех ненецких группах – в

Рис 11. Ненцы. Подпоясывание с напуском мужской одежды. МАЭ, № И-1162-51.

западных и восточных районах расселения, у тундровых и лесных ненцев. Мужчины носили его в любое время года – и с зимними малицами, сшитыми из толстого меха, и с летними, материалом для которых служил тонкий выношенный мех или сукно. При этом летом пояса уменьшали при помощи двух костяных пуговиц и кожаного ремешка, а на зиму опять распускали [Гарин, 1991, с. 51].

Кожаную основу пояса изготавливали из сыромятной коровьей кожи, которую вырезали шириной от 5 до 9 см и длиной чуть больше обхвата талии (90–100 см), с учетом толщины зимней малицы. На наружной поверхности прикрепляли литые медные бляхи с резным орнаментом, имевшие вид фигурного овала,

обычно листовидной формы, около 5 см высотой. Они распределялись на расстоянии друг от друга, и количество их могло быть различным, но обязательно нечетным (3–9). В нижней части они имели от одного до трех сквозных отверстий, используемых для подвешивания необходимых предметов. Часто между кожаной основой пояса и металлическими накладками прокладывали сукно красного цвета, придававшее поясу дополнительную яркость.

Застегивали пояс при помощи массивной, отлитой из меди пряжки *ни мара*, состоящей из двух почти одинаковых половин, каждая размером в среднем 5 x 10 см, крепившихся на концах пояса. Различались они только тем, что к правой был припаян с внутренней стороны плоский крючок, а на левой имелись отверстия для него, обычно три прямоугольных прорези, служившие петлями. Гордость ненцев за свои поясные пряжки отражена в

их загадке «раз закрепил – никогда не отпустит» [Вербов, 1937, с. 24]. Пряжки украшали ажурным сердцевидным орнаментом, часто покрывая их поверхность гравировкой в виде рядов мелких зигзагов.

Металлическая отделка мужских ненецких поясов интересна с нескольких точек зрения. По линии художественного оформления она обращает

Рис. 12. Ненцы. Мужской пояс с металлическими накладками. МАЭ, № 979–37.

на себя внимание тем, что благодаря такой отделке пояса резко выделялись на фоне меховой одежды и производили сильное впечатление своим декоративным убранством. С точки зрения типологии, использование в этих поясах металлических элементов – накладок и пряжек для застегивания – позволяет относить их к поясам наборного типа. В этнокультурном же аспекте они крайне любопытны для исследования ранних этапов этногенеза и этнической истории не только ненцев, но и в целом самодийских, а также угорских народов. Л.В. Хомич, известный специалист по языку и культуре ненцев, считала возможным говорить о сходстве ненецких и древнетюркских наборных поясов [1983, с. 36–37; 1984, с. 18], что, по-видимому, должно быть принято пока лишь как самое общее и предварительное суждение, требующее специальных исследований с привлечением дополнительных материалов.

Ненецкие пояса наборного типа имеют несколько любопытных особенностей, очевидно, отражающих какие-то этапы их развития. Во-первых, будучи оленеводами, ненцы изготавливали их не из оленьих шкур, а из коровьей кожи, получая этот материал у соседних русских и коми, с которыми у них издавна сложились обменные и торговые связи. Влияло, главным образом, то, что коровья шкура, в отличие от оленьей, не намокает, не разбухает, не тянется, а также и не пересыхает [Гарин, 1991, с. 51]. Во-вторых, не менее важно отметить, что металлические части поясов изготавливались не ненцами, а мастерами других национальностей (русскими, коми), но ненцы при заказе давали им свои образцы или выбирали из готовых изделия определенного вида [Иванов, 1970, с. 69–70].

В отдельных случаях на поясах были аналогичные медным бляхи из оленьего рога, которые изготавливали сами ненцы.

По данным Л.В. Хомич, фольклорные материалы свидетельствуют о том, что традиция украшать одежду медными подвесками и бляхами суще-

ствовала в далеком прошлом у предков ненцев [Хомич, 1976, с. 145]. Поэтому можно считать накладки из оленьего рога более поздними, выступающими в качестве заменителей металлических. К началу XX в. металлические и роговые бляхи у ненцев стали редкостью, вместо них на полотно пояса стали нашивать, подобно хантам и манси, металлические пуговицы в 2–3 ряда, так что они полностью закрывали всю наружную поверхность пояса.

Мужчины прикрепляли к поясу ножны с ножом и кожаный чехол с точильным бруском. Ножны подвешивались на двух–трех цепочках или ремешках, которые привязывались через отверстия в поясе или к ушкам литых накладок. Ножны

Рис. 13. Ненцы. Поясная накладка из оленьего рога. МАЭ, № 4588–2.

Рис. 14. Ненцы. Мужской пояс с металлическими пуговицами. МАЭ, № 979–38.

большие, 25–27 см длиной, деревянные, обтянутые кожей. Часто их охватывали поперек медными полосками или целиком обивали листовой латунью. Встречались и достаточно редкие и необычайно красивые экземпляры, выполненные из бивня мамонта.

Цепочки для подвешивания ножен делали разной длины, от 10 до 30 см. Передняя цепочка была примерно вдвое длиннее задней, благодаря чему

Рис. 15. Ненцы. Мужской пояс с ножом в ножнах и двумя амулетами – зубом волка и зубом белого медведя. МАЭ, № 4589–1.

ножны висели на бедре наклонно, под углом, и рукоятка ножа была направлена вверх и назад.

На музейных экземплярах ножны крепятся с разных сторон: и справа, и слева. В работе Л.В. Хомич имеется прямое указание на то, что нож прикреплялся слева [1983, с. 36]. В то же время современная традиция (а пояса до сих пор остаются непременной принадлежностью мужской одежды ненцев) отдает предпочтение правостороннему ношению ножен, чему, в частности, приводится следующее любопытное объяснение: «Дело в том, что ненецкий оленевод садится на нарты с левой стороны. Правую ногу он закидывает на нарту, а левой опирается на полоз. <...> Таким образом, нож, находясь с правой стороны пояса, как бы покоится на нарте, а не болтается. Это предохраняет его при езде от ударов о ветки и других механических повреждений. Ножны не забиваются снегом, нож из них не выпадет и не потеряется [Гарин, 1991, с. 50].

Рис. 16. Ненцы. Подвешивание на поясе ножа в ножнах. Вид сзади. МАЭ, № И-1162–62.

Точильный брусок, имеющий форму вытянутого прямоугольника, помещали в специальный чехол, сшитый в виде небольшого карманчика из двух одинаковых кусков кожи, который часто украшали металлом, окаймляли по краям медными полосами, обшивали пуговицами и цепочками.

Как и угры, ненцы подвешивали сзади на поясе зубы белого медведя и волка, считавшиеся сильными оберегами. Верили, что они обеспечивают защиту от злых духов, излечивают от болей в спине и содействуют успеш-

Рис. 17. Ненцы. Подвешивание на поясе чехла для точильного камня.
МАЭ, № 4589-1.

ному промыслу зверя [МАЭ. Опись колл. № 979. Собиратель и регистратор А.В. Журавский; Хомич, 1983, с. 36–37].

У восточных (енисейских) ненцев, называемых еще юраками, наряду с рассмотренными выше поясами с металлическими накладками были распространены кожаные пояса, расшитые бисером. Судя по документации со-

Рис. 18. Ненцы. Ношение на поясе амулета
(медвежий клык). Вид со спины.
МАЭ, № И-1162-47.

бирателей коллекций МАЭ (№ 1528-3; 2142-4), они назывались как общенецким словом *ни*, так и отличным от него термином *падер*. Шириной около 7 см, длиной 90 см, эти пояса были обшиты снаружи красным сукном и, подобно вышеописанным наборным поясам, снабжены ажурными медными пряжками, но в отличие от них не

имели металлических накладок. Наружная их сторона поверх красного сукна украшалась бисерной сеточкой с размером ячеей около 1 см. Цвета бисера – черный, белый, голубой и прозрачный.

Для ненцев употребление бисера считается нехарактерным, в то время как их соседи, угры и эвенки, чаще других северян пользовались этим материалом. На одном из музейных ненецких экземпляров такого типа под-

Рис. 19. Восточные (енисейские) ненцы (юраки). Мужской кожаный пояс, расшитый бисером. МАЭ, № 1528–3.

вешена кожаная сумочка, также расшитая бисером. Форма ее напоминает эвенкийские сумочки – в виде плоского карманчика округлой формы, полностью закрываемого клапаном.

Учитывая то, что бисерные пояса юраков привезены в МАЭ из Туруханского края, где ненцы имели давние и регулярные контакты с эвенками, особенность их отделки может быть объяснена тунгусским влиянием. Подобный вывод относительно происхождения чужих элементов в одежде ненцев был сделан ранее и Н.Ф. Прытковой, считавшей, что они могли «явиться результатом брачных связей с женщинами других народов, в частности тунгусов и хантов» [Прыткова, 1970, с. 94]. В то же время это не противоречит и общей тенденции, известной по разным регионам Северной Сибири, заключающейся в постепенной замене металлических бляшек на кожаных поясах бисерной отделкой.

Рис. 20. Восточные (енисейские) ненцы (юраки). Расшитый бисером пояс с подвешенной к нему сумочкой. МАЭ, № 2142–4.

Женские пояса. Женская одежда ненцев, в отличие от мужской, была распашной. При надевании ее правая пола слегка заходила на левую, и одежда туго подпоясывалась.

Назывались женские пояса, как и мужские, *ни*, но сильно от них отличались. Женские пояса были плетеными из крашеной в разные цвета овечьей шерсти или гаруса. Ненцы не владели техникой их изготовления и пользовались, как ханты и манси, поясами русской или коми-зырянской работы. Пояс представлял собой узкую (2–2,5 см) и длинную полосу с бахромой на концах, изготовленную простым переплетением нитей.

Рис. 21а. Ненецкая женщина в подпоясанной одежде. МАЭ, № И-1832-53.

Рис. 216. Ненецкая женщина в подпоясанной одежде. МАЭ, № И-1832-53.

Рис. 22. Ненцы. Женский плетеный пояс с медной пряжкой. МАЭ, № 979–36.

Ближе к одному из концов пояса пришивали медную пряжку, имевшую форму кольца. С двух боковых сторон такие пряжки-кольца имели по паре сквозных отверстий, через которые пропускались ремешки, крепившие пряжку на поясе. При надевании пояс складывали вдвое. Более длинный конец продевали в кольцо, и оба конца связывали вместе [Хомич, 1966, с. 126].

Такие специфические пряжки-кольца фиксируются на ненецких женских поясах еще в XVIII в. [Зуев, 1947, с. 28]. Диаметр их достигал в отдельных случаях 16 см (МАЭ, № 1147–33). В середине кольца могло быть несколько пар параллельных перекладин или зооморфный рисунок – фигура животного, обычно оленя.

Рис. 23. Ненецкие женщины, подпоясанные поясами с большими медными пряжками. МАЭ, № 2426–22.

Плетеные пояса ненецкие женщины носили без подвесок, т.е. они служили исключительно для подпоясывания одежды.

Лесные ненцы (населявшие, в отличие от основной, тундровой части этноса, небольшой участок таежной зоны) обладали рядом хозяйственно-

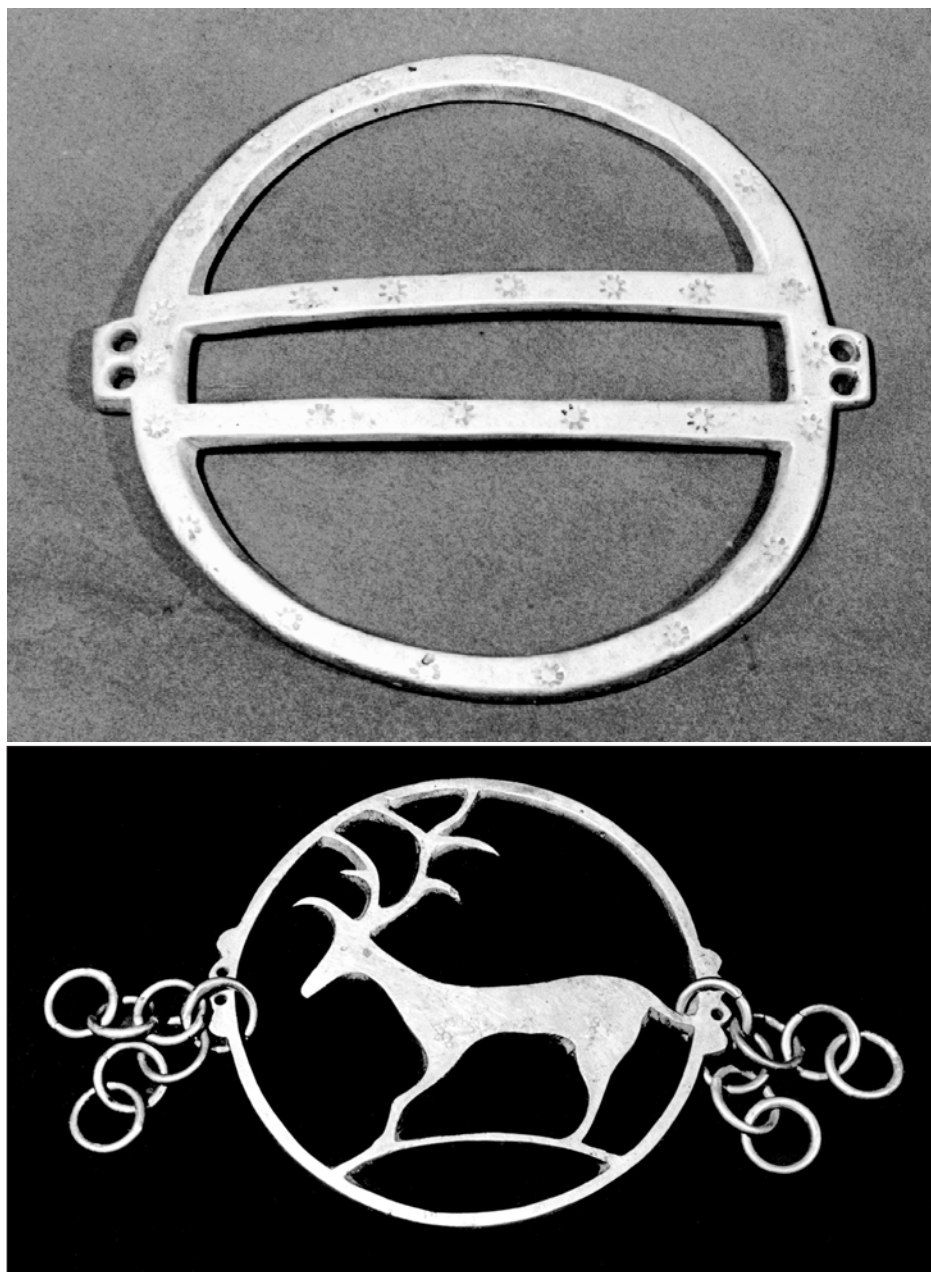

Рис. 24. Большие медные пряжки с ненецких женских поясов.
МАЭ, № 979-35; 1147-33.

культурных особенностей. У них прослеживаются также и некоторые отличия в поясах, касающиеся прежде всего женских поясов, в то время как мужчины подпоясывались такими же кожаными поясами с накладками, как и тундровые ненцы. Пояса женщин были более разнообразными, и среди них можно выделить четыре типа: 1) плетеные из разноцветных ниток пояса, 2) твердые кожаные с прикрепленными к ним металлическими пуговицами (наборного типа), 3) твердые кожаные, украшенные бисером, 4) ровдужные, узкие и длинные [Карапетова, 1983, с. 48].

Здесь обращают на себя внимание два момента: во-первых, то, что женщины носили мужские пояса наборного типа, и во-вторых, – что встречались пояса, не отмеченные у тундровых ненцев. Последние имели и специальные названия *ним-видья* или *нивия* [Там же]. По описанию Н.Ф. Прытковой, «это были просто полосы, отрезанные от шкуры с шерстью, или же полосы ровдуги; длиной их делали от полутора до двух с лишним метров» [Прыткова, 1970, с. 39]. Такая длина при отсутствии дополнительных разъяснений о способе крепления предполагает самый простой его прием – путем завязывания длинных концов на узел, что еще больше подчеркивает архаику данных поясов, имеющих, по-видимому, очень древнее происхождение и размытую степень этничности. Показательно, что подобные пояса отмечены именно в женской одежде, которая, как известно, дольше всего сохраняет в себе ранние формы.

Четкое разделение поясов по половому признаку соблюдалось у ненцев и в одежде детей, которые носили их с раннего детства. У девочек это были плетеные пояса, как изображено, например, на фотографии в книге Л.В. Хомич [1966, с. 291, рис. 24]. Нередко они снабжались также круглыми пряжками-кольцами, о чем свидетельствуют музейные экземпляры (МАЭ, № 1155–13). Мальчики лет с пяти надевали кожаный пояс с бляшками, который каждый отец изготавливал своему сыну. По достижению 14–15 лет юноша сам делал себе такой пояс на всю оставшуюся жизнь [Гарин, 1991, с. 51].

Резюмируя материал по ненецким поясам, отметим следующее. Основная, тундровая, часть ненцев дает четкое деление поясов по половому признаку, обусловленное, по всей видимости, различием в типах одежды у мужчин (глухого покроя) и женщин (распашного покроя). Каждому из этих покровов соответствовал и свой тип пояса. У мужчин – твердые кожаные пояса с накладками или пуговицами (так называемые наборные), у женщин – длинные плетеные пояса (из разноцветных ниток) с пряжкой в виде большого металлического кольца.

В этнолокальных ненецких группах фиксируется отступление от четкости этой основной схемы. Так, мужчины-юраки, помимо наборных поясов, носили также пояса, отделанные бисером, а женщины у лесных ненцев подпоясывали свою одежду как женскими (плетеными), так и мужскими (наборными и бисерными) поясами, а также поясами в виде длинной узкой ленты, вырезанной из простого куска шкуры или ровдуги.

Нганасаны и энцы. Пояса энцев в МАЭ отсутствуют, не найдено о них и упоминаний в литературе. Лесные энцы одевались по-ненецки

[Прыткова, 1970, с. 48], поэтому, скорее всего, для них были характерны пояса ненецкого типа. Относительно тундровых энцев можно исходить из положения о том, что их одежда по форме и покрою даже в деталях совершенно совпадала с одеждой нганасан [Долгих, 1952, с. 8; Прыткова, 1970, с. 48; Народы Сибири, 1956, с. 662]. И в музейной документации принадлежность многих предметов, относящихся к концу XIX в., в том числе и поясов, нередко охарактеризована как «самоеды (нганасаны или энцы)». Так, например, их определяет К.М. Рычков в описании собранной им в 1908 г. коллекции (МАЭ, № 1347). Это позволяет объединить описание поясов тундровых энцев и нганасан, но при этом следует помнить, что основывается оно на рассмотрении, прежде всего, нганасанского материала, представленного в коллекциях МАЭ девятью поясами, из которых пять являются нижними мужскими и четыре – наружными ритуальными.

Традиция ношения пояса у нганасан имела две специфические особенности, выделяющие их среди других народов Севера. Во-первых, пояса отсутствовали в повседневной верхней одежде, но входили в состав обрядовой (погребальной), и, во-вторых, внутренние пояса были обязательной составной частью нижней одежды мужчин, в то время как женщины их не носили, но при этом в женской нижней одежде сохранялся своеобразный рудимент пояса.

Нижний (внутренний) пояс, надевавшийся мужчинами поверх меховых натазников, назывался нганасанами *tula* [Попов, 1948, с. 110]. Но в музейной документации к коллекции № 1347, не разделяющей нганасан и энцев, ее собирателем К.М. Рычковым записан иной термин *сакыче* (№ 1347–63, 64, 73). Не исключено, что он принадлежал энцам. Такой пояс имел вид узкой ленты, 1–2 см шириной, вырезанной из кожи или замши. Основную часть пояса составляла полоса длиной около 65–75 см, к обоим концам которой прикреплялось по одному металлическому, обычно медному, кольцу. На одном из этих колец, правом или левом, петлей закреплялся ремешок, два длинных конца которого привязывали к кольцу на противоположном конце пояса, стягивая, таким образом, пояс до нужного размера.

Встречался и несколько иной способ застежки, когда дополнительные ремешки крепились к обоим кольцам пояса (МАЭ, № 1347–64). В XX в. эти традиционные способы крепления стали вытесняться пуговицей с петлей или металлической пряжкой.

Полотно нижних поясов не украшалось, кольца также представляли собой, как правило, простые металлические кругляшки. Но на некоторых экземплярах встречаются кольца и более сложной конструкции, например, в виде плоской круглой пластинки с девятью ажурными отверстиями, на которых крепились подвески (МАЭ, № 1347–64). Можно предполагать, что подобные кольца повторяют какую-то исходную древнюю форму, тем более что аналогичные металлические пластины встречаются на поясах, входивших в комплект обрядовой, так называемой танцевальной или погребальной одежды нганасан (МАЭ, № 1346–60).

К кольцам своих нижних поясов мужчины привязывали ремешками голенища высокой (на всю длину ноги) обуви и прикрепляли подвески.

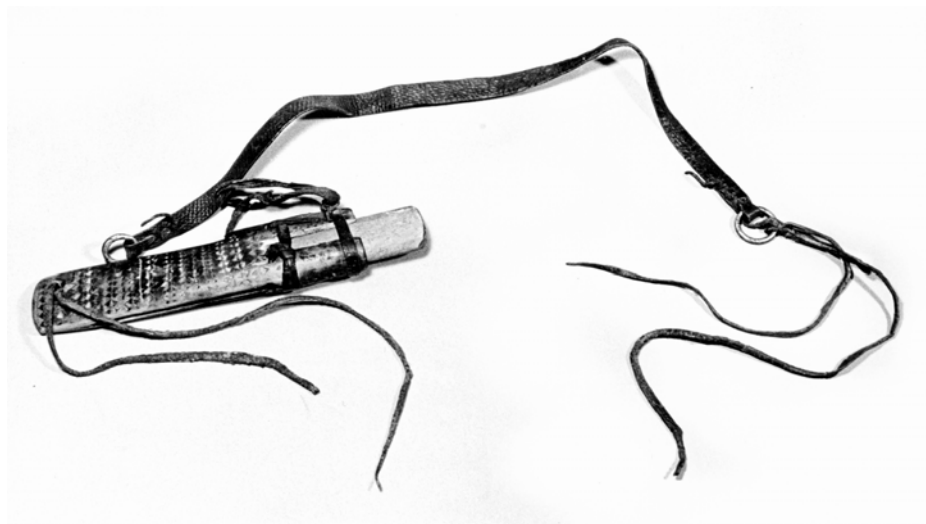

Рис. 25. Нганасаны. Мужской пояс с ножом в ножнах и ремешками для подвязывания ножен к бедру. МАЭ, № 4334–10.

Полный набор подвешиваемых к поясу предметов состоял из ножен с ножом и курительных принадлежностей: трубки в чехле, трутницы, огнива, кисета и железного крючка – «ковырялки» для очистки трубки от нагара. Иногда на поясе носили и амулет, зашитый в миниатюрный чехольчик, который должен был охранять от болезней (МАЭ, № 1347–64).

Местоположение курительных принадлежностей на поясе сильно варьировало – их крепили как на левом, так и на правом кольце, располагая в разной последовательности. Ножны носили, как правило, с левой стороны [Попов, 1948, с. 110], подвешивая за их верхний край на одном коротком, в несколько сантиметров, ремешке, т.е. располагали их в вертикальном положении очень близко к полотну пояса. Рядом с ножнами обычно висел кожаный футляр с длинной курительной трубкой. В нижней части ножны и футляр для трубки соединялись узким ремешком, предназначенным также специально для привязывания их к ноге, чтобы не мешали при движении.

Женщины подобных поясов не носили, так как их нижняя одежда – ровдужный или меховой комбинезон – и способ прикрепления к ней обуви были иного типа, чем у мужчин. Женская обувь имела более короткие голенища (немного выше колен), верхние концы которых покрывались концами штанин комбинезона и туго затягивались под коленом. Однако на женском комбинезоне присутствовала одна деталь, называвшаяся у нганасан *nieja-nieje*, у энцев *niojo-niei jo* [Прыткова, 1970, с. 72], которую можно рассматривать в качестве рудимента нижнего пояса. Спереди по линии расположения пупка к комбинезону пришивалась ровдужная полоска, снабженная посередине прямоугольным кусочком тонкой ровдуги, нарезанной по нижнему краю в виде бахромы. На некоторых комбинезонах эта полоска имела длинные концы, которые завязывались сзади на спине, и в этом

случае она опоясывала стан женщины поверх комбинезона примерно по линии бедер (см. фото комбинезонов, хранящихся в МАЭ, № 5657–23, 26, 27, 28, опубликованных в [Прыткова, 1970, с. 69, 70, 71, 72, рис. 45, 46, 47, 48]). Очевидно, эту деталь женской одежды нганасан можно считать очень архаическим типом пояса, основное назначение которого было связано с магической защитой точки пупа, осмысляемой во всех традиционных культурах как средоточие жизни и телесный центр человека.

С верхней повседневной одеждой нганасаны поясов не носили, но есть основания полагать, что в отдаленном прошлом подпоясывание верхней одежды входило в их обы-

Рис. 26. Нганасанский мальчик с поясом и ножнами, привязанными к ноге. МАЭ, № И-2003–47.

чай и у мужчин, и у женщин. Косвенные свидетельства этому имеются в ритуальном костюме, который обычно сохраняет наиболее древние элементы. Специальная обрядовая одежда нганасан *тангака лу*, букв. «суконная одежда» (в связи с тем, что ее шили из цветных сукон [Прыткова, 1970, с. 57, 59]), изготавливалась для каждого юноши и девушки с достижением ими совершеннолетия [Попов, 1948, с. 116]. В литературе за такой одеждой закрепилось название праздничной, танцевальной и погребальной, поскольку она предназначалась исключительно для весеннего обряда Аны'одялы, праздника Чистого чума, а также использования в качестве свадебной и погребальной. С прекращением празднования обрядов Аны'одялы и Чистого чума тангака лу стала применяться нганасанами только как погребальная [Грачева, 1983, с. 81–83]. Для этой одежды и у мужчин, и у женщин имелся пояс, который, по свидетельству Г.Н. Грачевой, расшивался бисером или украшался металлическими накладками. «Концы пояса завязывались спереди ровдужным ремешком. Никакая другая одежда подобного пояса не имела» [Там же, с. 80].

Такая особенность, не встречающая аналогий у других народов Сибири, включает в себе много загадочного и до сих пор не находит у исследователей какого-либо приемлемого объяснения. Несомненно только, что ре-

шение этого вопроса сопряжено с двумя большими историко-этнографическими проблемами: во-первых, формирования самих нганасан, во-вторых, трансформации традиционной самодийской одежды, южной по происхождению, в условиях Крайнего Севера. На рубеже XIX–XX вв. плечевая одежда нганасан и тундровых энцев четко разделялась по половому признаку: у мужчин она была глухой, а у женщин – распашной. При этом по покрою и оформлению мужская и женская одежда совершенно совпадали друг с другом. И, кроме того, в глухой мужской одежде исследователи отмечают «явные черты распашной одежды (шов спереди)» [Прыткова, 1970, с. 54, 57], следовательно, в какие-то отдаленные времена у мужчин она тоже была распашной.

Эти различия сохранялись и в погребальной одежде, крой которой совпадал с повседневными образцами, т.е. женщин хоронили в распашной одежде, а мужчин – в глухой, что идет вразрез с общим положением, характерным для народов Севера, когда в качестве погребальной использовали свою старинную одежду. Так, северные ханты, у которых мужчины перешли к ношению одежды глухого типа, хоронили мужчин в «женских» (распашных) шубах [Прыткова, 1953, с. 143].

Но у нганасан происходит иначе. У них погребальной мужской одеждой становится «новая», трансформированная, глухая. И, кроме того, всю погребальную одежду, независимо от того, мужская она или женская, нганасаны шьют из нового для них материала – цветного сукна, которое, очевидно, вытесняет здесь использовавшиеся до этого шкуры [Прыткова, 1970, с. 59]. Подобные отступления от общего для северно-сибирских народов правила остаются пока неясными для нас, но, очевидно, что ситуация с поясами должна быть с ними как-то сопряжена. И здесь возможны два варианта. Либо пояса сохраняются в ритуальной одежде как элемент прежней, некогда существовавшей традиции, утерянной со временем в повседневном костюме, либо, наоборот, они добавляются в погребальный комплект в качестве нового явления, воспринятого на более позднем этапе этнокультурного развития. В пользу первого предположения говорит название *нида*, зафиксированное для ритуального пояса нганасан (МАЭ, опись № 6781–9, собиратель и регистратор Г.Н. Грачева), в чем угадывается самодийская основа, сопоставимая с ненецким названием пояса *ни*.

Посмотрим в связи с этим, что дают нам другие виды обрядовой одежды, прежде всего шаманские костюмы, а также одеяния на культовых фигурках – вместилищах духов. Очень показательно, что здесь интересующие нас данные начинают различаться по этнической принадлежности. Так, шаманские распашные кафтаны энцев и нганасан, в целом очень схожие друг с другом, обнаруживают несовпадения именно по части поясов. Если в нганасанском костюме пояс не фиксируется, то у энцев он присутствует и при этом имеет интересные аналогии с поясами на погребальной одежде. В частности, пояс в шаманском костюме энцев тоже прикрепляли в нескольких местах к кафтану и также украшали его медными пуговицами и бляхами, пришивая еще к нижнему краю ровдужную бахромку и ремешки с нанизанными на них кусочками меха [Прокофьева, 1951, с. 127–130; 1971, с. 15]. Важным совпадением нужно считать и

то, что шаманские энецкие пояса имели такое же наименование *нида*, что и погребальные у нганасан и энцев.

Еще одним ценным историческим источником, который в данном случае нельзя обойти вниманием, является одежда на фигурках, выступающих как вместилища различных духов. Как показывают исследования, одевание таких культовых предметов обычно имитирует реальную одежду, характерную для данного этноса [Прыткова, 1971]. У нганасан этот специфический, но вполне заслуживающий доверия материал также содержит информацию об использовании поясов. Скульптурные изображения нганасанских семейных духов *койка*, хранящиеся в МАЭ, нередко одеты в меховую шубку или просто обернуты куском ткани, имитирующей одежду, поверх которой повязаны пояса в виде цепочек из колец, колокольчиков и низок бисера [Иванов, 1970, с. 100, рис. 88; МАЭ, № 5657–479].

Таким образом, отсутствуя в повседневной одежде энцев и нганасан, пояс занимал, тем не менее, важное место в ритуальной сфере их жизни. Был ли он утерян обычным костюмом на каком-то историческом этапе или никогда и не присутствовал в нем, теперь сказать очень трудно. Но, по-видимому, главный путь в решении этого вопроса должен состоять в разделении исторических материалов по одежде энцев и нганасан, так как очевидно, что именно в смешении традиций этих двух народов заключена суть проблемы, не поддающейся пока научному осмыслению. По данным Б.О. Долгих, «сами нганасаны считают, что их современная одежда заимствована ими у энцев» [Долгих, 1952, с. 76], которые, как показали исследования Н.Ф. Прытковой, принесли на Крайний Север старосамодийскую распашную, южную по происхождению одежду. Но и нганасаны с их древним субстратом палеоазиатского (вероятно, родственного юкагирам) населения, испытавшего затем на себе значительное влияние самодийцев и тунгусов, тоже должны были внести что-то свое в эту ставшую со временем общей энецко-нганасанскую одежду. Выявление в этой одежде разновременных и разноэтнических пластов представляет собой сложнейшую работу, значительная часть которой уже выполнена Н.Ф. Прытковой, но ее необходимо продолжить.

В цели нашего изучения подобная задача не входит. Однако по материалам поясов, с учетом всего вышесказанного, можно предположить, что палеоазиатско-юкагирская традиция закрепилась в основном в повседневных беспоясных формах нганасанско-энецкой одежды, в то время как самодийская, в которой пояс, как известно, выступал важным этническим элементом, доминировала в ритуальных, в том числе и погребальных, костюмах. При этом важно подчеркнуть, что неизменной оставалась сама привычка подпоясывания обрядовой одежды, но типы поясов, очевидно, неоднократно менялись под воздействием разных этнических влияний.

Основанием для такого суждения является мозаичность признаков, которыми характеризуются нганасанско-энецкие ритуальные пояса, хранящиеся в МАЭ. Благодаря этому собранию мы имеем возможность рассмотреть подробнее женские погребальные пояса. Их насчитывается 4 эк-

земпляра, к которым добавляются еще фотографии, где Г.Н. Грачевой удалось зафиксировать полностью несколько комплектов женской погребальной одежды (МАЭ, № И-1972-202, И-1974-30, 31 и др.). Отличались ли от них чем-нибудь мужские погребальные пояса, неизвестно, но среди женских выделяется три типа: ровдужные, бисерные и наборные.

Самыми распространенными, судя по музейным материалам, были бисерные пояса, так как их насчитывается более всего и в предметных, и в иллюстративных коллекциях, датируемых как концом XIX в., так и второй половиной XX в. Изготавливали их из материи или кожи шириной 5–6 см и длиной по обхвату талии. При закреплении пояса на пуговицы или ремешки края его сходились встык. Цветной бисер либо сплошь закрывал основу пояса, располагаясь на ней плотными рядами (МАЭ, № 1347-60), либо нашивался орнаментом в виде полос, концентрических кругов, звездочек и перекрещивающихся линий (МАЭ, № 6781-9).

Рис. 27. Нганасаны. Пояс к погребальной одежде. МАЭ, № 6781-9.

Гамма цветов очень богата (синий, черный, белый, желтый, красный, зеленый) и, как отмечала Н.Ф. Прыткова [1970, с. 80], совпадает в целом с долганской традицией. К нижнему краю поясов подвешивали на коротких, примерно в 1 см, ремешках, пришитых с изнанки, медные литые ажурные пластинки круглой, овальной или неправильной формы. На одной из таких подвесок, имеющей листовидную форму, в центре находится антропоморфное изображение (МАЭ, № 1347-60). Подобные бисерные пояса интересны еще и тем, что по отношению к ним Г.Н. Грачевой зафиксировано употребление слова *нида* (МАЭ, опись № 6781-9). Это же название использовалось для пояса в шаманском костюме энцев [Прокофьева, 1951, с. 127]. Т.е. при несомненном сходстве с долганскими повседневными поясами сохранялся собственный термин для названия этого пояса.

Вторым типом поясов, о котором упоминала и Г.Н. Грачева, были наборные пояса, встречавшиеся, в частности, у авамских нганасан. Они имели кожаную основу шириной 4,5 см, полностью закрытую с лицевой стороны орнаментированными медными пластинами, среди которых шло чередование двух блях прямоугольной формы и одной округлой, всего 15 штук (МАЭ, № 6628-7). Пряжка на коллекционном экземпляре, привезенном в МАЭ с места нганасанского женского захоронения, отсутствует, края пояса оборваны, что, возможно, объясняется обычаем нарушать целостность погребального инвентаря. Но даже без пряжки идентификация данного

Рис. 28. Нганасаны. Погребальная женская одежда с бисерным поясом.
Вид со спины. МАЭ, № И-1972-202.

пояса не вызывает сомнений, так как форма накладок выдает в нем наборный пояс якутского образца.

Наконец, третий тип ритуальных поясов, о котором позволяет судить собрание МАЭ, имеет наиболее специфический и самобытный характер. К.М. Рычков, доставивший в музей один экземпляр подобного пояса, зафиксировал его название как *каюты* и определил его как «женский пояс, одеваемый на пляски» (МАЭ, № 1347–112). Он изготовлен из окрашенной в коричневый цвет оленьей ровдуги в виде двойной полосы длиной 96 см, с широкой центральной частью (7,5 см), зауженной по краям до 3 см. С наружной стороны пояса в его продольном направлении вшиты две полосы ровдуги черного цвета, а в швы проложен подшейный волос оленя. Посередине пояса нашит круг из меха серо-коричневого цвета. Слева и справа к нижнему краю пояса пришиты по три пары кистей длиной около 30 см, собранных из кусочков меха горностая, песца и лисицы. На обоих концах имеется по ровдужной петле, которые, очевидно, предназначены для закрепления пояса, возможно, путем продевания через эти петли дополнительного ремешка.

Общий вид пояса, его необычная форма, использование издревле традиционных для Крайнего Севера материалов (мех, ровдуга, подшейный олений волос), не отмеченный в других местах способ крепления, а также не идентифицирующееся пока ни с чем наименование позволяют предполагать в нем какой-то очень древний и оригинальный тип, не встречающий аналогий в близких или соседних культурах. По наличию в центре пояса мехового круга, ниспадающим длинным меховым кистям, а также по тому, что основа пояса составлена из нескольких полос ровдуги разного цвета, можно сопоставить данный экземпляр с шаманским поясом энцев [Прокофьева, 1951, с. 127–128]. Однако другие его особенности, прежде всего особая форма, широкая в центре и зауженная к краям, мало соотносятся с шаманской традицией.

В то же время подобная форма очень напоминает своим видом пращу, широко распространенную в прошлом на Северо-Востоке Сибири и представлявшую собой длинный узкий ремень из кожи с петлей на одном конце. В середине праща имела расширенную часть с продольным разрезом, куда вкладывался камень, который благодаря этому разрезу не мог выпасть [Антропова, 1957, с. 197]. Сходство с пращой придает поясу не только его общая форма (широкая средняя часть и зауженные концы), но и такие особенности, как петли на обоих концах, две полосы ровдуги, вшитые в основу пояса в продольном направлении, подобные разрезу пращи, меховой круг в центре пояса, напоминающий камень. В свете того, что В.Г. Богоразом уже было высказано предположение о том, что кожаные пояса чукчей с маленькой галькой вместо пуговицы могли являться подражанием праще, аналогии с ритуальным поясом нганасан, возможно, не так уж беспочвенны. И хотя использование пращи по имеющимся источникам отмечено в Сибири в исторический период времени, кажется, только на Северо-Востоке, все же нельзя исключать, что такой архаичный тип оружия был распространен в прошлом гораздо шире и, скорее всего, мог быть известен древнеюкагирскому населению, вошедшему в качестве субстрата в состав нганасан.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что последний из рассмотренных погребальных поясов выглядит наиболее самобытным, в то время как в бисерных поясах прослеживается явная долганская традиция, и они даже чисто внешне повторяют обычные повседневные пояса долган, а наборные пояса имеют очевидное якутское происхождение.

Такая «разноголосица» вполне соответствует сложному многокомпонентному составу нганасан и является ярким примером невероятно запутанных этногенетических и этнокультурных процессов, на основе которых происходило формирование нганасанского этноса.

Селькупы. Селькупские пояса не представлены в фондах МАЭ, а литературные и архивные сведения, которыми мы располагаем, очень фрагментарны, так же как и в целом традиционная одежда селькупов изучена довольно слабо. Крайнюю недостаточность данных о селькупской одежде Н.Ф. Прыткова объясняла тем, «что ее невзрачный вид и полное отсутствие каких-либо ярких вышивок или украшений не останавливали на себе внимания прежних исследователей» [Прыткова, 1970, с. 82]. Как писал В.Г. Богораз, характеризуя селькупскую парку на основании материалов Г.Н. Прокофьева, она сшита «неискусно и мешковато», отличается слабой приспособленностью к холоду, «плохой выделкой шкур, малоцелесообразным покроем, также отсутствием нарядности» [Богораз, 1928, с. 94].

Эти особенности, по-видимому, были обусловлены тем, что селькупы раньше других западно-сибирских народов во многом утратили самобытность своего старинного костюма, а сохранившийся у них тип исконной, южной по происхождению одежды в виде распашной парки, аналогичной парке кетов (по способу ее изготовления из одной шкуры), не претерпел у предков селькупов коренных изменений при их переселении на Север и мало соответствовал его холодному климату. Очевидно, поэтому селькупы охотно перенимали более удобную одежду своих соседей, что неоднократно отмечалось исследователями [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 84, л. 1]. Одновременно они быстрее, чем их северные соседи, перешли к ношению одежды русского образца, которую научились сами шить из покупных тканей. Этим и объясняется то, что особенности традиционного костюма селькупов остались нам во многом не известными.

Все сказанное относится и к поясам, сведения о которых крайне противоречивы, начиная уже с самого общего сообщения о том, что свою старинную верхнюю одежду – короткую, до колен, распашную парку из оленьей шкуры, одинакового покроя для мужчин и для женщин – селькупы носили и «с поясом и без него» [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 84, л. 3]. Очевидно, в традиции использования поясов существовали какие-то локальные различия, которые в ряде мест сохраняются и поныне. Так, по этому признаку различаются отдельные группы тазовских селькупов: среднетазовские носят малицу подпоясанной, а верхнетазовские – обычно без пояса [Хомич, Ириков, Аюпова, 2002, с. 101].

Наиболее определенные сведения относятся к широким твердым поясам, которые использовались мужчинами. Они представляли собой полосу кожи, покрытую сукном красного или оранжевого цвета и зашитую ря-

дами медных пуговиц либо украшенную металлическими накладками [Прыткова, 1970, с. 88; Народы Сибири, 1956, с. 676]. Несмотря на краткость описания, можно достаточно уверенно относить эти пояса к тому же типу, что и наборные пояса ненцев, хантов и манси. Однако если о последних народах известно, что они носили такие пояса лишь с глухой одеждой, то по селькупам этот момент остается невыясненным.

Встречались у мужчин и опояски, т.е. длинные узкие пояса, плетеные из цветных ниток. Их носили и женщины. И хотя подробных описаний селькупских опоясок нами не обнаружено, можно полагать, по аналогии с угорской традицией, что у мужчин и женщин они были одинаковыми. Концы опоясок, как сообщает источник конца XIX в., «красы ради распускаются» [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 93, л. 15], т.е. на концах их делали кисти из свободных нитей основы, подобно тому, как это встречалось у ненцев и хантов. Сходным с хантыйской традицией было и ношение на опояске при необходимости различных предметов, в отличие от ненецких женщин, использовавших плетеные пояса только для поддержания одежды. Мужчины к поясу подвешивали нож в ножнах (всегда справа) и сумочку с трупом и огнивом. Курительную трубку затыкали за опояску спереди либо клали за пазуху. Женщины подвешивали к поясу нож и наперсток [Архив МАЭ, Ф. 6, оп. 1, № 93, л. 13, 15].

Другой важный признак – способ повязывания – сближает селькупов с кетами, так как, по свидетельству того же источника конца XIX в., селькупы носили опояску «очень низко, грудь всегда открыта» [Там же], а это находит несомненную аналогию с кетским обычаем подпоясывания одежды по бедрам, при котором полы на груди слегка расходились. Весьма сходными у селькупов и кетов были также названия для обозначения поясов. Кетское *кут* имеет явную аналогию с селькупским *ку*, которое нам известно благодаря данным, собранным еще М. Кастреном [Castren, 1855, p. 230].

Последним типом селькупских поясов, зафиксированных в XX в., являются пояса с бисерной отделкой. Есть свидетельства, что они считались женскими и их делали обычно из красного сукна, которое орнаментировали бисером [Прыткова, 1970, с. 88].

Таким образом, по этнографическим источникам складывается картина, что длинные плетеные пояса (опояски) не имели в селькупской среде половой дифференциации, подобно тому, как это фиксируется у хантов и манси. В то же время два других типа разделялись на мужской (наборные пояса с металлическими накладками) и женский (пояса, расшитые бисером).

Несмотря на крайнюю ограниченность сведений и некоторую степень «додумывания» имеющихся в нашем распоряжении материалов, все же нет оснований считать, что в XIX–XX вв. традиция ношения поясов селькупам выглядела как-то принципиально иначе. Однако данные археологических раскопок позволяют заглянуть глубже этого периода и удостовериться в значительной эволюции, произошедшей с селькупскими поясами за последние 300–400 лет.

Эти материалы происходят из погребальных комплексов, расположенных на севере Томской области в Нарымском Приобье, входящем в зону формирования селькупского этноса. Датируются они в основном XVI–

XVII вв., т.е. характеризуют тот срез культуры, который предшествовал глобальным изменениям в жизни коренного населения, произошедшим в результате включения Сибири в Российское государство. Позднесредневековые памятники указанного района уже не одно десятилетие успешно исследуются археологами, в связи с чем существует значительное количество публикаций, где в той или иной степени присутствуют данные о поясах. Однако благодаря появлению специальной работы, посвященной характеристике селькупских поясов, обнаруженных в могильниках Нарымского Приобья, кажется, будет правильным для данной статьи ориентироваться прежде всего на опубликованные именно в ней материалы [Боброва, Яковлев, 1994]. В указанной работе все основные находки поясов разделены авторами на три большие группы, внутри каждой из которых проведено еще более дробное деление, соответствующее целому ряду типов и вариантов. При этом предлагаемая группировка материала носит археологический характер, мало применимый для этнографического рассмотрения. Нам же, учитывая задачи настоящей статьи, из названной работы важно отметить следующее.

Значительную часть поясов (43 экз.), происходящих из Нарымского Приобья, составляют внешне очень простые и, очевидно, широко использовавшиеся в повседневном быту пояса без каких-либо накладок (нашивок) или подвесок. Они имели кожаную или матерчатую основу шириной около 5 см и длиной, примерно соответствующей объему талии. Застежкой на них служила железная пряжка, снабженная подвижным язычком. Вторую, меньшую по количеству, но тоже очень внушительную группу образуют пояса, к кожаной или матерчатой основе которых были прикреплены снаружи железные кольца разного диаметра или металлические пластины различной формы (прямоугольные, фигурные, а также бляшки-лунницы). Они представляют собой разнообразные варианты поясов наборного типа.

Наконец, третья группа, которую необходимо выделить особо, – это пояса, имеющие в своей отделке бисер. И надо сказать, что данная группа как по числу экземпляров, так и по количеству использованного в них бисера выглядит достаточно скромно в сравнении с двумя названными выше. Среди поясов этого типа еще не встречаются экземпляры, имеющие хоть сколько-нибудь значительный бисерный орнамент, что может свидетельствовать лишь о начальных этапах внесения нового бисерного материала в поясную отделку.

К сожалению, из данных используемой статьи не всегда ясно, мужчине или женщине принадлежал тот или иной пояс, но в тех случаях, когда такие указания имеются, можно считать, что четкой привязки поясов какого-либо типа к определенному полу не зафиксировано. Пояса с металлическими накладками встречаются в женских погребениях, и наоборот, в мужских бывают пояса с бисерной отделкой. Это говорит в пользу того, что деление поясов на мужские (наборные) и женские (бисерные) появилось в селькупской среде позднее.

Еще более убедительно свидетельствуют об этом данные, полученные Л.А. Чиндиной при раскопках могильника Мигалка, датируемого XVII – началом XVIII вв. В семи захоронениях данного могильника среди сохра-

нивших остатков одежды были обнаружены нарядные женские пояса, пять из которых реконструированы Л.А. Чиндиной почти полностью. Благодаря этому мы имеем подробное их описание, а также и изображение [Чиндина, 1995, с. 182, рис. 1; с. 183].

«Пояс состоял из полосы кожи шириной 4–6 см, завязывавшейся прикреплёнными на концах кожаными шнурками. На поверхность пояса нашивались 3–4-частные выпуклые накладки или лунницы, плотно друг к другу или с разрядкой. Нижняя кромка пояса обрамлялась бахромой из бисера, нашитого на ткань (хлопчатобумажную или шелк), и ряда фигурных металлических или стеклянных висюлек. Между ними крепились крупные колесовидные подвески либо непосредственно к ремню пояса, либо через посредник-шнур из кожи, продетый в бронзовые длинные цилиндрические пронизки. В случаях, где пояс сохранился полностью *in situ*, подвесок было семь или девять. Они представляли круг с вписанными в него крестообразными перегородками. В пересечении перегородок был ещё один маленький круг, куда иногда вставлялась бусина. Варианты круглых солярных подвесок известны из разрушенных погребений. Они имели на наружной части кольца какие-то дополнительные декоративные изображения (как правило четыре), либо внутри кольца, на одной его половине, изображалась пара всадников навстречу друг другу».

Важно отметить, что обнаруженные Л.А. Чиндиной женские нарядные пояса не являются единичными находками. Подобные мигалкинским пояса обнаружены также и в ряде других могильников Нарымского Приобья [Там же, 1995, с. 179, 183], что позволяет считать их достаточно распространёнными среди селькупских женщин того времени.

Что касается конструктивных особенностей этих поясов, то, с одной стороны, они, несомненно, должны рассматриваться как пояса наборного типа (с металлическими накладками), а с другой – нельзя не заметить в них большого количества бисера и различных металлических и стеклянных подвесок, наличие которых заметно отличает их от обычных наборных поясов. Любопытно также, что мигалкинские пояса крепились посредством завязывания шнурков, а не при помощи металлических пряжек. Обращает на себя внимание и обрамление их нижнего края бисерной бахромой, что находит аналогии с кетскими мужскими поясами, нижний край которых украшали провисающие нити, имевшие вид полукруга, с нанизанным на них бисером.

Для решения вопроса о происхождении этих селькупских поясов, представляющих собой довольно сложное сочетание разнородных элементов конструкции и декоративного убранства, важное значение имеют детали поясов, найденные в могильниках праселькупской релкинской культуры Среднего Приобья VI–IX вв. Релкинские пояса «сильно различались формой и размерами. Они делились на женские и мужские, наборные и без набора», в том числе в них присутствовали и маленькие пряжки от женских поясов [Чиндина, 1991, с. 108–109], но наличие бисера в их убранстве в научной литературе не отмечено. К XVII в. форма поясов в целом сохранилась, однако вместо пряжек в них стали использоваться ремённые вязки, и в отделку было введено значительное количество бисера, что может свидетельствовать о формировании собственно селькупских особенностей.

Данные археологических раскопок кардинально меняют наши представления о традиционной одежде селькупов в целом и об их поясах в частности. Оказывается, еще в недавнем прошлом селькупский костюм отличался нарядной изысканностью. Мигалкинские пояса находились в захоронениях вместе с женскими головными уборами и, по определению Л.А. Чиндиной, представляли с ними «по декоративной гарнитуре, стилю оформления <...> типологически единый, строго продуманный комплект. В художественном отношении это были нарядные, изящные украшения. Мастерницы обладали тонким чувством меры, симметрии, ритма, игры цвета в подборе и чередовании цветного бисера и бус, мелких подвесок, в сочетании элементов избегали пестроты» [Там же, с. 184].

Итак, в отношении селькупов мы можем говорить о бытовании у них поясов трех типов: наборных, бисерных и плетеных. Такое разнообразие удивительно для малочисленного селькупского этноса, и объяснения этому нужно искать в специфике формирования селькупов, которые складывались как этнос в таежной полосе бассейна Оби под значительным влиянием соседнего угорского и кетского населения. В результате этих процессов селькупы характеризуются по своему хозяйству и культуре как этнос, «более приближающийся к своим соседям хантам и кетам, чем к родственным по языку северным самодийским народам – ненцам, энцам и нганасанам» [Народы Сибири, 1956, с. 665], что нашло своеобразное отражение и в особенностях их поясов.

При рассмотрении материалов по Западно-Сибирскому региону почти незатронутым остался вопрос о распространении у проживающих здесь народов так называемых нижних (или нательных, внутренних) поясов.

Подробно они были описаны в мужской одежде нганасан и энцев, но известно, что аналогичные пояса использовались еще и кетами, а также женщинами у ненцев и восточных хантов [Алексеев, 1967, с. 145; Лукина, 1985, с. 211; Прыткова, 1970, с. 39]. Такой пояс у них имел вид простого узкого ремешка, к которому ненецкие и восточно-хантыйские женщины подвязывали голенища высокой обуви, а кеты – длинные ноговицы, образовывавшие у них вместе с короткими натазниками составные штаны наподобие тех, что были у эвенков. Но в обоих случаях способ крепления к поясу был одинаковым: при помощи одного–двух тонких ремешков, пришитых к верхнему краю голенищ обуви или ноговиц. Наиболее архаично выглядели ненецкие пояса, которые вырезались в виде простой полосы из оленьей шкуры с состриженным мехом.

Никаких подвесок (ножей в ножнах, курительных трубок или сумочек), столь характерных для нижних поясов нганасан и энцев, у кетов, ненцев и хантов не отмечено. Таким образом, при самом общем их сходстве, все же нганасано-энецкие пояса отличались более развитыми формами, близкими к эвенкийским.

Обские угры (кроме женщин у восточных хантов), а также мужчины у ненцев нижних поясов не носили. Голенища обуви они прикрепляли к двум ремешкам или колечкам, пришитым к штанам спереди, чуть ниже их верхнего края.

Такое странное, на первый взгляд, распределение признака наличия или отсутствия нижних поясов у западно-сибирских народов обнаруживает вместе с тем и некоторые закономерности. Во-первых, использование этого элемента одежды охватывало лишь восточную и северную части рассматриваемого региона, т.е. районы, примыкающие к Енисею, где проживали кеты, селькупы и эвенки, а также территорию расселения ненцев, энцев и нганасан. В то же время на юго-западе – среди угров в бассейне Оби – нижние пояса не фиксируются. То, что они использовались женщинами у восточных хантов, из всех угорских групп наиболее продвинувшихся на восток, к Енисею, может объясняться их территориальной близостью к кетам и левобережным эвенкам, от которых скорее всего и произошло заимствование.

Во-вторых, наличие нижнего пояса почти повсеместно совпадало с употреблением одежды распашного кроя, которую носили кеты независимо от пола и женщины у ненцев и хантов, в то время как ненецкие и хантыйские мужчины перешли к ношению одежды глухого типа. Лишь у энецко-нганасанских мужчин нижний пояс совмещался с глухой одеждой, которая, однако, сохраняла некоторые признаки распашной, свидетельствующие о ее бытовании в предшествующий период.

Таким образом, в распространении нижних поясов в Западной Сибири выявляется совмещение по крайней мере двух факторов. Это локализация их в северной части региона и на востоке, в бассейне Енисея, а также сочетание с одеждой распашного кроя. Исходя из этого можно предполагать, что селькупы, хотя данные по ним остались незафиксированными, имели ту же традицию, что и кеты, поскольку они проживали в том же восточном ареале и их распашная одежда была близка к кетской. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых сведений, косвенное заключение об употреблении в прошлом нижних поясов в том числе и селькупам выглядит вполне правым.

Сопоставление всех отмеченных данных с общими сведениями по этногенезу западно-сибирских народов позволяет высказать предположение о том, что распространение нижних поясов в этом регионе было связано с группой этносов, продвигавшихся на ранних этапах их этнической истории с юга на север по бассейну Енисея. Вряд ли можно выделить среди них какую-то одну этническую общность. Скорее всего, традиция ношения нижних поясов была издревле присуща и енисейцам (предкам кетов), и самодийцам, и тунгусам, в чем можно видеть элемент древней таяжской культуры. Однако у самодийских народов со временем произошли изменения в распределении этого признака по половой принадлежности. У ненцев мужчины, перейдя к одежде глухого типа, утратили нижние пояса, функция которых по поддержанию длинных голенищ обуви была перенесена на специальные кольца в верхней части штанов. В то же время ненецкие женщины сохранили их вместе со своей традиционной распашной одеждой. У нганасан и энцев произошло иначе: в женской распашной одежде пояса исчезли, а в мужской, которая стала глухой по покрою, наоборот, закрепились и даже приобрели более развитые формы, сходные с эвенкийскими. Поэтому можно считать, что контакты с эвенками, а точнее, вхождение тунгусского

компонента в состав нганасан, в значительной степени повлияли на своеобразие ситуации с их нижними поясами, отличавшейся от общей западно-сибирской традиции. Следует учитывать и то, что нганасаны, будучи самодийцами по происхождению и языковой принадлежности, рассматриваются обычно вместе с другими народами Западной Сибири, однако проживают они все-таки значительно восточнее, поэтому по локализации своего расселения и по историко-культурным контактам они в известной степени примыкают к тунгусской этнической общности.

Названия нижних поясов дают дополнительные сведения к характеристике картины их распространения. В частности, у нганасан они называются *тула* [Попов, 1948, с. 110], что, очевидно, имеет прямое отношение к эвенкийскому *тэлэ*. То же самое можно сказать и о восточно-хантыйском названии *талыми* [Лукина, 1985, с. 211]. При этом кеты использовали свой термин *алант* [Алексеев, 1967, 145], так же как и энцы – *сакыче* (МАЭ, опись колл. № 1347), хотя достоверность последнего остается под вопросом. Обозначение нижних поясов ненцами и, возможно, селькупам установить не удалось.

Еще одно замечание необходимо сделать в связи с обскими уграми, в традиционной одежде которых в исторический период нижние пояса не прослеживаются, если не считать употребления их восточно-хантыйскими женщинами, что имеет, по всей видимости, заимствованный характер. Однако есть основания считать, что в более отдаленные времена, предшествовавшие приходу угорских народов в бассейн Оби, нижние пояса могли присутствовать и в их этнической среде. Косвенное свидетельство об этом имеется в хантыйской мифологии. Так, в одной из редакций мифа о том, как Нуми-Торум остановил поднятую со дна моря движущуюся перевозную землю, называются два его пояса. В тексте сказано, что когда он первый свой пояс бросил на землю, то из него возникла лишь возвышенность на правом берегу Оби, и только из второго – «рубашечного пояса» – вырос Урал, закрепивший землю [Карьялайнен, т. II, 1995]. Очевидно, под названием *рубашечный* мы должны понимать именно нижний пояс, так как у всех народов этот элемент одежды надевался изначально поверх штанов на голое тело, а впоследствии, с появлением плечевой нижней одежды, – на рубашку. Важно подчеркнуть также то, что по логике мифа этот пояс оказался более значимым в действиях демиурга, в чем надо видеть его исключительность и историко-культурную изначальность в сравнении с верхними поясами.

Нельзя обойти вниманием еще один элемент одежды, а точнее охотничьего снаряжения, распространенный в прошлом в угорско-самодийско-кетской среде под наименованием *пояс*. Однако, несмотря на то, что, например, у кетов к нему прилагалось название обычного пояса – *kut* (МАЭ, опись № 6787–13), это был предмет совершенно иного типа, который правильнее обозначать словом *перевязь*, или чересплечный охотничий ремень. По данным литературы, а также музейных коллекций, пояса-перевязи более широко употреблялись нганасанами и кетами и реже – хантами и ненцами. Каких-либо сообщений о бытовании их у остальных народов Севера Западной Сибири не обнаружено. Северные хан-

ты называли перевязь *седь-кар* (опись колл. № 2383–49), нганасаны – *naturuska* [Попов, 1948, с. 24]. Последнее, несомненно, происходит от русского слова *натруска*, обозначающего охотничью портупею, патрон-таш, а также пороховницу, в которую насыпали (трусил) порох. Это же наименование использовалось и кетами.

Нганасаны, ненцы и ханты делали натруску в виде узкого кожаного ремня длиной около 1 м, края которого соединялись встык в форме замкнутого кольца. Кеты нередко дополнительно обшивали кожаный ремень цветной материей. На ровдужных ремешках к перевязи подвешивали различные принадлежности для охотничьего ружья – пороховницу, мерку для пороха, пистонницу, мешочки для дроби и пуль, которые изготавливали из рога и дерева по образцу русских изделий. Натруски использовали при ружейной охоте, надевая поверх одежды через правое плечо.

Являясь русскими по происхождению, натруски были однотипными у разных народов Сибири. Но наибольшее распространение они получили у эвенков, где приобрели даже некоторую степень этничности, перейдя из разряда охотничьего снаряжения в важный атрибут мужского костюма. Поэтому подробнее они будут рассмотрены в следующем разделе статьи. Однако в данном случае важно отметить, что и у кетов встречалось отношение к натрускам, несколько сходное с эвенкийским, когда порой они становились элементом украшения мужского костюма. Тогда их изготавливали из плотной ткани или сукна и сплошь зашивали цветным бисером и медными пуговицами. К такой перевязи подвешивали не охотничьи принадлежности, а кисет, как это часто делали и эвенки. Однако подобные натруски не получили у кетов широкого распространения, их считали предметом роскоши [Алексеев, 1967, с. 140].

Эвенки, эвены, юкагиры

Объединение тунгусов и юкагиров при рассмотрении поясов обусловлено тем, что в русский период истории юкагиры носили сходную с эвенками и эвенами одежду тунгусского образца. Самобытный тип юкагирской одежды до нас не дошел, и все работы по его реконструкции имеют гипотетический характер, на что указывал еще четверть века тому назад Ю.Б. Симченко. Ввиду неразличимости тунгусской и юкагирской одежды, писал он, допустимы предположения совершенно различного характера, когда «в качестве рабочих гипотез с одинаковой степенью вероятности можно принимать как идею о восприятии юкагирами основных элементов одежды от тунгусов, так и наоборот. Можно допустить и то, что эвенкийско-юкагирская одежда является результатом взаимовлияния культур обоих народов» [Симченко, 1976, с. 171–172]. Не останавливаясь специально на этой сложной проблеме, которая все еще далека от своего разрешения, попытаемся проследить в данной работе общее и особенное в традициях ношения поясов у эвенков, эвенов и юкагиров. Основными материалами здесь послужат коллекции не только Музея антропологии и этнографии им. Петра

Великого, но еще и Американского музея естественной истории (АМЕИ), где хранятся четыре пояса юкагиров, отсутствующие в МАЭ.

Начнем с того, что у всех названных народов различались два вида поясов, которые можно условно назвать «нижними» и «верхними» – в зависимости от одежды, с которой их надевали. Нижним поясом и мужчины, и женщины подпоясывались поверх натазников, т.е. носили его *под* верхней плечевой одеждой. Бытование подобного вида поясов определялось особенностями поясной одежды тунгусского типа, которая состояла из коротких штанов-натазников и длинных ноговиц в виде узких штанин, надевавшихся отдельно на каждую ногу и прикреплявшихся сверху к поясу. Кроме того, в зимнее время года носили меховую обувь с высоким (на всю длину ноги) голенищем, верх которого также подвязывали к поясу. Сам пояс представлял собой узкую полосу кожи, снабженную металлическими кольцами; к ним и привязывали ремешками ноговицы и голенища высокой обуви, фиксируя их в нужном положении, чтобы они не съезжали вниз. Детям такие пояса надевали примерно с трехлетнего возраста, по объяснению С.М. Широкогорова, «чтобы приучить их к ношению панталон» [Архив МАЭ РАН, Ф. К–II, оп. 1, № 217, л.100], т.е. натазников с ноговицами.

Эвенки называли нижний пояс *тэлэги*, эвены – *тэлги*, юкагирское название выяснить не удалось. Пояс вырезали из мягкой, хорошо выделанной кожи или ровдуги в виде узкой ленты шириной 1–3 см и прикрепляли к нему с обоих краев по одному или по два металлических кольца. Такова была основа конструкции, но в деталях нижние пояса заметно варьировали; об этом можно судить по пяти имеющимся в нашем распоряжении коллекционным экземплярам, из которых два принадлежат эвенкам, два – юкагирам и один – эвенам. В одних случаях длина пояса могла соответствовать обхвату талии, тогда концы его соединялись встык и снабжались ремешками для завязывания или пуговицей с прорезными петлями. При этом встречались два варианта: 1) полотно пояса состояло из трех частей, соединявшихся между собой двумя кольцами, одна длинная часть приходилась на спину, а две коротких были по бокам (МАЭ, № 2216–38 – забайкальские эвенки); 2) полотно пояса состояло из пяти примерно равных по длине частей, соединявшихся между собой четырьмя металлическими кольцами (МАЭ, № 445–2/12 – эвены; АМЕИ, № 70/8276AB, № 70/8433ABC – юкагиры).

Встречалась и иная конструкция, когда длина пояса была меньше обхвата талии и на обоих его концах пришивалось по одному кольцу. В этом случае концы пояса не сходились встык и при подпоясывании через оба кольца пропускали дополнительный ремешок, посредством которого стягивали или распускали пояс. К этим же кольцам привязывали и ноговицы или концы голенищ высокой зимней обуви (МАЭ, № 4323–45 – эвенки Подкаменной Тунгуски).

Узкое кожаное полотно нижних поясов ни у мужчин, ни у женщин не украшалось, однако мужские пояса за счет богато украшенных подвесок производили яркое впечатление. Мужчины обязательно крепили на пояс нож в ножнах и еще, как правило, предметы для добывания огня (огниво, трутницу, серницу), а также кисет и курительную трубку. Женщины иног-

да подвешивали игольник и кисет, но чаще носили нижние пояса без подвесок, укрепляя последние на верхних поясах, что будет рассмотрено ниже. Подобная традиция характерна и для долган [Попов, 1958, с. 105], у которых она, очевидно, имеет тунгусские корни.

Расположение и особенности ношения подвесок на мужских поясах характеризовались как общими чертами, так и рядом отличий, которые представляют большой интерес для возможных сопоставлений. Из пяти имеющихся в нашем распоряжении музейных экспонатов подвески есть только на двух поясах, принадлежащих юкагирам (АМЕИ, № 70/8276AB, № 70/8433ABC). На обоих этих экземплярах к металлическим кольцам подвешены слева на одном ремешке ножны, справа на двух отдельных ремешках огниво в виде массивной железной скобы и трутница – маленькая кожаная сумочка, внутри которой хранились трут и камень.

На тунгусских коллекционных поясах подвески отсутствуют, и можно только предполагать по оставшимся на них ремешкам, что в ряде случаев предметы были получены собирателями уже без подвесок, которые имели самостоятельную ценность и перевешивались их владельцами на новые пояса. Однако имеются очень ценные свидетельства первой половины XVIII в., принадлежащие таким авторитетным исследователям, как И. Гмелин, оставивший заметки об эвенках Нижней Тунгуски, и Я. Линденау, изучавший охотских эвенов. «Ни один тунгус, – пишет И.Г. Гмелин, – никогда не ходит без ножа, огнива, курительной трубки, мешочка с трутом и кисета. Кисет привязывают на самом нижнем шнуре парки, примерно в середине туловища. Для остальных вещей к штанам у талии (справа и слева) прикреплены по два латунных или железных кольца. С правой стороны на одном из них висит нож в футляре, на другом – трубка для курения, тоже в футляре. С левой стороны подвешен мешочек с трутом и огниво» [Титова, 1978, с. 69].

Хотя пояс в этом сообщении ни разу не называется, ясно, что, за исключением, быть может, кисета, речь идет именно о подвесках на поясах. Данные о самом поясе находим в описании Я. Линденау. «Вокруг туловища под штанами носят они пояс – Tolgi, на котором с обеих сторон имеется по большому кольцу из желтой меди – Tolgipan. С правой стороны на кольце висит кожаный кисет, в котором ламуты держат трут – Ulla, маленькую деревянную ложку с серой – Seraruk, огниво – Rur и камень – Modgi. С левой стороны на кольце висит нож – Tscherkan» [Линденау, 1983, с. 56].

Сообщения И. Гмелина и Я. Линденау в целом совпадают и дополняют друг друга, но различаются указанием на место расположения ножен – с левой или с правой стороны. По более поздним, в том числе и современным, данным известно, что нож эвенки и эвены крепили справа, как об этом писал И. Гмелин. Однако информация Я. Линденау о левостороннем ношении ножен охотскими эвенами совпадает с их расположением на юкагирских поясах, как это видно по двум имеющимся у нас музейным экземплярам, где ножны подвешены слева. Кроме того, и гнасананы, как указывалось выше, тоже крепили ножны с левой стороны.

Вопрос о лево- или правостороннем подвешивании ножа не так прост, как кажется на первый взгляд. Возможно, иногда изменение происходи-

ло на индивидуальном уровне, например, когда при правосторонней традиции левша прикреплял нож с левой стороны, как ему лично это было удобнее. Такие примеры отмечались у ненцев, встречались они также и среди долган (в МАЭ хранится по крайней мере два долганских пояса, к которым ножны прикреплены слева: № 1064–1; № 6860–2b). Но если обычай предписывает носить нож слева, то на правый бок его подвешивать не станут.

Сопоставим теперь имеющиеся у нас данные по эвенкам, эвенам, юкагирам и нганасанам. Две позиции здесь известны вполне определенно: тунгусы носили нож справа, нганасаны – слева. Сведения о юкагирах более расплывчаты, так как ограничиваются только двумя поясами, но оба – с левосторонним креплением ножен. Из этого можно сделать два разных заключения: 1) юкагиры, как и нганасаны, носили нож слева; 2) юкагиры, как тунгусы, носили нож справа, но случайно совпало, что оба полученных для музея пояса принадлежали левшам, и это нужно воспринимать как исключение, а не как общее правило. Второе выглядит явно менее убедительно.

Рассуждая дальше, постараемся понять, почему при одном типе поясов и одинаковом способе крепления ножен на бедре тунгусы и нганасаны носили нож с разных сторон. Возможно, причина кроется в специфике их хозяйственных занятий, точнее – в особенностях оленеводства, которое у тунгусов было выючно-верховым, а у нганасан – упряжным, верховой езды на оленях нганасаны не знали. Действительно, при посадке на верхового оленя, к которому эвенки и эвены подходят с его правого бока, расположение ножен на левом бедре было бы очень неудобно, поэтому тунгусские народы крепили нож справа. В то же время для нганасан, не ездивших верхом на оленях, это было безразлично. Юкагиры также пользовались преимущественно нартенными оленями и очень редко ездили верхом. Кроме того, в традиционной культуре обоих этносов представлен, правда, в различной степени – у нганасан меньше, у юкагиров значительно – автохтонный уралоязычный субстрат. Их предки были древнейшим «палеоазиатским» населением Северной Сибири, не знавшим оленеводства, поэтому мы склонны считать, что левостороннее ношение ножен у нганасан и юкагиров связано с этой линией их происхождения.

Остается понять, чем обусловлено сообщение Я. Линденау, что охотские эвены носят нож слева. Является ли это ошибкой или не оговоренным специально случаем левши, либо данная эвенская группа действительно характеризовалась, в отличие от тунгусской традиции, подвешиванием ножа слева? Скорее всего, мы должны отбросить первые два предположения, поскольку Я. Линденау известен как очень внимательный исследователь, и принять последнее, выделяющее охотских эвенов среди других тунгусов. В этом есть определенная логика, так как исследованная Я. Линденау группа входила в состав так называемых пеших тунгусов, которые в XVII в. жили в непосредственном соседстве с оседлыми коряками и давно уже не имели оленей, перейдя к рыболовству и морскому промыслу. Поэтому им ничто не мешало носить нож с любой стороны, как было распространено у коряков.

Возвращаясь после этого отступления к двум выше названным музейным поясам, принадлежавшим юкагирам, обратим внимание на то, что они дают представление и об устройстве юкагирских сдвоенных ножен, в которых помещались одновременно два ножа. Но их конструкция отличалась от той, что была отмечена выше у манси. Юкагирские сделаны в виде ровдужного чехла плоской формы, в который плотно вставлены два берестяных футляра, один большего, другой меньшего размера (27 и 22 см длиной), каждый соответственно для своего ножа. Вверху и внизу ножны опоясаны двумя ремешками. При помощи верхнего ремешка они подвешивались к кольцу на поясе, а нижний имел свободные концы, которыми ножны привязывались к ноге.

Такие сдвоенные ножны являются, по-видимому, особенностью юкагиров, у эвенков и эвенов они не зафиксированы. А вот способ их ношения был характерен также для эвенов и западных эвенков, которые тоже крепили ножи, подвешивая их к поясу у бедра и одновременно прикрепляя внизу завязками вокруг ноги [Василевич, 1970, с. 150; Попова, 1981, с. 70]. Лишь в восточно-эвенкийских группах ножны было принято носить не на бедре, а у пояса, без дополнительной привязки к ноге, и такое различие в традициях является одним из важных этнических показателей, разделяющих западных и восточных эвенков. Но на фотографиях дореволюционного времени в отдельных случаях можно увидеть нож в ножнах у тунгусов и юкагиров именно у пояса, что не соответствует их традиции. Объясняется это тем, что с XVIII в., со времен Екатерины II, некоторым отличившимся «князцам» из народов Сибири стали выдавать в награду расшитые пояса с кортиками, пожалованные царской властью как особые знаки отличия. Подобная фотография опубликована, например, в работе В.И. Иохельсона [Иохельсон, 1900, с. 157], и на ней хорошо видно, что ножны подвешены у пояса, а не на бедре.

Так называемые верхние, или наружные, пояса в музейных собраниях, которыми нам удалось воспользоваться, представлены десятью эвенкийскими (три из них – фрагментарно), пятью эвенскими и двумя юкагирскими экземплярами. Эти пояса надевались с верхней одеждой: ими подпоясывали распашные ровдужные кафтаны и меховые парки, а позже и верхние рубашки. Носили их как с подвесками, так и без них и всегда богато украшали. Ввиду того, что эти пояса отличаются значительным разнообразием, рассмотрим их отдельно по каждому из народов.

У разных групп эвенков встречались различные наименования верхних поясов, что в каждом случае будет отмечено в тексте. Но наиболее употребительными, по-видимому, можно считать названия: 1) *эн-гэнэптун* (с вариантами) [ТМС, 1977, с. 458] и 2) *бусэ-бухэ-бушэ*, совпадающий с бурятским обозначением пояса *бэхэ* [ТМС, 1975, с. 115]. Наряду с ними в отдельных районах зафиксированы также такие названия, как *калбу* (у охотских и сахалинских), *тол* (у илимпийских), *сэгдэптун* (у тунгиро-олекминских), *умул-омул* (у среднеамурских эвенков-коневодов).

Пояса шили из кожи или сукна (последние часто с подкладом из хлопчатобумажной ткани) и, как правило, обильно орнаментировали снару-

жи цветным бисером. Полотно пояса вырезали в виде ленты шириной 4–9 см и длиной, соответствующей примерно обхвату талии. Края пояса часто закругляли.

Самым простым способом крепления являлось отсутствие специальной застежки, когда оба конца были заужены и завязывались спереди

Рис. 29. Эвенки р. Токмы (бассейн Енисея). Женская одежда с бисерным поясом. МАЭ, № И-1470-23.

обычным узлом (МАЭ, № 2356–13 – длина 116 см, ширина 4 см, туруханские эвенки). Но чаще пояса снабжались либо дополнительными узкими ремешками, либо пуговицей с петлей и реже пряжкой. Последний способ отмечен в местах контакта со скотоводческими народами – бурятами, якутами. Так, илимпийские эвенки пришивали к концам пояса по два узких ровдужных ремешка, которые образовывали две пары вязок (МАЭ, № 1524–163 – длина пояса 64 см, ширина 4 см). Амурские крепили на одном конце два ремешка, а на другом – ровдужную петлю, украшая и то, и другое цветными бусами синего и белого цветов (АМЕИ, № 70.0/15 – длина пояса 70 см, ширина 5 см).

Широко распространенной была застежка на металлическую пуговицу, пришитую на длинном кожаном ремешке, и воздушную петлю, украшенную крупными бусами разных цветов – белого, голубого, зеленого, желтого (МАЭ, № 1524–304 – длина пояса 86 см, ширина 9 см; № 2709–6 – длина пояса 81 см, ширина 4 см). В Забайкалье баргузинские эвенки-орочоны застегивали пояс на небольшую металлическую пряжку, в которую продевали узкий ремешок, пришитый на другом конце пояса. При этом полотно самого пояса было широким и очень тяжелым из-за обилия бисера (МАЭ, № 1856–36 – длина 107 см, ширина 9 см).

Верхними поясами у эвенков чаще подпоясывались женщины. Вплоть до середины XX в. они обязательно носили традиционные широкие пояса, которые надевали поверх мехового или суконного кафтана, когда находились вне дома, или поверх юбки, если были в домашней обстановке (Архив МАЭ, №7, л. 19). У мужчин более распространенным было употребление так называемой «натруски» – специального охотничьего пояса в виде кожаного ремня, надеваемого через одно плечо. Однако нельзя сказать, что мужчины совсем не носили верхних поясов, о чем свидетельствует, в частности, описание К.М. Рычковым енисейских эвенков: «Стан мужчины и женщины опоясывают широким кожаным, вышитым бисером или украшенным медным набором поясом, который обвешивается несколькими кошельками для табаку, трубкой, огнивом и ножиком в ножнах» [Рычков, 1917, с. 50].

Широким распространением в конце XIX – начале XX вв. чересплечных натрусок у эвенкийских мужчин объясняется заметное преобладание среди музейных экспонатов именно женских верхних поясов. Их принадлежность определяется либо прямым указанием собирателя, либо женским характером подвесок. Скорее всего, именно данным обстоятельством обусловлено то, что хранящиеся в коллекциях эвенкийские пояса отличаются особой нарядностью и тщательностью отделки.

Сохранилась очень редкая характеристика женских поясов, относящаяся к началу XVIII в., когда англичанин Джон Белл, участвуя в посольстве Л.В. Измайлова в Китай, наблюдал по пути следования жизнь енисейских эвенков. Д. Белл написал, в частности, что «женщины одеваются в меховую одежду, доходящую до колен, схваченную вокруг туловища поясом. Эти пояса шириной около трех дюймов сделаны из оленьей кожи, престранно вышиты и украшены орнаментом» [Зиннер, 1968, с. 53]. Способов украшения Белл не раскрывает, но по музейным материалам нам из-

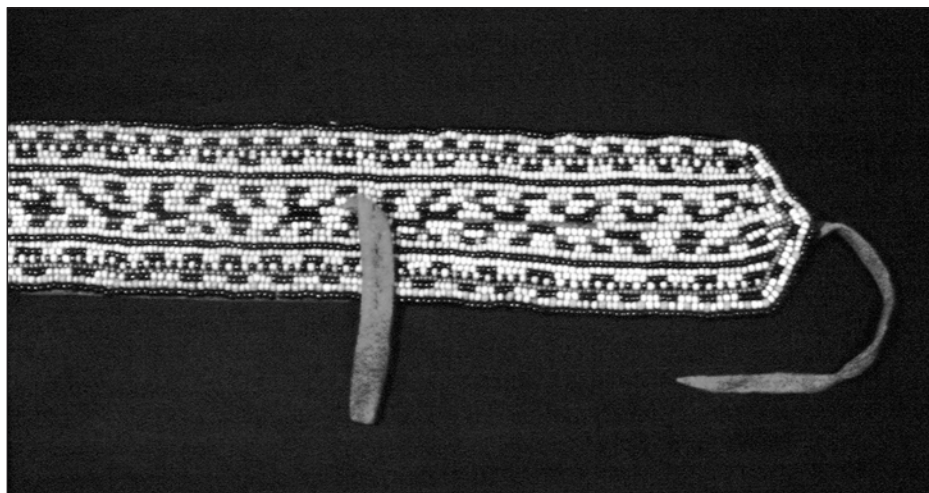

Рис. 30. Баргузинские эвенки. Женский пояс для зимней шубы. МАЭ, № 1855–36.

вестно, что в эвенкийских поясах использовалось особенно много бисера. Не случайно в литературе их часто называют бисерными.

Как правило, бисер покрывал целиком всю наружную сторону пояса. В этом случае его нашивали концентрическими рядами, располагая так плотно один к другому, что кожаной основы не было видно. Прежде чем нашивать бисер, его нанизывали на сухожильную нитку, затем эту нитку накладывали на кожу и прикрепляли к коже другой ниткой, делая по одному стежку между каждой парой бисеринок [Иванов, 1963, с. 278]. При

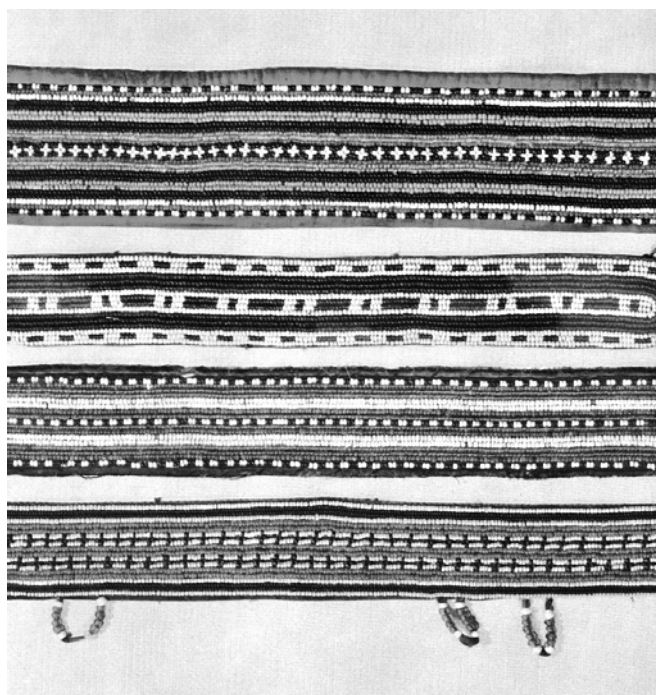

Рис. 31. Эвенки. Орнаменты бисерных поясов (Тропой северных оленей. Л., 1974).

этом нити с нанизанным бисером прикреплялись только к самому верхнему слою кожи, и делалось это настолько искусно, что даже с изнанки совершенно не заметно стежков.

На поясах илимпийских эвенков бисер располагался не сплошь, а отдельными узорами, как это было принято у долган. При этом с долганской традицией совпадал и рисунок орнамента, как, например, на двух женских поясах, привезенных в начале XX в. К.М. Рычковым (МАЭ, № 1524–163 – длина 64 см, ширина 4 см; № 1524–304 – длина 86 см, ширина 9 см). Оба пояса вырезаны из толстого сукна, один темно-коричневого, другой красного цвета. По периметру на них нашиты по два замкнутых ряда бисера, а в центре расположен рисунок в виде двойных кругов и зигзагообразных линий.

В бисерной вышивке у разных групп эвенков встречались различные цветовые комбинации, но при этом обязательно участвовали белый и черный цвета, на фоне которых хорошо оттенялись остальные тона. На поясах енисейских эвенков к белому и черному добавлялись голубой, желтый, красный цвета, у баргузинских – желтый и красный, у амурских – в основном голубой. Гамма бисерной вышивки на поясах в илимпийской группе повторяет долганское сочетание с использованием красного и синего.

Иных, не бисерных приемов украшения эвенкийских поясов на музейных экспонатах не встречено, хотя вообще эвенкам были свойственны различные приемы отделки кожи и ткани. Наряду с бисером они широко использовали также окраску кожи и ее мозаику, гладевые швы волосом, волосяной жгутик, меховую выпушку [Иванов, 1963, с. 278–279], но на поясах применяли только один способ – шитье бисером. О том, насколько важен был для эвенков бисер при украшении поясов, говорит и то, что в сымской группе женский пояс называли *улилэ* [Симонов, 1985, 65], букв. «вышитый» бисером.

Верхние пояса носили как с подвесками, так и без них. У женщин это были курительные принадлежности – кисет и трубка, предметы для высекания огня, игольник и различные украшения.

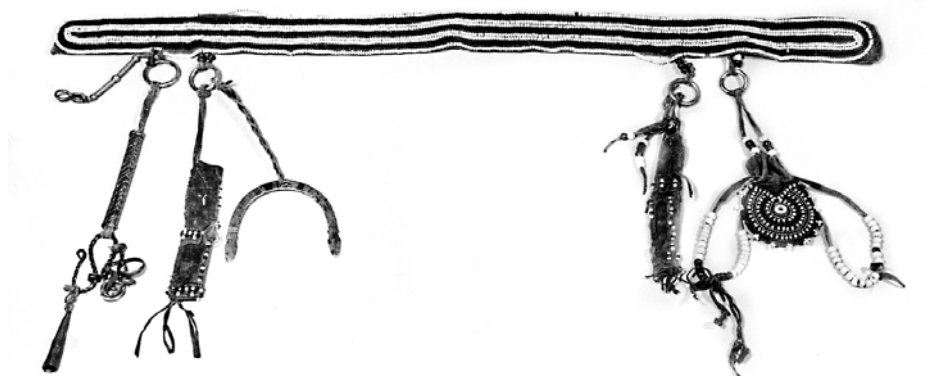

Рис. 32. Эвенки. Женский бисерный пояс с подвесками. МАЭ, № 2709–6.

Каждый предмет обычно подвешивался на отдельном ремешке, пришитом с изнанки к нижнему краю пояса, но в ряде случаев это крепление дополнялось металлическим кольцом. Тогда его конструкция состояла из

трех частей: в центре находилось кольцо, от которого вверх к поясу и вниз к подвеске шло по ремешку, украшенному бисером. Встречались и более сложные крепления, как, например, на одном редком старинном экземпляре, привезенном М. Кастреном в 1847 г. от енисейских эвенков.

Этот кожаный пояс, хранящийся в МАЭ под № 27–9, размером 2 x 113 см, снаружи сплошь расшит бисером белого, черного, синего, светло-коричневого цветов и для завязывания снабжен на обоих концах ровдужными ремешками с нанизанным на них бисером. На поясе подвешены два предмета: слева на двух ремешках – расшитый бисером ровдужный кисет, справа – огниво в виде вытянутой в высоту металлической пластины размером 2 x 10 см. Наиболее интересно крепление огнива. Оно держится на поясе при помощи двух ремешков, унизанных крупными цветными бусинами, на каждый из которых надеты еще по две металлических (медных – ?) гравированных трубочки-пронизки. Кроме этого, в средней своей части ремешки пропущены через четыре сквозных отверстия, расположенных по углам четырехугольной медной пластинки, которая закреплена таким образом в центре всего украшения. Размеры пластинки 2 x 3 см, поверхность ее покрыта прорезным геометрическим орнаментом. Общая длина ремешков от края пояса до огнива составляет 15 см.

То, что такая сложная и довольно редкая для эвенкийских поясов подвеска использовалась именно для огнива, очевидно, не случайно, т.к. к этому предмету у эвенков, как и у многих других народов Севера, было особое отношение. Высекание огня при помощи огнива и кремня является не только одним из древнейших способов его добывания, но одновременно и вполне современным приемом, распространенным в Сибири вплоть до гарантированного приобретения спичек. Однако даже при наличии спичек, которые легко могли отсыреть и стать непригодными, в тайге железное огниво всегда держали под рукой на случай непредвиденных обстоятельств. Данное огниво имеет не характерную для эвенков форму. Обычно оно было в виде овала (шириной 3–5 см), т.е. выглядело как сильно сплющенное сверху и снизу кольцо, или слегка напоминало по форме стремя и часто вставлялось в верхней части в берестяную или кожаную оправу. Но встречались и еще более старинные экземпляры, которые выглядели как массивная железная скоба размером около 10 см. Последние даже после распространения спичек очень долго сохранялись среди украшений женской одежды в качестве особо ценной подвески, которой придавалось значение сильного оберега (см. рис. 32).

Другими предметами из набора по высеканию огня, которые наряду с огнивом подвешивались к поясу, были трутница и серница. Трутница представляла собой прямоугольную ровдужную сумочку, служащую для хранения трута и кремня. В отличие от кисета, обычно затягивавшегося на вздержку, трутница закрывалась при помощи характерной крышки, имевшей вид семи- или пятиугольной перевернутой сумочки, расшитой бисером и легко поднимавшейся вверх по ременной петле, на которой трутница и была подвешена к поясу. Серница крепилась на отдельном ремешке, она имела вид маленькой, вырезанной из кости или дерева плоской овальной чашечки, часто орнаментированной резьбой (МАЭ, № 2709–13, № 1004–

120). Внутри находилось небольшое количество горючей серы, которую приобретали у купцов и посыпали ею трут для лучшего его воспламенения [Рычков, 1917, с. 37]. Позднее ею пользовались для зажигания серных спичек [Попов, 1958, с. 107], которые очень ценились, потому что не боялись сырости.

Распространенной принадлежностью пояса был кисет, который представлял собой небольшую ровдужную сумочку округлой формы, с отверстием, затягивавшимся на вздержку. Кисет расшивали цветным бисером и украшали кожаной бахромой и подвесками из бус. Иногда рядом с кисетом можно увидеть узкий и длинный ровдужный чехольчик для ношения курительной трубки, как, например, на поясе амурских эвенков (АМЕИ, № 70.0/15) или на экспонате № 5962–60, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета [Каталог этнографических коллекций..., 1979, с. 305–306, рис. на с. 313]. Но отсутствие трубок на большинстве поясов не означает, что эвенкийские женщины не курили. Наоборот,

они не менее мужчин известны как заядлые курильщицы, просто трубку часто носили не в отдельном футляре, а вкладывая ее в кисет [Василевич, 1951, с. 166].

Обязательно подвешивался к женскому верхнему поясу игольник – сложенный вдвое мягкий кожаный ремешок, в который вкалывались иглы. Его продевали сквозь костяную или металлическую трубочку-пронизку, играющую роль футляра. Эта трубочка легко скользила по ремешку – держателю игл, и, когда ее поднимали вверх, доступ к иглам был свободен. Однако упасть футляру не позволяло пришитое к ремешку снизу металлическое кольцо, игравшее роль фиксатора. Для украшения игольника его футляр покрывали геометрическим орнаментом, а вместо простого фиксатора в форме кольца на конце ремешка прикрепляли бо-

Рис. 33. Эвенки. Подвески с правой стороны женского пояса – кисет и кожаный футляр для женского ножа. МАЭ, № 2709–6.

лее сложные предметы – фигурную медную пластинку (МАЭ, № 1004–161) или витую железную подвеску лировидной формы (МАЭ, № 2709–6).

Интересное дополнение к характеристике швейных принадлежностей на женских поясах у подкаменно-тунгусских эвенков оставил И. Гмелин: «Справа у женщин вместо ножа [здесь идет сравнение с поясами мужчин. – Н.Е.] висит тонкий полый костяной цилиндр, длиной в несколько вершков, в котором держат свернутый кусок кожи с воткнутыми в нее иголками. Нитки и запас иголок женщины носят около кисета, в специальном перепончатом мешочке, сделанном из «околосердечной сумки» оленя» [Титова, 1978, с. 69].

Ножи на женских поясах встречаются сравнительно редко. Тем больший интерес вызывает пояс (МАЭ, № 2709–6), на котором подвешены сразу два чехла для ношения ножей – один с левой, другой с правой стороны. Оба шиты из кожи в виде узких футляров, размером примерно 15 x 3 см, и украшены кожаной бахромой и цветным бисером.

Мужчины подобный набор предметов – кисет, трубку, огниво, трутницу и др. – носили не только на нижнем поясе рядом с ножом, как указывалось выше, но еще и на особом чересплечном ремне, игравшем роль охотничьего пояса и называвшемся «натруска». Его надевали на правое плечо так, чтобы он спускался через спину и грудь к левому боку. Кроме уже названных предметов на чересплечном ремне подвешивали и все необходимые для ружейной охоты мелкие принадлежности. Самой крупной и заметной из этих вещей была пороховница – сосуд для хранения пороха. Вероятно, от ее старого русского названия «натруска» и происходит распростра-

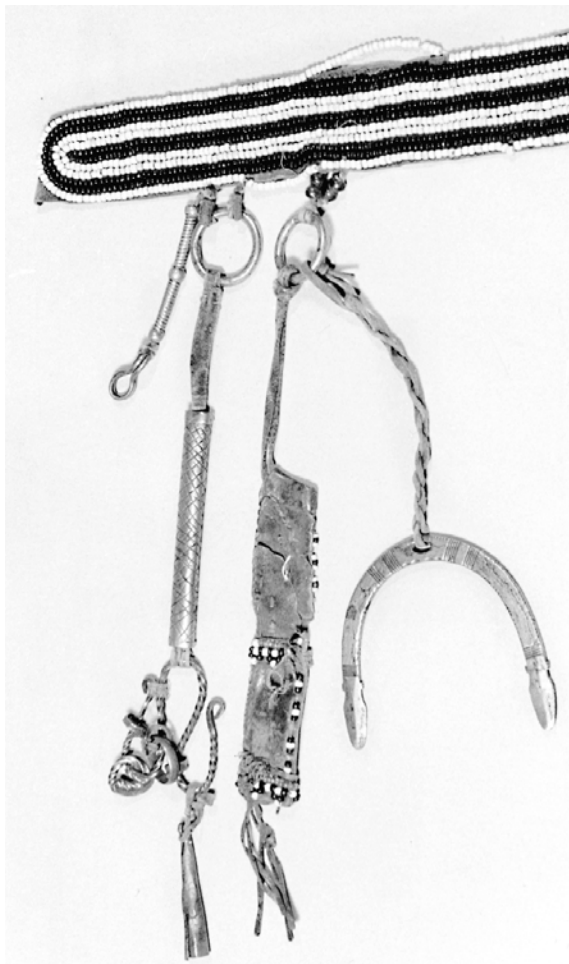

Рис. 34. Эвенки. Подвески с левой стороны женского пояса – игольник, кожаный футляр для женского ножа, старинное огниво. МАЭ, № 2709–6.

ненное не только среди эвенков, но и у долган, кетов и нганасан наименование чересплечного охотничьего ремня.

Пороховница имела плоскую круглую форму диаметром около 10 см и была охвачена железной лентой, к которой с обеих сторон припаивали по одному маленькому колечку для привязывания пороховницы к поясу. Очень часто именно через крепление пороховницы натруска превращалась в замкнутое кольцо. Из других охотничьих принадлежностей к натруске крепились также:

- мерки для пороха и дробы в виде маленьких бокальчиков, вырезанных из мамонтовой кости,
- ровдужный мешочек для пуль, затягивавшийся ремешком на вздержку,
- костяной проталкиватель пули в дуло ружья в виде цилиндрической палочки с утолщением на конце,
- пистонница,
- кожаная дробовница, представлявшая собой сдвоенный мешочек овальной формы, одна из половинок которого закладывалась за ремень, чтобы дробовница не болталась от тяжести при ношении натруски (МАЭ, № 1004–119).

Рис. 35. Эвенк в полном охотничьем снаряжении с пальмой, ружьем и натруской, на которой подвешены необходимые ружейные принадлежности.
МАЭ, № И-1470–51.

Важно отметить, что у эвенков натруска получила наибольшее распространение по сравнению с остальными народами Сибири и даже приобрела в определенном смысле этническую окраску. Эвенки использовали ее не только в качестве охотничьего снаряжения, но и как особый атрибут мужского костюма, в том числе и праздничного. В последнем случае перевязь делали как из полосы кожи шириной 3–5 см, так и из плотного сукна, снаружи сплошь расшивали бисером [Рычков, 1917, с. 50; МАЭ, № 1004–119, 120].

Важным дополнением к таким красочным перевязям служили кисеты и трутницы, также богато орнаментированные бисером.

По отношению к ним енисейские эвенки употребляли не только русское слово «натруска», но и свои собственные названия – *алалабун* и *мушнялабун* (МАЭ, опись колл. № 1004–119, 120 – илимпийские эвенки). Первое – *алалабун* – очевидно, происходит от *алаг* – лямка, *алала* – надеть на себя лямку, впрячься в лямку (об охотнике, тянущем за собой охотничью нарту) [ТМС, 1975, с. 28]. Второе – *мушнялабун* – включает в себя название кисета *мушня* (видимо, связанное с русским словом мошна – мешок для хранения денег) и переводится букв. как «то, что носит кисет» (МАЭ, опись коллекции № 1004, собиратель и регистратор В.Н. Васильев).

О большом значении, которое приобрели такие перевязи в традиционной одежде енисейских эвенков в конце XIX – начале XX вв., свидетельствует и то, что они входили в комплект самых нарядных мужских костюмов, надевавшихся только в особо торжественных случаях, в том числе и во время проведения древнего охотничьего обряда Икэнипкэ, посвященного ежегодному весеннему возрождению природы.

Таким образом, перенятые у русских ружейные ремни-перевязи были трансформированы эвенками в соответствии со своим эстетическим вкусом, благодаря чему они вошли в эвенкийскую традицию и стали восприниматься в качестве одного из этнокультурных признаков мужского костюма.

Эвенки, живущие в лесостепном Забайкалье и перенявшие от соседних монголов не только навыки скотоводства, но и многие элементы их материальной и духовной культуры, заимствовали вместе с одеждой монгольского типа и характерные для нее мягкие пояса в виде широкой и длинной полосы ткани. Ими

Рис. 36. Эвенки р. Сым. Мужской праздничный костюм с бисерной перевязью. МАЭ, № И-1473–73.

подпоясывались по монгольской традиции только мужчины, сохранявшие при этом и соответствующий способ многократного обертывания пояса вокруг талии.

Рис. 37. Забайкальские эвенки в одежде монгольского типа, подпоясанные мягкими матерчатыми поясами. МАЭ, № 2002–105.

Однако при выходе на охоту помимо «монгольских» поясов забайкальские эвенки дополнительно надевали и привычные ружейные натруски.

Не только монгольская, но также маньчжурская и нижнеамурская этнические традиции, наряду со своей исконной тунгусской, прослеживаются в поясах среднеамурских эвенков – манегров, бираров, конных ороченов, кочевавших в бассейне правых и левых притоков Амура и разводивших не оленей, а лошадей. Поясную одежду тунгусского типа они носили с нижними поясами обычного для эвенков образца в виде узких ремней с кольцами по бокам для крепления ноговиц.

С верхней одеждой носили пояса нескольких видов. Г.Ф. Гертфельд, наблюдавший манегров в середине XIX в., оставил следующее краткое сообщение о поясах мужчин. «Камзол опоясывается кожаным, тканым или сплетенным из конских волос поясом *омул*, который застегивается пряжкой *гурги* и заключает в себе различные вещи, необходимые для повседневного употребления» [Гертфельд, 1857, с. 295]. Эта довольно скупая информация имеет, тем не менее, большую ценность, так как в ней содержится упоминание о «сплетенных из конских волос» поясах, столь необычных, что нельзя не обратить на них внимание. Другое столь же лаконичное сообщение о подобных поясах было встречено в работе А.Ф. Миддендорфа, и касалось оно негидальцев, что вряд ли является случайным совпадением. Учитывая то, что негидальцы, в отличие от среднеамурских эвенков, лошадей не держали, а о манеграх известно, что они владели техникой

Рис. 38. Забайкальские эвенки в промысловой одежде перед выходом на охоту. Матерчатые пояса монгольского типа надеты вместе с ружейными «натрусками». МАЭ, № 2002–87.

плетения из конского волоса и изготавливали таким образом даже мешки на продажу [Сем, 1986, с. 97], следует считать такие пояса оригинальными изделиями манегров, от которых они попали и к негидальцам.

Другие пояса представлены несколькими экземплярами, хранящимися в Российском этнографическом музее в составе коллекций, привезенных в начале XX в. Д.К. Соловьевым от зейских манегров и частично опубликованных [Василевич, 1976; Сем, 1986]. Благодаря этим материалам известно, что и мужчины, и женщины поверх халатов носили широкие короткие пояса *умул* из кожи или ткани, длина которых соответствовала объему талии. Изображения таких поясов встречается в литературе [Василевич, 1976, с. 113, рис. 2; Сем, 1986, с. 99, рис. 1, 8], однако источниками для подробного их описания мы не располагаем. С помощью специальных петель на них подвешивали мешочки для кремня, игольники, кисеты, чехлы для курительных трубок, кошельки и прочие принадлежности. Некоторые из этих вещей, судя по их форме и украшениям, были заимствованы от монголоязычных соседей, как, например, футляры курительных трубок (МАЭ, № 2649–35), сумочки для спичек (МАЭ, № 2649–33), кошельки для денег (МАЭ, № 2649–34) [Василевич, 1976, с. 109–110].

Особый интерес представляют фигурные петли-подвески, посредством которых на поясах манегров крепились различные предметы. Своей верхней частью эти петли прикреплялись к поясу, а внизу у них было отверстие, через которое пропускался ремешок для подвешивания (изображения таких петель см: [Иванов, 1963, с. 435; Сем, 1986, с. 102, рис. 2, 6]). Поясные фигурные петли манегры шили из материи, однако по форме они очень походили на поясные металлические подвески с кожаной петлей, широко употреблявшиеся даурами, монголами, бурятами, тувинцами, алтайцами, а также нижнеамурскими народами, которые, по мнению С.В. Иванова, заимствовали их из тюрко-монгольской среды [Иванов, 1963, с. 433–436].

Относительно проникновения к манеграм подобных петель-подвесок очевидны два предположения, из которых пока еще сложно сделать окончательный выбор. Одно позволяет связывать их с Нижним Амуром, скорее всего с нанайцами, а другое – с монголо-маньчжурским культурным ареалом через влияние соседних дауров, от которых среднеамурские эвенки приобрели многие культурные особенности. К последним следует отнести и мягкие матерчатые пояса, широкие и длинные, которые несколько раз оборачивали вокруг талии. Изображения манегров, подпоясанных такими поясами (в том числе и девушек, что допускалось монгольской традицией), встречаются на фотографиях [Василевич, 1976, с. 116, рис. 4].

Однако для занятий охотничьим промыслом манегры сохраняли незаменимую чересплетную натруску (РЭМ, № 6803–4), к которой привязывали деревянную пороховницу *мерк*, выдолбленную из наплыва на березе, мешочки *окторук* из меха косули и медведя для пуль и других мелочей, а также нож в ножнах (МАЭ, № 2650–43).

Для эвенов и юкагиров чересплетные натруски, по-видимому, были нехарактерны; во всяком случае, их нет среди музейных экспонатов, и в литературе упоминания о них не обнаружены. Мужчины, отправляясь на охоту, надевали традиционные пояса обычного типа. Эвенское их название в различных этнолокальных группах *калбу-калба-калбо* [ТМС, 1975, с. 365]. Точно так же называли пояса аянские, чумиканские и сахалинские.

кие эвенки, а также негидальцы. Эвенский охотничий пояс – это кожаная лента шириной 1,5–3 см, закреплявшаяся либо при помощи петли с одной стороны и зауженного конца с другой, либо посредством довольно массивной металлической пряжки. Пряжки имели слегка вытянутую прямоугольную форму и язычок для застегивания, по краю их украшали насечкой. Эвены носили на таких поясах обычные охотничьи принадлежности, такие же, как эвенки – на натруске, но прикрепление их к поясу имело свои особенности. Чаще всего предметы подвешивали на ремешках, закрепленных в сквозных продольных прорезях, сделанных в нижней части пояса. Иногда эти ремешки прикреплялись и непосредственно к пряжке (МАЭ, № 422–36/2; АМЭИ, № 70/5696, № 70/5697, № 70/7873).

Оба эти способа характерны для поясов чукчей. К чукотскому влиянию следует отнести также и то, что пояса изготовлялись очень узкими, не расшивались бисером и снабжались пряжками чукотского типа. Возможно, это обусловлено тем, что четыре из пяти верхних эвенских поясов, которые имеются в нашем распоряжении, поступили в музейные собрания от анадырских эвенов, на протяжении длительного времени проживавших в окружении чукчей. Однако не только в Анадырском, но и в других районах Чукотки (Чаунском, Марковском) местные эвены, используя в качестве зимней промысловой одежды меховую чукотскую кухлянку, подпоясывали ее узким кожаным поясом с напуском, как чукчи [См. фото: Кузаков, 1960, с. 213].

Пояса эвенских женщин в анадырской группе, как можно понять из кратких литературных данных, также отличались некоторыми чукотскими признаками. Они имели вид узкой кожаной ленты, застегивались на пряжку и не расшивались бисером [Олсуфьев, 1896, с. 136]. В то же время у охотских эвенов женщины носили широкие пояса, обильно орнаментированные бисером [Слюнин, 1900, с. 371, рис. 13:], в чем надо видеть сохранение тунгусской традиции.

Набор подвесок на женских верхних поясах включал, прежде всего, швейные принадлежности (игольник и мешочек с наперстком), предметы для разжигания огня, а также многочисленные украшения. А.В. Олсуфьев особо подчеркивал значительное количество разнообразных поясных подвесок у эвенских женщин. Он писал, что «с тонкого пояса, стягивающего нагрудник, у женщин висят на ремешках и цепочках всевозможные безделушки. Тут есть как нужные предметы домашнего обихода: ножичек, огниво, расшитый бисером мешочек с кремнем и трупом, игольник, оканчивающийся медным колокольчиком, так и много других вещей, служащих только украшением – медные кольца, медные фигурки, в форме висячего замка или старинного ламутского огнива, стальные и серебряные клинья, в виде наконечника копья и т.п. Такое же подобие копья очень часто прикрепляется женщинами к поясу, заменяя пряжку» [Олсуфьев, 1896, с. 136].

Тем более любопытно, что Я. Линденау, обычно обращавший внимание на любые детали, при описании одежды девушек у охотских эвенов назвал из подвесок на поясе только игольник и наперсток, не упомянув ни огнива, ни трута, ни украшений. «На поясе *Onmoro* с правой стороны висит футляр для железных иголок длиной в пядь, а на нем внизу малень-

кий колокольчик – Tschitschegon. Около колокольчика висит кошелек – Siltag, в котором они держат кожаный наперсток – Unioeran» [Линденау, 1983, с. 57]. В связи с этим невольно возникает предположение, что подвески на поясах женщин накапливались постепенно, что их количество возрастало по мере прожитых лет и что некоторыми предметами отмечались какие-то важные события в жизни хозяйки пояса, и то, что А.В. Олсуфьев называл «всевозможными безделушками» или просто «вещицами», на самом деле представляло для их владелиц огромную ценность, заключающую в себе большой магический смысл и глубокую символическую насыщенность.

Отдельно затронем вопрос о поясах, украшенных металлическими накладками, которые не так уж редко встречались у эвенков и эвенов, имевших контакты с якутами.

Рис. 39. Эвенская женщина в традиционном костюме, подпоясанном якутским наборным поясом (Радуга на снегу. Л., 1972).

Обычно их получали уже в готовом виде путем покупки, обмена или наследования. Якутские пояса, очевидно, и имел в виду К.М. Рычков, когда писал, что илимпийские эвенки носят пояса, «украшенные медным набором». Подобные пояса высоко ценились, особенно если пластины, покрывавшие кожаную основу, были серебряными. Эвенки называли такую вещь *хэломотол* – «серебряный пояс». По некоторым сведениям за него отдавали в прошлом якутским купцам пять первосортных соболей [Лещенко, 1987, с. 45–47]. Не рассматривая специально якутские наборные пояса, изучение которых не

входит в задачи нашей работы, остановимся, тем не менее, на одном старинном наборном поясе, найденном в эвенском захоронении в конце XIX в.

Погребение находилось в устье р. Лены в местечке Сагостыр и было обнаружено в 1884 г. А.А. Бунге. Оно принадлежало одной эвенской женщине, что определяется по некоторым сохранившимся украшениям одежды. На погребенной находился и наборный пояс, который хранится ныне в фондах МАЭ под № 147–12. Он представляет собой достаточно необычный экземпляр, заслуживающий того, чтобы на нем остановиться подробнее. Несмотря на то, что пояс не сохранился целиком, все же имеется довольно большой фрагмент, позволяющий представить его полностью. Основой служил кожаный ремень шириной 3,5 см, с внешней стороны обшитый хлопчатобумажной тканью, в центральной части красно-коричневого цвета, по краям – черного. Снаружи были прикреплены металлические накладки удлиненной, чуть изогнутой формы, закругленные по краям, высотой 3–3,5 см, шириной около 1 см, изготовленные из меди или бронзы. Каждая пластинка имела сверху и внизу по два сквозных отверстия, через которые были пропущены узкие кожаные ремешки, крепившие ее к поясу. Общее количество пластин неизвестно, так как сохранилась только часть пояса с четырьмя накладками. Расстояние между ними составляет около 1 см. На сохранившемся конце пояса прикреплена металлическая пряжка длиной 4,5 см в форме овала, расширяющегося к наружному краю.

Самое любопытное в этом поясе то, что ни его пряжка, ни пластины не похожи по своей форме на накладки якутских наборных поясов, которые были либо прямоугольными, либо фигурными [Зыков, 1993, с. 135–136; Саввинов, 2001, с. 163, 157]. И, скорее всего, данный пояс представляет предмет собственно эвенской, а не якутской работы. Это не противоречит тому известному факту, что якутские кузнецы и ювелиры по праву славились самым высоким мастерством по всей Восточной Сибири и в прошлом снабжали своими изделиями многих северных соседей. И все же кузнечество и художественная обработка металла были развиты не только у якутов, но также, например, у коряков и у народов Нижнего Амура. Не являлись исключением эвенки и эвены, умевшие изготавливать литые и кованые металлические изделия, служившие украшениями на их повседневной одежде и подвесками на обрядовых шаманских костюмах. В пользу самобытной эвенской работы говорит и использование в качестве материала не серебра, предпочитаемого якутами, а какого-то сплава меди (бронзы или латуни), т.е. желтого металла, наиболее распространенного в художественных изделиях тунгусских народов.

Дополнительным аргументом может служить также простейший узор в виде коротких черточек, нанесенных (прорезанных или процарапанных) по краю пластин и пряжки пояса. С.В. Иванов называет подобный бордюрный орнамент «шпоры, или шипы» и считает, что этот древнейший мотив был широко распространен у тунгусов, встречаясь чаще всего в орнаменте приморских эвенов Гижигинского района с одной стороны, и в орнаменте илимпийских эвенков – с другой [Иванов, 1963, с. 260, 262, 264, 265]. Низовья р. Лены, откуда происходит данный наборный пояс, расположе-

ны почти посередине между двумя этими крайними – восточной и западной – точками очерченного С.В. Ивановым ареала.

В некоторой степени подтверждением правомерности высказанных суждений является и наблюдение известного специалиста в области народно-прикладного искусства народов Севера Н.И. Каплан. Ею отмечено, что среди металлических блях и подвесок на эвенской и юкагирской одежде встречаются «выпуклые удлиненные пластинки мягко заovalенных очертаний, с полукруглой в центре выемкой и зубчатым краем, явно ассоциирующимся с зубами, с пастью зверя». По мнению исследователя, указанные пластинки выполняли некогда роль оберега, они должны были защищать своих владельцев [Каплан, 1972, с. 122]. Не заостряя сейчас внимания на пластинках как на обереге, что само по себе прекрасно укладывается в семантику любого пояса, и наборного в особенности, обратимся, в первую очередь, к характеристике их формы, которая словно бы «списана» с накладок нашего пояса. «Удлиненные пластинки мягко заovalенных очертаний с полукруглой в центре выемкой» – это буквально про пояс №147–12. Отсутствует лишь такой признак, как «зубчатый край» в центре выемки, однако его заменителем выступает бордюрный орнамент, «шпы» которого убедительно имитируют «зубы» и «пасть зверя».

С учетом всего сказанного предположение о возможном самостоятельном изготовлении эвенками в прошлом медных накладок для своих наборных поясов не столь уж беспочвенно, как это могло показаться на первый взгляд. К тому же в литературе встречено свидетельство конца XIX в. о том, что эвены покрывали процарапанными изображениями птиц металлические бляхи, прикрепленные к кожаному поясу, и среди птиц встречалась фигура гагары, известная эвенкам под именем *кытылын* [Шкловский, 1892, с. 15]. Однако попытки С.В. Иванова найти в музейных собраниях подобные бляхи успехом не увенчались [Иванов, 1954, с. 205–206]. Видимо, постепенно, из-за широкого распространения поясов якутской работы и вытеснения ими самобытных местных форм свои собственные навыки в этой области эвены к XX в. уже потеряли.

О верхних поясах юкагиров известно очень мало. В одном из ранних источников середины XVIII в., а именно в ведомости об имуществе, захваченном чукчами в 1754 г. у юкагиров Чуванского рода, упоминается, наряду с другими предметами одежды и быта, «пояс ровдужный бисером нашит». О ценности такого пояса говорит то, что он был оценен по реестру в 4 рубля, а это столько же, сколько стоила кухлянка или олененок [Гурвич, 1957, с. 249, 256]. Покрой и особенности таких бисерных поясов нам неизвестны, так как в музейных собраниях обнаружить их не удалось, однако с большой долей вероятности можно считать, что бисерные пояса юкагиров были аналогичны тунгусским. К такому суждению склоняет не только совпадение в целом типа одежды у тунгусов и юкагиров, но также и то, что в отличие от других народов Северо-Востока юкагиры довольно широко пользовались бисерным шитьем, орнамент которого был очень близок к эвенскому и эвенкийскому [Иванов, 1963, с. 203].

Но были у юкагиров пояса и без бисерной отделки, представление о которых дают два музейных экземпляра (АМЕИ, № 70/8233, № 70/8244).

Ширина их составляет 4–7 см, длина соответствует объему талии, к обоим концам пришито по ровдужному ремешку для завязывания. Их своеобразие заключается в том, что полотно пояса было составлено из нескольких продольных полос кожи контрастных цветов. В центре проходит полоса коричневого цвета, вокруг нее по периметру пришиты белая, затем черная и снова белая полосы. Такая техника стачивания (мозаики) отдельных кусочков (чаще всего полосок) различно окрашенной кожи считается характерной для юкагиров [Иванов, 1963, с. 198]. Поэтому очевидно, что они должны считаться наиболее самобытными для юкагиров, из-за присутствия в их орнаментике чисто юкагирских приемов украшений.

В сопроводительных документах оба пояса названы мужскими, на что указывает и характер их подвесок. Это предметы, необходимые на охотничьем промысле. С левой стороны подвешены деревянный проталкиватель для пуль и дробовница – ровдужный мешочек удлиненной формы, костяное горлышко которого затыкалось деревянной пробкой. С правой стороны – пороховница из коровьего рога желтовато-коричневого цвета и деревянная мерка для пороха, повторяющая форму оленьего копытца. Все предметы висят на ремешках, пришитых с изнанки к нижнему краю пояса.

Сзади на спинке, посередине пояса пришиты рядом друг с другом по два ровдужных ремешка длиной около 20 см. Назначение их точно не известно, но можно предполагать, что они использовались подобно тому, как это делали чукчи, для подвешивания амулетов, которые владельцы поясов оставили у себя.

Такова характеристика поясов у эвенков, эвенов и юкагиров. Однако к материалам, рассмотренным в данном разделе, примыкают и пояса долган, подробное описание которых мы опускаем в связи с тем, что оно уже было выполнено ранее А.А. Поповым на основе коллекций МАЭ и сопровождалось фотоиллюстрациями [Попов, 1958, с. 102–109]. В то же время для проведения сравнительного анализа и включения данных по долганам в общую типологию необходимо дать их краткую характеристику, опирающуюся на указанную публикацию А.А. Попова.

И мужчины, и женщины у долган носили нижние пояса *тэлэгии*, к кольцам которых привязывали ремешки от верхней части голенищ высокой обуви. Они были того же типа, что и рассмотренные ранее у эвенков, эвенов и юкагиров, и точно так же женские нижние пояса подвесок не имели, а к мужским *тэлэгии* подвешивались ножны с ножом, кисет, огниво и трутница, в которой хранились трут и кремь. Ножны располагались с правой стороны в вертикальном положении, и нижней своей частью они дополнительно привязывались к ноге, во избежание их свободного раскачивания.

Однако делалось это не при помощи узкого ремешка, как было описано выше у эвенков и нганасан, а посредством более сложной конструкции с использованием широкой кожаной ленты. Одним своим концом эта лента крепилась к нижней части ножен через отверстие в них, а вторым была подвешена к поясу на длинном узком ремешке, идущем параллельно нож-

нам, как изображено на рис. 68а в статье А.А. Попова [Там же, с. 103]. Когда ленту застегивали на пуговицу, она кольцом охватывала ногу, плотно прижимая ножны к бедру (аналогичным образом крепился у долган и футляр с курительной трубкой. См. рис. 72б [Там же, с. 107]). Такой способ фиксации можно увидеть на фотографии нганасанского мальчика (см. рис. 26), но у нганасан он не описан, так же как не отмечен и у эвенков.

Учитывая то, что основные материалы и по долганским, и по нганасанским поясам принадлежат одному и тому же исследователю – А.А. Попову, великолепно разбиравшемуся в этнографии обоих этих народов – более вероятно считать подобный прием долганским. А то, что аналогичным образом закреплены ножны на поясе нганасанского мальчика, может быть объяснено тесными контактами нганасан и долган и их частыми межнациональными браками, посредством которых данный способ мог легко попасть и в среду нганасан. Тем более что фотография, о которой идет речь, была сделана Г.Н. Грачевой в 1971 г. году в районе, где уже давно совместно проживали нганасаны и долганы.

Верхние пояса назывались долганами якутским словом *кур*, но их форма и отделка были аналогичны эвенкийским образцам. Это были широкие (7–9 см) короткие (70–80 см) пояса, соответствовавшие примерно обхвату талии, которые застегивались спереди на пуговицы и петли. Их делали из сукна (обычно красного, реже черного цвета), который нашивали на полосу ровдуги и обязательно украшали снаружи бисером. Однако в отличие от эвенков бисер покрывал внешнюю сторону поясов не сплошь, а лишь в виде отдельных орнаментальных узоров, характерных в целом для долганской одежды. Аналогичный прием бисерной вышивки был отмечен выше в поясах илимпийских эвенков, а также в погребальных поясах нганасан, что, очевидно, имеет долганский характер происхождения.

Мужские и женские пояса *кур* были однотипными по конструкции, но при этом различались, как и у эвенков, по линии подвесок. Мужчины носили верхние пояса, как с подвесками, так и без них, причем последнее встречалось чаще, поскольку все необходимые предметы обычно крепились у них на нижнем поясе тэлэгии. Женские нижние пояса, наоборот, всегда делались без подвесок, женщины носили их на верхних поясах.

Отдельного внимания в работе А.А. Попова заслуживают два женских пояса, отнесенных им к разряду старинных и уникальных. Один из них (МАЭ, № 1525–31) представляет собой узкую кожаную ленту, длиной по обхвату талии, не имеющую никаких украшений. С правой стороны к этому поясу подвешены на двух отдельных ремешках маленькая сумочка для наперстка и игольник простейшего типа из лебяжьей трубчатой кости, какие были характерны в прошлом для большинства народов Севера.

Другой старинный пояс (МАЭ, № 1070–105) состоит из трех полос ровдуги, заоваленных по краям, из которых одна средняя (длинная) и две боковые (короткие) соединены между собой двумя круглыми медными бляхами с прорезным орнаментом. Эти накладки аналогичны по форме ажурным пластинам, которые подвешивались к нижнему краю погребальных поясов нганасан. В нижней части каждая бляха имеет еще по одному ушку, на которых крепятся на длинных ремешках все пояс-

ные подвески: железное огниво в медной оправе, трутница с откидной крышкой и игольник. Кроме того, все полотно пояса покрыто сплошной бисерной вышивкой.

Оба пояса заметно отличаются от обычных бисерных поясов долган и, возможно, отражают различные этапы формирования и развития собственно долганской традиции. Первый пояс представляет собой очень простой образец, в котором очевидны архаичность формы, неразработанность отделки и отсутствие этнической выразительности.

Второй пояс, наоборот, отличается более сложной конструкцией, отдаленно напоминающей пояса наборного типа, сходство с которыми придает ему составность полотна из трех отдельных частей, места соединения которых обозначены двумя круглыми металлическими накладками. Кроме того, он интересен еще и тем, что расшит бисером не в виде отдельных узоров, а сплошь, как это было принято у эвенков. Таким образом, в специфике этого пояса проявляется какое-то сложное сочетание тунгусских, якутских и самодийских традиций. В целом оба старинных пояса в своеобразной форме отражают собой специфику этнокультурного сложения долганского этноса на основе тесного взаимодействия различных этнических составляющих: тунгусской, якутской, самодийской, а также, возможно, и аборигенной, тундровой.

Часто характерным дополнением к долганской одежде выступали настоящие наборные пояса, состоявшие из серебряных пластин прямоугольной формы с гравированным растительным рисунком, укрепленных на широком ремне из кожи или ровдуги. Однако их распространение напрямую связано с якутским производством, поставлявшим наборные пояса такого типа во многие районы Сибири, в том числе и ближайшим соседям-долганам, культура которых вобрала в себя много якутских элементов, не говоря уже о долганском языке, являющемся диалектом якутского.

Широко распространенными у долган были и чересплетные ремни-перевязи, называемые *нотурууска* – натруски. Однако они использовались только в качестве охотничьего снаряжения для ношения ружейных принадлежностей, не перейдя в разряд особого элемента мужского костюма, как это произошло у эвенков и изредка встречалось у кетов.

Приведенный сравнительный обзор поясов эвенков, эвенов и юкагиров, дополненный опубликованными ранее материалами о долганах, позволяет выделить характерные для них общие признаки, а также отметить ряд особенностей, присущих поясам отдельных народов и некоторых этнолокальных групп. По способу ношения все пояса, бытовавшие у названных народов в конце XIX – первой половине XX вв., разделяются на нижние и верхние. Первые надевались на натазники, а с появлением нижней одежды – поверх нее, но обязательно под верхние парки и кафтаны. Эти пояса, служившие для прикрепления верхнего края ноговиц и голенищ высокой обуви, были одного типа у всех рассмотренных народов, несмотря на незначительные разновидности, не носившие, по всей видимости, этнической окраски.

Верхние пояса эвенков, эвенов, юкагиров и долган представлены несколькими типами; преобладали короткие (сходящиеся на талии встык) широкие пояса из кожи или сукна, расшитые бисером. Чаще всего такие пояса снабжались по краям дополнительными узкими ремешками для завязывания, которые со временем стали заменяться пуговицами с петлями, а реже – и лишь в местах контактов с бурятами, якутами, чукчами – металлическими пряжками.

У долган бисерные пояса носили и мужчины, и женщины. У эвенков и эвенов они были в описываемый нами период преимущественно женскими. Это объясняется тем, что у эвенков мужчины перешли к преобладающему ношению чересплечных ремней-натрусок, а у эвенов чаще использовали узкие кожаные пояса с металлическими пряжками чукотского типа, по-видимому, перенятые у чукчей вместе с глухими кухлянками.

У долган, а также у эвенков и эвенов в районах их контактирования с якутами встречались и наборные пояса, приобретаемые у якутов в готовом виде. Не исключено, однако, что в некоторых тунгусских группах существовали в прошлом и свои собственные центры по изготовлению наборных поясов, пластины которых имели самобытную оригинальную форму, отличную от якутских поясных накладок.

В ряде юго-восточных групп эвенков отчетливо выявляется также влияние монгольско-маньчжурского культурного круга. Так, мужчины у забайкальских эвенков подпоясывались мягкими поясами, заимствованными у дауров и монголов. А у среднеамурских эвенков-коневодов зафиксированы три типа поясов: 1) мягкие длинные матерчатые пояса монголо-маньчжурского образца, 2) сплетенные из конских волос, аналогичные негидальским, и 3) широкие короткие кожаные пояса тунгусского типа, которые, однако, не расшивались бисером, а украшались вышивкой с нижнеамурским орнаментом. Как видим, эвенкийская специфика в поясах среднеамурских конных групп если и сохранялась, то только в остаточных и очень завуалированных формах. Точно так же и слово *умул*, употребляемое ими для верхних поясов, отличалось от общеэвенкийских названий и было идентично обозначению, принятому у народов Нижнего Амура и Сахалина.

У юкагиров, наряду с бисерными тунгусскими поясами, существовали и свои, той же формы, что и у эвенков, но без бисерной отделки, а составленные из мозаично подобранных полос кожи.

В целом приходится констатировать, что пояса эвенков и эвенов, не говоря уже о юкагирах, изучены недостаточно. Эвенкийские словари дают целый ряд слов для их обозначения, зафиксированных в разные периоды в различных этнолокальных группах. Некоторые из них остаются для нас пока только названиями, как, например, *калбу* или *сэгдэптун*. В чем состояло их своеобразие, установить не удалось, так как, кроме словарных упоминаний, сведения о них не выявлены.

По имеющимся материалам, наиболее самобытной для эвенков и эвенов следует считать форму широких коротких кожаных поясов, которые со временем стали делать также из сукна, но как они оформлялись до широкого распространения бисерного шитья, точно не знаем. Можно лишь предполагать, что до появления бисера в отделке поясов применялись те

же материалы, что и в одежде в целом – кожа, мех, подшейный олений волос. Швы из оленьего волоса, белого или окрашенного в красновато-коричневый цвет, считаются наиболее древними декоративными швами у эвенков и эвенов [Иванов, 1963, с. 277–278]. Вид каждого такого шва очень похож на ряд бисера. Для украшения эвенки делали несколько рядов (линий) одного из таких швов, а промежутки закрашивали черной, бурой или коричневой краской [Василевич, 1969, с. 96]. Такое сочетание внешне очень напоминает сплошную бисерную вышивку плотными рядами, характерную для эвенкийских поясов. Поэтому не исключено, что бисер занял место именно этого типа отделки с использованием волоса оленя.

В целом приходится констатировать, что, хотя определенная информация о поясах эвенков, эвенов и юкагиров все же получена, она далеко не полна и крайне отрывочна. Работу по ее собиранию необходимо продолжить, и, возможно, новые данные внесут какие-то коррективы в предлагаемую сейчас схему.

Народы Северо-Востока Сибири – коряки, чукчи, керекы, азиатские эскимосы, ительмены

Общей особенностью для народов этого региона было различие в традициях ношения поясов у мужчин и женщин. Литературные данные и материалы музейных коллекций свидетельствуют о том, что пояса являлись обязательным элементом в мужской одежде, но не использовались, за редким исключением, в женской. Поэтому все рассматриваемые в данном разделе пояса являются мужскими. Второе, на что хотелось бы обратить внимание: музейные собрания по народам Северо-Востока содержат значительно большее количество поясов в сравнении с собраниями по остальным регионам Сибири. Во многом это явилось результатом работы Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции 1897–1903 гг. Участвовавшие в ней с российской стороны В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон собрали не только огромный научный материал, опубликованный затем в серии трудов Джезуповской экспедиции, но также и значительные этнографические коллекции по народам Чукотки и Камчатки, содержащие и материалы по поясам. К сожалению, в соответствии с условиями работы в экспедиции М.К. Джезупа все собранные в ее ходе экспонаты поступили в фонды Американского музея естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке. Лишь небольшая их часть, оформленная затем в виде коллекции № 956, насчитывающей около 200 предметов, была передана в 1905 г. в Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. В двух этих музейных центрах материалы В.Г. Богораз и В.И. Иохельсона хранятся и по сей день. Лучше всего в этих коллекциях представлены корякские пояса, составляющие в общей сложности 16 экземпляров. Из них 12 поясов находятся в АМЕИ и 4 – в МАЭ. Чукотских насчитывается 11 экземпляров: 4 в АМЕИ и 7 в МАЭ. Кроме этого, имеется два пояса по эскимосам (по одному в АМЕИ и МАЭ), один ительменский (камчадалский) пояс в АМЕИ и 3 пояса кереков в МАЭ.

Хотя корякские пояса представлены наибольшим количеством экземпляров (16), изучение их незначительно облегчается этим благоприятным, каза-

лось бы, обстоятельством. Два фактора создают здесь определенные трудности. Первый обусловлен значительной дробностью корякского этноса, в составе которого в разные периоды исследований лингвисты и этнографы выделяли до девяти этнолокальных подразделений, не считая того населения, которое вообще трудно было причислить к какой-то определенной группе. Это прежде всего два самых крупных корякских подразделения – оленные чавчувены и разделившиеся на кочевых и оседлых алюторцы (последние выделены в настоящее время в самостоятельный этнос), а также семь оседлых приморских групп – паланцы, каменцы, паренцы, итканцы, карагинцы, апукинцы, кереки (последние тоже считаются теперь отдельным этносом). Их история отражает сложные этнические взаимодействия, протекавшие как внутри этноса, так и вне его – с соседними ительменами, чукчами, юкагирами, эскимосами, эвенками. Поэтому при всей общности конструкции и художественного оформления традиционной одежды каждая корякская группа отличалась своими специфическими чертами, проявившимися в каких-то локальных особенностях костюма в целом и поясов в том числе.

Второй фактор, создающий сложности для воссоздания более или менее цельной картины и некоторых общих выводов, – это то, что среди музейных поясов корякские группы представлены крайне неравномерно. Лучше обеспечены материалом те коряки, которые были обследованы В.И. Иохельсоном, т.е. расселенные по побережью Пенжинского залива, откуда привезено 14 поясов. Из них больше всего данных по каменцам (7 экз.) и итканцам (3 экз.). Однако четыре пояса из этой местности происходят, судя по их локализации (с. Кушка в устье р. Гижиги и р. Таполаска/Таполярка – современная Тополовка?) от оседлого корякского населения западного побережья Гижигинской губы, которое уже в конце XIX в. из-за сильной ассимиляции не относилось ни к какой локальной группе. Большая часть этих коряков обрусела, и родной язык если и знали, то плохо и не все. Как писал В.И. Иохельсон, «они говорят своим особым русским наречием, а также по-тунгусски, так как часто приходят в соприкосновение с тунгусами, приезжающими летом в Наяхан на ярмарку. Живут они <...> в бревенчатых избах по образцу русских» [Иохельсон, 1997, с. 36].

Еще два пояса были привезены В.И. Иохельсоном с восточного побережья Камчатки от карагинцев, сформировавшихся, как показали исследования С.Н. Стебницкого, в результате тесного взаимодействия между коряками-алюторцами и северо-восточными ительменами [Стебницкий, 2000, с. 35–36]. Три пояса характеризуют также культуру кереков. Таким образом, представлены только четыре этнолокальные группы, выделяемые до последнего времени среди коряков, причем самые малочисленные из них, а также сильно обрусевшее население побережья Гижигинской губы. Из оседлых приморских групп отсутствуют пояса по наиболее многочисленным алюторцам и паланцам, а также по менее крупным апукинцам и паренцам. Но главная проблема состоит в том, что в музейных материалах совершенно не представлена оленная часть корякского этноса – тундровые оленеводы-чавчувены, что к тому же усугубляется почти полным отсутствием информации об их поясах и в литературе. Поэтому необходимо иметь в виду, что нам приходится рассматривать корякские пояса, основываясь только

на данных по оседлым береговым группам, что, к сожалению, снижает уровень обобщений и степень достоверности работы. При этом везде, где материал все-таки позволяет сделать это, подчеркиваются локальные особенности поясов.

Коряки. У коряков пояс был важным элементом мужской одежды, а в женской он встречался очень редко.

Рис. 40. Сцена национальной корякской игры. Все мужчины подпоясаны, а женщины – нет. МАЭ, № 2826–1128.

Мужчины носили подпоясанными два вида кухлянок: домашние ровдужные и короткие меховые дорожные. Длинные дорожные кухлянки и камлейки не подпоясывали [Иохельсон, 1997, с. 128]. В работе Н.В. Слюнина об этом сказано так: верхняя домашняя коряцкая кухлянка «всегда носится с поясом, вторая, ради свободы движений, – без онаго» [Слюнин, 1900, с. 381]. Женщины подпоясывались только в том случае, когда они, находясь вне яранги, надевали для работы или в дороге поверх своего традиционного комбинезона верхнюю одежду, совпадавшую по покрою и материалу с мужской зимней кухлянкой. Такую кухлянку, имевшую свободный просторный крой, женщины и подвязывали, как пишет Н.В. Слюнин, широким поясом [Там же, с. 381–382]. Однако как он выглядел и отличался ли чем-нибудь от мужского пояса, точно мы не знаем, поскольку ни в музейной документации, ни в опубликованных описаниях указаний на женские пояса не встречено. Пояс не входил и в женскую погребальную одежду, в то время как у мужчин он составлял ее обязательную часть [Иохельсон, 1997, с. 128].

Свидетельства использования мужчинами поясов в отдаленные времена имеются и в фольклоре. Судя по преданиям, коряки употребляли в про-

шлом на войне пращу, представлявшую собой длинный (150–180 см) и узкий нерпичий ремень с петлей на одном конце и расширенной средней частью, в разрез которой вкладывался камень для метания. Герои носили эту пращу, обвязывая вокруг талии как пояс, а камень служил им вместо пуговицы [Антропова, 1957, с. 197]. Предание о герое, использующем в сражении пращу, содержит много символического. В приводимом В.И. Иохельсоном тексте один из героев оказался застигнутым врасплох, «когда у него не было ни лука, ни копья, а только праща, которую он носил как пояс. Увертываясь от стрел врага, он с такой силой метнул в него пращу, что ремень несколько раз обвился вокруг тела противника и разрезал его пополам» [Иохельсон, 1997, с. 101]. Праща предстает здесь самым древним и мощным оружием коряков, с помощью которого они сказочно легко побеждают своих врагов. Причем праща всегда находится у героя под рукой, он постоянно держит ее при себе, надевая как пояс, что еще более усиливает ее защитную функцию.

Пояса называются по-корякски *йийит* [Прыткова, 1976, с. 52]. Обычно их изготовляли из одного слоя выделанной нерпичьей кожи. Однако подчеркнем, что такой материал дают нам лишь музейные экземпляры, привезенные, как уже отмечалось, от оседлых береговых групп. В литературе же встречаются упоминания и о поясах из оленьей шкуры [Смолицкий, 1981, с. 87; Чубарова, 1981, с. 98; Декоративно-прикладное искусство, 2000, с. 15], которую, надо думать, использовали коряки-оленьеводы. Ширина поясов варьировала от 1–2 см до 7–10 см, длина примерно соответствовала обхвату талии с учетом толщины меховой кухлянки. На обычных повседневных поясах сохранялся естественный цвет кожи либо ее окрашивали в светлые тона – белый (МАЭ, № 442–18, № 408–82 – кереки) или желтый (АМЕИ, № 70/8107 – карагинцы). А та часть коллекционных

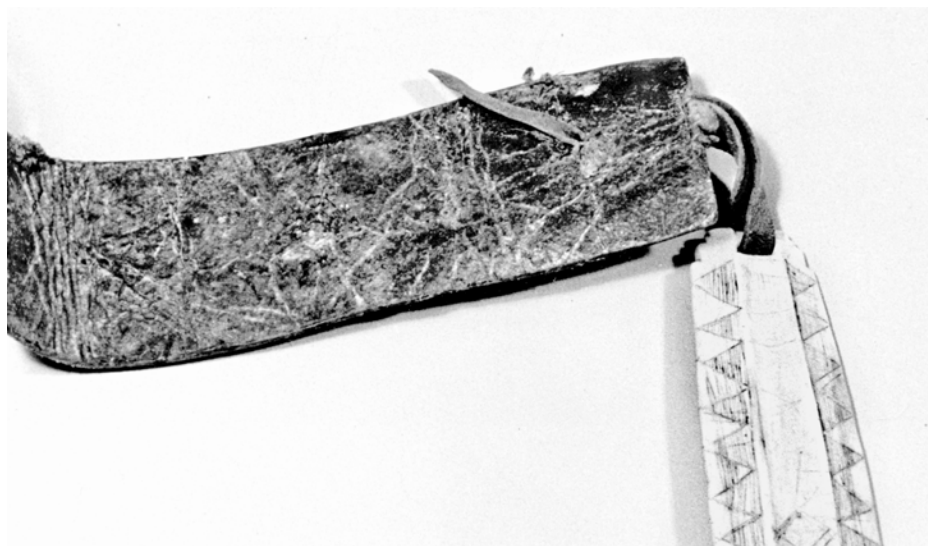

Рис. 41. Коряки (карагинцы). Старинная костяная пряжка на мужском поясе. МАЭ, № 956–140.

экземпляров, которая окрашена в черный или темно-коричневый цвета, по-видимому, должна быть отнесена к погребальным, на что указывают прямые или косвенные данные (подробнее об этом ниже).

Свою широкую глухую кухлянку коряки подпоясывали с напуском, застегивая пояс спереди при помощи пряжки. Более распространенными к концу XIX в. стали металлические пряжки, но прежде их делали из клыков моржа или мамонта. Среди музейных экземпляров костяные пряжки присутствуют на двух поясах, принадлежавших карагинцам. В обоих случаях пряжки имеют вытянутую прямоугольную форму размерами 9,5 x 4 см (МАЭ, № 956–140) и 12 x 4,5 см (АМЕИ, № 70/8107). Изнутри каждая пряжка снабжена крючком для застегивания, а снаружи обе они украшены резным орнаментом в виде ряда треугольников, чередующихся с прямыми линиями. Любопытно, что сами пояса, на которых прикреплены такие нарядные пряжки, никак не украшены, хотя ширина их составляет 4,5 и 5,5 см.

Подобные пряжки были распространены у коряков и в середине XIX в. В этом можно убедиться, сравнив вышеописанные музейные экспонаты с двумя образцами, изображенными в альбоме-приложении к книге И. Булычева «Путешествие по Восточной Сибири» (Ч. I. Якутская область, Охотский край [1856, таблица «Изделия коряков», рис. 13–14]). И хотя И. Булычевым не уточняется, из какого именно района происходят эти костяные пряжки, все же ясно, что принадлежали они северным корякам, проживавшим на территории Охотского побережья. А значит, в прошлом ареал их бытования у коряков был значительно шире, чем у карагинцев.

Металлические пряжки были двух типов: 1) небольшие, размером около 3 см, округлой или подпрямоугольной формы, с прямым подвижным язычком для застегивания. Изготовлены из железа, украшений не имеют. Укреплены на простых поясах без отделки.

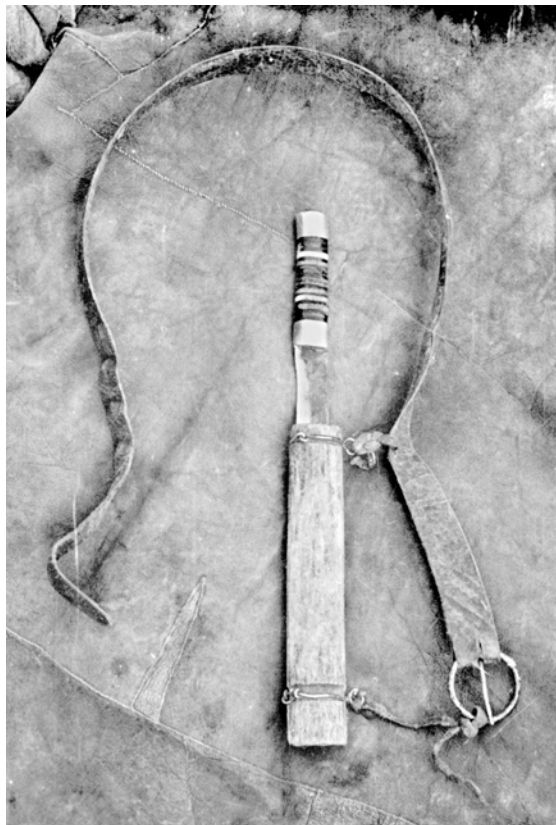

Рис. 42. Коряки. Мужской пояс из нерпичьей кожи с металлической пряжкой. МАЭ, № И-1964–98.

2) крупные пряжки, от 5 до 13 см длиной, в виде удлиненного прямоугольника. Изготовлены из меди или латуни, украшены насечкой или инкрустацией. Подвижный язычок в месте своего крепления S-образно изогнут, и нередко в его основание продеты дополнительные декоративные подвески. Эти пряжки, независимо от их локальной принадлежности, укреплены на поясах, имеющих особенно красивую отделку, в том числе и на погребальных.

Полотно узких поясов, в 1–2 см шириной, не украшали, а более широкие виртуозно расшивали красочными узорами. В этнографической литературе, начиная еще с работ В.Г. Богораза, существует суждение, что традиционная одежда коряков отличалась от одежды соседних народов более высоким мастерством художественной отделки [Иванов, 1963, с. 164–165; Прыткова, 1976, с. 71; Кочешков, 1989, с. 59]. В определенной степени это относится и к корякским поясам, которые выглядят самыми нарядными на Северо-Востоке Сибири.

Применялись различные способы украшений и самый разнообразный материал: кожа, олений волос, бисер, фабричные нитки. Аппликация кожей по коже встречается на поясах в виде кругов и квадратиков, вырезанных из светлой кожи белого или желтого цветов и нашитых на темную основу. Использовали и такую разновидность аппликации, как пришивание к коже маленьких прямоугольных кусочков (язычков) светлой кожи. Их либо пришивали к основе одним верхним краем (и тогда они имели вид «флажков»), либо крепили плотно и сверху, и внизу. Коряки-каменцы украшали пояса четырьмя рядами светлых кожаных язычков, пришитых только сверху, как маленькие «флажки» (АМЕИ, № 70/3069).

Применялись в корякских поясах и декоративные швы из белого подшейного волоса оленя. Такая вышивка использовалась обычно в комбинации с какой-либо другой техникой декора. Прямые горизонтальные швы из оленьего волоса могли сопровождать аппликацию в виде кожаных квадратиков коричневого и белого цветов (МАЭ, № 956–54 – погребальный пояс итканцев), или края темно-коричневого пояса, расшитого оленьим волосом, обшивались горизонтальными полосками белой кожи (МАЭ, № 956–16 – каменцы).

Часто встречается на корякских поясах и особый комбинированный шов, при котором олений волос пропускался через кожаные петли, образуемые светлыми ремешками, продетыми через вертикальные разрезы в черной или коричневой коже. Этот способ, названный В.И. Иохельсоном техникой прорезной вышивки (slit embroidery), был впервые описан им в начале XX в. [Jochelson, 1908, с. 690]. С.В. Иванов при рассмотрении данного приема в «Орнаменте народов Сибири» также использовал термин slit embroidery, принятый в англоязычной этнографической литературе [Иванов, 1963, с. 203]. Основа пояса при этой технике окрашивалась в черный или коричневый цвет. В поясе делали ряды вертикальных парных прорезей, через которые пропускали светлый ремешок, а затем в промежутки между светлым ремешком и темной основой пропускали олений волос, создавая неповторимый своеобразный узор, различные комбинации которого очень характерны для корякских поясов.

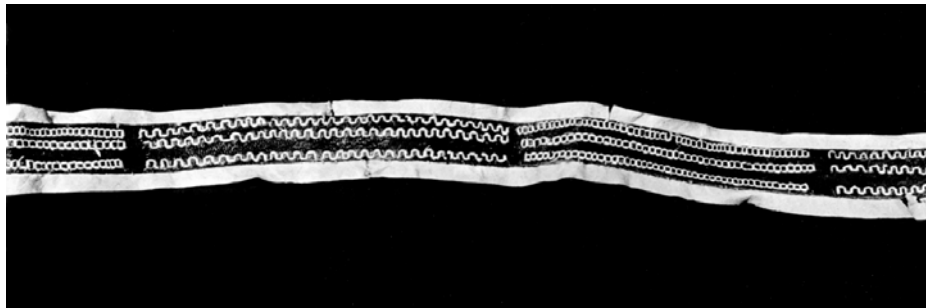

Рис. 43. Коряки (каменцы). Пояс, расшитый оленьим волосом в технике прорезной вышивки. МАЭ, № 956–16.

Среди коллекционных корякских поясов этот способ, считающийся одним из древних приемов декорирования кожаных изделий у народов Северо-Востока, встречается на пяти экземплярах. Во всех случаях полотно пояса окрашено в черный или темно-коричневый цвет. О двух поясах имеются указания, что они предназначались для погребальной одежды (АМЕИ, № 70/3499 – обрусевшие гижигинские коряки, № 70/3344 – итканцы). Еще три пояса, привезенные от каменцев, судя по характеру украшений, скорее всего, тоже являются погребальными (АМЕИ, № 70/2889, № 70/3235, МАЭ, № 956–16), хотя музейная документация об этом умалчивает. Случайно ли такое совпадение или здесь имеется какая-то связь, пока неясно, но к этому вопросу мы вернемся позже, в сюжете о погребальных поясах.

Бисер редко употреблялся народами Северо-Востока, но коряки применяли и этот материал, расшивая им и пояса, и подвешенные к ним сумочки. По-видимому, бисерные пояса чаще встречались в приморских (береговых) группах, в то время как для тундровых оленеводов-чавчуменов они были менее характерны. Во всяком случае именно о приморских коряках писал В.И. Иохельсон, когда отмечал, что у них «пояса часто вышиты стеклянным бисером», и из всех приморских групп он выделял в этом отношении алюторцев [Иохельсон, 1997, с. 129, 163]. Это подтверждается и данными Н.Ф. Прытковой, отметившей, что у алюторцев в районе бухты Корфа были распространены широкие пояса (около 10 см), сплошь расшитые цветным бисером, расположенным концентрическими овалами [Прыткова, 1976, с. 52].

Среди музейных экземпляров отсутствуют пояса из алюторской группы, но есть бисерный пояс, привезенный от ближайших южных соседей алюторцев коряков-каменцев (АМЕИ, № 70/2957, этот же пояс изображен в монографии В.И. Иохельсона [1997, с. 129, рис. 88]. Правда, из всех корякских поясов, хранящихся в фондах МАЭ и АМЕИ, он единственный отделан бисером. Такое соотношение, очевидно, нужно расценивать как признак того, что все-таки бисерные пояса были не столь уж распространенными у коряков.

В связи с этим крайне любопытно замечание Е.П. Орловой, сделанное ею в статье, написанной по результатам обследования в 1926–1927 гг. не-

скольких групп оленеводов-чавчуменов, кочевавших в камчатской тундре к югу от р. Тигиля. Описание Е.П. Орловой – это, пожалуй, единственное свидетельство, об употреблении бисера оленными коряками, которым мы располагаем, поэтому приведем его полностью. «Обычно, – пишет Е.П. Орлова, – бисером украшают детские костюмы, иногда даже сзади на поясе детской одежды пришивают колокольчики и в местах прикрепления их делают розетки из яркого бисера. Для украшения одежды взрослых идет большей частью не мелкий бисер, а крупные «корольки» [Орлова, 1929, с. 87–88]. Здесь очевидно проявление защитной функции бисера, пришиваемого на детскую одежду вместе с колокольчиками. Но, главное, что важно для нашей темы: у оленных коряков «иногда одежда обшивается бисером», что, по мнению автора, «заимствовано от ламутов» [Там же, с. 87]. Аналогичное мнение высказывал и В.Г. Богораз относительно чукчей. Он считал, что чукчанки в вышивании бисером лишь подражают эвенским женщинам [Богораз, 1991, с. 163].

Рассмотрим подробнее, как выглядит единственный бисерный пояс, которым мы располагаем, принадлежавший каменцам и хранящийся в АМЭИ. Ширина его 7 см, общая длина 110 см. Расшитая бисером часть составляет 70 см. С левой стороны к поясу прикреплена массивная металлическая пряжка, украшенная насечкой, справа – зауживающийся к концу ремешок длиной 32 см с рядом сквозных отверстий для застегивания. Бисер нашит концентрическими рядами. Начиная от центра к краю идут три красных ряда, затем – три белых (причем в среднем ряду здесь добавлено равномерное чередование с черным цветом), опять три красных, один белый, и последний к краю ряд опять составляет белый с чередованием черного. В книге В.И. Иохельсона [1997, с. 163] при публикации этого пояса почему-то вместо красного назван синий цвет (видимо, это типографская ошибка или описка).

В музейной документации МАЭ сохранилось краткое описание еще одного корякского пояса, «сплошь орнаментированного бисером». Он происходил, как и выше рассмотренный пояс, из локальной группы каменцев, но был впоследствии утрачен, поэтому данные о нем ограничиваются только записью регистратора, которую приведем полностью. В описи зафиксировано, что орнамент представлял собой «прилегающие друг к другу прямые линии вдоль пояса. Три средние линии из красного бисера, шесть крайних (по три с обеих сторон красных линий) – из белого бисера, причем средняя полоска составлена вперемежку из белого и синего бисера» (МАЭ, опись коллекции № 956–34 ав, регистратор В.Н. Васильев). Как видим, в основном это описание совпадает с тем, что было приведено выше и по цветовой гамме (заменен только черный цвет на синий), и по узору, состоявшему, как и в первом случае, из замкнутых рядов бисера.

Принцип расположения бисера концентрическими рядами сохраняется и в современных корякских поясах. Однако на них мы видим иной орнаментальный узор, включающий не только полосы, но и ромбы, насколько можно судить по двум экземплярам второй половины XX в., хранящимся в Сахалинском областном художественном музее. Правда, каталог этого музея, в котором опубликованы краткие аннотации и фотографии данных

поясов, называет местом их происхождения Камчатку без уточнения локальной группы или района проживания коряков, но при этом подчеркивается, что бисер нашит на ровдужную полосу, «как это предписывалось традиционной старинной техникой» [Декоративно-прикладное искусство..., 2000, с. 15]. Здесь, во-первых, очень важно упоминание ровдуги, свидетельствующее об изготовлении данных поясов не из нерпичьей кожи, а из оленьей, скорее всего коряками-оленеводами. Во-вторых, делается упор на старинную технику, поэтому есть основания считать, что, несмотря на современный характер изделий, в этих поясах сохранен традиционный стиль украшений. А это значит, что музейные собрания рубежа XIX–XX вв. отражают лишь малую часть того многообразия орнаментальных рисунков, которыми в действительности могли обладать в прошлом бисерные пояса коряков.

Коряки подвешивали к поясу нож в ножнах и кисет (или футляр с табакеркой), иногда щипчики для выдергивания волос. Как пишет Е.П. Орлова об оленных чавчувенах, «парка мужчин всегда туго подпоясана ремненным поясом, на котором спереди привешен нож в ножнах, а с боку колтон с лемешинной, стальные щипчики для выщипывания волос из усов и бороды и стальная же ковырялка для ушей». Колтон – это коробочка с плотно закрывающейся крышечкой, где хранили так называемую лемешину – специально приготовленную смесь с табаком, которую периодически закладывали за щеку [Орлова, 1929, с. 89]. Обратим внимание на расположение ножен «спереди», к чему вернемся позднее, и перейдем к рассмотрению ножей.

У коряков существовало несколько видов ножей, различавшихся по размеру и назначению. Из них на поясе носили лишь тот, который назывался поясным – *itit-wal* или *yecet-wal*. Его использовали чаще других и с самыми разнообразными целями, как пишет В.И. Иохельсон: для еды, потрошения рыбы, закалывания оленя, срезания шерсти с оленьих шкур, вырезания предметов из дерева, резьбы по кости. Длина ножа вместе с ручкой в среднем 30 см, длина лезвия 17–18 см. Каждый коряк, даже 6–7-летний мальчик, уже имел у себя на поясе такой нож [Стебницкий, 2000, с. 141]. Женщины носили его обычно заткнутым в голенище обуви и очень редко у пояса [Иохельсон, 1997, с. 135].

Ножны делали деревянными, составленными из двух пластинок, скрепленных проволокой или ремнями, либо изготавливали их из толстой нерпичьей кожи. Подвешивали ножны на поясе обычно рядом с пряжкой – непосредственно за ней или на расстоянии 4–5 см от нее, так что нож оказывался «спереди», как и подчеркивала Е.П. Орлова.

Крепили ножны на двух ремешках, либо плотно пришитых к поясу, либо закрепленных в нем через сквозные прорезы. Ремешки для подвешивания делали разной длины, чтобы ножны находились в наклонном положении и рукоятка ножа была слегка приподнята вверх. На музейных поясах ножны чаще всего располагаются справа, но встречается и левостороннее крепление. Даже в книге В.И. Иохельсона [1997, с. 129] на иллюстрации, изображающей рядом друг с другом два коряцких пояса, на одном ножны подвешены справа, а на другом – слева. В литературе указаний на

Рис. 44. Коряки. Современный оленевод в традиционной одежде с поясом (Новая жизнь народов Севера. М., 1967).

предпочтение в локализации ножен у коряков – справа или слева – не встречено. Но исходя из сопоставления с чукотско-эскимосской традицией, предписывавшей ношение ножен справа, можно полагать, что и у коряков было в принципе принято то же. А случаи левостороннего крепления ножа должны объясняться индивидуальными привычками левши.

Есть сведения, что мужчины носили на себе еще один нож, который по сравнению с поясным был более внушительным по размерам. Его общая длина составляла 45–50 см, а лезвие было 20–25 см при ширине 4–5 см. Назывался он *yo-wal*, что значит бедренный нож, потому что, как объясняет В.И. Иохельсон [Там же, с. 135], «его носят не на поясе, а привязывают у правого бедра, под кухлянкой, так что его легко вытащить правой рукой». Из данного описания остается, однако, неясным, каким именно образом крепился этот нож. В другой работе находим пояснение, что такой нож «охотники носят на ремне, прикрепленным к поясу под верхней паркой, и, чтобы ножны не болтались при ходьбе (ведь нож достаточно массивен и тяжел), их привязывают еще и ремнем над коленкой» [Каплан, 1980, с. 84]. Очевидно, эту информацию надо понимать так, что для подвешивания бедренного ножа корякские мужчины надевали под кухлянку второй пояс, и крепление на нем ножен было аналогично способу, рассмотренному выше у нганасан, юкагиров, эвенов и эвенков.

Вторым предметом, который коряки обычно носили на поясе, был кисет. Его крепили двояко: либо на противоположном от ножен конце пояса, либо с той же стороны, где и ножны, непосредственно под ними (АМЕИ, № 70/3101 – каменцы; № 408–82 – кереки. См. этот способ на рис. 45). Кисет мог быть пришит плотно к самому полотну пояса (АМЕИ, № 70/3410 – гижигинские оседлые коряки, № 70/3101 – каменцы), или его подвешивали на двух ременных петлях, надетых на пояс. В последнем случае имелся дополнительный ремешок, который фиксировал положение петель и не позволял кисету сдвигаться в сторону (МАЭ, № 956–67 – гижигинские оседлые коряки).

Кисет или футляр с берестяной табакеркой, трутом и кремнем представлял собой сумочку квадратной или близкой к квадрату (11,5 x 11,5 см, 11 x 10 см, 14 x 12 см) формы, сшитой из нерпичьей шкуры мехом наружу или из оленьей ровдуги. Отверстием служила прорезь, расположенная на 2–3 см ниже верхнего края. К краям прорези пришивали два ровдужных ремешка, на концы которых надевали бусины, обычно синего цвета (АМЕИ, № 70/3101 – каменцы). Скорее всего, они играли здесь ту же роль, что и бусины, подвешенные в других местах (к браслетам, к косичкам и т.д.), где, по представлениям коряков, они являлись оберегами от злых духов [Антропова, 1971, с. 79]. Наружную часть ровдужного кисета нередко сплошь расшивали бисером синего и белого цветов (АМЕИ, № 70/3410), а иногда использовали в его орнаменте и изображения человеческих фигурок [Иохельсон, 1997, с. 129, 163].

Необходимо остановиться также на погребальных поясах, которые обязательно входили в комплект мужской погребальной одежды. Несмотря на то, что подобная одежда в научной литературе описана довольно подробно, пояса в ней только упоминаются, и музейные коллекции могут дать здесь важный дополнительный материал. Для сравнения отметим, что у чукчей тоже существовала традиция изготовления мужской погребальной одежды, но в музейных собраниях она совсем не представлена, а ее опубликованные описания [Прыткова, 1976, с. 33–35] не содержат данных о поясах.

В музейной документации из 16 корякских поясов погребальными названы четыре экземпляра, три из которых принадлежат итканцам (МАЭ, № 956–54; АМЕИ, № 70/3343, 70/3344), а четвертый, привезенный из с. Кушка, – обрусевшим гижигинским корякам (АМЕИ, № 70/3499). Однако можно полагать, что к погребальным следует отнести большее количество поясов, чем указано в сопроводительных материалах. Основание для этого дают некоторые косвенные данные, прежде всего – особенности украшения самих поясов, а также сравнительный материал по погребальной одежде в целом.

По исследованию Н.Ф. Прытковой, проведенному на основании разнообразных источников, включая и основополагающую монографию В.И. Иохельсона, погребальную одежду коряки делали всегда белого или – реже – светло-серого цвета и особым образом ее украшали, так как по традиции погребальная одежда должна была быть очень красивой [Прыткова, 1976, с. 63, 64]. Пользовались такими приемами, как вшивание в продольные швы полос черной кожи, орнаментированных белым оленьим волосом или кожаной аппликацией, а также подвески с нанизанными кисточками из шерсти нерпы, окрашенной в красный цвет. Все четыре пояса, определенно названные погребальными, тоже окрашены в темный – черный или коричневый – цвет и отделаны каким-либо из перечисленных способов.

Кроме того, известно, что погребальную одежду готовили заранее и, как правило, полностью не завершали при жизни человека, для которого она предназначалась, опасаясь, что это может ускорить наступление его смерти. Из-за этого хранили погребальную одежду в незаконченном виде – без опушки у капюшона, без подошв у обуви и т.д. Пояса по этому же принципу оставляли без пряжек. В музейных коллекциях хранятся четыре таких поясных заготовки (у которых отсутствуют пряжки), принадлежавшие каменцам, итканцам и керекам. Три из них окрашены в черный цвет и одна – в темно-коричневый.

Обращает на себя внимание и то, что ни на одном поясе из числа тех, которые точно или хотя бы предположительно можно отнести к погребальным, нет никаких подвесок, даже ножа в ножнах. Таким образом, выделяются несколько признаков принадлежности пояса к погребальной одежде. Полотно пояса должно быть окрашено в темный цвет, особенно тщательно украшено, часто с использованием оленьего волоса и крашеного меха нерпы, пряжки богатые либо их нет совсем, а также полностью отсутствуют подвески. Конечно, каждый из названных признаков сам по себе еще не может означать именно погребальной принадлежности пояса, но взятые в комплексе они достаточно убедительно свидетельствуют об этом. Совпадение всех выявленных признаков обнаруживается на девяти поясах, т.е. получается, что свыше половины коллекционных экземпляров могут быть отнесены к погребальным. Почему так много? Возможно, повлияло как раз то, что, будучи заранее сшитыми для погребального обряда, эти пояса хранились у их владельцев, и именно поэтому В.И. Иохельсону удалось приобрести их.

Три погребальных пояса привезены от итканцев и определены в качестве погребальных самим собирателем. На двух из них (МАЭ, № 956–54;

АМЕИ, № 70/3343) в средней части нашиты кружки белого цвета, вырезанные из кишок морских животных, а сверху и снизу от кружков идут по две полосы, вышитые подшейным волосом оленя, между которыми в шахматном порядке пришиты квадратики белой кожи. Пояс под № 956–54 обшит, помимо этого, по краям полосками белой кожи. Третий пояс итканцев (АМЕИ, № 70/3344), а также пояс гижигинских коряков (АМЕИ, № 70/3499) декорированы прорезной вышивкой. Эта же техника представлена, как уже говорилось выше, еще на трех поясах, привезенных от каменцев и определяемых нами тоже в качестве погребальных (АМЕИ, № 70/2889, № 70/3235; МАЭ, № 956–16). Интересно, что на других корякских поясах, не имеющих признаков погребальных, прорезная вышивка не встречается. Исходя из этого можно предположить, что такая трудоемкая старинная техника, требующая от мастериц больших затрат сил и времени, к концу XIX в. применялась уже в первую очередь для изготовления именно обрядовых погребальных поясов, требовавших не только самого высокого уровня отделки, но и безусловного соблюдения традиций.

Помимо прорезной вышивки, на погребальном поясе гижигинских коряков пришиты еще шесть меховых подвесок, расположенных примерно на равном расстоянии друг от друга. Каждая такая подвеска длиной около 14 см составлена из нашитых на тонкий кожаный ремешок маленьких кусочков меха молодой нерпы, окрашенного в красно-коричневый цвет (АМЕИ, № 70/3499). Богатое декоративное оформление данного пояса обращает на себя внимание еще и потому, что является свидетельством сохранения гижигинскими обрусевшими коряками самобытных черт своей традиционной культуры, несмотря на давно идущие у них процессы ассимиляции. Пояс, таким образом, выступает здесь ярким выразителем этнической традиции, проявляющейся в нем не менее выпукло, чем в других элементах культуры – хозяйства, быта, мировоззрения.

Чукчи. Сведения о поясах чукчей в литературе крайне редки. Даже такой великолепный знаток их культуры, как В.Г. Богораз, очень кратко упоминает о них при описании одежды в монографии, посвященной материальной культуре чукчей [Богораз, 1991, с. 177–178]. Но благодаря тому, что мы располагаем 11 музейными экземплярами, удастся все же составить о них более или менее цельное представление. Причем, несмотря на то, что чукотских поясов у нас значительно меньше, чем корякских, о них складывается довольно ясная картина. Причина в том, что, хотя по хозяйственному признаку чукчи, как и коряки, разделяются на оленных и приморских (береговых), все же их этнос сохранил гораздо большую компактность и значительное единство в языке и культуре. Поэтому в чукотских поясах мы не видим того мозаичного разброса признаков, с которым столкнулись на примере коряков.

Выше уже отмечалось, что чукотские женщины поясов не носили. А мужчины обязательно подпоясывались поверх плечевой одежды, которая была у них того же типа, что и у коряков. Стянутая поясом широкая глухая меховая кухлянка высоко поднималась, образуя напуск и давая, таким образом, полную свободу движений рукам и телу [Каллиников, 1912, с. 69].

Чукотское название пояса *ричит* [Прыткова, 1976, с. 12]. На изготовление поясов шли выделанные нерпичьи или оленьи (чаще камусные) шкуры. Простейший пояс представлял собой узкую полосу кожи длиной около 1 м. В некоторых случаях эта ременная полоса обшивалась с изнанки хлопчатобумажной тканью, так что края подклада чуть выступали наружу в виде узкого канта (МАЭ, № 1791–173, № 1791–175). Но чаще чукчи, в отличие от коряков, шили пояса двухслойными, для чего складывали вдвое один цельный кусок кожи либо два куска сшивали вместе. Это могли быть две полосы меха (мех нерпы внутрь, камусный – наружу), или одна полоса нерпичьего меха внутрь, а другая кожаная наружу, или два слоя нерпичьей кожи.

Застегивались пояса спереди на пряжку, пуговицу или крючок. Самым простым способом было привязывание к одному концу пояса обычного маленького камушка, который, как пуговицу, продевали в петлю, прорезанную на противоположном конце пояса [Богораз, 1991, с. 178]. В.Г. Богоразом было высказано предположение, что подобные пояса с маленькой галькой вместо пуговицы могли являться подражанием боевой праще, которая была широко распространена у чукчей, так же как и у коряков [Антропова, 1957, с. 197]. Более сложным было применение в застежке специальных костяных пуговиц (МАЭ, № 1791–171) или крючков (МАЭ, № 1791–172).

Но самым характерным являлось застегивание пояса при помощи пряжки. В этом случае противоположный от пряжки конец пояса был заужен и имел ряд сквозных отверстий. Пряжки делали округлыми или в форме вытянутого прямоугольника, из кости или железа. Металлические пряжки с подвижным язычком были двух видов. Среди них встречаются как очень простые и небольших размеров экземпляры, так и довольно массивные, украшенные насечкой (АМЕИ, № 70/6615). О разнообразии пряжек и, возможно, об отсутствии в их формах жестких канонов свидетельствует замечание Н.Ф. Калиникова о том, что пояса у чукчей скреплялись «какой-либо пряжкой, сообразно фасону и вкусу владельца» [Калинников, 1912, с. 69].

Декоративную отделку имели только широкие (в 3–5 см) пояса, в то время как узкие, в 1–2 см шириной, не украшались. Эти последние обычно и сочетались с простыми пряжками. Распространенным материалом как для изготовления самих поясов, так и для их художественной отделки была мандалка – особым способом обработанная шкура нерпы, которая после удаления с нее волосяного покрова в результате тщательной выделки приобретала красивый белый или мягкий бежевый цвет [Чубарова, 1981, с. 92].

При украшении поясов часто использовали аппликацию кожей по коже – в виде полосок или квадратов, а также четырехугольных розеток (МАЭ, № 1791–175). Встречался и такой прием, как пропускание узких ремешков через разрезы в коже (АМЕИ, № 70/6615) – способ отделки, широко распространенный также у коряков и азиатских эскимосов [Иванов, 1963, с. 198]. Применяли и вышивку подшейным оленьим волосом, а позднее и фабричными нитками (МАЭ, № 1791–173; № 408–81). Орнамент всегда был строго геометрический с преобладанием прямолинейных форм.

Каждый мужчина обязательно носил на поясе нож в ножнах, реже к поясу крепились и некоторые другие предметы. Как пишет Н.Ф. Калинин, у мужчины на поясе всегда висит «нож в кожаной оправе, без которого чукча никогда не обходится, маленькая коробочка или кошелек из кожи, куда кладется щепоть табаку, пара гвоздей и тому подобная мелочь, и, наконец, маленький брусок, просверленный на одном конце и на особом ремешке привешиваемый к поясу сзади» [Калиников, 1912, с. 69]. Однако все прочие вещи, кроме ножа, чаще подвешивали на ремне вокруг шеи, так что они оказывались спрятанными на груди под меховой кухлянкой. По описанию доктора К. Мерка, посетившего чукчей в конце XVIII в., как правило, это были кисет с табаком, курительная трубка, предметы для высекания огня – кремь и огниво, а также оселок для затачивания ножей и «полая трубочка из ноги большой птицы для посасывания воды во время путешествий» [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 111].

Таким образом, единственным предметом, который всегда подвешивали к поясу, был только нож, а расположение остальных вещей могло варьироваться (либо на поясе, либо на шее). Нож вкладывали в ножны, сшитые из сложенного пополам целого куска кожи. Ножны крепились к поясу с правого бока. Их подвешивали на двух ремешках, один из которых (более длинный) привязывали непосредственно к пряжке, а второй (покороче) прикрепляли к полотну пояса, так что ножны находились спереди в наклонном положении (АМЕИ, № 70/6615; № 70/6221). Встречались у чукчей и сдвоенные ножны, в которые одновременно вкладывались два ножа, но их конструкция,

Рис. 45. Чукчи. Современный оленевод в традиционной одежде с поясом, на котором подвешены сдвоенные ножны (Северные просторы, 1989, № 1).

как это видно по фотографии, отличалась от устройства подобных ножен и у юкагиров, и у манси.

Наряду с ношением ножа на поясе у чукчей отмечен еще и способ его крепления на бедре, аналогичный корякскому. Причем, так же как у коряков, данные об этом способе очень кратки и не совсем понятны, поэтому приведем их полностью. А.В. Олсуфьев отмечал, что «маленький ножик» висит на тонком ремennom поясе, которым обычно стянута кухлянка, а «большой нож прикреплен сбоку, вдоль бедра, к штанам» [Олсуфьев, 1896, с. 103]. Это совпадает с тем, что было принято у коряков, которые разные виды ножей тоже носили по-разному: меньшего размера нож – на поясе, а более крупный – на бедре. Но любопытно, что К. Мерк в конце XVIII в. несколько разделял информацию на эту тему относительно оленных и береговых чукчей. Он писал: «Обычно каждый оленный чукча носит нож на наружной стороне правого бедра». А оседлые чукчи носят свои ножи «или подвязанными на пояс, или на правом бедре» [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 111–112]. Не располагая, ввиду недостатка данных, какими-либо уточнениями на этот счет, остановимся пока на самом общем суждении, что чукчи, подобно корякам, практиковали оба способа ношения ножей – и на поясе, и на бедре.

Прикрепление к поясу являлось у чукчей и одним из широко употребляемых способов ношения амулетов, наряду с тем, что их подвешивали также на шее или крепили непосредственно к самой парке. Эти предметы играли роль личных охранителей и имели самую разнообразную форму – от простейшего изображения человека до обычной бусины. Но наиболее распространенными являлись вырезанные из развилок ветвей дерева схематичные антропоморфные фигурки размером 3–6 см, которые воспринимались индивидуальными защитниками их владельцев. К. Мерк в конце XVIII в. так описал эти изделия: у чукчей есть «маленькие божки – Gamangau, или Окамак, которые они носят прикрепленными к поясу или, как у женщин и детей, прикрепленными сверху к меховой парке и которых считают своими защитниками и охранителями. Божки представляют собой вилкообраз-

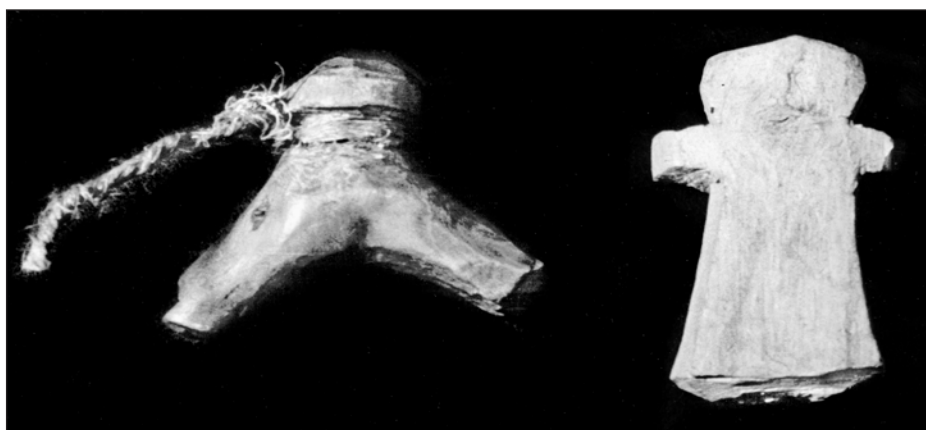

Рис. 46а. Чукчи. Личные охранители, носимые на поясах.
МАЭ, № 422–71, № 422–72.

Рис. 466. Чукчи. Личные охранители, носимые на поясах.
МАЭ, № 422–71, № 422–72 (связка).

ные веточки, на нижних концах которых вырезаны как бы ступни ног, а наверху имеют закругление в виде головы, за которую чукчи и привязывают их ремешками» [Там же, с. 101].

Другим видом личных охранителей, подвешиваемых на поясе сзади примерно посередине спины, были цветные бусины (АМЕИ, № 70/6946), которые, судя по сообщению Г.У. Сведрупа, почитались прежде всего чукчами-оленоводами. «Почти у всех пастухов, – пишет Г.У. Сведруп, – встречались короткие низки, состоящие из трех бус, как правило синего, белого и красного цвета. Эти низки привязывались сзади на пояс. Служили они охранителями оленеводов во время дальних путешествий и при выпасе оленей» [Сведруп, 1930, с. 320]. Подвешивали к поясу и вырезанные из кости фигурки животных, как, например, на поясе, хранящемся в АМЕИ под № 70/6221. Здесь сзади на коротком ремешке прикреплена костяная фигурка какого-то зверя, возможно собаки, с двумя головами, и рядом с ней голубая бусина.

В.Г. Богораз об охранителях на чукотских поясах написал следующим образом: «Иногда пояса грубо украшаются бубенцами, пуговками и прочими звучащими предметами. Сзади пришиваются ремешки, связанные в узлы; они играют роль амулетов» [Богораз, 1991, с. 177–178].

Судя по литературе у маленьких детей и женщин из-за отсутствия у них поясов амулеты либо подвешивались на шее, либо пришивались прямо к куклянке. Но в музейных коллекциях имеется один детский пояс с охранителями, принадлежавший, очевидно, мальчику-подростку. Этот

пояс (АМЕИ, № 70/6615 аб) числится детским по музейной регистрации, и он действительно выделяется небольшими размерами, характером отделки и подвесками. Как и для взрослых, пояс изготовлен двухслойным (мехом нерпы внутрь, кожаной полосой светло-желтого цвета наружу) и снабжен массивной металлической пряжкой, отделанной насечкой. Сверху он сплошь украшен в технике пропускания узких ремешков, в данном случае темно-коричневого цвета, через разрезы в коже основы (здесь она светло-желтая). На поясе, в соответствии с чукотской традицией, одним ремешком к пряжке, другим – недалеко от нее прикреплены ножны из сложенного пополам куска кожи, прошитого одним продольным швом.

В остальном пояс выделяется следующими особенностями. Во-первых, на его поверхности, прямо на кожаный узор, составленный из пропущенных в прорези ремешков, нашиты примерно на равном расстоянии друг от друга восемь старинных металлических пуговиц на ножке с изображением якоря. Во-вторых, сзади подвешен на коротеньком ремешке металлический колокольчик, изготовленный, по-видимому, из меди. И пуговицы, и колокольчик, несомненно, выступают здесь в функции детских оберегов, играющих роль «личных защитников», хотя по форме они несколько отличаются от «охранителей», обычно подвешиваемых на поясах взрослых мужчин. К данному поясу по особенностям отделки и характеру подвесок примыкает еще один коллекционный экземпляр, принадлежащий керекам, материалы по которым заслуживают того, чтобы рассмотреть их отдельно.

Кереки до недавнего времени причислялись к корякам, составляя среди них одно из самых малочисленных локальных подразделений, ныне же они получили статус самостоятельного этноса. Расселенные на самой северо-восточной окраине корякского ареала, в непосредственном соседстве с чукчами, они административно входят в состав Чукотского автономного округа. Исследования последней трети XX в., проведенные у керек В.В. Леонтьевым, позволили ему отнести их к более древнему, чем чукчи и коряки, населению Северо-Востока Азии, которое в процессе своего исторического развития последовательно впитало в себя многие элементы сначала ительменской, а затем корякской и чукотской культур. Однако, несмотря на такое сложное этнокультурное воздействие, а также вопреки тому, что в течение последних двух столетий кереки пережили еще и значительную ассимиляцию со стороны более многочисленных чукчей, они все же до сих пор сохраняют самобытные черты культуры и многие этнические признаки [Леонтьев, 1973, с. 36–39; 1983].

Благодаря тому, что в 1898 г. МАЭ получил большое собрание этнографических предметов, собранное управляющим Анадырским округом Н.Л. Гондатти у нескольких народов этого региона, в том числе и керек, мы располагаем уникальными материалами по их традиционной культуре, среди которых есть и три пояса. Два из них прямо обозначены как керекские, в то время как принадлежность третьего пояса не уточнена, но на нее указывают несколько признаков, прежде всего – своеобразный орнамент. Это пояс № 408–82, белое кожаное полотно которого обшито снаружи узкими полосками коричневой кожи. Полосы эти, группируясь попар-

но, располагаются поперек пояса, и расстояние между каждой парой составляет примерно 6–7 см. Этот узор как бы пересекает полотно пояса несколькими рядами двойных полос, что очень напоминает орнамент из опо-

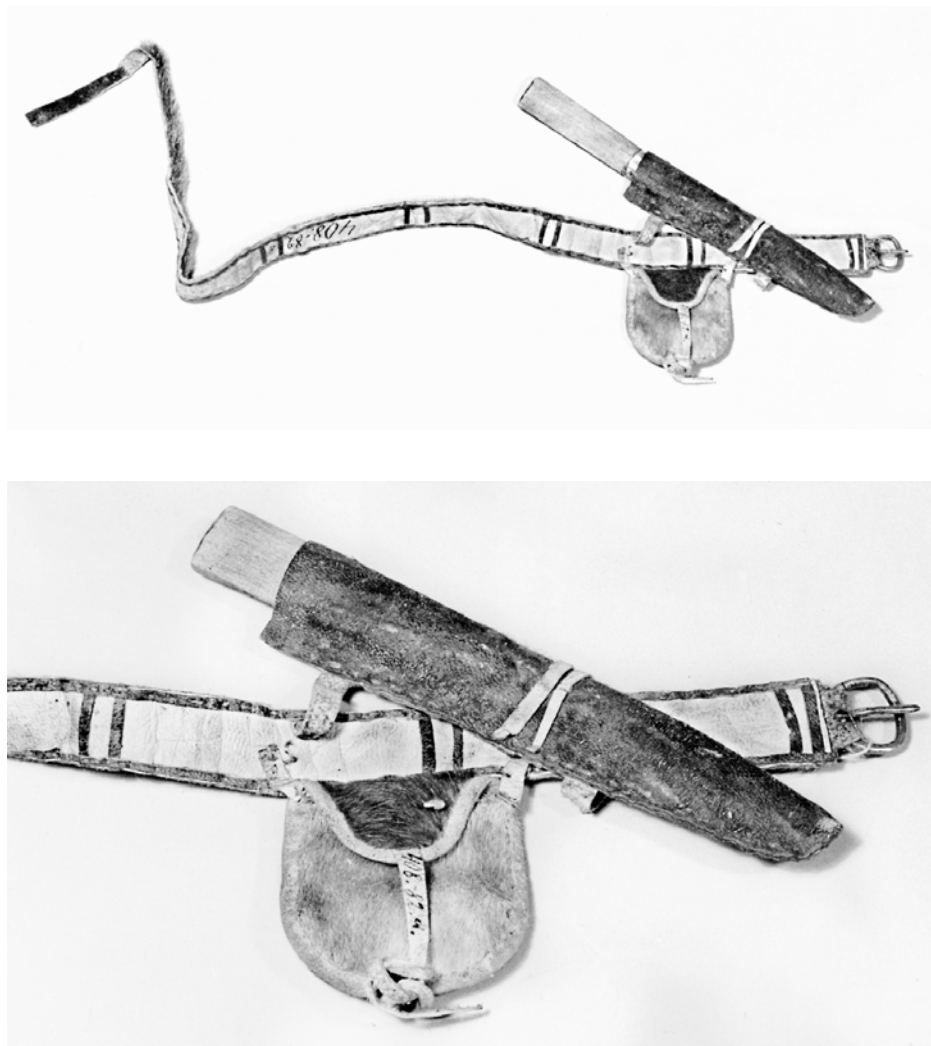

Рис. 47. Кереки. Пояс с ножнами и кисетом. МАЭ, № 408–82.

ясывающих линий, который В.В. Леонтьев считает типичным для керекской культуры. Кереки украшали таким рисунком наконечники стрел и копий, амулеты в виде фигурок [Леонтьев, 1983, с. 49–50]. Судя по данному поясу, его использовали также и в работе с мягкими материалами, вводя в декор предметов из кожи и меха.

Однако, кроме этого орнаментального признака, керекские пояса, пожалуй, не обнаруживают больше каких-то явных проявлений своей самобытности. В целом можно сказать, что они полностью укладываются в

тот общий тип, который характерен для остальных народов Северо-Востока Сибири. Их специфику составляет удивительное переплетение корякских и чукотских признаков. Так, керекские пояса либо изготавливались по-корякски из одного слоя кожи (МАЭ, № 442–18, № 442–38), либо делались по-чукотски двухслойными (МАЭ, № 408–82). При этом так же, как у коряков, повседневные пояса были белыми или светлыми, а погребальные шили из кожи, окрашенной в черный цвет (МАЭ, № 442–38). Застежкой служили металлические пряжки с подвижным язычком, среди которых встречались и совсем простые (маленькие четырехугольные), и более заметные (массивные, вытянутые, размером 13 x 5 см, с закругленными углами, украшенные насечкой и даже инкрустацией). На последних пряжках к основанию язычка прикреплялись дополнительные металлические подвески, изогнутые в виде крючка или лиры (МАЭ, № 442–18).

Для декоративного убранства керекских поясов наряду с рассмотренной выше кожаной аппликацией, воспроизводящей традиционный орнамент из двойных опоясывающих линий, была характерна вышивка оленьим волосом и сухожильными нитями, а позднее и цветными фабричными. Вышиваемые узоры состояли из геометрических фигур в виде концентрических кругов и различных волнообразных линий. Нить мастерицы не пропускали через кожу насквозь, а лишь слегка прихватывали ее за верхний край, поэтому на обратной стороне нет следов от швов (МАЭ, № 442–38), что характерно в целом и для всех корякских поясов.

С правой стороны к поясу подвешивались ножны. Два ремешка, на которых они держались, пришивались прямо к поясу, как у коряков, либо один из них по-чукотски крепился непосредственно к пряжке. Кисет пришивали к поясу с той же стороны непосредственно под ножнами, как было принято у коряков.

Один из керекских поясов выделяется тем, что в нем наиболее заметно влияние чукотских традиций. Кроме того, что ножны на нем крепятся по-чукотски – одним ремешком к пряжке, он имеет особые украшения и характерный набор подвесок (МАЭ, № 442–18). Так, подобно рассмотренному выше чукотскому детскому поясу, на данный пояс тоже нашиты сзади десять медных старинных пуговиц на ножке, распределенных с небольшой разрядкой. Но, самое главное, что здесь же, на спине, укреплены две вырезанных из дерева антропоморфные фигурки. Одна из них – высотой 5 см, остроголовая и более схематичная, плотно пришита непосредственно к полотну пояса. Вторая – менее условная, с круглой головой и прямыми плечами, высотой 2 см – подвешена на длинном узеньком ремешке. К сожалению, музейная опись не содержит никаких дополнительных разъяснений, но по аналогии с чукотскими поясными «охранителями» можно полагать, что данные амулеты также воспринимались «личными защитниками» владельца этого керекского пояса.

По исследованиям В.В. Леонтьева известно, что кереки подвешивали к поясу в качестве амулетов и другие изображения, например, фигурки птиц, в частности совы, вырезанной из моржовой кости и покрытой орнаментом из опоясывающих двойных и тройных линий. У шеи такая фигур-

ка имела сквозное отверстие для продегивания ремешка. Для погребального обряда кереки шили специальную одежду, в состав которой входил и пояс, к которому подвешивали личные вещи умершего. Если покойника хоронили в море, то ему на пояс привязывали лодочку [Леонтьев, 1980, с. 239; 1983, с. 50, 63].

Эскимосы. У азиатских эскимосов, перенявших чукотский покрой верхней одежды – мужской кухлянки и женского кэркэра [Леонтьев, 1973, с. 103], пояса носили – так же, как у чукчей, только мужчины. Однако про эскимосов американского побережья Берингова пролива известно, что у них пояса использовались и женщинами. Об этом свидетельствуют, в частности, сообщения экспедиции К. Мерка конца XVIII в., а также несколько экспонатов, хранящихся в МАЭ [Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1978, с. 89, 91; Степанова, 1949, с. 62, 65]. Поэтому нельзя исключать, что подобная традиция существовала в прошлом и у эскимосов Сибири, хотя вопрос этот требует дополнительного изучения.

Азиатские эскимосы называют пояс *тафси* [Орлова, 1941, с. 217; Меновщиков, 1959, с. 75]. Способ его ношения с образованием на одежде большого напуска был также аналогичен чукотскому. По описанию Г.А. Ушакова, у мужчин кухлянка «достигает колен или даже закрывает их; подпоясываясь, эскимос высоко поднимает подол и собирает его в большую складку под пояс, который держится над самыми бедрами. Таким образом, надежно прикрывается живот. Кроме того, складки заменяют карманы, эскимосы прячут в них трубку, кисет, спички, патроны, а в поездках даже бутылку с водой для намораживания льда на полозья нарты» [Ушаков, 1972, с. 155].

Как и чукчи, эскимосы изготавливали пояса из двух слоев обработанной нерпичьей кожи в виде ленты шириной 3–5 см, снабженной с одной стороны металлической прямоугольной пряжкой с язычком для застегивания. Однако любопытно, что на двух эскимосских поясах, хранящихся в фондах МАЭ (№ 4211–31) и АМЕИ (№ 0/338), при наличии на них пряжек в обоих случаях на противоположном конце пояса отсутствуют сквозные отверстия. Внешний вид поясов не оставляет сомнений в том, что они находились в длительном употреблении, следовательно, их носили, не прибегая к использованию язычка на пряжке, в которую, очевидно, просто продегивали противоположный конец пояса. В связи с этим невольно возникает вопрос, является ли такое совпадение случайным или за ним кроется этническая традиция, однако ответить на него пока не удастся.

Небезынтересно отметить и то, что один из двух имеющихся в нашем распоряжении поясов великолепно украшен (№ 0/338), в то время как другой вообще не имеет декоративной отделки (№ 4211–31). Возможно, это обусловлено разницей во времени их изготовления: если первый пояс поступил в АМЕИ в конце XIX в., то второй был приобретен для МАЭ лишь в 1929 г. На украшенном поясе представлены два излюбленных приема эскимосского декоративного искусства: стачивание (мозаика) отдельных

кусочков кожи, окрашенных в различные цвета, и продергивание ремешков через разрезы в коже. Данный пояс составлен из нескольких чередующихся светлых и темно-коричневых частей, на которых аппликацией нашиты кусочки кожи контрастного цвета, вырезанные в виде узких полосок и арок. А между ними помещены узоры, выполненные путем продергивания узких ремешков через разрезы основы.

Оба приема декоративной обработки кожи характерны в целом для Северо-Востока Сибири, и уже отмечалось, что они широко использовались также чукотскими и корякскими мастерицами. Но орнаментальный узор, составленный из мелких прямоугольничков кожи, нашитых на кожаную же основу, С.В. Иванов считает древним, общеэскимосским, присущим также и эскимосам Гренландии [Иванов, 1963, с. 211].

Кроме того, по некоторым литературным данным известно, что наружную поверхность поясов эскимосы нередко украшали узорами, вырезанными из светлого и темного оленьего меха, или вышивали их белым оленьим волосом, сухожильными нитками, а позднее и шелком [Орлова, 1941, с. 217–218].

С правой стороны эскимосы подвешивали к поясу нож в ножнах, спитых из одного куска грубой нерпичьей кожи, который складывали вдвое и прошивали по краю. Ножны крепили, как и чукчи, на двух ремешках, один из которых пришивали с изнанки к нижней части пояса, а другой привязывали к пряжке. Отмечена у эскимосов и традиция ношения второго, более крупного ножа, так называемого бедренного. Как свидетельствует Г.А. Ушаков, у эскимоса на поясе «всегда висит нож *савик*», но, «отправляясь на охоту, эскимосы берут с собой еще и большой охотничий нож *стыглик*, который носят на бедре и прикрепляют деревянной застежкой к поясу штанов» [Ушаков, 1972, с. 158]. Обращает на себя внимание упоминание специальной деревянной застежки, посредством которой нож крепился у верхнего края штанов. Очевидно, он носился под кухлянкой подобно тому, как было принято у чукчей и коряков.

На поясе же носили еще обычно небольшую – примерно 9 x 12 см – сумочку, полукруглой формы с крышечкой в виде клапана, изготовленную из нерпичьей кожи и игравшую роль кисета или трутницы. Ее пришивали на двух коротких ремешках почти к самому краю пояса справа рядом с ножнами, так что она оказывалась расположенной спереди между пряжкой и ножом (АМЕИ, № 0/338).

Кроме того, как и чукчи, азиатские эскимосы использовали пояса для подвешивания амулетов, прикрепляя их точно так же сзади со стороны спины. С этой целью в нужном месте к полотну пояса пришивали специальный ремешок, как это сделано, в частности, на поясе № 4211–31ас, хранящемся в МАЭ. Таким образом, владелец пояса в любое время мог привязать к нему необходимые обереги, которые широко использовались как в повседневной жизни, так и при исполнении специальных обрядов. Г.А. Ушаков при описании эскимосской мужской одежды подчеркивает, что на поясе всегда висит не только нож, но «и несколько корольков стеклянных бус. Последние – про запас, для жертвы злему духу» [Ушаков, 1972, с. 158]. С ритуальными целями к поясам подвешивались и более сложные амуле-

ты. Их вырезали из дерева в виде антропоморфной фигурки или одного человеческого лица, олицетворявшего доброе начало Камак. На эскимосских праздниках, по наблюдениям Н.Ф. Калининкова, еще в начале XX в. подобные изображения вырезались десятками и развешивались не только на столбах вокруг яранг, но и на поясе у каждого принимающего участие в празднике [Калининков, 1912, с. 101–103].

Ительмены. Из поясов народов Северо-Востока Азии, имеющих в нашем распоряжении, остался нерассмотренным еще один экземпляр, о котором музейные документы сообщают только то, что он принадлежал камчадалам (АМЕИ, № 70/2108). По своей конструкции и отделке данный пояс заметно выделяется на фоне тех общих признаков, которые были выявлены у коряков, чукчей и эскимосов. Но интерес к нему определяется не столько самой этой спецификой, сколько информацией, которую он может добавить к решению проблемы, связанной с традицией бытования поясов у ительменов (камчадалов).

Ситуация с поясами ительменов кажется уникальной в сравнении с остальными сибирскими народами. Дело в том, что ни в одном литературном или архивном источнике не удалось найти ни малейшего упоминания об употреблении ительменами поясов. Такие известные исследователи их культуры, как Е.П. Орлова и Н.К. Старкова, написавшие об ительменах не только статьи, но и солидные монографии [Орлова, 1999; Старкова, 1976], не дают никакой информации на этот счет. Авторы последнего обобщающего труда «История и культура ительменов», изданного в 1990 г. коллективом дальневосточных ученых, тоже не восполняют данного пробела. Невольно складывается впечатление, что пояс как элемент традиционной одежды у ительменов вообще не существовал. Но тогда как объяснить наличие музейного экземпляра, не похожего, судя по его признакам, на результат прямого заимствования из культуры соседних коряков, с которыми у ительменов с весьма давнего времени существовали длительные и тесные контакты?

Сравнительно рано, уже с середины XVIII в., ительмены оказались также и под значительным влиянием русской культуры, что привело в результате этнической метисации их с русскими к образованию на Камчатке особого населения – камчадалов, являвшихся потомками первых смешанных браков.

Вследствие этих этнокультурных воздействий ительмены почти полностью утратили свою самобытную одежду уже к концу XIX в., когда наиболее распространенной среди них стала одежда, заимствованная от коряков, а также одежда местного русского населения [Прыткова, 1976, с. 87]. Может быть, в числе прочих утрат произошла и потеря поясов как части традиционного костюма? Ответить на этот вопрос помогают известные труды таких ранних исследователей Камчатки, как С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер, которые застали ительменов в пору еще сравнительно свободного функционирования их традиционной культуры. На протяжении нескольких лет они изучали жизнь и быт ительменов первой половины XVIII в., о чем подробно рассказали в своих книгах [Крашенинников, 1949; Steller // Архив МАЭ], содержащих уникальные этнографические характе-

ристики самых разных сторон ительменской действительности того времени. Однако и в них не обнаруживается сведений о поясах, чем весьма существенно подкрепляется суждение об отсутствии данной традиции в культуре ительменов.

Решить вопрос в пользу такого вывода помогают и данные по алеутской одежде, дающие важный сравнительный материал. Еще С.П. Крашенинников отмечал черты сходства в одежде ительменов и алеутов. А в наше время его наблюдения подтвердились в исследованиях Н.Ф. Прытковой [1976, с. 87–88] и Р.Г. Ляпуновой [1975, с. 177], независимо друг от друга пришедших к выводу об общности типа одежды обоих этих народов, имеющей черты южного происхождения, в отличие от одежды чукчей и коряков. Так вот, относительно алеутов тоже не встречено сведений о ношении ими поясов, отсутствие которых, очевидно, можно считать исконной общей чертой как алеутской, так и ительменской традиции. Во избежание недопониманий необходимо уточнить, что характерный для обоих этих народов еще в XVIII в. так называемый пояс стыдливости, носимый мужчинами и состоявший из ремня и мешочка [Крашенинников, 1949, с. 390; Ляпунова, 1975, с. 175], представлял собой что-то вроде набедренной повязки, т.е. являлся совершенно иным элементом одежды, чем те пояса, которые находятся в центре рассмотрения нашей работы.

Итак, мы пришли к выводу, что изначально поясов в традиционной одежде ительменов не было, следовательно, тот пояс, который определен в музейном собрании как принадлежавший «камчадалам», нужно отнести все-таки к разряду заимствований. Очевидно, вместе с верхней зимней одеждой, перенятой ительменами у коряков, к ним попали также и корякские пояса, необходимые для более удобного и комфортного ношения широких меховых кухлянок. В книге С.П. Крашенинникова есть несколько иллюстраций [1949, с. 388, 389, 391, 397], изображающих камчадалов в зимней одежде, и, хотя пояса на них не видны, все же нельзя исключать, что эти люди подпоясаны, так как они имеют силуэты, напоминающие характерный для коряков способ ношения одежды с напуском.

Обратимся теперь к самому камчадальскому поясу, в связи с которым возникло столько вопросов, что еще не на все из них найдены ответы. Он представляет собой двойную полосу кожи шириной 3 см и длиной 75 см. Концы его закруглены, и к ним пришито по одному ровдужному (примерно в 10 см длиной) ремешку для завязывания пояса на талии. Никаких подвесок на поясе нет, а высокая степень художественной отделки свидетельствует, скорее всего, о том, что это очень нарядный экземпляр. Наружное полотно пояса изготовлено из темно-коричневой кожи, окантованной по краю тремя чередующимися узкими полосками контрастных цветов – желтого, коричневого и снова желтого. Эти полосы расположены концентрическими рядами, напоминающими по своему узору замкнутые ряды разноцветного бисера на поясах коряков. Центральная же часть пояса покрыта вышивкой в виде ломаной линии или крупного зигзага, острые углы которого почти упираются вверх и вниз в контрастную окантовку.

Таким образом, несмотря на некоторое сходство в орнаменте с бисерными поясами коряков, данный пояс имеет все же гораздо больше отличий

и представляет собой в целом достаточно своеобразный экземпляр. Видимо, на некоторые части и элементы заимствованной корякской одежды, в том числе и на пояса, ительменами были перенесены со временем свои традиции и художественные приемы, за счет которых эти предметы приобрели особую специфику, отличающую их от исходных корякских образцов.

К сожалению, указаний на конкретный район Камчатки, откуда был доставлен рассматриваемый пояс, у нас нет. Но обращает на себя внимание то, что он назван не ительменским, а камчадалским. А такая принадлежность подразумевает значительную метисацию населения и особенно смешанный характер культуры, в которой, наряду с древними алеутскими и даже айнскими чертами, дополненными впоследствии значительным корякским воздействием, присутствовали и позднейшие русские напластования. Каким образом все эти инокультурные влияния вплетались в самобытную ительменскую основу – вопрос очень сложный, что, впрочем, всегда бывает в подобных случаях, и наша работа не призвана давать на него ответ. То немногое, что было сказано по поводу происхождения загадочного камчадалского пояса, очевидно, является лишь началом поисков решения данной проблемы. Однако оставить такой материал без рассмотрения было бы неверно, так как он крайне интересен для исследований не только самих ительменов (камчадалов), но и народов Сибири в целом. Кроме того, данный пример является подтверждением высокой этнической значимости поясов в системе традиционных ценностей и связей, что лишний раз доказывает возможность и необходимость привлечения сведений о поясах к исследованиям этногенетических и этнокультурных процессов.

Народы Северо-Востока Сибири, пояса которых представлены в данном разделе, обнаруживают по характеристике данного элемента культуры в целом довольно единообразную картину. Во-первых, пояс являлся у них обязательной принадлежностью только мужской одежды и если и использовался женщинами, как отмечено, например, в виде исключения у коряков, то лишь в тех случаях, когда они надевали мужские кухлянки для работы вне дома или отправляясь в дорогу.

Во-вторых, все рассмотренные пояса, независимо от их этнической принадлежности, по своей конструкции могут быть отнесены к одному комплексу. Это твердые короткие (по объему талии) кожаные пояса, которые крепились спереди при помощи пуговиц, крючков или пряжек. Способ подпоясывания с образованием на одежде большого напуска также был общим для всех народов этого региона. Однако по более частным признакам, таким как ширина поясов, особенности их застежек, приемы отделки, способы подвешивания ножен и т.п., в пределах одного этого северо-восточного комплекса выделяются разновидности, имеющие определенную этническую окраску. Немаловажным является и то, что у каждого этноса был свой собственный термин для обозначения поясов.

Наиболее близки между собой чукотские и эскимосские пояса. И те, и другие делались из двух слоев кожи, шириной от 1–2 до 3–5 см. В отличие

от них корякские пояса были из одного слоя кожи, и их ширина варьировала от 1–2 до 7–10 см. Определенная специфика выявляется и в особенностях поясных пряжек, несколько различавшихся у коряков, с одной стороны, и чукчей и эскимосов – с другой.

Ножны у всех народов подвешивались с правой стороны, спереди, на двух ремешках разной длины, так что нож оказывался в наклонном положении рукоятью назад. Однако расположение ножен имело свои особенности. На чукотско-эскимосских поясах один из ремешков закреплялся непосредственно на пряжке, а коряки крепили его рядом с пряжкой или на небольшом расстоянии от нее.

Общим принципом было и то, что узкие (в 1–2 см шириной) пояса отделки не имели, а более широкие, как правило, украшались различными декоративными приемами, традиционными для каждого народа. При этом корякские пояса характеризуются более сложными и разнообразными способами художественной отделки, включавшими, в частности, и особый старинный комбинированный шов, вошедший в литературу под названием «техники прорезной вышивки». Кроме того, в отличие от чукчей и эскимосов, коряки использовали в отделке поясов вышивку бисером, по-видимому, перенятую ими от эвенов. В то же время на корякских поясах не отмечено употребления цветных фабричных ниток, которые чукчи и эскимосы стали использовать в традиционной вышивке, заменяя ими подшейный волос оленя.

Чукотско-эскимосская традиция выделяется еще и тем, что она включала в себя использование поясов в качестве места для подвешивания амулетов, которыми чаще всего были деревянные антропоморфные фигурки-охранители, цветные бусины, а также обычные кожаные ремешки, связанные в узлы. Подобный обычай отмечен и у кереков, пояса которых дают сочетание корякских и чукотских признаков, из-за чего они занимают как бы промежуточное положение между поясами чукчей и коряков.

Необходимо обратить внимание еще на один пока не совсем ясный для нас момент, связанный с тем, что по ряду косвенных сообщений у коряков, чукчей и эскимосов, по-видимому, существовали в прошлом также и нижние, нательные пояса, которые надевались под кухлянку. На таком поясе мужчины подвешивали самые большие, так называемые «бедренные» ножи, привязывая их дополнительно в нижней части ремнем к ноге над коленом. К информации об этом, обнаруженной в нескольких литературных источниках, примыкает и музейная запись, характеризующая один из чукотских предметов, хранившийся ранее в собрании МАЭ под № 434–48, как «поясной тельный ремень *Риччит*». Данная запись была сделана В.Г. Богоразом, а сама коллекция собрана в 1989 г. Н.Л. Гондатти, поэтому возможность ошибки маловероятна, вследствие чего наше предположение о наличии нижних поясов у народов Северо-Востока, сделанное с большой долей осторожности, выглядит не столь уж беспочвенным. Однако из-за отсутствия более развернутых сведений данная информация требует дополнительной проверки и поиска новых источников для окончательного решения этого вопроса.

Народы Нижнего Амура и Сахалина – нанайцы, ульчи, негидальцы, удэгейцы, орочи, уйльта (ороки), нивхи

Пояса народов этого региона сравнительно часто упоминаются при характеристике их традиционной одежды. Такие сведения можно встретить и в работах XIX в., и в этнографических исследованиях более позднего периода, включая вторую половину XX в., ознаменованную выходом в свет целого ряда новых монографий почти обо всех этносах Приамурья и Сахалина, исключая разве что негидальцев. Однако обычно эти данные представляют собой лишь краткую констатацию самого факта использования поясов или, в лучшем случае, содержат очень беглые упоминания об их общем виде и материале. Исключением являются, пожалуй, только две монографии: Ю.А. Сема – о нанайцах [1973] и А.В. Смоляк – о народах всего региона [1984]; в них рассмотрению поясов уделено специальное внимание. Здесь приводятся более подробные, чем обычно, данные о конструкции поясов разных видов, способах их ношения, отделке, использовании, а также высказаны некоторые интересные предположения сравнительно-исторического характера. Материалы указанных авторов в значительной степени привлекаются в настоящей статье, поскольку они являются важным дополнением к имеющимся у нас музейным свидетельствам. Последние довольно значительны по объему (в общей сложности они составляют 18 экземпляров, не считая отдельных пряжек и подвесок), но по народам распределены крайне неравномерно. Больше всего поясов нанайцев (9 экземпляров), неплохо представлены нивхи (6 поясов) и ороки (3 пояса), в то время как ульчи, негидальцы, удэгейцы и орочи по интересующему нас вопросу совсем не отражены в собраниях МАЭ. При этом меньше всего материалов по негидальцам, о поясах которых мы располагаем только краткой информацией середины XIX в. из труда А.Ф. Миддендорфа.

Как для нивхов, так и для тунгусоязычных народов данного ареала в целом была характерна одежда единого образца, имеющая, несмотря на этнические различия, очень много общего. В качестве верхней одежды использовались распашные левополые халаты покроя «кимоно», а поясная одежда состояла из натазников и ноговиц, т.е. была аналогична рассмотренной выше у эвенков и эвенов. В связи с этим у народов Нижнего Амура и Сахалина, так же как у северных тунгусов, различались два вида поясов: нижние (нательные), служившие для прикрепления ноговиц, и верхние (наружные), которыми подпоясывали халаты.

Нижние пояса, одинаковые для мужчин и женщин, были того же типа, что у эвенков и эвенов, и названия у тех и других также совпадали. Если в эвенкийском и эвенском языках они звучали как *тэлэги-тэлги*, то тунгусо-маньчжурские народы Приамурья и Сахалина называли их *тэлэ-тэли* (нанайцы, ульчи), *тэлихэ* (удэгейцы), *тэлехэ* (орочи), *тэлэји* (ороки). Нивхи употребляли для подобного пояса слово *тык* [Смоляк, 1984, с. 146, 172; Роон, 1996, с. 135; Ларькин, 1964, с. 61; История и культура удэгейцев, 1989, с. 45]. Пояса этого типа представляли собой узкую ленту, вырезанную из кожи или ткани либо сплетенную из разноцветных тесемок. Спе-

реди они имели два небольших колечка, к которым крепились завязки ноговиц [Смоляк, 1984, с. 146]. У удэгейцев, кроме этого, пояс использовался для поддержания натазников, имевших в своей верхней части четыре петельки, в которые и вставлялся пояс [История и культура удэгейцев, 1989, с. 45, рис. на с. 49]. Любопытно, что у верховых нанайцев, по свидетельству А.В. Смоляк [1984, с. 172], женщины не носили поясов *тэлэ*, а прикрепляли ноговицы к специальным завязкам *пэру хэни*, которые пришивались сзади к натазникам и завязывались спереди, в чем можно усмотреть очевидную аналогию со способом, принятым у удэгейцев. Такое совпадение неудивительно, если вспомнить, что верховые нанайцы и удэгейцы издавна контактировали друг с другом в районах соприкосновения [Народы Дальнего Востока... 1985, с. 76–77].

Что касается подпоясывания верхней одежды, то здесь народам Нижнего Амура и Сахалина было присуще значительное разнообразие. При этом у мужчин верхний пояс являлся если не обязательным, то все же очень распространенным элементом одежды (его, например, непременно носили на промыслах), в то время как женщины подпоясывались значительно реже. Так, из литературных источников известно, что удэгейские мужчины стягивали поясом все халаты, независимо от их покроя и материала [История и культура удэгейцев, 1989, с. 46]. У орочей мужчины тоже носили пояса повседневно, а женщины – лишь по праздникам [Ларькин, 1964, с. 59]. На фотографиях нанайских, ульчских, нивхских женщин, изображенных в национальной одежде, мы чаще всего видим их неподпоясанными. Однако с рабочей одеждой женщины у всех народов Амура носили пояса, в принципе не отличавшиеся от мужских [Смоляк, 1984, с. 180]. Например, у нивхов как мужчины, так и женщины во время работы надевали поясной ремень с ножом в специальных ножнах, который составлял «необходимое снаряжение рыбаков и охотников, а также женщин, занимающихся разделкой рыбы и морского зверя» [Таксами, 1970, с. 172].

Названия верхних поясов у тунгусо-маньчжурских народов идентичны: *уму* (орочи и удэгейцы), *умали* (ульчи), *омол* (нанайцы), *умул* (ороки), в то время как нивхи для их обозначения использовали собственный термин – *вивс* [Смоляк, 1984, с. 203; Ларькин, 1958, с. 18; 1964, с. 59; Сем, 1973, с. 208; Роон, 1996, с. 149; Таксами, 1970, с. 179]. Что касается распределения по типам поясов, то здесь сколько-нибудь серьезных различий между нивхами и тунгусоязычными этносами Приамурья не наблюдается, поэтому при рассмотрении мы не будем разделять их по этому признаку.

Наибольшее и повсеместное распространение, независимо от этнической принадлежности, имели длинные ременные пояса из узких полос кожи. Их носили обычно во время работы: и дома, и на промыслах. Причем женщины подпоясывались ими, как и мужчины, если были заняты какой-то работой. В литературе сведения о таких поясах предельно кратки, они едва ли не ограничиваются упоминаниями С. Браиловского об удэгейцах и Р. Маака относительно ульчей [Браиловский, 1901, с. 222–223; Маак, 1859, с. 207]. Кроме этого имеется еще опубликованное, хотя и недостаточно понятное изображение подобного пояса у орочей [Марга-

Рис. 48. Узкий длинный кожаный пояс с принадлежностями (Маак, Атлас, табл. 4).

ритов, 1888, табл. III, рис. 15]. В фондах МАЭ пояса такого типа представлены в коллекциях нанайцев (5 экз.), нивхов (3 экз.) и ороков (1 экз.), что позволяет составить о них довольно полное представление, которое, очевидно, можно экстраполировать и на другие народы приамурско-сахалинского региона.

Пояса имели вид длинной (около 2 м) и узкой (1–2 см) ленты, которую вырезали из кожи или ровдуги лося или нерпы (последнюю использовали нивхи и ороки). Надевали пояс, прикладывая его сначала к животу, а затем дважды оборачивая вокруг талии, после чего закрепляли спереди при помощи пряжки или простого узла. В последнем случае (при отсутствии пряжки) пояс имел зауженные концы и несколько большую длину (до трех метров), необходимую для завязывания узла. Концы оставляли свободными или подтыкали под пояс.

Нивхи и ороки застегивали такие пояса одинаковыми костяными пряжками, имевшими вид пластинки вытянутой формы длиной от 5 до 14 см с расширением на свободном конце. Последнее вставлялось в прорез на противоположном конце пояса, т.е. пряжка застегивалась по типу пуговицы. Снаружи пряжки покрывались резным орнаментом. Нивхи называли их словом *кен* [Смоляк, 1984, с. 210], орокское наименование установить не удалось.

Нанайские пряжки назывались *киди* (по записи Р. Маака), *кидзяко* или *омол кидзякони*, букв. «пояса застежка» (МАЭ, № 5747–62, опись Н.А. Липской), и были двух типов. Пряжки первого типа аналогичны нивхским и орокским. Они имели близкую к ним форму и тот же принцип крепления – по типу пуговицы (МАЭ, № 344–27, 28). Пряжки второго типа имели небольшой выступ, цеплявшийся за отверстие на противоположном конце пояса, т.е. застегивались по типу крючка. Их нанайцы делали

не только из кости (МАЭ, № 5747–62), но и из металла, используя для этого медные китайские монеты (МАЭ, № 5747–63).

Подобные пряжки встречаются в коллекциях МАЭ не только прикрепленными к поясам, но и отдельно от них, как самостоятельные изделия. Особенно много, почти 20 штук, было приобретено у нивхов и ороков, чуть меньше привезено от нанайцев. Среди их собирателей встречаются очень известные имена – Л. Шренк (сбор 1857 г.), И.С. Поляков (сбор 1881 г.), А.Н. Липский (сбор 1936 г.). Хронология сборов охватывает период с середины XIX в. почти до середины XX в. Все они представляют собой великолепные образцы традиционной резьбы по кости. Возможно, именно этим определялось приобретение их исследователями. Но остается неясным, почему имелось такое значительное количество пряжек в виде отдельных предметов? Может быть, они оставались от старых изношенных поясов или, наоборот, заранее изготавливались для новых? Информации об этом не найдено; неизвестно также, легко ли расставались со старыми экземплярами их владельцы или же вырезали по заказу собирателей так называемый «новодел».

Пояса рассматриваемого типа использовались прежде всего во время различных работ, поэтому они обязательно снабжались необходимыми для этого предметами, присутствующими также и на всех музейных экземплярах. Предметы подвешивались к поясу на ремешках, которые крепились тремя способами:

1) вставлялись в прорези, сделанные в полотне пояса (МАЭ, № 344–27; № 138–71, 72);

2) держались на ременных петлях, свободно скользящих по поясу (МАЭ, № 202–68), нивхи к этим петлям прикрепляли еще металлические кольца (МАЭ, № 1764–63);

3) крепились с помощью металлических петель, которые в литературе принято называть фигурными подвесками.

Последний способ был самым распространенным, бытовавшим у всех народов Приамурья, за исключением, как полагал С.В. Иванов, лишь удэгейцев [Иванов, 1963, с. 433]. Фигурные подвески на поясах нижеамурских народов состояли обычно из двух частей: кожаной петли, которая надевалась на пояс, и металлической или костяной пластины, имевшей в нижней части отверстия для продевания ремешков с подвешенными предметами. Пластины, называвшиеся по-нанайски *ситахо* (МАЭ, № 5747–64, 65, опись Н.А. Липской) делали из меди, бронзы, кости размером 4 х 4, 6 х 4, 6,5 х 6,5 см, в форме круга или овала, с фигурно вырезанными краями. Снаружи их украшали рельефной резьбой (МАЭ, № 691–14; № 344–28; № 5747–65, 66).

Реже на нижеамурских поясах встречались фигурные подвески, состоявшие из трех частей: 1) кожаной петли, надевавшейся на пояс, 2) прямоугольной медно-бронзовой пластинки, 3) прикрепленной к ней на шарнирах второй металлической пластинки овальной формы, имевшей в нижней части отверстие для продевания ремешков от тех предметов, которые крепили на поясе (МАЭ, № 1764–76; № 4424–92). Изображения подобных подвесок у нивхов, нанайцев, ульчей и орочей приводит в своей работе С.В. Иванов [1963, с. 436–437].

Аналогичного устройства фигурные подвески, состоящие из трех частей, характерны для поясов монголов, бурят, дауров, тувинцев. На основе сопоставления с ними С.В. Иванов сделал вывод о том, что металлические поясные подвески с кожаной петлей первоначально были усвоены народами Приамурья из тюрко-монгольской среды [Там же, с. 434–435]. Но в дальнейшем они научились изготавливать их сами или заказывали корейским и русским мастерам [Там же, с. 343]. Орочи для отливки таких подвесок пользовались специальными формами из песчаника [Народы Сибири, 1956, с. 847]. Нанайцы модели поясных подвесок вырезали из дерева или бересты, с них делали оттиски в глине и по ним отливали подвески [Иванов, 1963, с. 343].

Рассматриваемые пояса по своей конструкции были одинаковыми для мужчин и женщин, но различались подвесками. У женщин на поясе висел обычно нож для кройки, костяной игольник и расшитая орнаментом сумочка. Мужчины подвешивали два ножа, один с прямым, другой с кривым лезвием (использовался для строгания), костяной развязыватель узлов, сумочку с кремнем, трuтом или спичками, а также огниво. На охоте к этим предметам добавлялись пороховница, пистонница и другие ружейные принадлежности. Последние нередко носили также на чересплетных охотничьих ремнях-перевязях аналогичного с эвенками типа (МАЭ, № 2373–5 – нанайцы). Названия их, как и в целом по Сибири, были производными от русского слова *натруска*: *наторуска* – у негидальцев, *натрас* у орочей, *натураске* у нанайцев и ульчей [ТМС, т. 1, 1975, с. 586].

В литературе уже обращалось внимание на то, что в состав мужских поясных наборов у народов Приамурья непременно входили игольники [Иванов, 1970, с. 207]. В других регионах Сибири мужчины их носили довольно редко, только если надолго уходили из дома. А на Амуре подобный обычай следует рассматривать в качестве стойкой этнокультурной традиции.

Рис. 49. Нивхская женщина, подпоясанная плетеным поясом с металлической эвенкийской пряжкой (Смоляк, 2001, с. 267).

В отличие от длинных узких кожаных поясов, преимущественно рабочих и промысловых, имевших на Амуре универсальное распространение и идентичную форму у разных этносов, повседневные и праздничные пояса заметно различались по конструкции, материалу и характеру отделки, поэтому их удобнее рассматривать по народам, а когда позволяют общие признаки – по группам народов.

У нанайцев, орочей, удэгейцев повседневными поясами у мужчин служили полосы ткани, сшитые вдвое. Их дважды обертывали вокруг талии и завязывали спереди двумя узлами, подбирая концы под пояс [Смоляк, 1984, с. 146; Ларькин, 1958, фото на с. 19]. По свидетельству Л.Я. Штернберга, нанайцы в прошлом приобретали такие пояса у торговцев, в том числе и якутских [Штернберг, 1933, с. 510].

У ульчей и нивхов в качестве повседневных наиболее распространены были плетеные пояса, которые носили и мужчины, и женщины.

Их изготавливали на специальных станочках, позаимствовав это умение в

Рис. 50. Ульчские женщины, подпоясанные плетеными поясами (Смоляк, 2001, с. 162).

конце XIX – начале XX вв. от айнов [Смоляк, 1984, с. 146]. Плетеные пояса носили и в качестве праздничных, тогда их делали особенно яркими и разноцветными, в то время как повседневные плели из белых и коричневых нитей. Длина пояса (примерно 2,5 м) позволяла обернуть его вокруг талии 2–3 раза (при этом первый оборот шел спереди назад) и завязать так, чтобы оставшиеся концы спускались свободно вниз, с расстоянием в 10–15 см между ними.

Мужские плетеные пояса заканчивались обычно бахромой, а женские имели на концах особые трапециевидные кулочки ткани, вышитые снаружи цветными нитями и обшитые по краю мехом или несколькими металлическими бляшками

(МАЭ, № 6751–23 – нивхи). Женщины также пришивали с изнанки пояса на расстоянии 35–40 см от его концов дополнительные ремешки, которые завязывали спереди на узел, в то время как концы пояса свободно спускали вниз.

Нанайцы тоже носили плетеные пояса в качестве повседневных, но гораздо реже, чем нивхи и ульчи, и в отличие от последних не делали их сами, а приобретали готовыми. Один из таких поясов, китайской работы, привезен в МАЭ от нанайцев Сахачи-Аляна. Длина его 2,6 м, ширина 2,8 см, нити на обоих концах расплетены и образуют длинные (14–15 см) кисти (МАЭ, № 1765–253).

В качестве праздничных нанайские мужчины использовали очень широкие короткие пояса из тканей, покрытые красочным орнаментом. Ширина их составляла около 20 см, длина соответствовала объему талии. Они выделялись еще и тем, что имели особое название *пойкаптун* [Смоляк, 1984, с. 146, 201]. Наружную их часть, изготовленную из сукна или бархата, уплотняли изнутри подкладом из ткани или легкого слоя ваты и богато орнаментировали, выполняя узоры вышивкой и плетением из разноцветных тесемок. Для застегивания к краям пояса пришивали с одной стороны воздушные петли, а с другой – крючки или пуговицы. Возможно, с этим и связано название пояса, производное от слова *пойка* («петля») [Петрова, 1935, с. 65]. Реже такие пояса крепились при помощи завязок, как это изображено на рисунке, опубликованном в работе А.В. Смоляк [1984, с. 174, рис. 17/4]. Подобные пояса, но только без украшений, нанайцы носили и на охоте [Там же, с. 146].

Рис. 51. Нанайцы. Нарядный мужской пояс *пойкаптун*. МАЭ, № И-1548-24.

Аналогичный этому пояс, названный в регистрационной описи «набрюшником» (видимо, из-за своей ширины), был привезен Л.Я. Штернбергом в 1910 г. от нивхов из Тэбаха (МАЭ, № 1764–30). Ширина его 17 см, длина 93 см, застежка состоит из пяти медных китайских пуговиц с одной стороны и двух рядов навесных петель из черного шнура с другой. Изнутри пояс подбит слоем ваты, покрытым снаружи полосами ткани синего и желтого цвета. В центральной части по всей длине он расшит спиральными узорами, выполненными в технике аппликации. В музей-

ной документации данный пояс назван Л.Я. Штернбергом «парадным экземпляром, носимым женихами».

По исследованиям А.В. Смоляк, распространение подобных поясов ограничивалось верховыми нанайцами, а также удэгейцами на Амуре, т.е. в тех местах, где они соседствовали с нанайцами. Даже у крайних низовых нанайцев они не встречались, не было их и у ульчей [Смоляк, 1984, с. 146]. Других свидетельств бытования таких поясов у нивхов также не зафиксировано. Поэтому мнение А.В. Смоляк, считавшей нивхский пояс, привезенный в МАЭ Л.Я. Штернбергом, нанайским по происхождению, возражений не вызывает. Оно согласуется также и с информацией о том, что нивхи часто покупали у нанайцев праздничную одежду [Там же, с. 230]. Очевидно, и к манеграм подобные широкие пояса из тканей, расшитые орнаментом, попадали аналогичным путем, поскольку известно, что манегры встречались с нанайцами на ярмарках, где продавали им свои меховые изделия [Шренк, 1899, с. 161, 185] и взамен могли получать какие-то нанайские товары.

Бытование таких поясов у верховых нанайцев и среди наиболее близкой к ним части удэгейцев, возможно, связано с монгольским влиянием, так как аналогичные предметы встречались у монголов и бурят. Последние называли их *бэлхэнсэг* и использовали для утепления [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 131]. Однако по характеру отделки нанайские пояса производят впечатление подчеркнуто национальных.

Нанайские женщины в качестве праздничных нередко использовали бисерные пояса, что расходится с общей амурской традицией, для которой отделка одежды бисером была не характерна. Нанайские невесты делали себе специальные пояса из кожи или ткани, сплошь зашивая их бисером. Они и назывались *чичема омоль* [Смоляк, 1984, с. 180], букв. «бисерный пояс». Судя по экземпляру, хранящемуся в МАЭ (№ 5530–165), подобные пояса имели ширину около 7 см, длину 75 см, соответствующую примерно обхвату талии, и завязывались спереди при помощи пришитых к концам пояса тесемок. По краю бисер располагали концентрическими рядами со следующим чередованием цветов: зеленый, черный, синий, черный, красный, черный, синий, а в середине вышивали бисерный узор, в данном случае ромбы, между которыми пришивали еще маленькие пуговички.

Учитывая то, что этот пояс происходит из местности с левого притока Амура, р. Тунгуски, т.е. из района, где нанайцы соседствовали с эвенками, можно полагать, что подобные бисерные пояса стали следствием заимствования их из эвенкийской культуры. Скорее всего, на это оказали влияние смешанные браки, о чем косвенно свидетельствует и название «бисерный пояс», в котором можно видеть кальку с эвенкийского языка.

Ороки (уйльта) в качестве нарядных носили расшитые ровдужные пояса очень необычного покроя, о чем можно судить по экземпляру № 1156–39, привезенному в МАЭ в 1907 г. с восточного побережья Сахалина из района р. Даги. Пояс длиной 80 см и шириной 4,5 см шит из четырех кусков светлой кожи, выкроенных таким образом, что при соединении они образуют полосу чуть изогнутой к центру формы, благодаря чему достига-

ется более плотное облевание стана. Снаружи пояс украшен спиральным орнаментом, вышитым нитками красного, желтого и синего цветов, а по краю этого узора проложен олений волос, также прихваченный стежками нитей, за счет чего край вышивки выглядит рельефней. К сожалению, данные об этом своеобразном поясе далеко не полны, так как застежка на музейном экземпляре отсутствует и нет сведений, носили его мужчины или женщины. При этом аналогий с поясами других народов не встречено, поэтому вопрос о его происхождении и назначении остается открытым.

В дополнение к информации о рассмотренном поясе можно добавить, что в лексике ороков (уйльта) зафиксировано несколько разных названий, обозначающих пояс [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975, 1977]. Из них два (*тэлэги* и *умул*) являются общими с тунгусоязычными народами региона, а три других неясны по происхождению: *ками* – широкий женский пояс, *питу* – мужской пояс и, наконец, *мумулки* – пояс (без уточнения). Не исключено, что какое-то из этих названий имеет отношение к выше рассмотренному поясу. В любом случае, лексический анализ может оказаться полезным для получения новых сведений, способных пролить свет на особенности поясов уйльта – народа, сложного по своему происхождению и неоднородного в этнокультурном плане.

У орочей также отмечен необычный тип поясов, зафиксированный, правда, только в литературе. Это нарядные женские пояса, изготавливавшиеся из шкурок с утиных голов, которые перемежались вставками, расшитыми бисером [Штернберг, 1933, с. 442]. Такое сочетание, с одной стороны, чрезвычайно архаичного материала, каким являются птичьи шкурки, а с другой – нового вида отделки (бисерного шитья), очевидно, заменившего здесь какую-то старинную технику, скорее всего, свидетельствует об особом предназначении данного пояса, связанном, возможно, со свадебным или иным обрядом жизненного цикла.

Относительно негидальцев удалось обнаружить только одно очень краткое свидетельство об использовании ими, во-первых, наборных поясов с металлическими накладками и, во-вторых, поясов «из конских волос», на которых были «китайские монеты, служившие пряжками» (Миддендорф, 1869, с. 749). Однако ни те, ни другие пояса не могут быть признаны собственно негидальскими. Первые были якутского изготовления, а вторые, как уже отмечалось ранее при рассмотрении поясов манегров, скорее всего, попадали в готовом виде от среднеамурских конных эвенков. Трудно сказать, почему из всех нижеамурских народов именно у негидальцев оказались зафиксированными плетеные из конских волос пояса манегров. Возможно, объяснение кроется просто в отсутствии информации из других районов, но нельзя исключать и того, что это как-то связано с общими эвенкийскими корнями негидальцев и манегров, благодаря которым они и впоследствии продолжали сохранять тесные взаимные связи.

Ситуация с наборными поясами у негидальцев не является чем-то особенным для нижеамурского региона, так как эти пояса имели здесь самое широкое распространение. Их носили и мужчины, и женщины, о чем свидетельствует, например, наблюдение Л.И. Шренка, встречавше-

го орокских женщин, одетых в шубы, «которые придерживались вокруг талии широким поясом с металлическими накладками» [Шренк, 1899, с. 95]. В XIX – XX вв. большинство наборных поясов в амуро-сахалинском регионе были привозными, якутскими или бурятскими по происхождению, как, например, негидальский пояс с типично якутскими накладками, изображенный в работе А.Ф. Миддендорфа [1869, с. 747].

Один из нанайских наборных поясов, привезенный в МАЭ Л.Я. Штернбергом из Сахачи-Аляна (№ 1765–185), судя по форме его накладок представляет собой изделие бурятского происхождения. Однако в регистрационной записи собирателя он назван поясом «гольдской старинной работы (от 7 колена)», следовательно, данный предмет попал к нанайцам очень давно и, очевидно, со временем стал восприниматься как элемент собственной культуры. К тому же, по ряду свидетельств, некогда у нанайцев действительно существовали наборные пояса местного изготовления. Их называли *дурду* (*дурдумэ омон*) и украшали металлическими пластинками с гравировкой в виде криволинейного амурского орнамента. Такие пояса надевали на свадьбу, во время праздников, игр и соревнований, а в древности, по воспоминаниям стариков, «такие пояса носили только во время родовой мести и межродовой борьбы. Ими были снабжены воины рода. Не надев дурду, нельзя было преследовать врага рода» [Сем, 1973, с. 211].

Существование подобных поясов не кажется невероятным, поскольку художественная обработка металлов у амурских народов носила довольно сложный характер. Им была известна инкрустация серебром и медью по железу и зубчатая нарезка краев железных предметов [Иванов, 1963, с. 340–342]. Археологические источники также свидетельствуют о ранних местных корнях высокоразвитого металлообрабатывающего ремесла, существовавшего на юге Дальнего Востока уже в культурах мохэ (VII–IX вв.), а затем и у чжурчженей (X–XIII вв.). Это мастерство проявлялось, в частности, и при изготовлении ими наборных поясов. Причем в их отделке наблюдается значительное укрепление самобытных амурских традиций примерно к X в. Так, если на поясах мохэ металлические накладки еще часто копировали своей формой и орнаментом аналогичные тюркские пластины, то у чжурчженей уже полностью возобладал собственный тип поясного набора. Основным его элементом стала прямоугольной формы пластина крупных размеров, с прорезным узором и зубчатым (преимущественно нижним) краем [Медведев, 1975, с. 211–219; Деревянко, 1981, с. 143–144, 187–188].

Хотя между чжурчженями и современными амурскими народами существует большая временная лакуна и значительная разница в культурах, все же чжурчженей принято считать в известном смысле предками последних. Поэтому есть основания полагать, что старинные наборные пояса нанайцев должны восходить своими корнями к чжурчженским образцам. Однако так ли это было на самом деле, точно не знаем, поскольку форма пласты на нанайских поясах остается невыясненной.

С распространением на Амуре бурятских и якутских поясов самобытные наборные пояса местного изготовления стали вытесняться из употребления. Появилась мода на пояса чужой работы (не только якутов и бурят,

но также корейцев и русских), носить которые считалось престижным. Известно, например, что состоятельные нанайцы в начале XX в. заказывали изготовление гравированных серебряных пластин для нарядных женских поясов русским ювелирам из Хабаровска [Иванов, 1963, с. 343].

В собрании МАЭ по амуро-сахалинским народам хранится значительно больше обрядовых поясов, чем в собраниях по другим регионам Сибири. Такое соотношение, очевидно, нужно расценивать в качестве того, что не только среди музейных коллекций, но и в реальной жизни подобные пояса имели на Амуре широкое распространение. Выше уже приводился материал о бисерных поясах нанайских невест, которые, правда, производят впечатление не чисто ритуальных, а скорее просто более нарядных, праздничных. То, что в целом свадебная одежда не имела у приамурских народов каких-то особенных отличий и надевалась также во время других праздников, отмечала А.В. Смоляк в своей монографии, где она не относит свадебную одежду к ритуальной, в которую включает только погребальную и шаманскую [1984, с. 192]. В то же время специальные обрядовые пояса во время свадебных церемоний все же использовались. Есть, в частности, свидетельство, что у ульчей во время свадебного угощения, когда отец невесты кормил в тайге духа – хозяина местности, новобрачные сидели в жилище, подпоясанные поясами из ритуальных стружек [Смоляк, 1980, с. 71].

В погребальной обрядности обычаи, связанные с поясом, были выражены более заметно. По различным сведениям, нанайцы, ульчи, нивхи одежду на покойном (а точнее – верхний халат, поскольку надевали их несколько) подпоясывали. Относительно нивхов есть уточнение, что таким образом поступали и с умершими женщинами [Таксами, 1975, с. 145], хотя по другим народам подобной информации не найдено. Нанайцы к поясу умершего «подвешивали мешочек с крупами, кисет, трубку, маленькую модель заплечных носилок» [Смоляк, 1980, с. 178] – предметы, в обычной жизни на поясе не прикреплявшиеся. Имел отличия и сам погребальный пояс, который делали в знак траура из ткани белого цвета [Штернберг, 1933, с. 326; Сем, 1973, с. 225]. Белым поясом опоясывался и шаман, если он участвовал в поминках [Шимкевич, 1896, с. 25]. У нанайцев вдова вплоть до последних поминок тоже носила белый пояс из куса ткани, к концу которого прикрепляли колокольчик: по его звуку душа умершего якобы следила за вдовой и знала, куда она ходит [Смоляк, 1984, с. 187]. П.П. Шимкевич писал о ношении белых поясов в течение трех лет в знак траура по взрослым покойникам [1898, с. 38].

Пояс надевали и на фигурку, изображавшую умершего, которую нивхи ставили в надгробный домик при устройстве проводов души в селение мертвых. «На пояс вешали кусочек рыбьей кожи, миниатюрные рукавицы, кисет с табаком, курительную трубку» [Таксами, 1975, с. 147]. Таким образом, пояс как бы сопровождал умершего при его уходе в мир мертвых. Подобная символика, только в зеркальном отображении, просматривается и по отношению к новорожденному ребенку, который тотчас после попадания в мир людей получал от матери ее пояс. Такой сюжет встречается, например, в нанайском фольклоре. «Женщина родила сына. Сняла с себя нижнюю шелковую рубашку, завернула в нее ребенка, затем

сняла с себя шелковый пояс, разорвала его пополам и запеленала сына» [Шимкевич, 1898, с. 107].

В этой связи перестает казаться преувеличением сообщение Лаперуза, относящееся к концу XVIII в., о том, что у орочей «мужчины всех возрастов, даже грудные дети, носят пояса» [Смоляк, 1984, с. 136]. Хотя на первый взгляд подобное кажется маловероятным, все же нельзя исключать, что в прошлом пояса могли надевать даже на самых маленьких детей, возможно, в чрезвычайных ситуациях, связанных с угрозой жизни или здоровью ребенка, когда требовалось постоянное присутствие на нем специальных оберегов. Кроме того, необходимо заметить, что в связи с практиковавшимся у амурских народов длительным кормлением материнским молоком «грудными» считались дети до 5–6 лет [Лопатин, 1922, с. 177–178].

Примерно с этого времени и начинали подпоясывать детскую одежду [Смоляк, 1984, с. 189], поскольку отныне ее изготавливали по образцу взрослой. Л.И. Шренк при описании одежды детей у нивхов отмечал, что она «с точностью воспроизводит одежду взрослых. <...> У пояса, который придерживает шубу и передник на маленьких гиляках, висят все те же предметы, как и у взрослых: трутница, огниво, орудие для очистки трубки и т.д. Только все эти вещицы вырезаны из дерева в миниатюре» [Шренк, 1903, с. 14]. При этом есть основания считать, что пояса надевали только на мальчиков, хотя прямых указаний на это нет. Косвенно же об этом свидетельствуют музейные материалы, не содержащие предметов с поясов девочек, а также логика самой амурской традиции.

В собрании МАЭ хранится детский пояс, привезенный с Сахалина в конце XIX в. (№ 138–44, собиратель И.С. Поляков, время собирания 1881–1882 гг.). Сопроводительная документация определяет его как пояс мальчика у нивхов или ороков. Он представляет собой длинный узкий ремень размером примерно 95 x 0,5 см, зауженный с обоих концов для завязывания на узел. К нему подвешены нож, вырезанный из кости, и костяная же табакерка. Оба предмета украшены резьбой с геометрическим и спиральным орнаментом.

Хотя данный пояс не содержит амулетов, известно, что вообще они очень часто встречались на детских поясах у народов Амура. Свидетельства этому имеются в литературе [Иванов, 1977], а также в коллекциях МАЭ, среди которых хранится немало число поясных подвесок, игравших роль детских охранителей. Чаще других в этом качестве выступали когти и клыки различных хищных животных, оберегающие детей от злых духов. Среди музейных оберегов, происходящих с детских поясов нанайцев, нивхов, ороков, больше всего встречается челюстей и косточек с ног рыси (МАЭ, № 656–16, 17, 18 – нивхи, ороки; № 5747–67, 68, 69 – нанайцы). Считалось, что такая подвеска должна сделать мальчика хорошим охотником (МАЭ, опись № 5530–2). Более редкими были амулеты, вырезанные из березового гриба, например в виде летучей мыши (МАЭ, № 656–19 – нивхи). Очень интересна комбинированная нанайская подвеска, состоящая из пяти косточек с ног рыси, прикрепленных к фигурной пластинке, вырезанной из копыта изюбра (МАЭ, № 5530–2).

Особой эстетикой отличались комплекты нанайских подвесок, которые в сопроводительной музейной документации зафиксированы под названием *кангиакта*. Каждый такой комплект крепился на фигурной поясной подвеске, бывшей копией тех, что рассмотрены выше при описании взрослых поясов. В центре подвески – отлитая из бронзы ажурная пластинка *ситахо*, к нижней части которой на нескольких ремешках (встречаются 6 и 9) подвешены все те же косточки с ног рыси (по одной или две на каждом ремешке), а также вырезанные из дерева миниатюрные изображения огнива и трутницы (сумочки для хранения трута) (МАЭ, № 5747–67, 68). При малейшем движении такие подвески издавали мягкое мелодичное позвякивание, звуковой эффект которого усиливал защитную мощь амулета. Из-за этого они и получили свое название, производное от *канги*, что значит «звоня, со звоном (о колокольчиках, бубенчиках)» [ТМС, т. I, 1975, с. 373].

Подвески-обереги встречались и на взрослых поясах, к которым они подвешивались с аналогичными целями, главным образом для удачи в промысловой деятельности и обеспечения здоровья. В первом случае это были, например у нанайцев, деревянные антропоморфные фигурки высотой около 6 см со схематично нанесенными лицами, но без рук, с остроконечными головными уборами. Подобные изображения, называвшиеся по-нанайски *манхлекан* (МАЭ, № 5747–8, 9), возможно от слова *манга* «сильный, крепкий» [ТМС, т. I, 1975, с. 529–530], соединялись обычно попарно и носились охотником на поясе поверх одежды.

Амулеты другого вида предназначались для исцеления от болезней. Они тоже представляли собой различные фигурки, снабженные какими-то характерными особенностями, по которым можно было догадаться об их назначении. Эти изображения вырезал из дерева шаман, придавая их внешнему виду необходимые специфические признаки. Так, нивхская фигурка, предназначенная для исцеления головной боли, имела большую голову и нависший лоб, от боли живота – вздутый живот [Орлова, 1964, с. 232–233], от боли в пояснице – согнутую искривленную спину (МАЭ, № 1156–28). Отверстие для подвешивания фигурки находилось как раз в том месте, для лечения которого она предназначалась.

Существовали у народов Амура и специальные «лечебные» пояса, которые надевали для исцеления от недугов. Например, у нанайцев больной чахоткой носил пояс, вырезанный из грубой неокрашенной ровдуги, на котором красной и синей краской были нарисованы изображения змей (МАЭ, № 1765–108). Из литературы известно, что кожаные пояса с нашитыми на них кожаными же змеями использовались для лечения болезней и ульчами [Шренк, 1903, с. 120].

Очень самобытно выглядит орокский пояс для излечения органов пищеварения, приобретенный для МАЭ Б.О. Пилсудским (МАЭ, № 2803–43). Он представляет собой широкую, в 10 см, полосу бересты, обшитую по краям узким кантом черной ткани. Концы пояса, сходящиеся встык при его надевании, украшены вырезанным спиралевидным орнаментом. Сзади на спинке пояса пришита деревянная антропоморфная фигурка (высотой в 3,5 см) с выпученным животом, которая, очевидно, и являлась средством борьбы с болезнью.

Резюмируя материалы, представленные в данном разделе, отметим общее и особенное в характеристике поясов у народов амуро-сахалинского региона. У всех из них, независимо от этнической принадлежности, совпадали два вида поясов: 1) нижние, нательные и 2) верхние, которые использовались как рабочие и промысловые. Первые относились к тому же типу, что и аналогичные пояса у эвенков и эвенов, и их происхождение, несомненно, обусловлено тунгусским компонентом в составе народов Нижнего Амура и Сахалина.

Вторые не встречаются сходства в других северных районах, составляя специфическую особенность народов этого региона. Это длинные (2–3 м) узкие кожаные пояса, которые дважды оборачивались вокруг туловища. Их обязательно носили мужчины и реже женщины.

Способ подпоясывания был также единообразным у всех народов. Сначала пояс прикладывали к животу, так что концы его шли за спину, где они перекрещивались и возвращались обратно, закрепляясь спереди при помощи пряжки или просто узла. Функциональное назначение таких поясов, помимо поддержания одежды, заключалось в подвешивании различных предметов, главными из которых были ножи, игольники, трутницы, а также ружейные принадлежности.

Повседневные и праздничные пояса народов Амура подвесок не имели, их использовали главным образом как дополнительное украшение ансамбля одежды. Среди поясов этого рода выявляется совершенно иная картина, характеризующаяся большим разнообразием вариантов по отдельным народам, которые нередко представлены единичными и весьма оригинальными экземплярами.

Мужчины и женщины у нивхов и ульчей, реже у нанайцев, использовали длинные узкие плетеные пояса, которыми оборачивались два–три раза, прикладывая сначала пояс к животу, как это практиковалось с промысловыми поясами.

Мужчины у нанайцев, орочей, удэгейцев носили пояса из двух слоев ткани, которые завязывались спереди двумя узлами.

Нанайские пояса представлены наибольшим числом разновидностей. Кроме двух отмеченных выше типов у них были очень широкие короткие пояса из ткани, уплотненные подкладом, расшитые снаружи красочным орнаментом (их носили только мужчины) и широкие короткие пояса, украшенные бисером, скорее всего, заимствованные у эвенков (их носили только женщины).

Своеобразные пояса, не встречающие аналогий, зафиксированы у ороков (из четырех полос ровдуги изогнутой формы) и орочей (из шкурок с утиных голов, чередующихся бисерными вставками).

Негидальцы носили пояса, плетенные из конского волоса, которые поступали к ним, по всей видимости, от среднеамурских эвенков-коневодов.

Кроме того, по всему региону были распространены привозные наборные пояса якутского и бурятского производства. Кроме этих поясов, получаемых уже в готовом виде, в отдаленном прошлом на Амуре, по-видимо-

му, существовали самобытные наборные пояса местного изготовления. Сведения об их бытовании касаются, в частности, нанайцев.

Наконец, еще одной особенностью региона было широкое использование населяющими его народами разнообразных обрядовых поясов, среди которых выделяются свадебные, погребальные, а также предназначавшиеся для охраны здоровья и исцеления от болезней.

Во вступительной части статьи уже были выделены признаки, имеющие, на наш взгляд, основное значение при изучении традиций использования поясов различными народами Сибири. С опорой на них и был рассмотрен значительный этнографический материал, составивший основной объем источников. Большая часть этих данных представляет собой не публиковавшиеся ранее материалы из музейных коллекций середины XIX – XX вв. Они имеют немалый научный интерес как важный первоисточник, привлечение которого пополняет этнографическую базу данных о коренных народах Сибири и расширяет наши представления об их традиционной культуре.

В ряде случаев в разделах была проведена и первичная систематизация данных о поясах отдельных народов. Но теперь нам предстоит перейти к выполнению второй задачи, а именно – к классификации всего собранного материала и распределению его, по возможности, по типам и комплексам.

Пояса, бытующие или бытовавшие в недалеком прошлом у народов Сибири, весьма разнообразны. По своему функциональному назначению они могут быть объединены в две большие группы или категории: 1) нижние (нательные, или внутренние) и 2) наружные, надеваемые на верхнюю одежду.

В отличие от наружных поясов, характеризующихся значительным количеством типов, нижние пояса дают в целом единообразную картину. И у мужчин, и у женщин они имели вид узкого кожаного ремешка длиной по объему талии, который либо завязывался спереди узлом, либо, позднее, застегивался на пуговицу. С обеих боковых сторон к пояску крепилось по одному – два металлических кольца для привязывания к ним верхней части ноговиц или голенищ высокой обуви. Такова основа конструкции, выявляемой у всех народов, за исключением Северо-Восточного региона, недостаток сведений по которому не позволяет пока дать однозначного ответа о форме нижних поясов коряков, чукчей и эскимосов.

Однако в пределах этого типа имеют место локальные варианты, характерные для определенных районов и этнических групп. Главные различия заключаются в том, что одни народы носили нижние пояса с подвесками, которыми были нож в ножнах, курительная трубка в чехле, кисет, трутница, огниво, а другие – без них, в чем и отражалась основная этническая специфика. Дополнительные особенности, связанные с ношением нижних поясов, проявлялись еще в двух характеристиках. Во-первых, важно, что именно – высокую обувь или ноговицы – подвязывали к нижнему поясу, и, во-вторых, какого покроя – глухого или распашного – была верхняя плечевая одежда.

Первый вариант – нижний пояс с подвесками – был характерен прежде всего для эвенков и эвенов, а также для тех восточно-сибирских этносов, которые издавна находились с ними в тесных контактах (юкагиры) либо вобрали в себя значительный тунгусский компонент (нганасаны и долганы). Причем важно отметить, что подвески у всех из них носили только мужчины, в то время как на женских поясах они отсутствовали. Народы этой группы, за исключением нганасан с энцами, составляющих случай особого рода, требующий этнолокального их выделения, прикрепляли к нижним поясам ноговицы и носили одежду распашного типа.

Второй вариант – нижний пояс без подвесок – фиксируется, с одной стороны, у народов Нижнего Амура и Сахалина, а с другой, – на севере Западной Сибири. Но оба этих региона различаются дополнительными особенностями, которые требуют разделения их на подварианты. В амуро-сахалинском ареале традиционным было, как и у эвенков, ношение отдельных от натазников ноговиц и верхней плечевой одежды распашного покроя. По этим характеристикам тунгусо-маньчжурские народы, к которым примыкают и нивхи, образуют один комплекс с эвенками, эвенами, долганами и юкагирами.

Среди западно-сибирских этносов нижние пояса зафиксированы у кетов, у женщин ненцев и восточных хантов, а также у мужчин нганасан и энцев. Данный регион характеризуется чрезвычайным разбросом признаков, очевидно, ввиду значительной этнокультурной пестроты населяющих его народов, поэтому здесь выделяется ряд разновидностей. Кеты крепили к нижним поясам ноговицы и носили одежду распашного покроя. Ненецкие и восточно-хантыйские женщины подвязывали к поясам высокую обувь, но верхняя их одежда тоже была распашной.

У нганасанских и энецких мужчин пояса употреблялись для поддержания обуви и ношения различных принадлежностей – ножей в ножнах, курительных трубок и пр. Следовательно, нганасано-энецкая традиция обнаруживает смешение признаков, характерных, с одной стороны, для западно-сибирских этносов, а с другой – для эвенков и эвенов. Специфическим является и то, что нижний пояс использовался нганасанами и энцами в комплексе с одеждой глухого типа.

Относительно народов Северо-Востока мы располагаем только косвенными данными, позволяющими считать пока в порядке предположения, что нижние пояса встречались в мужской одежде коряков, чукчей и эскимосов. Но достоверно и в полном объеме выявить их сходство или различие с другими регионами не представляется возможным из-за отсутствия необходимых сведений. С уверенностью можно говорить лишь о том, что такие пояса надевались под одежду глухого покроя и использовались для прикрепления к ним больших – «бедренных» – ножей. По обоим этим признакам народы Северо-Востока обнаруживают поразительное сходство с нганасанами и энцами, что добавляет еще одну аналогию к тем параллелям, которые ранее уже были выявлены в их традиционной одежде [Прыткова, 1952, с. 22; Долгих, Файнберг, 1960, с. 41–43].

Этнолокальной особенностью коряков, чукчей и эскимосов является очевидное отсутствие на их нижних поясах специальных ремешков или колец,

обязательных в остальных районах Сибири. Такая особенность обусловлена тем, что традиционные для народов Северо-Востока штаны со штанинами длиной до щиколоток и короткая обувь исключали их подвязывание к поясу.

Переходя к классификации верхних поясов, подчеркнем еще раз, что они представлены у народов Сибири различными типами, среди которых наблюдается большое разнообразие в конструкции, форме, материале, видах украшений, манере подпоясывания, наборе подвесок, способах их крепления и прочих деталях. Эти отличительные признаки были положены в основу для выделения типов и вариантов.

I. К первому (простейшему) типу следует отнести пояса из узких полос кожи, ширина которых не превышала 1–2 см, а полотно не имело никаких украшений. Материалом для их изготовления служили шкуры оленя, лося или нерпы, в зависимости от того, какое из этих животных являлось главным объектом промысла. Так, оленные чукчи и коряки использовали шкуру оленя, оседлые – нерпы, так же как нивхи и ороки; а шкуру лося употребляли кеты, тунгусоязычные народы Амура и некоторые группы манси. Независимо от этнической принадлежности такие пояса являлись прежде всего рабочими, промысловыми, поэтому у всех народов к ним подвешивались предметы, необходимые для занятий охотой, рыболовством, оленеводством. Эти пояса были преимущественно мужскими, но их могли надевать и женщины во время работы и промысловой деятельности.

Бытование узких кожаных поясов охватывает три ареала: весь Северо-Восток, целиком амуро-сахалинский регион и два района на севере Западной Сибири. Каждый из них отличался способом крепления пояса, манерой подпоясывания и некоторыми другими деталями, на основании которых выделяются следующие варианты:

1. Северо-восточный. Коряки, чукчи и эскимосы делали такие пояса длиной по обхвату талии или чуть больше – с запасом на застегивание. Для застежки использовались пряжки – костяные с крючком или металлические с подвижным язычком, простые крючки и пуговицы, которыми нередко служили небольшие гальки. Способ подпоясывания – с большим напуском. Корякские пояса были однослойными, чукотско-эскимосские – чаще из двух слоев кожи. Предметы подвешивались на ремешках, которые либо плотно пришивались к поясу, либо закреплялись в нем через сквозные отверстия. Чукчи и эскимосы один из двух ремешков, на которых крепились ножны, привязывали к поясной пряжке.

2. Амуро-сахалинский. У всех народов этого региона пояса были длинными, их дважды оборачивали вокруг талии. Причем сначала пояс прикладывали к животу, а затем концы его соединяли впереди, где застегивали на костяную пряжку или завязывали на узел. В последнем случае концы оставляли свободными или подтыкали под пояс. Длина пояса с пряжкой составляла примерно 2 м, без пряжки – около трех. Пряжки были двух типов, одни застегивались как пуговицы, другие – как крючки. Необходимые предметы подвешивались на ремешках, которые крепились через прорезы в полотне пояса или на ременных петлях, а также с помощью так называемых фигурных подвесок, аналогичных тем, что использовались народами тюрко-монгольского круга.

3. Западно-сибирский.

А) Кеты изготавливали узкие кожаные пояса длиной примерно 115–130 см и застегивали их спереди при помощи оригинального приспособления, не встречавшегося у других народов – в виде железного кольца, крепившегося с одной стороны, и костяного или деревянного штыря с изогнутым краем – с другой. Подвески крепились на ремешках, привязанных к прорезям в полотне пояса. Способ подпоясывания – низкий, по бедрам, с образованием небольшой пазухи.

Б) Манси использовали такие пояса в качестве мужских летних и носили с глухой одеждой. Их делали длиной по обхвату талии и застегивали спереди на костяную пряжку или пуговицу. Носили с подвесками. Способ подпоясывания – с большим напуском.

У других народов Севера подобные пояса встречались либо в качестве заимствованных (у эвенов они были чукотского происхождения), либо как очень архаичные экземпляры, отражающие, очевидно, какие-то древние формы (у долганских женщин и женщин лесных ненцев, а также в погребальной одежде нганасан и энцев).

Таким образом, по материалам XIX – XX в., узкие кожаные пояса были наиболее характерны для северо-восточных и амуро-сахалинских народов, а также кетов, в то время как у манси их бытование было довольно ограниченным. В каждой из этих этнических групп выявляется своя традиция, имеющая различное происхождение. Наиболее самобытны пояса этого типа у кетов, с одной стороны, и чукчей, коряков и эскимосов – с другой. У амуро-сахалинских народов они имеют аналогии с монголо-маньчжурскими длинными матерчатыми поясами по своей длине, двойному оборачиванию вокруг талии и специфическим фигурным подвескам.

В самодийской и тунгусской традициях пояса этого типа в исторический период времени не фиксируются. Однако единичные экземпляры, встречавшиеся у лесных ненцев и долган (причем в женской одежде, сохраняющей обычно более древние формы), а также упоминания в фольклоре свидетельствуют о том, что у самодийцев и тунгусов подобные пояса некогда тоже существовали. Так, в одном из сказаний урмийских эвенков упоминается пояс героя из сухожилия важенки [Исторический фольклор эвенков, с. 222].

II. Второй тип поясов, широко распространенных в Сибири, можно охарактеризовать как широкие, короткие (по обхвату талии или чуть больше, с запасом на застегивание) пояса из кожи или ткани, концы которых соединялись спереди при помощи завязок или пуговиц с петлями, а также пряжек. Очевидно, изначально их делали только из кожи, заменителем которой со временем стала выступать ткань – преимущественно толстое сукно или фланель, на Амуре также бархат. Такие пояса встречались в каждом из четырех регионов, но со своими особенностями, позволяющими выделить среди них следующие варианты:

1. Северо-восточный. У коряков, чукчей и эскимосов эти пояса в целом были очень сходными с узкими кожаными поясами первого типа. Они совпадали с ними по длине, материалу (только из кожи), способам застегивания, манере ношения, креплению подвесок, но отличались шириной (у ко-

ряков до 7–10 см, у чукчей и эскимосов до 3–5 см), а также тем, что имели красочную отделку в виде кожаной аппликации, вышивки подшейным оленьим волосом, позднее фабричными нитками. На корякских поясах встречалась еще и бисерная отделка, которая, по всей видимости, была заимствованной от эвенов.

2. Восточно-сибирский (тунгусский) – у эвенков, эвенов, юкагиров, долган, а также нганасан с энцами (только в погребальной одежде). Здесь пояса этого типа известны лучше по эвенкийским и долганским образцам, в то время как по эвенкам и юкагирам сведения очень расплывчаты и не полны. Это были полосы из кожи или сукна, нашитого на кожаную основу, реже из сукна с тканевым подкладом, шириной 4–9 см. У эвенков края пояса часто закруглялись. Застегивались они, как правило, на пуговицы и петли либо завязывались на дополнительные узкие ремешки, пришитые по краям. У долган имели равное распространение в женской и мужской одежде, у эвенков и эвенов характерны преимущественно для женщин. Мужчины носили такие пояса, как правило, без подвесок, женщины подвешивали к ним все необходимые принадлежности, которые крепились на отдельных ремешках (часто с металлическими кольцами и разнообразными украшениями), пришитых с изнанки к нижнему краю пояса. Одна из главных особенностей – обильная вышивка бисером: и эвенков и эвенов сплошная, плотными concentрическими рядами, у долган и в погребальной одежде нганасан и энцев – в виде отдельных орнаментальных узоров. Юкагирские пояса, наряду с бисером, сохраняли также традиционную отделку в технике стачивания (мозаики) нескольких полос кожи контрастных цветов.

3. Западно-сибирский. Здесь они наиболее характерны для кетов, в то время как у угорских и самодийских народов встречаются локально и имеют очень ограниченные сведения.

А) У кетов такие пояса носили только мужчины, используя их в качестве повседневных. Ширина их составляла 7–10 см, длина 80–90 см. Их делали двухслойными из сукна и хлопчатобумажной ткани, сверху темного цвета, с окантовкой из яркого контрастного. Края закругляли. Застегивали на две пуговицы и петли. Декоративное оформление дополнялось вышивкой оленьим волосом, бисером и позднее фабричными нитками. По нижнему краю крепились провисающие нити с нанизанным на них бисером. Подвески на таких поясах не носили.

Б) Угорские пояса имели отделку бисером и крепились при помощи завязок или пуговиц с петлями. У манси они известны как мужские. У восточных хантов их носили также и женщины, причем их пояса по ряду признаков были особенно близки мужским кетским, а также эвенкийским.

В) В самодийской среде такие пояса носили женщины у селькупов и лесных ненцев, а также мужчины юраков (восточных ненцев). У всех они украшались бисером, но различались способом крепления. Мужские пояса юраков застегивались на парные медные пряжки обычного ненецкого типа. Селькупские женские пояса завязывались на ремешки. У лесных ненцев указание на эту деталь отсутствует. Аналогичные пояса в погребальной одежде нганасан и энцев в точности повторяли долганские образцы.

4. Нижне-амурский. Зафиксирован только у нанайцев в двух праздничных разновидностях – а) пояса невест, сплошь зашитые бисером, шириной около 7 см, и б) очень широкие, до 20 см, пояса из сукна и бархата, подбитые легким слоем ваты, которыми мужчины подпоясывали нарядную одежду. Они застегивались на пуговицы и воздушные петли и богато орнаментировались вышивкой и плетением из разноцветных тесемок. Как видим, амурский вариант имел очень ограниченное распространение, причем первая его разновидность, очевидно, была обусловлена влиянием эвенков, тогда как вторая находит аналогии в костюмах монголов и бурят.

Пояса народов Северо-Востока должны рассматриваться в русле развития своей местной традиции. С поясами первого типа они образуют единый комплекс, изменения в котором касались только увеличения их ширины и добавления нарядной отделки на основе традиционных материалов.

В Восточной и Западной Сибири пояса второго типа наиболее характерны для кетов и тунгусов, от которых они ведут свое происхождение у юкагиров, долган и в погребальной одежде нганасан с энцами, а также у восточных хантов и, возможно, лесных ненцев. Яркой их особенностью является употребление большого количества бисера, очевидно, вытеснившего традиционные материалы, прежде всего вышивку подшейным оленьим волосом. У селькупов и манси такие пояса имеют, скорее всего, местные корни, хотя нельзя исключать и их возникновения путем упрощения поясов наборного типа, в которых металлические накладки были заменены бисерным украшением. Последний случай очевиден для мужских поясов восточных ненцев.

III. Третий тип составляют так называемые наборные пояса – широкие, короткие, украшенные поверх кожаной, а позднее и суконной основы накладными пластинами либо пуговицами-бляшками и застегивающиеся парными металлическими пряжками. Оставляя за пределами рассмотрения широко распространившиеся по Восточной Сибири и на Нижнем Амуре наборные пояса якутской и бурятской работы, попадавшие на места уже в готовом виде, мы должны констатировать, что традиция их собственного изготовления к началу XX в. достоверно зафиксирована лишь в одном регионе – на севере Западной Сибири. Краткая информация о возможном бытовании в прошлом самобытных наборных поясов у нанайцев носит исторический характер, а фрагменты пояса с пластинами оригинальной формы, обнаруженные в эвенком (?) захоронении в районе устья р. Лены, требуют дополнительного изучения для решения вопроса об их атрибуции. Поэтому, не исключая вероятности некогда более широкого распространения местных наборных поясов, в частности на Амуре и у северных тунгусов, все же достоверно можно говорить пока лишь об одном очаге их локализации – у западно-сибирских народов.

Здесь наборные пояса отмечены в первую очередь у угров и ненцев, но, по некоторым сведениям, они бытовали и у селькупов. Важной особенностью этих поясов было то, что их носили только мужчины и лишь с одеждой глухого покроя. Способ подпоясывания – с большим напуском. У ненцев, с одной стороны, и у хантов и манси, с другой, такие пояса имели много общего в формах накладок и типе пряжек, поэтому сейчас разделить их традиции, опираясь только на этнографические материалы, по-видимому,

невозможно. Точно так же очень трудно установить, был ли у них изначально общий очаг происхождения, находившийся далеко за пределами севера, или одна из сторон заимствовала эту традицию от своих соседей уже в местах своего нынешнего обитания. Актуальным остается и вопрос предполагаемых, но пока еще не вполне доказанных связей с древнетюркскими наборными поясами.

IV. Четвертый тип поясов – длинные, плетеные или тканые, называемые еще опоясками. Они отмечены в двух регионах, в связи с чем имеют место два варианта.

1. Западно-сибирский. Встречался у обских угров и селькупов в мужской и женской одежде, у ненцев – только у женщин. Такие пояса использовались лишь с одеждой распашного кроя. В южных и восточных группах угров опояски изготавливали сами в технике плетения или тканья, в северных же, как и у ненцев, приобретали готовыми, русской или коми-зырянской работы. Ширина их варьировала, длина составляла обычно 2,5–3 м, на концах часто делали кисти. При несомненном внешнем сходстве опояски имели этнические различия в способах ношения. Так, восточные ханты оборачивали их дважды или трижды вокруг туловища и при завязывании оставляли свисающие концы. Мужчины завязывали пояс спереди, а женщины – сзади, спереди или сбоку. Ненецкий способ, принятый также у женщин северных хантов, был сложнее, с использованием большого медного кольца, игравшего роль пряжки. При этом пояс складывался вдвое. Ненецкие женщины носили опояски без подвесок, угры и селькупы могли прикреплять к ним при необходимости различные предметы.

2. Нижне-амурский. Отмечен у ульчей, нивхов и нанайцев, использовавших такие пояса (шириной около 3 см, длиной 2,5 м) в качестве повседневных или праздничных. И мужчины, и женщины при надевании сначала прикладывали их к животу и два или три раза оборачивали вокруг туловища. Оставшиеся концы свободно спускали вниз. Ульчи и нивхи изготавливали плетеные пояса сами на специальных станочках, позаимствовав этот навык от айнов. Нанайцы приобретали такие пояса только в готовом виде.

Происхождение плетеных поясов в Западной Сибири и на Амуре, несмотря на их поразительное сходство, при большой удаленности этих регионов и отсутствии между ними прямых контактов не принято рассматривать проявлением общей историко-культурной традиции. Исследователи хантов и манси вполне правомерно считают опояски элементом финно-угорского или даже финноугро-самодийского культурного единства, основываясь на том, что аналогичные пояса характерны также для народов Поволжья, с одной стороны, а с другой – для шорцев и кумандинцев Северного Алтая [Лукина, 1985, с. 196, 198; Федорова, 1994, с. 145]. В то же время такой авторитетный специалист по Амуру, как А.В. Смоляк, рассматривает их бытование у ульчей и нивхов в качестве заимствования от айнов, правда при этом упор делается прежде всего на проникновение «айнского искусства плетения поясов в начале XX в.» [Смоляк, 1984, с. 235].

В принципе соглашаясь с обеими этими точками зрения, нельзя не отметить, однако, и такое важное информационное свидетельство, как обна-

ружение плетеного пояса-шнура в одном из погребений пазырыкской культуры. Данный пояс принадлежал женщине, в одежде которой он являлся едва ли не главным элементом костюма. Его длинные концы, украшенные гроздьями кистей, придавали особую пышность всему наряду. По мнению Н.В. Полосьмак, открывшей и описавшей это захоронение, подобный пояс может быть сопоставлен с плетеными шерстяными шнурами, игравшими большую роль в индоиранской ритуальной практике, где они являлись знаком принятия в религиозную общину. В связи с этим «зороастрийцы стали носить шнур как пояс, повязывая его поверх нижней белой рубахи, трижды обернув вокруг талии, – это был знак посвященного». Поэтому плетеный шнур в культуре пазырыкцев Н.В. Полосьмак считает «принадлежностью индоиранской культуры (в широком значении этого понятия)» [Полосьмак, 2001, с. 117–118].

Такая информация не может быть оставлена без внимания при рассмотрении интересующего нас вопроса о происхождении плетеных поясов у народов Сибири. Сопоставление с ней позволяет выявить истоки этой традиции, по крайней мере в западно-сибирских культурах. Амурский регион имеет меньше оснований для подобного рода сравнений, однако импульсы иранского влияния могли в древности доходить и до него.

Исследователи угров выделяют в их культуре обширный пласт разнообразных заимствований, свидетельствующих о длительном контакте предков хантов и манси (до их переселения на север) с ираноязычным населением. В.Н. Чернецов отмечал, что «пришельцы, угры по языку, во время своего пребывания в степи первоначально входили в состав скифо-сарматского мира, насыщенного иранскими элементами. Этим обуславливается и наличие многих иранских черт в языке, фольклоре и обрядах остяков и вогулов. Иранским источникам угры обязаны и многими культурными навыками» [Чернецов, 1947, с. 114–115]. Очевидно, не будет ошибкой отнести к ним и использование хантами и манси плетеных поясов, во всяком случае каких-либо серьезных возражений такому суждению мы не видим.

Относительно появления поясов этого типа у ненцев и селькупов можно предполагать пока с равной долей вероятности, что они либо вынесли эту традицию с мест своего исторического пребывания в Южной Сибири, либо заимствовали ее уже на севере у обских угров. Последняя точка зрения скорее относится к селькупам, культура которых характеризуется значительным хантыйским влиянием, тогда как ненецкие пояса с их особым приемом застегивания на оригинальную пряжку в форме большого кольца представляют собой скорее какую-то локальную разновидность.

Предполагаемое в историческом плане соотнесение плетеных поясов народов Амура с традицией древних иранцев, не имеющее пока под собой убедительных оснований (кроме, разве что совпадения в типе пояса и обычае многократного им оборачивания), выглядит достаточно спорным и уязвимым. Однако не в последнюю очередь это обусловлено вообще слабой разработкой в этнографической литературе вопроса о ранних связях Амурского региона с культурами Запада. При этом археологами все же отмечаются древние контакты народов Нижнего Амура с населением

Енисея и Тувы в эпоху бронзы и в тюркский период [Дэвлет, 1978]. Бесспорной западной чертой в культуре народов Нижнего Амура А.В. Смоляк считает наличие у них срубной техники в ритуальных и хозяйственных постройках середины XIX в., аналогичной той, что хорошо известна на западе, судя по скифским погребениям [Смоляк, 1973]. Поэтому, на наш взгляд, нет оснований отказываться от того, чтобы усматривать в нижеамурской традиции плетеных поясов следы возможного иранского влияния.

К тому же своеобразный этногеографический мостик в распространении данного элемента культуры в сторону амурского региона могут составить упоминавшиеся выше у среднеамурских эвенков-коневодов пояса, плетенные из конского волоса. К сожалению, отсутствие подробных сведений об этих поясах не позволяет воспользоваться данной информацией в полной мере. Однако даже простое упоминание о них заслуживает того, чтобы включить это важное свидетельство в общую канву наших рассуждений о возможных иранских корнях происхождения плетеных поясов у исследуемых народов и о разнонаправленных волнах распространения этой традиции на Север и Дальний Восток.

V. Пятый тип – мягкие матерчатые пояса в виде длинных и широких полос ткани. Отмечены локально у ряда народов севера Западной Сибири и Нижнего Амура, а также у южных скотоводческих групп эвенков. Каких-либо заметных региональных различий в их форме не наблюдается, поэтому в выделении вариантов нет необходимости. Этнические особенности касались лишь способов подпоясывания и деления по половой принадлежности.

В Западной Сибири подобные пояса длиной от 2 до 3–4 м, шириной 15–30 см носили кеты (только женщины) и ханты и манси независимо от пола. Их дважды или трижды оборачивали вокруг туловища. Кеты завязывали пояс спереди, подтыкая оставшиеся концы. У хантов мужчины завязывали пояс спереди, женщины – спереди или сзади, длинные концы при этом спускались вниз.

На Нижнем Амуре длинные матерчатые пояса носили только мужчины у нанайцев, орочей и удэгейцев. После двукратного оборачивания их завязывали спереди, а концы подбирали под пояс.

Среди эвенков пояса этого типа встречались у забайкальских хамниганов и коневодческих групп Среднего Амура. В первом случае их носили только мужчины, во втором, как свидетельствуют фотографии манегров, могли надевать также и девушки. И те, и другие после многократного обертывания концы пояса подтыкали.

Мягкие матерчатые пояса являлись типичной чертой мужской одежды у всех монголоязычных этносов, в том числе и их этнических предшественников – киданей, у которых они были заимствованы маньчжурами. К нанайцам, орочам и удэгейцам, а также к конным эвенкам Среднего Амура такие пояса попали вместе с другими элементами маньчжурской культуры. У забайкальских же эвенков-хамниганов, длительное время находившихся под сильным влиянием ближайших южных соседей – дауров и монголов, одежда являлась по сути дела монгольской, поэтому важное место в ней занимал и матерчатый пояс.

Все названные народы восприняли вместе с монгольскими поясами и сопутствующий им обычай, по которому замужние женщины пояса не носили, в то время как девичья одежда могла подпоясываться наравне с мужской, что нашло отражение, в частности, в культуре манегров.

Менее понятным для нас является происхождение мягких матерчатых поясов в культурах кетов и угров. Монгольское влияние здесь маловероятно в виду значительной территориальной удаленности, а также из-за различия в традициях ношения таких поясов. У угров их носили женщины наравне с мужчинами, а у кетов вообще только женщины, что в принципе исключается монгольскими обычаями.

В связи с этим следует вспомнить, что аналогичные пояса встречались еще в одном регионе – у тюрков Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов). Рассматривая это совпадение в культурах угорских и алтайских народов, Н.В. Лукина считает, что «общность традиций основана, очевидно, на том, что их формирование происходило на единой территории, где осуществлялись контакты между уграми, тюрками и монголами. Наиболее вероятно, что этой территорией был Алтай. Исходя из существующих точек зрения, можно полагать, что матерчатые пояса у тюрков и угров появились от монголов» [Лукина, 1985, с. 198].

Однако согласиться с таким заключением мешает некоторая хронологическая нестыковка. Дело в том, что проникновение монгольских элементов одежды к алтайским тюркам датируется не ранее периода Чингис-хана, в основном же оно протекало в XV–XVIII вв., во время господства на Алтае западных монголов (ойратов) [Потапов, 1951, с. 53–54]. Ханты и манси проживали к этому времени уже значительно севернее, не имея непосредственных контактов с народами Алтая. К тому же алтайская традиция ношения длинных матерчатых поясов имеет те же отличия от монгольской, что и угорская и кетская, поскольку женщины у алтайцев не были лишены возможности подпоясывания [Потапов, 1951, с. 36; Дьяконова, 2001, с. 86, 96].

В связи с этим, встает вопрос, не следует ли искать для матерчатых поясов саяно-алтайских тюрков, а вместе с ними кетов и угров, иной источник происхождения, не связанный с монголами. Ответом на него, в порядке предварительного предположения, может рассматриваться материал по одежде хуннов, обнаруживающий интересные параллели. Есть свидетельства, что хунны подпоясывали свои халаты не только наборными поясами, но еще и широкими поясами из материи [Руденко, 1962, с. 39; История Сибири, 1968, с. 244]. Известно также, что к гуннскому времени восходят многие черты культуры алтайцев, тувинцев и других народов Саяно-Алтая, ставшего во II–I вв. до н.э. и в первые века н.э. частью гуннской периферии. Немаловажным фактом, который нужно принять во внимание в связи с вопросом о матерчатых поясах, является то, что в этот период знать алтайских кочевников начала получать через посредство гунно-китайских связей китайские шелковые ткани, из которых она шила нарядные одежды [Потапов, 1951, с. 52].

Отдавая себе отчет в том, что высказанное предположение о возможных хуннских истоках традиции матерчатых поясов у народов Саяно-

Алтая и севера Западной Сибири носит очень предварительный характер, требующий дополнительных уточнений, в первую очередь в материалах самих хуннов, отметим все же, что оно не лишено исторических оснований, по крайней мере для кетов, в языке и культуре которых специалисты выявляют очевидные гуннские соответствия [Алексеев, 1973, с. 8–10].

Итак, верхние пояса, выявляемые у разных народов в пределах исследуемого региона, при всем многообразии их форм могут быть сведены к пяти основным типам, внутри каждого из которых выделяются варианты, встречающиеся у представителей различных этнических общностей. В ряде случаев это свидетельствует лишь о простом совпадении сходных форм при независимом, конвергентном их возникновении. Но многие примеры являются отражением как древних, так и более поздних этногенетических и историко-культурных связей. Распределение поясов по основным типам, а также распространение их у отдельных народов показано в приведенных ниже сводных материалах.

Основные типы верхних поясов

I. Узкие кожаные пояса.

1. Северо-восточный вариант – коряки, чукчи, эскимосы, керекы, эвены (анадырские).
2. Амуро-сахалинский вариант – все народы Нижнего Амура и Сахалина.
3. Западно-сибирский вариант – кеты, манси (мужчины).
4. В архаичных формах – у лесных ненцев (женщины), долган (женщины), у нганасан и энцев в погребальной одежде.

II. Широкие короткие пояса из кожи или ткани.

1. Северо-восточный вариант – коряки, чукчи, эскимосы, керекы, ительмены.
2. Восточно-сибирский (тунгусский) вариант – эвенки, эвены, юкагиры, долганы, нганасаны с энцами (в погребальной одежде).
3. Западно-сибирский вариант – кеты (мужчины), манси (мужчины), ханты (восточные), селькупы (женщины), лесные ненцы (женщины), восточные ненцы (мужчины).
4. Нижне-амурский вариант – нанайцы.

III. Наборные пояса.

Мужчины у ненцев, хантов, манси, и, возможно, селькупы.

IV. Длинные, плетеные или тканые (опояски).

1. Западно-сибирский вариант – ханты, манси, селькупы, ненцы (женщины).

2. Нижне-амурский вариант – ульчи, нивхи, нанайцы.

V. Мягкие матерчатые пояса.

Кеты (женщины), ханты и манси. Мужчины у нанайцев, орочей и удэгейцев. Эвенки (забайкальские скотоводы-хамниганы и среднеамурские конные).

Распространение поясов у отдельных этносов

Этнос	Преобладающий тип	Сосуществующий или иногда встречающийся тип
Коряки, чукчи, эскимосы, керекы	I, II	
Эвенки	II	V (забайкальские скотоводы, конные средне-амурские)
Эвенки	II	I (анадырские)
Юкагиры	II	
Долганы	II	I (женщины)
Народы Нижнего Амура и Сахалина	I, IV (ульчи, нивхи, нанайцы), V (мужчины у нанайцев, орочей, удэгейцев)	II (нанайцы)
Ханты	III (мужчины), IV, V	II (восточные ханты)
Манси	II (мужчины), III (мужчины), IV, V	I (мужчины)
Кеты	I, II (мужчины), V (женщины)	
Ненцы	III (мужчины), IV (женщины)	I (лесные ненцы, жен.), II (лесные ненцы, жен., восточные ненцы, муж.)
Селькупы	II (женщины), III, IV	
Нганасаны		I и II – только в погребальной одежде

Важное дополнение к этой информации дает и сопоставление способов подпоясывания, в распределении которых также выявляются твердо очерченные ареалы.

1. У восточно-сибирских народов – эвенков, эвенов, юкагиров и долган – широкие короткие пояса II типа носились с распашной одеждой и повязывались плотно на уровне талии, соединяясь концами спереди на середине.

2. На севере Западной Сибири ненцы, ханты и манси с короткими широкими поясами II и III типов, а также на Северо-Востоке коряки, чукчи и эскимосы с поясами I и II типов носили одежду глухого образца, которую подпоясывали с образованием большого напуска, используемого как вместительное для мелких вещей. Скорее всего, данная традиция восходит к особенностям древнеарктической глухой одежды автохтонного населения Севера. Ношение пояса с большим напуском встреча-

лось среди стариков у нивхов и ульчей, что может рассматриваться как дань старинному «палеоазиатскому» обычаю, аналогичному с народами Северо-Востока.

3. Длинные пояса IV и V типов – матерчатые и плетеные – на Нижнем Амуре и Сахалине носили с распашной одеждой, повязывая их на уровне талии и несколько раз оборачивая вокруг туловища.

4. Наконец, четвертый ареал выявляется на севере Западной Сибири – повязывание поверх распашной одежды, низко по бедрам, с образованием небольшой пазухи. Такой обычай отмечен у кетов, селькупов и женщин восточных хантов. Возможно, что в качестве рудимента он встречался и на нижнем комбинезоне нганасанских женщин.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что способы ношения поясов, так же как и сами их формы, могли видоизменяться на протяжении времени под действием самых различных факторов. Поэтому имеющиеся материалы порой свидетельствуют об отступлениях от общей нормы, о каких-то локальных разновидностях, и все же специфика каждого народа (или группы народов), имеющая место в обычаях подпоясывания, традициях конструкции поясов и их деталей, чаще всего прочно сохранялась. На этом основании данные о поясах имеют немаловажное значение для этнографических исследований, так как они могут широко и плодотворно привлекаться для характеристики традиционной культуры, решения проблем этногенеза и выявления этнокультурных связей. В данной статье такая работа проводилась везде, где это допускалось имеющимся материалом, однако ее необходимо продолжить. Главным направлением должен стать поиск новых источников для восполнения недостающих сведений и уточнения спорных вопросов. Это могут быть, во-первых, коллекции местных сибирских музеев, к сожалению, оставшиеся в значительной степени за рамками нашего рассмотрения, и, во-вторых, сравнительный анализ терминологических данных, которые были привлечены также недостаточно. Дальнейшая работа по сбору новых материалов и включению их в уже имеющуюся базу данных может внести как подтверждающие уточнения, так и существенные исправления в предлагаемую сейчас схему.

Библиография

- Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
Алексеев Е.А. Техника изготовления одежды у кетов // *Одежда народов Сибири*. Л., 1970. С. 122–136.
Алексеев Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов. М., 1973.
Алексеев Е.А. К вопросу о ранних кето-угорских взаимодействиях // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20-27.VIII.1980. Pars 3. Turku, 1981. S. 3–8.
Алексеев Е.А. Этнические и культурные взаимодействия кетов и обских угров // *Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири*. Кемерово, 1986. С. 106–113.
Алексеев Е.А. Ребенок и детство в культуре кетов // *Традиционное воспитание детей у народов Сибири*. Л., 1988. С. 9–37.
Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // *Сибирский этнографический сборник* II. ТИЭ, Новая серия, Т. XXXV. М.; Л., 1957. С. 99–245.

- Антропова В.В.* Культура и быт коряков. Л., 1971.
- Анучин В.И.* Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник МАЭ. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1914.
- Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Сборник МАЭ. Т. 45. Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5–13.
- Боброва А.И., Яковлев Я.А.* К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–89.
- Богораз В.Г.* Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Академии наук // Сборник МАЭ. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1901.
- Богораз В.Г.* Работа Г.Н. Прокофьева среди остяко-самоедов // Этнография. 1928. № 2. С. 91–95.
- Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
- Браиловский С.* Тазы, или удихэ // Живая старина. 1901. Вып. II. С. 3–223.
- Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. Якутская область, Охотский край. СПб., 1856.
- Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири: Альбом. СПб., 1856.
- Бурятско-русский словарь.* М., 1973.
- Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 42–61.
- Василевич Г.М.* Ессейско-чирингдинские эвенки // Сборник МАЭ. Т. 13. Л., 1951. С. 154–186.
- Василевич Г.М.* Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгуски как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 137–165.
- Василевич Г.М.* Материальная культура среднеамурских эвенков (По коллекциям музеев Ленинграда) // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–122.
- Васильев Ю.М.* «Глухой» период в археологии Приамурья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 116–118.
- Вербов Г.Д.* Ненецкие сказки и былины. Салехард, 1937.
- Гарин Н.* Ни – мужской пояс // Северные просторы. 1991. № 45. С. 50–51.
- Герстфельд Г.Ф.* О прибрежных жителях Амура // Вестник РГО. Т. XX. СПб., 1857. С. 293–313.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX–XX вв.). Л., 1983.
- Гурвич И.С.* Юкагиры Чуванского рода в середине XVIII века // Труды ИЭ, Новая Серия. М.; Л., 1957. Т. 35. С. 246–262.
- Декоративно-прикладное искусство народов Дальнего Востока в собрании Сахалинского областного художественного музея.* Южно-Сахалинск, 2000.
- Деревянко Е.И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Долгих Б.О.* Кеты. Иркутск, 1934.
- Долгих Б.О.* Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. ТИЭ, т. 18. М.; Л., 1952. С. 5–87.
- Долгих Б.О., Файнберг Л.А.* Таймырские нганасаны // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960. С. 9–62.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1.
- Дэвлет М.А.* К вопросу о культурных связях древнего населения Центральной Азии и Дальнего Востока // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока. Владивосток, 1978. С. 29–30.
- Дьяконова В.П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.
- Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.
- Зуев В.Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII века. ТИЭ, Новая серия. М.; Л., 1947. Т. V. С. 17–91.

Зыков Ф.М. Старинные якутские украшения из цветных металлов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 125–141.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.

Иванов С.В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л., 1970а. С. 196–207.

Иванов С.В. О детских «амулетах» нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. (СМАЭ. Т. 33). С. 80–89.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. М.; Л., 1966.

История и культура удэгейцев. Л., 1989.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. СПб., 1898.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая Старина. СПб., 1900. X. Вып. 1–2. С. 151–193.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.

История Сибири в пяти томах. Т.1. Древняя Сибирь. Л., 1968.

Каллиников Н.Ф. Наш крайний северо-восток. СПб., 1912.

Каплан Н.И. Из камуса, ровдуги, бисера... Декоративно-прикладное искусство малых народов Крайнего Севера // Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972.

Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. М., 1980.

Карапетова И.А. Одежда лесных ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1983.

Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Томск, 1995. Т. 2.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I. Народы Сибири. Томск, 1979.

Кочешков Н.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Кузаков К.Г. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. ТИЭ, Новая серия. М., 1960. Т. LVI.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977.

Ларькин В.Г. Удэгейцы (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Владивосток, 1958.

Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964.

Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229–248.

Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). Новосибирск, 1973.

Леонтьев В.В. Керекский способ погребения // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 239.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М., 1983.

Лещенко В.Ю. О пережитках традиционных верований у эвенков // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1987. С. 34–50.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Восточная группа. Томск, 1985.

Маак Р.К. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859.

Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.

Медведев В.Е. Пояса Надеждинского могильника // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 211–219.

- Меновицков Г.А. Эскимосы: научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959.
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1869. Ч. II.
- Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. М., 1985.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.
- Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи // Записки Приамурского отдела РГО. СПб., 1896. Т. II. Вып. I.
- Орлова Е.П. Коряки полуострова Камчатки // Северная Азия. 1929. № 3 (27). С. 83–113.
- Орлова Е.П. Азиатские эскимосы // Известия ВГО. 1941. № 2. С. 201–222.
- Орлова Е.П. Амулеты гиляков // Археология и этнография Дальнего Востока: Материалы по истории Сибири. Новосибирск, 1964. Вып. 1. С. 223–240.
- Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1999.
- Первалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 85–97.
- Петрова Т.И. Краткий нанайско-русский словарь М.; Л., 1935.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Попов А.А. Нганасаны. Материальная культура. М.; Л., 1948.
- Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 41–146.
- Попов А.А. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии // СМАЭ. М.; Л., 1958. Т. 18. С. 5–121.
- Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Потапов Л.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 5–59.
- Прокофьева Е.Д. Энецкий шаманский костюм // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 125–153.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
- Прокофьева Е.Д. Одежда тазовских селькупов // Архив МАЭ РАН. Ф. 6, оп. 1, № 84.
- Прокофьева Е.Д. Материальная культура селькупов (жилище, одежда, пища, оружие) // Архив МАЭ РАН. Ф. 6, оп. 1, № 93.
- Прыткова Н.Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. XV. С. 19–22.
- Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. 1954. Т. 15. С. 123–233.
- Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 3–99.
- Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5–88.
- Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972.
- Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск, 1996.
- Руденко С.И. Культура гуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л., 1962.
- Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1917. Кн. 1–2. С. 1–67.
- Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX. Новосибирск, 2001.
- Сведруп Г.У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930.
- Сем Т.Ю. Традиционный этнографический комплекс манегров (конец XIX – начало XX вв.) // Субэтносы в СССР. Л., 1986. С. 92–110.
- Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Владивосток, 1973.
- Симонов М.Д. Традиционная одежда сымских эвенков // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985. С. 64–69.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.
- Сирелиус У.Д. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1906. Вып. XV.

Сирелиус У.Д. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1907. Вып. XVI.

Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. Т. I.

Смолицкий В.Г. Некоторые способы декорирования современной народной корякской одежды // Традиционное искусство и современные промыслы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 77–91.

Смоляк А.В. Западные элементы в культуре народов Нижнего Амура // Рефераты докладов и сообщений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 165–172.

Смоляк А.В. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 69–73.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984.

Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом. М., 2001.

Соколова З.П. Ханты рр.Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 15–66.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. 1975. Т. 2. 1977.

Старкова Н.К. Ительмены: Материальная культура (XVIII в. – 60-е годы XX в.). М., 1976.

Старцев Г. Остяки. Социально-этнографический очерк. 1928.

Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. СПб., 2000.

Стеллер Г.В. – Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. 1774 / Пер. А.Н. Горлина и Г.Г. Генкеля // Архив МАЭ РАН. Фонд К-I, оп.1, №30.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 62–72.

Таксами Ч.М. Одежда нивхов // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 166–195.

Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.

Титова З.Д. Материалы И.Г. Гмелина о тунгусах XVIII века // СЭ. 1978. № 1. С. 59–71.

Тропою северных оленей: Альбом. Л., 1974.

Ушаков Г.А. Остров метелей. Л., 1972.

Федорова Е.Г. Одежда манси в XIX–XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196–207.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139–156.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.

Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Хомич Л.В. Тюркские элементы в культуре ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 35–39.

Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. СПб., 2002.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. 1947. Т. I. С. 113–134.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35. С. 221–241.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить... Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. Барнаул, 1995. С. 179–187.

Чубарова Л.И. Художественно-технологические приемы обработки кожи и меха у чукчей, эскимосов и коряков // Традиционное искусство и современные промыслы народов севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 91–104.

Широкогоров А.М. Социальная организация северных тунгусов / Пер. с англ. // Архив МАЭ РАН. Ф. К-II, оп. 1, № 217.

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1896. Т. II. Вып. 1.

Шкловский И. Очерки Крайнего Северо-Востока // Записки ВСОРГО по отд. этнографии. Иркутск, 1892. Т. II. Вып. I.

Шренк Л.Я. Об инородцах Амурского края. СПб., Т. 2, 1899, Т. 3, 1903.

- Штернберг Л.Я.* Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Шульц Л.Р.* Салымские остяки // Записки Тюменского научного общества изучения местного края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166–200.
- Шухов И.Н.* Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1916. Вып. 24. С. 1–57.
- Этнографические материалы* Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Магадан, 1978.
- Castren M.A. Wörterverzeichnis aus den samoedischen Sprachen. S.–P., 1855.
- Yochelson W. The Korjak // Yesup North Pacific Expedition. V. VI. P.II. Yeiden – New York, 1908.
- Tschernetzow V.N.* Barenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1974. T. 23(2–4). P. 285–319.

Л.Р. Павлинская

НАБОРНЫЕ ПОЯСА В КУЛЬТУРАХ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Наборный пояс, т.е. пояс, декорированный накладными металлическими (иногда костяными) пластинами или бляшками – одно из тех явлений культуры, которое постоянно привлекает внимание исследователей. По наборным поясам существует целый ряд специальных работ [Распопова 1965; Макарова, Плетнева 1983; Магомедов 1988; Добжанский 1990], и уж поистине невозможно перечислить те исследования, в которых наборный пояс не рассматривался бы в связи с анализом костюма, вооружения, народного декоративно-прикладного искусства и более общих вопросов этно- и культурогенеза народов евразийского континента. Столь широкий интерес к наборному поясу со стороны самых разных специалистов объясняется, с одной стороны, высоким семиотическим статусом наборного пояса (и пояса вообще) в культурах широкого круга народов, что определило необычайную устойчивость данного феномена во времени, с другой – огромным ареалом его распространения на территории Старого Света.

История этого украшения насчитывает около трех тысячелетий. И хотя на протяжении этого периода пояс претерпевал различные изменения, в некоторых культурах он сохранился до середины XX в. Появление наборного пояса относится к концу II тыс. до н.э. и связано с культурой кочевых скотоводческих народов Великой степи [Добжанский 1990, с. 16]. Однако реальное бытование наборного пояса выходит далеко за пределы распространения кочевой культуры, отражая то колоссальное влияние, которое она оказала в силу своей динамичности на народы соседних регионов. Следует подчеркнуть, что ареал наборных поясов существенно менялся во времени. Так, в XIX – начале XX вв. такие пояса были распространены у народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, в культурах Кавказа, Передней Азии и Восточной Европы. В эпоху средневековья ареал их был значительно шире и охватывал дополнительно территорию Центральной Азии и Западной Европы, от Амура до Австрии и Германии.

Длительность существования наборного пояса в культурах Азии и Европы и широта его распространения привели к тому, что изучение различных аспектов этого явления оказалось рассыпанным по работам, посвященным локальным культурам или отдельным проблемам того или иного исторического периода. Накопленный материал настоятельно требует широкого обобщения, подготовки хорошо иллюстрированного монографического издания, в котором была бы изложена история развития наборного пояса, разработана его типология, выявлено то общее и особенное, что присуще этому явлению в разных культурах. Первый шаг в этом направлении

уже сделан. В небольшой, но достаточно обстоятельной монографии В.Н. Добжанского «Наборные пояса кочевников Азии» сведены воедино материалы по наборным поясам кочевых культур степного региона скифского и древнетюркского времени. Но это лишь начало обобщающего исследования, которого требует материал, охватывающий едва ли не половину известных в Старом Свете культур. Уверена, что подобная работа не только внесла бы большой вклад в изучение такого культурного явления, как наборный пояс, но и раскрыла новые горизонты в исследовании этно- и культурогенеза народов Евразии на разных этапах исторического развития.

Одним из вспомогательных инструментов для будущего фундаментального труда по наборным поясам представляется предлагаемая читателю статья, которая вводит в научный оборот конкретный материал по культурам Сибири. Основным источником для нее послужили коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Российского этнографического музея, Государственного Эрмитажа и Этнографического музея в городе Осака (Япония), а также опубликованные работы этнографов и археологов, посвященные культурам евразийского региона. Следует заметить, что материал, представленный в публикациях, часто бывает трудно использовать для сопоставительного анализа, так как при описании наборных поясов отсутствуют многие характеристики, особенно связанные с технологией их изготовления. В некоторых случаях (прежде всего это касается археологических памятников) технологию невозможно восстановить ввиду плохой сохранности предмета, в других – исследователи просто не обращают на нее внимания. В то же время технологические особенности необычайно важны для выявления генезиса явления, так как отражают глубинный пласт той или иной культурной традиции. Отсутствие этих данных вызывает определенные сложности при рассмотрении наборных поясов народов Сибири и создает значительные лакуны в сравнительном анализе, тем не менее представляется, что данная публикация будет небесполезной для дальнейшего изучения этого культурного явления.

Наборные пояса сибирских народов середины XIX – начала XX вв. рассматривались многими исследователями [Прыткова 1970, с. 25; Тумахани 1970, с. 67–71; Константинов 1971, с. 69; Каплан 1974, с. 104–114; Кулемзин, Лукина 1977, с. 89–90; Грибова 1980 с. 141–142; Кочешков 1981, с. 112–119; Хомич, 1984, с. 17–19; Лукина, 1985, с. 197; Боброва, Яковлев 1994, с. 61–91; Федорова 1994, с. 142–143; Павлинская 1994, с. 54–55], что, естественно, облегчает анализ материала. Однако изучение этого феномена, как правило, не выходило за рамки его анализа в контексте конкретной культуры, а проблемы происхождения и развития украшения ограничивались констатацией факта этнокультурных контактов с народами степного региона. Поэтому в задачу данной статьи входит анализ наборных поясов народов Сибири в сравнительно-типологическом плане и определение значения этого памятника традиционных сибирских культур для изучения процессов этно- и культурогенеза в евразийском историко-культурном пространстве.

Сравнительный анализ наборного пояса у различных сибирских народов дает возможность выявить как внутренний процесс его развития (эндо-

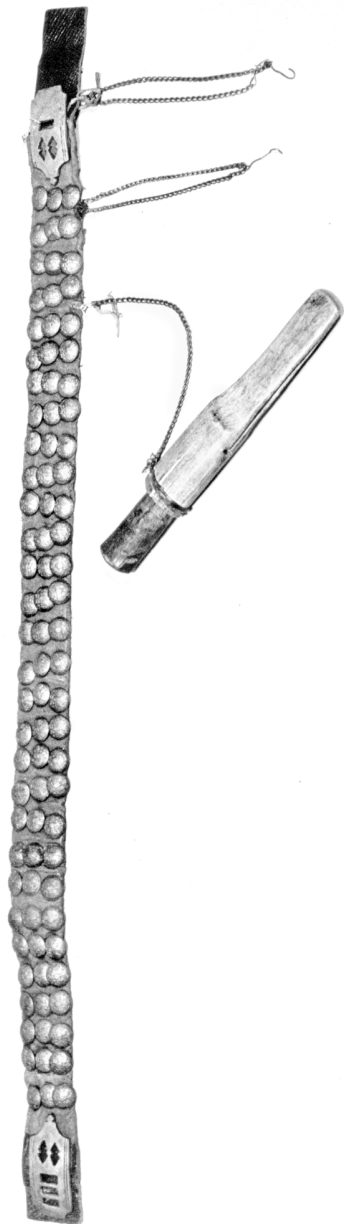

Рис. 1. Мужской наборный пояс.
Кожа, латунь. Ненцы, конец XIX-
начало XX в. МАЭ, № 1147–16.

генный), так и влияние на его формирование соседних культур (экзогенный). В этом случае большое значение имеет привлечение археологического материала древних культур Сибири, что позволяет раскрыть эти процессы на разных диахронических срезах и тем самым дать более объективную картину развития наборного пояса. Последнее возможно в основном благодаря поясному металлическому декору, так как металл в силу своей прочности сохранился в памятниках различных исторических эпох. Художественный металл в наборных поясах представляет собой важный аспект исследования: этническая специфика значительно сильнее проявляется в накладных пластинах, чем в самой форме или конструкции пояса. При этом художественный металл в наборных поясах естественным образом связан со становлением и развитием как ремесленной традиции, так и народного искусства в целом, что в значительной степени расширяет спектр анализа, позволяя включить в него разносторонние, но взаимосвязанные явления (Рис. 1).

Наборные пояса в середине XIX – начале XX вв. на территории Сибири существовали в культурах якутов, долган, нганасан, бурят, хантов, манси, ненцев, энцев, селькупов, коми и айнов Сахалина. Л. Шренк пишет о том, что среди нанайцев и ульчей во второй половине XIX в. были распространены пояса с металлическими накладными пластинами, которые носили как мужчины, так и женщины [Шренк 1903, с. 95]. Однако в этот период у народов Амура бытовали наборные пояса якутского, реже бурятского производства (МАЭ, колл. И–1548-26, 1765–185).

Стоили они дорого и были достоянием только богатой части населения (Рис. 2). Сами же амурские народы в это время, судя по музейным коллекциям, наборные пояса не изготавливали. Но, забегая вперед, необходимо

Рис. 2. Нанец в наборном поясе якутской работы. Кожа, латунь. Начало XX в.

пояснить, что в эпоху средневековья, начиная с VII в. (культура мохэ) и кончая IX–XII вв. (культура чжурчженей), наборные пояса были широко распространены в амурском регионе. Это позволяет видеть в бытовании у ульчей и нанайцев в XIX в. поясов якутской или бурятской работы не простое заимствование, а скорее восстановление древней традиции, угасание которой в собственном производстве было восполнено из чужой культуры. Долганские наборные пояса были исключительно якутской работы, но их существование в культуре данного народа не вызывает удивления, если учесть, что якуты приняли активное участие в его этногенезе. Более существенное значение приобретает наличие наборного пояса в женской погребальной одежде нганасан, зафиксированное в 80-х годах XX в. сотрудником отдела этнографии Сибири МАЭ РАН Г.Н. Грачевой (МАЭ, опись колл. 6628–7). На сегодняшний день это единственный экземпляр работы якутских мастеров. Насколь-

ко позволяют судить источники, нганасаны сами наборных поясов в XIX – начале XX вв. не изготавливали. Здесь, как и в случае с нанайцами и ульчами, может играть роль тот факт, что в среде самодийских народов Сибири наборный пояс бытовал с давних времен. В культуре нганасан к середине XIX – началу XX вв. он, видимо, полностью исчез из собственной ремесленной традиции, сохранившись только в одном из самых консерватив-

Рис. 3. Нганасанский женский погребальный наборный пояс якутской работы. Кожа, серебро, начало XX в. МАЭ, № 6628–7.

ных элементов культуры – погребальном обряде, где он восполнялся из соседней якутской культуры (Рис. 3).

Таким образом, в сибирском регионе наборные пояса присутствовали как в скотоводческих культурах, так и в культурах рыболовов-охотников и оленеводов, что само по себе свидетельствует о необычайно сложных путях развития этого явления. У обских угров, коми и самодийцев, за исключением женской погребальной одежды нганасан, наборный пояс был элементом мужского костюма; у якутов, долган, нанайцев, ульчей и айнов он входил также в состав женского костюма [Константинов 1971, с. 70; МАЭ, описи колл. 1071–29; Шренк 1903, с. 95; МАЭ; опись колл. 700–2 аб]. Существуют неоспоримые доказательства, что некогда наборный пояс входил в комплект женского костюма предбайкальских бурят (эхиритов), у которых на женскую безрукавку сзади нашивалась широкая кожаная полоса, украшенная сплошным рядом металлических накладных пластин (МАЭ, колл. 2202–48). У якутов, кроме того, существовали и детские наборные пояса (МАЭ, колл. 1071–70), которые, как можно предположить, надевались на мальчика, когда он впервые самостоятельно садился в седло.

Происхождение наборного пояса на территории Евразии все исследователи связывают с возникновением всадничества, появлением нового вида войск – кавалерии, развитием новых способов ношения оружия и ведения боя. Безусловно соглашаясь с этим положением, можно лишь добавить, что возникновение наборного пояса носило более сложный характер и его бытование в культурах охотников-рыболовов и оленеводов не являлось простым заимствованием, а имело и свои истоки. Конечно, большую роль сыграли тесные этнокультурные контакты предков этих народов с кочевниками степей. Более того, не следует забывать о прямом участии степных скотоводов на определенных исторических этапах в их этно- и культурогенезе. При этом, как представляется, большую роль играло стадийное единство культур и идеологических представлений населения Евразии степных, лесостепных и южно-таежных ареалов в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.,

которое не только обеспечивало мобильный и органичный обмен культурными ценностями между народами разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ), но и способствовало органичному вживанию заимствований в собственную культуру, где их дальнейшее развитие получало самобытный характер. Возможно, так появился наборный пояс в культуре айнов, где он типологически идентичен поясам континентальной Евразии. Наборные пояса в дальневосточном регионе, как уже говорилось, впервые появляются в культуре племен мохэ, населявших среднее течение Амура в середине I тыс. н.э. (до района нынешнего Комсомольска-на-Амуре). Хозяйство этих племен носило комплексный характер, они занимались земледелием, охотой, рыболовством и коневодством. Высоко развита была металлургия, в частности производство оружия, так необходимого для войн, которые они вели с соседями. Контакты мохэсцев с тюрками Центральной Азии были достаточно тесными, в VI–VIII вв. они даже выступали совместно с ними против Китая [Деревянко 1975, с. 108, 166]. О большом влиянии тюркской культуры на мохэ свидетельствуют многие виды вооружения, в частности именно наборные пояса, металлический декор которых практически идентичен древнетюркскому [Там же 1975, с. 144, табл. XXXIX]. Сохраняются наборные пояса и в более позднее время – в культуре чжурчженей (XII–XIII вв.), но здесь они приобретают совершенно иной облик [Медведев 1975, с. 213]. К этому времени относятся и первые письменные свидетельства китайских источников о контактах народов амурского региона с айнами [Мелехов 1970, с. 272–273], что вполне достоверно определяет путь проникновения наборного пояса на Сахалин и Хоккайдо, но в культуре этого народа он обретает свой собственный, отличный от амурского стиль.

Существование наборного пояса в столь широком круге культур позволяет говорить о том, что его истоки восходят к эпохе, предшествовавшей культуре кочевников-скотоводов, когда у охотничьих и пастушеских народов на широком пространстве Евразии должна была возникнуть традиция ношения на поясе ножа, сумки с точилом и других принадлежностей, что и явилось причиной появления наборного пояса как у кочевников-скотоводов, так и у охотников, рыболовов и оленеводов. При этом позволю себе высказать предположение, что, возможно, существовало два центра возникновения наборного пояса: степной (южный) в среде скотоводов-кочевников и лесостепной / южно-таежный (северный) в смешанной среде скотоводов / охотников / южных оленеводов.

В культурах скотоводов-кочевников наборный пояс был, прежде всего, элементом вооружения: к нему крепились колчан и налучье (в скифскую эпоху горит), нож, кинжал, меч, а позднее сабля. Именно эта функция пояса характерна для скотоводов Евразии, когда война была «ремеслом» и одним из средств быстрого обогащения, что во многом определяло динамику культуры. Однако использование наборного пояса в различных культурах позволяет говорить скорее о его полифункциональности. Хотя археологи выделяют особый тип боевого пояса, представляется, что в реальной жизни он был одновременно и военным, и охотничьим, а для широких слоев населения, возможно, и парадным. В среде знати воины могли иметь и несколько поясов, в том числе чисто парадных. В XVIII–XIX вв. в связи с

распространением огнестрельного оружия с наборного пояса исчезают колчаны и налучья и возрастает его роль как элемента парадного костюма, не только мужского, но в некоторых культурах и женского.

Подобное явление наблюдается в культурах рыболовов-охотников и оленеводов, где наборный пояс выполнял, прежде всего, функцию охотничьего пояса, к которому крепились ножны с ножом, футляр с точильным камнем и амулеты, но в то же время его надевали и во время военных столкновений, и на праздники, о чем свидетельствуют фольклорные материалы и описи музейных коллекций. У хантов, селькупов и ненцев в XIX – начале XX вв., например, кожаная основа пояса обтягивалась красным (иногда оранжевым) сукном, материалом далеко не прочным, но делающим пояс особенно нарядным, если учесть, что поверх сукна он украшался латунными или костяными бляшками (МАЭ, колл. № 2383–93, 1147–16).

Значительный интерес представляет наличие у якутов, долган, нганасан, нанайцев, ульчей и айнов женского наборного пояса, который являлся элементом праздничного (погребального) костюма. Более того, в женском праздничном костюме верхоленских бурят (эхэритов) существовало украшение, которое с полным основанием позволяет предполагать наличие в прошлом женского наборного пояса в культуре этого бурятского субэтноса. Как уже говорилось, украшение это представляло собой кожаную полосу шириной до 12 см, иногда обтянутую красным сукном. Поверхность ее заполнена металлическими накладными пластинами, идентичными пластинам, встречающимся на мужских наборных поясах. Такие полосы пришивались на безрукавки замужних женщин сзади на уровне талии (МАЭ, колл. 2583–7). Материал, технология изготовления и общий характер металлического декора не оставляют сомнений, что в данном случае перед нами реликт женского наборного пояса, некогда существовавшего у предков бурят. Отметим, что такие полосы в коллекционных описях начала XX в., несмотря на отсутствие пряжки и несоответствующую поясу длину, названы собирателями «поясами», столь поразительно их сходство с последними. В XIX в. это украшение женской одежды существовало только у верхоленских бурят (эхэритов), в этногенезе которых существенную роль сыграло древнетюркское население Предбайкалья, составившее основу и якутского этноса [Долгих 1953, с. 40]. При этом у всех народов различий в женских и мужских поясах не наблюдается.

Проблема женских наборных поясов как в этнографических, так и в археологических исследованиях, посвященных культуре кочевых скотоводческих народов, не получила специальной разработки. Появляются они в культуре ранних кочевников. Насколько позволяют судить материалы, женские наборные пояса были широко распространены в культуре хуннов. Раскопки Иволгинского городища, проведенные А.В. Давыдовой, показали, что пояс у хуннов являлся непременной принадлежностью женского костюма и был идентичен мужскому [Давыдова 1982, с. 139].

В материалах древнетюркской эпохи и более поздних женские наборные пояса в Центральной Азии и Южной Сибири встречаются крайне редко. Известен наборный пояс в женском захоронении второго Катангинско-

го могильника (VII–IX вв.), который, правда, исследователи склонны считать мужским, так как он не был надет на погребенную женщину, а лежал отдельно, рядом с головой [Гаврилова 1957, с. 51]. Предположение это не представляется убедительным, так как то, что пояс лежал отдельно, могло быть связано с особенностями погребального обряда, т.е. с мировоззренческими установками. Несколько наборных поясов обнаружены археологами в захоронениях молодых женщин IX–X вв. в западном Забайкалье (хойцегольская культура) [Кызласов 1981, с. 60]. Таким образом, и в этой особенности бытования наборного пояса мы снова сталкиваемся с культурой, примыкающей к лесостепной зоне Южной Сибири. Здесь уместно напомнить и о наборном поясе в девичьем костюме киргизов, в этногенезе которых существенную роль играли выходцы из Минусинской котловины, т.е. лесостепей юга Сибири. И вновь возникает вопрос о традиции ношения наборных поясов у нанайцев, ульчей и айнов, а также его присутствию в женской погребальной одежде нганасан. Решение этой проблемы, безусловно, требует дополнительного исследования, но уже на данном этапе можно предположить, что появление наборного пояса в женском костюме, вероятнее всего, связано с культурами лесостепей Южной Сибири и Центральной Азии. Возможно, в женском костюме наборный пояс возникает на периферии скотоводческих культур Великой Степи, где чисто кочевнические традиции утрачивали свою жесткость.

Существенные различия в наборных поясах скотоводческих народов и охотников, рыболовов, оленеводов Сибири позволяют говорить об определенной самостоятельности развития этого явления в данных культурах. Различия проявляются уже на уровне материала. Так, якуты и буряты использовали для поясов шкуру коня или коровы, что вполне закономерно для скотоводческой культуры. Этот же материал использовали и коми, что также логично вытекает из их культуры с развитым животноводством. Ханты и манси употребляли кожу лося, а айны – морских животных (нерпы, тюленя), что также соответствовало ХКТ и угров Западной Сибири, и населения островов северной части Тихого океана. Казалось бы, ничего особенного в этих фактах нет. Однако ненцы для изготовления наборных поясов использовали кожу коровы, которую специально покупали у русских или коми [Иванов 1970, с. 69–70]. Материал – достаточно консервативный элемент культуры, особенно в предметах с высоким семиотическим статусом, и использование ненцами традиционного для кочевых культур материала трудно отнести к категории простого заимствования. Скорее оно свидетельствует об очень глубоких и длительных связях их предков с кочевниками степей и лесостепей Северной Азии, а точнее о принадлежности части южных самодийцев к скотоводческой культуре, что хорошо известно и по другим источникам. Но если ненцы в течение многих веков, будучи оленеводами, не утратили в материале наборного пояса древней традиции, то использование для их изготовления уграми и айнами шкур диких животных позволяет предположить также древность этого материала в их культуре и, следовательно, определенную самостоятельность в возникновении и развитии наборного пояса. К сожалению, выяснить характер материала основы наборного пояса у энцев и селькупов пока не удалось.

Различия наборных поясов XIX – начала XX вв. скотоводов и охотников-рыболовов и оленеводов проявляются и на уровне технологии изготовления кожаной основы. Так, пояса якутов и бурят делались из хорошо выделанной кожи и представляли собой двойную полосу, причем кожа складывалась так, что шов проходил вдоль по середине пояса. Иногда он шел по лицевой стороне, иногда – по изнанке, что зависело от характера металлического декора. Если лицевая сторона украшалась сплошным рядом накладных пластин, то шов находился на лицевой стороне, т.к. полностью закрывался металлом; если пластины и бляшки укреплялись на расстоянии друг от друга, то шов находился на изнаночной стороне. Двойными были и пояса, бытовавшие у нанайцев, долган и нганасан, что вполне закономерно, если учесть, что они пользовались поясами якутского (иногда, как нанайцы, бурятского) производства.

Самодийцы, обские угры, коми и айны делали пояса одинарными, они представляли собой просто полосу толстой сыромятной кожи. Другими словами, с точки зрения технологии, изготовление основы пояса у этих народов, по сравнению со скотоводами, было более простым, что также говорит о собственной линии развития этого явления. Следовательно, не только в использовании того или иного материала, но и в технологии изготовления основы наборного пояса проявляются определенные различия двух ареалов.

Анализ наборных сибирских поясов выявляет два типа: I – широкие пояса (6–12 см); 2 – узкие пояса (3–4 см). Наиболее распространенным был первый тип пояса, который существовал у ненцев, энцев, коми, селькупов, хантов, манси и айнов. Ширина его колебалась от 8 до 12 см. У бурят и якутов встречаются оба типа, причем широкие пояса не превышают 6–7 см., но нашивка на женскую безрукавку предбайкальских бурят (эхэритов) – рудимент наборного пояса – имела ширину 10–12 см. В бурятской

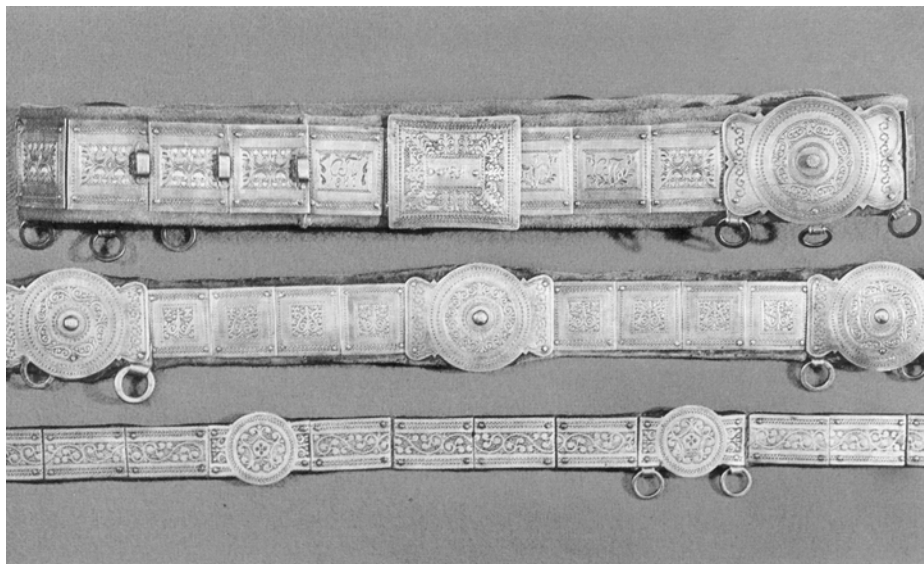

Рис. 4. Два типа наборных поясов. Кожа, серебро. Якуты, конец XIX в.

культуре узкие пояса встречаются в основном у верхоленских бурят, в этногенезе которых наиболее силен тюркский компонент. Выяснить ареалы распространения двух типов поясов у якутов пока не удалось, хотя этот момент очень важен для дальнейшего изучения этно- и культурогенеза данного народа. Дело в том, что различия касаются не только ширины поясов, но и характера их металлического декора, что свидетельствует об участии в формировании этой культуры по крайней мере двух разных компонентов (Рис. 4).

Таким образом, в ширине пояса отмечаются определенные различия между культурами, принадлежащими к разным ХКТ. Но если у обских угров, коми, самодийцев и айнов бытовал один тип пояса и его ширина была достаточно большой, то у якутов и бурят не только существовало два типа поясов, но и размер широких поясов был несколько меньше, за исключением украшения бурятского женского костюма (Рис. 5).

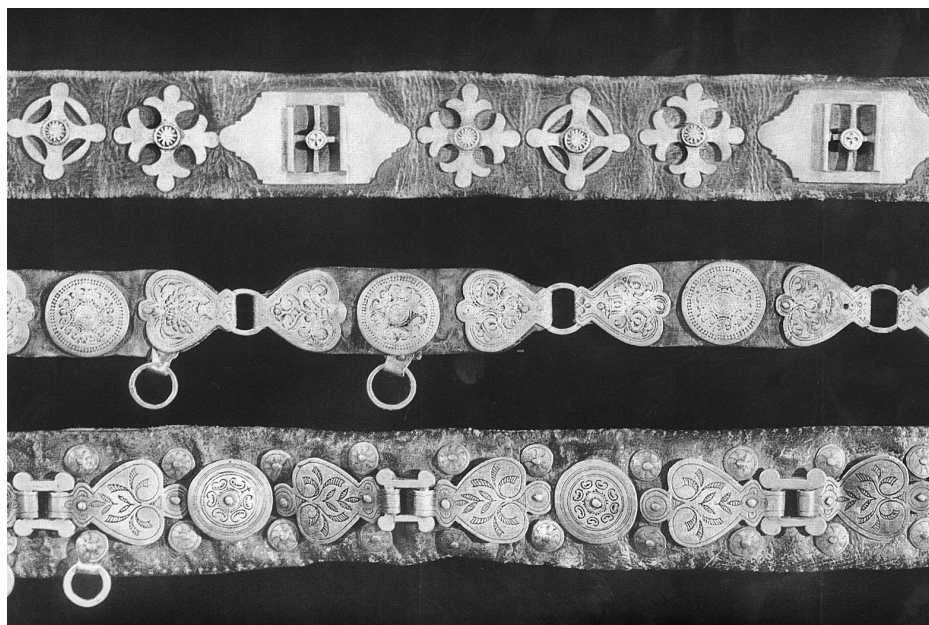

Рис. 5. Узкие наборные пояса. Кожа, латунь. Якуты, конец XIX в.

Наборные пояса народов Средней Азии и Казахстана также делятся на два типа, которые здесь имеют более выраженные функциональные различия. Так, у киргизов и казахов узкие пояса являлись элементом повседневного костюма, широкие – праздничного [Сычева 1984, илл. 72, 74, 92]. У киргизов широкие наборные пояса входили также в девичий праздничный костюм [Махова 1979, с. 209]. Поэтому на узких поясах крепились ножны, огнива, пороховницы, на широких поясах в подавляющем большинстве поясные принадлежности отсутствовали. Кроме того, у киргизов и казахов на широких праздничных поясах кожаная основа обтягивалась бархатом или парчой, что говорит о полной утрате поясом функции важнейшего элемента воинского вооружения.

Как можно предположить на данном этапе исследования, два типа наборных поясов, существовавших в культуре народов Сибири, Средней Азии и Казахстана в XIX – начале XX вв., восходят к разным историческим эпохам и разным культурам. Широкие наборные пояса появляются в культурах ранних кочевников Центральной и Средней Азии в I тыс. до н.э. Такие пояса хорошо известны по материалам Пазырыкских и Башадарских курганов Алтая, кургана Иссык близ Алма-Аты [Руденко 1962, с. 2; Акишев 1978, с. 33]. Все они принадлежат погребальному (парадному) костюму знати. Но если судить по имеющимся изображениям воинов, например на золотом гребне из кургана Солоха, не только наборные, но и обычные пояса были широкими [Артамонов 1966, с. 150]. В древнетюркское время (VI–VIII вв. н.э.) широкие пояса практически исчезают в кочевых культурах евразийских степей, что достаточно хорошо прослеживается как по каменным изваяниям Монголии, Тувы, Алтая, Хакассии, так и по погребальному инвентарю на всей территории от Монголии до Венгрии [Евтюхова 1952, табл. I–IV; Гаврилова 1965, табл. XXXI; Распопова 1965, с. 84–85; Плетнева 1967, с. 162]. Ширина тюркских наборных поясов не превышает 4–5 см. Уменьшение ширины пояса в эту эпоху, по всей видимости, объясняется сменой основных форм металлического декора, что связано с общим процессом развития искусства кочевников Евразии в середине I тыс. н.э и, в частности, оформления костюма.

Так, в скифо-сакский период мелкие накладные бляшки часто украшали верхнюю одежду. На этом фоне выделение такой символически значимой детали, как пояс, требовало большего размера поясных пластин, что и определяло ширину пояса. Более того, изображены на этих пластинках, как правило, были животные или сцены их борьбы, воплощение которых требовало большего пространства. В древнетюркскую эпоху происходят не только изменение костюма и исчезновение в его оформлении накладных металлических бляшек, но и резкая смена всего художественного стиля, отразившаяся прежде всего на форме накладных пластин. Зооморфные образы, господствовавшие в искусстве предшествовавшего периода, сменяются растительным и криволинейным орнаментами, не требующими столь большого пространства [Федоров-Давыдов 1976, с. 61]. Параллельно с изменением характера металлического декора, видимо, уменьшается и ширина пояса.

В скифо-сакский период каждая накладная пластина представляет собой замкнутую, завершенную композицию, общий орнаментальный характер декора строится в основном на ритмичном повторении одного и того же сюжета, как, например, на поясе из кургана Иссык [Акишев 1978, с. 50]. В древнетюркское время пластины, украшающие пояса и другие предметы снаряжения всадника и коня, составляют единую, пронизанную общим движением растительного или криволинейного орнамента декоративную композицию. Появляются пластины в форме пальметки, трилистника, распускающегося бутона, сердцевидной или полукруглой формы и более сложного контура, подчиненного рисунку узора, хотя сохраняются и прямоугольные пластины. В одном изделии используются пластины разных форм, ритмичное чередование которых также несет в себе орнаментальное

начало. При этом пластины не заполняют целиком поверхность предмета, как это было в предшествовавший период, а оставляют видимой его кожаную основу, что заставляет активно звучать фон. Рождается новое понимание декоративности предмета, которое основывается на сочетании двух материалов: темной, матовой кожаной основы и яркого, блестящего металла декора. Возникает иной принцип организации пластического решения предмета, когда в орнаментальной композиции участвует не только узор, введенный в пластину, но и ее контур, органически с ним связанный. Более того, можно полагать, что изначально именно форма пластин была ведущим декоративно-орнаментальным началом. Это предположение основывается на том факте, что среди пластин, украшающих пояса и сбрую VI–VII вв., встречается значительное число неорнаментированных, и только с VIII в. пластины, пространство которых заполнено орнаментальным узором, занимают доминирующее положение. В XIX – начале XX вв. этот принцип был ведущим в наборных поясах большинства народов Евразии, однако он не смог полностью вытеснить предшествовавший ему архаический принцип композиционного построения металлического декора, а вместе с ним и широкие пояса, которые сохранялись во многих культурах параллельно с узкими.

Таким образом, широкий пояс наиболее архаичен, он появляется в I тыс. до н.э. и существует в культуре ранних кочевников, скорее всего, как боевой и парадный. В эпоху расцвета тюркской культуры основное положение занимает узкий наборный пояс, но, видимо, в отдельных очагах продолжает бытовать и широкий, который позднее, уже в этнографической реальности, в некоторых культурах скотоводческих народов занимает прочное место в качестве парадного, в том числе и женского/девичьего. Иначе обстоит дело в культуре охотников-рыболовов и оленеводов. Здесь наборный пояс, насколько можно судить по имеющимся материалам, на всем протяжении истории тяготеет к большой ширине; по крайней мере, свидетельств наличия у них узкого наборного пояса мы пока не имеем.

Как уже говорилось, в культурах народов Сибири в XIX – начале XX в. существовали оба типа наборных поясов. Однако помимо особенностей металлического декора, о которых будет сказано ниже, они различались еще и по своей конструкции. Здесь существовали как цельные пояса, характерные для большинства народов степного региона, так и составные.

Наиболее четко два типа конструкции наборного пояса выявляются в культуре якутов и бурят. У якутов цельными были широкие пояса, узкие делались из двух или трех кусков кожи, соединенных металлическим кольцом, продетым сквозь широкие дужки крайних накладных металлических пластин. Такая конструкция делала пояс более эластичным. Пояса XVIII в., обнаруженные в погребениях, имели несколько иное соединение. Круглые соединительные бляхи имели по бокам дужки, которые продевались между сложенной вдвое кожаной основой каждой из частей пояса [Гоголев 1993, табл. XXXIII, рис. 7]. У бурят все пояса были составными (МАЭ, колл. 313–90а). Как правило, в них было три части, скрепленные металлическими кольцами или круглыми металлическими пластинами с шарнирным соединением. В первом случае крайние накладные пластины каждой части выковыва-

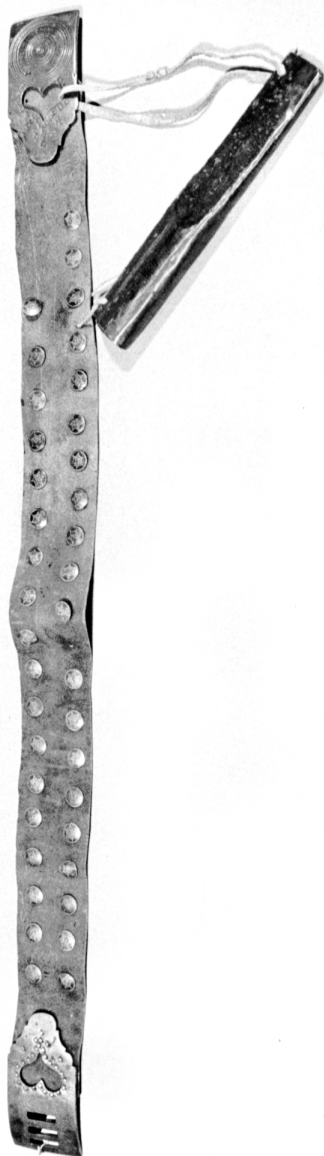

Рис. 6. Мужской наборный пояс. Кожа, латунь. Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 638–5.

лись с дужками на конце, через которые продевалось кольцо (способ, аналогичный якутскому); во втором – крайние накладные пластины имели по краям две дужки, а соединяющая пластина – одну, дужки вставлялись одна в другую и сквозь их отверстия продевался металлический штырь.

Другой вариант составной конструкции был присущ поясам двух групп предбайкальских бурят, а именно верхоленским и ольхонским, основу этногенеза которых составлял протобурятский этнос – эхэриты. Здесь три основных куска пояса, сшитые из двух слоев кожи, соединялись полоской тонкой кожи или ровдуги в один слой, что и придавало поясу большую эластичность (МАЭ, колл. 2098–100) (Рис. 6).

Особый интерес с этой точки зрения представляют ненецкие пояса, в которых составная конструкция присутствует в рудиментарном виде. Они сшиты из двух или трех кусков кожи, хотя в данном случае этот крой ничем не оправдан (МАЭ, колл. 1528–3, 1147–16, 999–38). Куски соединены прочным швом, выполненным сухожильными нитями, по нему с лицевой стороны укреплены накладные пластины, так что соединение этих частей не делает пояс более эластичным, т.е. не является преднамеренной конструкцией. Таким образом, составная конструкция наборного пояса, четко выраженная в культуре якутов и бурят, угасает с продвижением на север и носит у ненцев рудиментарный характер. Наборные пояса хантов, манси, коми, селькупов и айнов были цельными.

Истоки составной конструкции наборного пояса остаются пока не выясненными. Пояс с соединительным кольцом, точнее фигурной ажурной бляшкой, известен только в сопроводительном инвентаре одного из погребений Бобровского могильника в Северо-Восточном Казахстане (сростинская культура, VIII–IX вв.) [Археология СССР 1981, № 57, рис. 20]. В большинстве же случаев наборные пояса древне-

тюркского времени были цельными [Грач 1961, табл. 4–9; Распопова 1965, рис. 5]. Так что вопрос этот требует дальнейшего исследования. Здесь следует добавить, что в конской сбруе у якутов и бурят также широко использовалась составная конструкция. Например, подхвостные и нагрудные ремни всегда состояли из двух частей, соединенных кольцом или круглой шарнирной бляхой, что отличало их от аналогичных предметов народов Средней Азии и Казахстана, где эти атрибуты делались цельными.

Сходство якутских и бурятских наборных поясов в столь важном элементе, как конструкция, свидетельствует об общих истоках формирования этой детали снаряжения всадника и является еще одним подтверждением глубоких этнокультурных связей этих народов. Факт определенной общности этнической истории предков якутов и бурят общеизвестен, и в этом случае особый интерес вызывает присутствие, хотя и в остаточном виде, составной конструкции в наборном поясе ненцев. Сходство конструктивных особенностей того или иного предмета, как правило, отражает достаточно длительные этнокультурные контакты, а по сути – общий этап этнической истории. По крайней мере, эта особенность конструкции пояса является еще одним доказательством взаимодействия на определенном этапе исторического развития предков ненцев (особенно южных самодийцев Саяно-Алтая) с предками якутов и бурят, а точнее – с древним скотоводческим населением лесостепного региона. Таким периодом в этнической истории этих народов могли быть только хуннская и древнетюркская эпохи, втянувшие в единый этногенетический котел древних тюрков и монголов, енисейцев, угров и самодийцев Сибири.

В этой связи особый интерес представляют названия бурятского наборного пояса *горье бэһэ*, что означает «пояс с кольцом», и якутского *алтан тизэрбэстээх тимир кур* – «с медными кольцами железный пояс». Эти термины позволяют выдвинуть гипотезу, что становление наборного пояса (как и сбруи) в культуре якутов и бурят восходит к определенному кругу древних культур, занимающих контактную лесостепную зону Евразии, тяготеющую к Саяно-Алтайскому нагорью. Конечно, это только предварительный вывод, требующий привлечения более широкого материала, но он определяет направление дальнейших научных исследований.

Следует остановиться и на особом способе соединения отдельных кусков кожаной основы наборного пояса при помощи круглых металлических блях с шарнирами, характерном для западных бурят. Пластины располагались сзади и по бокам, а спереди пояс имел пряжку. Благодаря этой конструкции, как и в случае соединения при помощи кольца, бурятские пояса, несмотря на большое количество железных накладных пластин, обладали достаточной эластичностью и были удобны в употреблении. К соединительной пластине изнутри прикреплялась берестяная прокладка, предохранявшая одежду от трения с металлом (МАЭ, колл. 706–1, 2098–99). Шарнирный способ соединения представляется более поздним по сравнению с использованием для этой цели кольца. Насколько позволяет судить материал, этот принцип соединения отдельных металлических деталей возникает в VI–VII вв., в эпоху великого переселения народов, и известен в конструкции поясных пряжек и отдельных накладных пластин на широком пространстве как Азии,

так и Европы [Дмитриев 1982, с.96, 100; Айбабин 1982, рис. 2, 3, 5, 6; Симонова 1982, рис.4]. Как способ соединения частей наборного пояса в Сибири XIX – начала XX в. он характерен только для бурят, но на бляшках поясных подвесок он широко использовался у монголов, тувинцев, алтайцев и народов Амурского региона, о которых речь пойдет ниже.

Достаточно важен для анализа развития наборного пояса такой момент, как способ крепления пояса на теле человека, который был различным в культурах Сибири. У якутов и бурят широкие пояса застегивались на стальные пряжки с подвижным язычком, которые прикреплялись к крайним накладным металлическим пластинам. Причем пряжки крепились на обоих концах пояса, и сквозь них пропускались специальные узкие ремешки, пришитые к поясу с изнаночной стороны (МАЭ, колл. 1070–17, 2098–99). Узкие пояса у бурят имели пряжку с язычком только с одной стороны, через нее пропускался другой конец ремня (МАЭ, колл. 2098–100). У якутов узкие пояса имели пряжки совершенно иной конструкции: они состояли из двух частей, прикрепляющихся к обоим концам пояса и вставляющихся одна в другую (МАЭ, колл. 1071–48). Одна из них представляла собой восьмигранную бляшку, на другой располагалось отверстие такой же формы (МАЭ, 638–5, 1147–16) (Рис. 7).

У коми, обских угров и самодийцев крайние прямоугольные пластины имели: одна – прорезь, другая – крючок, который зацеплялся за них. Иногда крючки встречаются и на поясах якутов (МАЭ, колл. 1071–5), но здесь они сочетаются с пряжкой с подвижным язычком. На левом конце пояса располагается пряжка с подвижным язычком, в которую продевается узкий ремешок, пришитый изнутри пояса, на другом (правом) – пряжка с крючком, который цепляется за специальную металлическую петлю на одной из накладных пластин левой стороны, т.е. правый конец пояса накладывается поверх левого. У айнов пояс имел на одном конце большое стальное кольцо, через которое пропускался другой конец ремня и завязывался узлом (МАЭ, колл. 700–2 аб).

Таким образом, мы видим, что в способе закрепления наборные пояса в Сибири имеют существенные различия, и вновь грань проходит между ско-

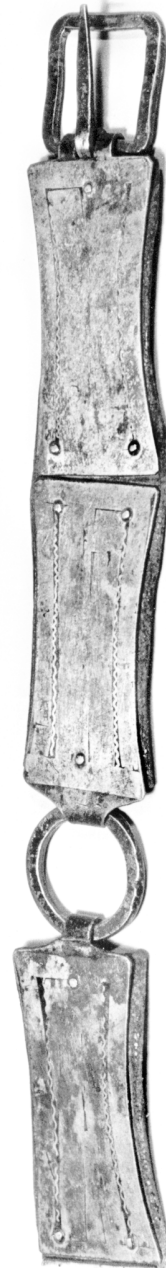

Рис. 7. Узкий составной мужской наборный пояс. Кожа, железо, серебро. Предбайкальские буряты, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 2098–101.

Рис. 8. Система крепления поясных принадлежностей на металлических кольцах. Забайкальские буряты, конец XIX в. МАЭ, № 313–90.

товодческими и другими народами региона. Пряжки с подвижным язычком характерны для всех скотоводческих культур, начиная с древнетюркского времени, и в XIX в. они сохраняются в сибирском регионе среди скотоводов – якутов и бурят. Однако способ застегивания пояса на две пряжки, расположенные на обоих концах, с помощью пришитых с изнанки узких ремешков весьма своеобразен, его происхождение остается неясным. Вообще дополнительные ремешки характерны для наборных поясов казахов, но здесь они пришивались с лицевой стороны, украшались накладными пластинами и застегивались при помощи пряжек с подвижным язычком, расположенных с другой стороны (МАЭ, колл. 403–8). Не удалось пока выяснить и генезис пряжек с крючком, но он представляется более архаичным. Что касается «застежки» кольца, сквозь которое пропускается конец пояса, то такой тип крепления встречается на охотничьих поясах многих народов Сибири, но все же является для XIX в. достаточно архаичным.

К наборному поясу крепился целый ряд необходимых предметов, набор которых был достаточно устойчив. Однако в культуре скотоводов и охотников-оленьеводов он был различным. В первом случае на наборном поясе носились колчан и налучье, ножны, огниво и сумочка для трута, позднее – пороховница. Об устойчивости этой традиции, обусловленной высоким семиотическим статусом наборного пояса и всех связанных с ним атрибутов, свидетельствует тот факт, что в конце XIX в., когда лук и стрелы уже давно вышли из употребления, буряты в дни праздников надевали пояс со всем традиционным набором принадлежностей, включая колчан и налучье, о чем свидетельствуют и письменные источники, и значительное число этих предметов в коллекциях музеев.

Способы крепления всех этих предметов к поясу были различны. У якутов поясные принадлежности крепились к кольцам, продетым в дужки накладных металлических пластин. У бурят существовал близкий способ, только вмес-

то одного кольца часто использовалось несколько соединенных вместе круглых ажурных металлических пластин (МАЭ, колл. 2098–100). Генетически этот способ крепления восходит к древнетюркской культуре, где присоединение поясных принадлежностей к кольцу или нескольким кольцам было распространен достаточно широко [Распопова 1965, рис. 5, 6]. В наиболее чистом виде этот способ сохранился в культуре якутов, где он практически идентичен древнетюркскому. У бурят Предбайкалья он предстает в более усложненной форме, отличающейся своеобразным функционально-декоративным решением, что свидетельствует об определенной самостоятельности в развитии наборного пояса в культуре этого народа (МАЭ, колл. 706–1) (Рис. 8).

У хори-бурят Забайкалья существовал и другой способ: набор принадлежностей крепился к коротким ремешкам, пришитым к нижнему краю пояса и заканчивающимся накладной пластиной с кольцом (МАЭ, колл. 313–46А). В Предбайкалье встречаются пояса, составные части которых соединены по бокам тонкой полоской кожи, значительно шире пояса. Конец этой полоски спускался вниз на 6–7 см, образуя ремешок. Обычно он

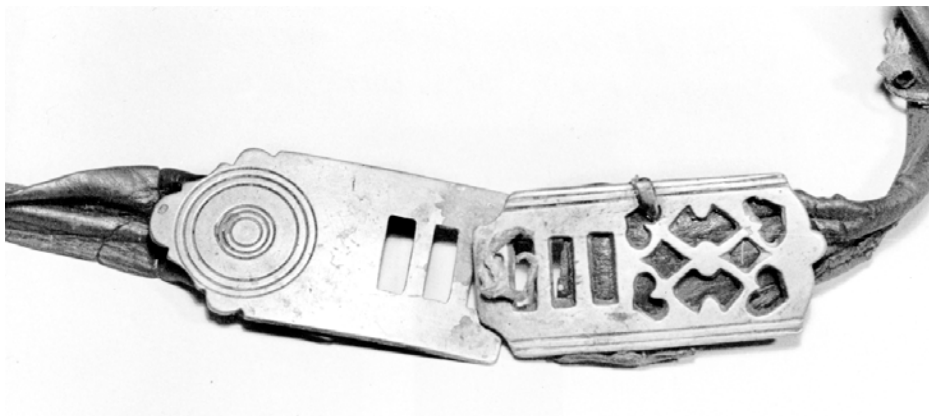

Рис. 9. Литая ажурная поясная пряжка.
Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 5541–35.

украшался накладной пластиной трапециевидной формы с петлей, в которую продевалось кольцо (МАЭ, колл. 2098–99). Однако следует отметить, что для наборных поясов якутов и западных бурят поясные ремешки в целом не характерны (Рис. 9).

Широкое распространение подвесных ремешков на наборных поясах также восходит к древнетюркской эпохе [Могильников 1981, с. 40]. В этот период они продевались в прорези накладных пластин и украшались металлическими бляшками, наконечниками или пряжками, к которым прикреплялись поясные принадлежности (ГЭ, колл. 2064–12). В XIX – начале XX вв. эти ремешки были характерны для наборных поясов многих народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа, хотя способ крепления их был уже иным: ремешки пришивались к нижнему краю пояса.

Однако необычайно важным представляется тот факт, что у всех кочевых народов соединение предметов поясного набора с конструктивными

деталью наборного пояса, будь то кольцо, ажурная бляха или прорезь в пластине, осуществлялось при помощи кожаного или ровдужного ремешка. Таким же способом крепились к поясу и крюки для колчанов и налучьев. Причем этот прием существовал на территории северной Евразии на всем протяжении истории. У бурят Забайкалья в XIX – начале XX вв. для этой цели часто применялись толстые шелковые плетеные шнуры. Использование ровдужных ремешков для крепления к поясу различных предметов является обычным и для охотничьих (не наборных) поясов практически всех народов Сибири. По всей видимости, эта конструктивная особенность вошла в наборный пояс кочевых народов из более раннего этапа, когда возникла традиция ношения на поясе необходимых на охоте предметов, и сохранилась она на протяжении нескольких тысячелетий, будучи, видимо, наиболее рациональной.

У хантов, манси, коми, ненцев и селькупов к наборному поясу крепились только ножны, сумочки для точила и различные амулеты. У ненцев это были клыки медведя, которые являлись обязательной принадлежностью пояса (МАЭ, колл. 4589–1). Носили их не только мужчины, добывшие зверя на охоте, но и никогда не охотившиеся на него. Последние приобретали их у охотников острова Вайгач и Новой Земли, где охота на медведя была распространена особенно широко [Хомич 1984, с. 19]. У хантов, помимо медвежьих клыков, амулетом часто являлись зубы лисицы [Федорова 1994, с. 143]. Обычай ношения зубов животных в качестве амулетов очень древний, он был характерен для многих народов как Северной Азии, так и других регионов мира. Связан он с широким кругом представлений, восходящих к идее умирающего и воскресающего зверя и лежащих в осно-

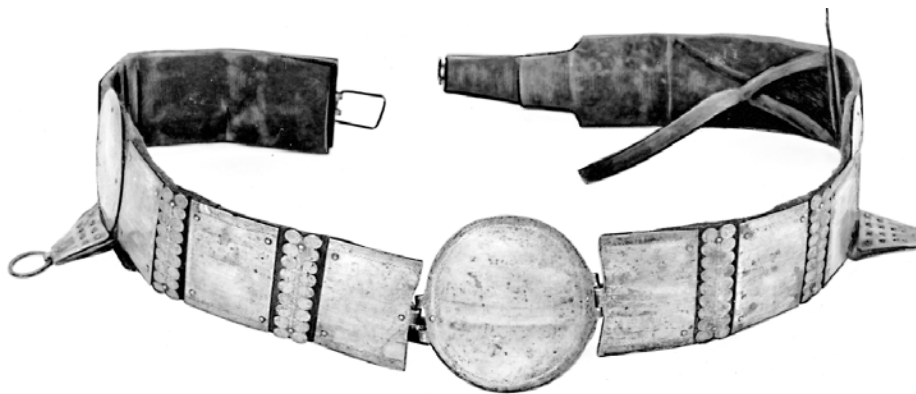

Рис. 10. Мужской наборный пояс. Кожа, железо, серебро.
Предбайкальские буряты, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 2098–96.

ве многих промысловых обрядов. И, как мы видим, в культуре охотников-рыболовов и оленеводов он сохранялся на наборных поясах до начала XX в. У айнов, насколько позволяет судить материал, к поясу прикреплялись только ножны (Рис. 10).

Значительный интерес у этих народов представляют способы крепления поясных принадлежностей к наборным поясам. Здесь наблюдается

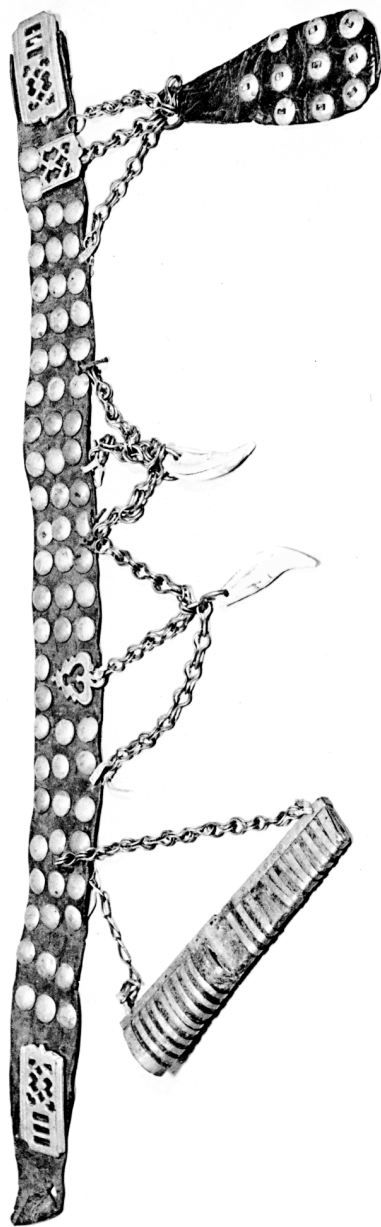

Рис. 11. Мужской наборный пояс.
Кожа, латунь, медвежьи клыки.
Ненцы, конец XIX – начало XX в.
МАЭ, № 979–38.

удивительный сплав разных традиций. Так, ножны, сумочки, амулеты часто подвешивались к поясу на металлических цепочках, к которым предметы присоединялись при помощи металлических колец, а к поясу цепочки привязывались ровдужными ремешками, пропущенными сквозь прорезь в кожаной основе пояса (МАЭ, колл. 1147–9, 2383–93). Существовал способ подвешивания при помощи кожаных ремешков, которые привязывались к металлическим кольцам на ножнах и продевались в прорезь на кожаной основе пояса, реже в прорезь ажурной накладной пластины. У айнов ножны закреплялись только за прорезь в кожаной основе и располагались сзади, причем не под углом, а строго горизонтально (МАЭ, колл. 700–2 аб) (Рис. 11).

Таким образом, система крепления поясных принадлежностей в культуре оленеводов и охотников-рыболовов не имеет той конструктивной четкости, которая характерна для культуры скотоводческих народов, где металлический декор несет функциональную нагрузку, обеспечивая крепление таких тяжелых предметов, как колчан и налучье.

Итак, в XIX – начале XX вв. на наборных поясах народов Сибири существовало три способа крепления поясных принадлежностей: на кольца или круглых ажурных бляшках, пропущенных через дужку накладных пластин, на подвесных ремешках, пришитых к нижнему краю пояса (способ, не получивший широкого распространения), и сквозь прорезь в поясе на цепочках

или ровдужных ремешках. Первые два способа, характерные для поясов якутов и бурят, генетически восходят к древнетюркской эпохе, последний способ, распространенный у обских угров, коми, самодийцев и айнов, яв-

ляется более архаичным, восходит к древнейшим традициям культуры охотников и характеризует специфику северного варианта наборного пояса (Рис. 12).

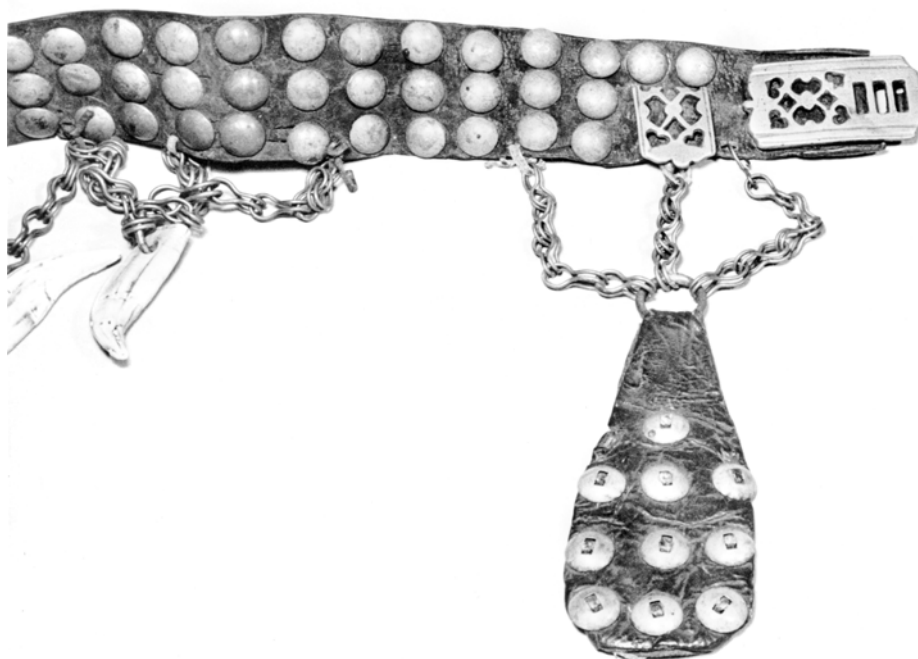

Рис. 12. Система крепления к поясу ножен на цепочках.
Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 979–38.

Нельзя обойти вниманием использование коми, обскими уграми и самодийцами цепочек для крепления поясных принадлежностей. Цепочки широко использовались в XIX – XX вв. для крепления к поясу ножа и огнива у забайкальских бурят, алтайцев, тувинцев, а также монголов. У этих народов в связи с отсутствием в XIX – начале XX вв. наборного пояса и бытованием мягкого кушака из ткани поясные принадлежности носились на специальных подвесках. Они представляли собой петлю, образованную согнутым пополам кожаным ремнем (шириной 5–6 см), концы которого скреплялись двойной шарнирной бляшкой. Ее верхняя прямоугольная часть состояла из двух половинок, между которыми помещались концы ремня, а нижняя представляла собой овальную или полукруглую бляшку с прорезью, в которую продевалось кольцо с длинной серебряной цепочкой, соединенной с ножнами или огнивом. Ременная петля закладывалась за кушак, или кушак продевался в петлю, и тогда подвеска свисала вниз как поясной ремешок, а нож и огниво закладывались за кушак, и цепочка не позволяла потерять эти предметы во время движения. Подвесок обычно было две: слева на поясе носили нож в ножнах, справа – огниво, т.е. фактически подвески дублировали ремешки наборного пояса. Как видим, традиция оказалась очень устойчивой: с заменой кожаного наборного

пояса мягким кушаком ремешки превратились в самостоятельную деталь костюма, сохранив свою первоначальную функцию – закрепление на поясе необходимых предметов, но при этом потребовалась новая деталь (цепочка), обусловленная системой ношения оружия (ножа) за поясом.

Подобные подвески характерны также для культур Амура. Как справедливо заметил С.В. Иванов, народы этого региона заимствовали их у кочевников Центральной Азии [Иванов 1963, с. 435]. Время появления этих подвесок С.В. Иванов относил к IX в., ссылаясь на опубликованный Л.А. Евтюховой материал по каменным изваяниям Южной Сибири и Монголии древнетюркского времени [Евтюхова 1952, рис. 45]. Однако на прописовках каменной скульптуры в работе Евтюховой у достаточно четко обозначенного пояса с правой стороны изображены не подвески, а сумочки для трута на подвесных ремешках. Да и вряд ли при существовании наборного пояса, в котором система крепления оружия и других предметов была разработана уже в VII–VIII вв., могли появиться для этой цели отдельные подвески. Появление их, вероятнее всего, относится к более позднему времени, а широкое распространение они получают, видимо, в период господства маньчжуров, в costume которых присутствовал мягкий кушак, постепенно вытеснивший наборный пояс на территории, подвластной этому народу. В этом случае становится понятным ареал поясных подвесок на мягком кушаке от Тувы и Алтая до низовий Амура, включая Монголию и Забайкалье, а также отсутствие таких подвесок в культуре бурят Предбайкалья, якутов и народов Средней Азии, где наборный пояс сохраняется до начала XX в. Что касается цепочек, используемых в наборных поясах ненцев, энцев, хантов, манси, а также на поясных подвесках забайкальских бурят, тувинцев, алтайцев и монголов, то эти явления требуют дополнительного исследования. Возможно, они конвергентны.

Обращают на себя внимание и способы крепления накладных пластин к кожаной основе пояса. В XIX – начале XX вв. на территории Сибири существовали два принципиально различных способа. Один из них был характерен для якутов и бурят. В этом случае каждая бляшка или пластина имела изнутри 2 или 4 штырька, которые продевались сквозь в кожу и слегка расклепывались с изнаночной стороны пояса, что позволяло плотно закрепить их на кожаной основе. У самодийцев, коми и обских угров бляшки имели с обратной стороны одну или несколько петелек, которые вставлялись в прорези основы пояса. Сквозь них пропускался изнутри тонкий кожаный ремешок. Именно поэтому в конце XIX – начале XX в. так популярны стали медные пуговицы офицерских мундиров, изначально имевшие такой конструктивный элемент, как петелька. Айны тоже прикрепляли бляшки кожаным ремешком, но несколько иначе. Ремешок пропускался сначала через ажурные прорези бляшки, так что был виден снаружи, а затем сквозь прорези кожаной основы. Первый способ, т.е. при помощи штырька, появляется в древнетюркское время и широко распространяется по всей территории Евразии от Амура до Западной Европы. Второй способ более древний, впервые он появляется, видимо, в культурах скифо-сакского круга. Именно так, через специальные петельки на бляшках, продетых в прорези кожаной основы, с помощью кожаного ремешка,

пропущенного сквозь них изнутри, были закреплены накладные пластины на поясе сакского вождя из кургана Ыссык [Акишев 1978, с. 50]. Таким образом, в столь существенном технологическом моменте, как закрепление металлической пластины на кожаной основе, в сибирском регионе отмечены две традиции, восходящие к разным историческим эпохам и различным этнокультурным общностям.

Прием декорирования металлом изделий из кожи, дерева и даже ткани очень древний, его происхождение относится к эпохе освоения металла. В XIX – начале XX вв. на территории Евразии он наиболее широко использовался в снаряжении всадника и коня в культуре кочевых скотоводческих народов, но существовал и в других традициях, особенно тех, история которых тесно переплеталась с кочевым миром. При этом в разных культурах, а точнее культурных провинциях, для декора изделий использовались различные виды металла. У народов Сибири в декоре наборных поясов использовались три металла: медь (точнее, ее сплавы – бронза и латунь), серебро и железо. Ненцы, селькупы, коми, ханты и манси использовали только бронзу, т.е. желтые металлы. Якуты тоже украшали наборные пояса медью, но широко использовали и серебро. Более того, на широких поясах применялось только серебро, на узких – только медь. У бурят были распространены железо и серебро, но не в чистом виде, а в сочетании, т.е. для декора пояса была характерна биметаллическая техника насечки серебром по железу (таушировка). Использование разных металлов в сибирских культурах открывает одно из важнейших направлений в изучении этого явления, а именно выявление роли металлов в системе культурных ценностей и их символического значения в идеологических представлениях. Хотя все эти аспекты представляют собой тему большого самостоятельного исследования, обойти их молчанием в настоящей статье невозможно.

Огромное практическое значение металлов в жизни человека определило их высокий семиотический статус в знаковой системе культуры. В мировоззренческих системах древних цивилизаций и многих традиционных культур они стали одним из важнейших символических элементов в мифопоэтической картине мира, образуя особый металлический код, который, соотносясь с определенными единицами множества других кодов (пространственного, солярного, цветового и др.), пронизывал всю структуру Вселенной и входил в символическое обозначение всех основных категорий мироздания.

Наиболее развитой в сибирском регионе символика металлов оказывается в культурах тюркских народов и бурят, где металлический код по семантике практически идентичен «классическому» варианту, присущему древним и средневековым цивилизациям Старого Света. Так, золото здесь выступает как символ Солнца, верховного божества, стихии света, небесного огня, Мирового древа, священной птицы. Эта соотнесенность с важнейшими элементами верхней сферы мироздания способствовала развитию других семантических функций и принятию на себя таких идей и понятий, как плодородие, жизненная энергия или субстанция, возникновение жизни, сотворение мира, определяя тем самым весь спектр созидającego космического начала.

Серебро в мировоззрении этих народов также являлось символом верхнего мира, но семантически было связано с Луной и ночным небом. При этом если золото олицетворяло мужское, оплодотворяющее начало, то серебро – женское, порождающее начало. Поэтому во всех фольклорных обрядовых текстах золото и серебро всегда выступают в устойчивом сочетании и взаимозаменяемости и выражают целостность и упорядоченность Космоса и характеризуют его пространство как вмещилище жизни. Важнейшей семиотической функцией меди является ее символическая связь с землей. Медь и медные атрибуты являются устойчивым маркером всех теллурических божеств, духов-хозяев земли и духов-предков, что определяет символическую связь меди с плодородием, женским началом, водной стихией и т.д. Железо в тюркской и бурятской мифологиях выступает как символ нижнего, подземного мира, который по своей сути противоположен верхнему, небесному [Павлинская 2000, с. 186].

Однако в существовании трех космических миров нет антагонизма. Они лишь части одной Вселенной, в которой все взаимосвязано друг с другом, все причастно целому, все выводимо из целого и все подтверждается через соотнесенность с ним. Эта взаимосвязанность и взаимодополняемость трех сфер мироздания проявляется и в их основных символических классификаторах, в частности в металлах. Так, медь, например, может принимать на себя функцию золота и наоборот, железо – серебра и т.п.

Близкой по разработке металлического кода к культурам тюрков и бурят оказывается культура обских угров (хантов и манси), и хотя он здесь не столь яркий и выразительный, он все же отражает основной спектр идейно-образной структуры мироздания. В то же время в мифологии самодийских народов, кетов, эвенков и эвенов символика металлов не получила столь богатого и четкого развития. Здесь фигурируют только два металла (медь и железо), которые символизируют мир божеств, духов и предков. На первом месте стоит железо, которое маркирует как верхний мир, так и мир предков и мир нижний. Близкую символическую функцию выполняет медь, но в мифологических текстах она фигурирует реже. Таким образом, из всех своих значений металлический код имеет здесь только одно: он обозначает в целом потусторонний мир, противоположный миру людей.

И в то же время, как было сказано выше, в наборных поясах большинства сибирских народов XIX – начала XX вв. доминирующим металлом оказывается медь. Даже у самого «серебряного» народа – якутов – именно на поясах она соперничает с серебром. Отсутствует медь только на бурятских поясах, декор которых состоит из железных пластин, покрытых серебром в технике насечки. Однако в мужских погребениях якутов XVIII в. обнаружены наборные пояса, декорированные прямоугольными и круглыми железными пластинами. И.В. Константинов писал, что пояса эти напоминали «железный обруч» [Константинов 1971, с. 68]. Из публикации исследователя, к сожалению, не понятно, в какой технике они были орнаментированы. Однако использование железа в наборных поясах якутов и бурят еще раз подчеркивает общие этногенетические корни этих двух культур, хотя остается не вполне ясным полное исчезновение железных накладных пластин с якутских поясов во второй половине XIX – начале XX вв.

Вопрос этот заслуживает особого внимания, так как смена материала в столь существенном атрибуте, как пояс, должна иметь очень веские причины, корнящиеся в глубоком изменении не только технологической традиции, но и идеологических представлений. Эта тема выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее есть один момент, о котором следует упомянуть. Выше уже приводилось якутское название наборного пояса алтан тизрбэстээх тимир кур, что означает «с медными кольцами железный пояс». Упомянутое в нем железо, как мы помним, в поясах середины XIX – начала XX вв. не использовалось, т.е. название пояса донесло до нас специфику и характер более ранней традиции.

В связи с этим интересна терминология, связанная с ненецким наборным поясом. Так, у ненцев металлические украшения пояса называются ни'еся, где ни – пояс, а еся металл / железо. Но железо в известных нам ненецких поясах никогда не использовалось! Более того, в ненецком языке есть термины, определяющие другие металлы: медь – нярава, серебро – ненэй. Но почему-то для медных поясных украшений используется слово, обозначающее металл вообще и железо в частности. Это дает основание предполагать, что некогда у ненцев, а вернее, их предков, так же, как у якутов в XVIII в., существовали наборные пояса, украшенные железными пластинами. Здесь необходимо заметить, что железо широко входит в декор наборных поясов и конской сбруи в древнетюркскую эпоху, и сохранение в названиях якутского и ненецкого пояса этого существенного признака заслуживает особого внимания. В этот же период возникает и прием инкрустации накладных пластин, но используется для этого медь, реже золото, а не серебро. Как отмечают исследователи, впервые железные накладные пластины, инкрустированные серебром, появляются на наборных поясах кыргызов IX–X вв. (тюхтянская культура) [Кызласов 1981, с. 56]. Факт этот весьма примечателен, так как кыргызы, особенно в период наивысшего подъема, не могли не оказывать сильного влияния на процессы этно- и культурогенеза населения Предбайкалья, с которым связана этническая история бурят.

Необходимо отметить, что система ценностной ориентации на тот или иной металл весьма важна для понимания процессов развития культуры, так как всегда сопряжена со структурой идеологических представлений. Не рассматривая в данной публикации конкретный материал, связанный с этой проблемой, заметим, что начиная с эпохи бронзы и до древнетюркского времени основными металлами в тюркитике народов Сибири и Великой степи были медь и золото. Они же вошли в декор многих предметов, главным образом в снаряжение всадника и коня, и с появлением нового металла – железа. Условно культуры Евразии этого огромного исторического периода можно отнести к «культурам желтого металла». В эпоху средневековья в культуре скотоводческих тюркских народов Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии происходит замена желтых металлов серебром, прежде всего, это касается снаряжения всадника и коня. К XIX в. серебро становится ведущим металлом в оформлении конской сбруи и наборных поясов (там, где они продолжают существовать) у якутов, хакасов, алтайцев, тувинцев, бурят, а также казахов и киргизов (т.е. в основном у коче-

вых скотоводческих народов). Из него делают сами накладные пластины или оно покрывает их поверхность, что позволяет назвать эти культуры «культурами белого металла». В якутском языке, например, не существует даже специального названия золота, для его обозначения используется термин кыһыл комҮс, переводимый как «красное серебро». В то же время у охотников-рыболовов и оленеводов Сибири сохраняется приверженность к меди – металлу желтого цвета. Значительно более сложная картина распространения различных видов металла наблюдается в ювелирных украшениях. Так, ханты и манси широко используют олово (белый металл), якуты – медь, буряты и тюрки Южной Сибири – медь и золото. Важную роль в этом, как представляется, играет социальное расслоение общества, при котором существенное значение приобретает реальная стоимость металлов. И чем дальше на юг и ближе к городским центрам Средней Азии и Китая, тем больше возрастает социально-экономическая функция металлов, которые, тем не менее, не утрачивают своей сакральной сущности, оставаясь одним из основных символических кодов культуры.

Народы таежной и тундровой областей Сибири в XIX–XX в. золото вовсе не использовали, и это при том, что Сибирь всегда была им богата. Для объяснения этого явления можно выдвинуть два предположения. Во-первых, земли Сибири были слишком удалены от древних цивилизаций и крупнейших торговых путей, которые необычайно способствовали развитию добычи и обработки этого металла и его распространению. Во-вторых, предки этих народов в силу особенностей исторического развития на слишком длительное время задержались на стадии освоения одного металла – меди, которая вобрала в себя символику всех сфер Вселенной, прежде всего верхнего и среднего миров. Это стало возможным, в частности, в силу цветовой синонимии этих двух металлов, обладающих одним и тем же желтым, «солнечным» цветом. Наиболее четко небесный символизм меди проявляется в ритуальном облачении шаманов нганасан, селькупов, кетов, где в оформлении костюмов для камлания в верхний мир используются исключительно бронза и латунь, в то время как для камлания в нижний мир – железо. Следовательно, в металлическом декоре наборных поясов народов севера Сибири сохранились наиболее древние идеологические представления, связанные с символизмом меди, в котором воплощались идеи, отождествлявшие воздействие таких явлений, как солнце, земля, огонь, порождающая сила, плодородие и т.д., что и определяло главные символические функции наборного пояса.

Художественный металл, введенный в оформление наборных поясов, имеет важную особенность: он неотделим от предмета и, прежде всего, подчинен его форме, которая как определяет общую композицию металлического декора, так во многом обуславливает и конкретную форму отдельных пластин. В то же время роль художественного металла как декоративного начала в этих предметах очень активна. Подчиняясь форме предмета, металлические пластины одновременно подчеркивают и выявляют ее, так как в основе композиции всегда лежит конструкция предмета.

Обратимся к формам накладных пластин на наборных поясах народов Сибири, которые весьма разнообразны. Среди них можно выделить четыре

группы: 1) пластины простых геометрических форм (круг, прямоугольник); 2) сложносоставные, образованные за счет соединения нескольких простейших геометрических элементов (несколько кругов или круг и прямоугольник); 3) круглые и прямоугольные пластины с ажурными прорезями; 4) профилированные, в основе которых лежат растительные элементы (трилистник, розетка, цветочный бутон), а также сердцевидная форма и многие другие, часто дополненные ажурными прорезями. Происхождение этих форм в культурных традициях народов Евразии различно, но в культурах Сибири XIX – начала XX в. они имеют четкую этническую привязку, поэтому следует подробнее остановиться на их использовании в наборных поясах.

Применение пластин простых геометрических форм на наборных поясах сибирских народов весьма распространено. Особенно разнообразно расположение круглых пластин. У бурят и якутов они размещались чаще всего в местах крепления поясных принадлежностей. На бурятских поясах круглая пластина иногда располагалась сзади, тогда она уравнивалась в композиционном отношении пряжку пояса. Эти пластины всегда отличались от пластин, украшавших основную плоскость ремня, большими размерами (до 10 см в диаметре). Они разбивали доминирующую горизонталь, создавая ритмические акценты и определяя смысловые центры композиции. Напомню, что круглые пластины на бурятских поясах имели и чисто прагматическую функцию, являясь соединительным элементом составной конструкции. Это также определяло их ведущую роль в общей композиции металлического декора (МАЭ, колл. 1071–5, 1070–17, 2098–99).

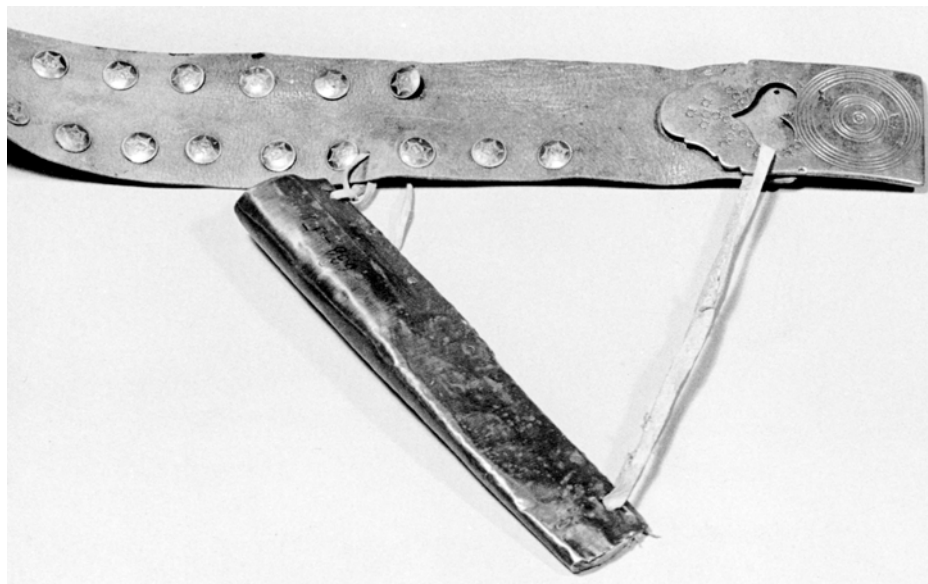

Рис. 13. Система крепления поясных принадлежностей на кожаных ремешках. Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 638–5.

Совсем иначе использовались круглые пластины в декоре наборных поясов ненцев, энцев, хантов и манси. В отличие от якутов и бурят, пояса этих народов оформлялись мелкими бляшками (2–4 см в диаметре). Ненцы в конце XIX – XX вв. использовали фабричные латунные пуговицы от военных мундиров, предварительно отшлифовав их поверхность, но иногда встречаются и пуговицы с царской короной или двуглавым орлом (МАЭ, колл. 1147–16) (Рис. 14). Естественно, их роль в декоре пояса была совершенно иной. Они покрывали лицевую сторону пояса своеобразной металлической лентой, располагаясь тремя, реже двумя рядами по всей его поверхности. При этом бляшки каждого ряда находились строго одна под другой, образуя четкий вертикальный ряд. Северные ханты, как и ненцы, применяли для декора пояса металлические пуговицы, но в погребениях XVIII в. найдены пояса, оформленные двумя рядами крупных круглых бронзовых бляшек, изготовленных в технике литья (МАЭ, колл. 5542–144) (Рис. 13).

Прямоугольные пластины чаще использовались для декора основной плоскости ремня, как на поясе, так и на сбруе. Наиболее характерны они для якутских наборных поясов, украшенных серебряными пластинами (МАЭ, колл. 1098–18), где их ритмичный ряд, обогащенный акцентами сложносоставных пластин, является основным и практически единственным композиционным приемом. Часто используются они и на бурятских поясах, также в сочетании с круглыми бляшками.

Пластины простых геометрических форм (круг, прямоугольник) появляются в убранстве всадника и коня, а также в декоре одежды кочевых народов в скифо-сакский период. Наиболее распространенной формой в ранний период является круг, прямоугольник встречается значительно реже. Круглые бляшки, как правило, располагались на сбруйных ремнях, в местах их соединения, часто являясь единственным украшением сбруи, прямоугольные – на одежде и поясах [Артамонов 1966, с. 62–63]. В XIX – начале XX вв. круглые бляшки как ведущая или даже основная форма сохраняются только в культурах Сибири, на всем остальном пространстве Евразии они практически полностью вытеснены профилированными пластинами в виде розеток, трилистников, бутонов или других сложных форм,

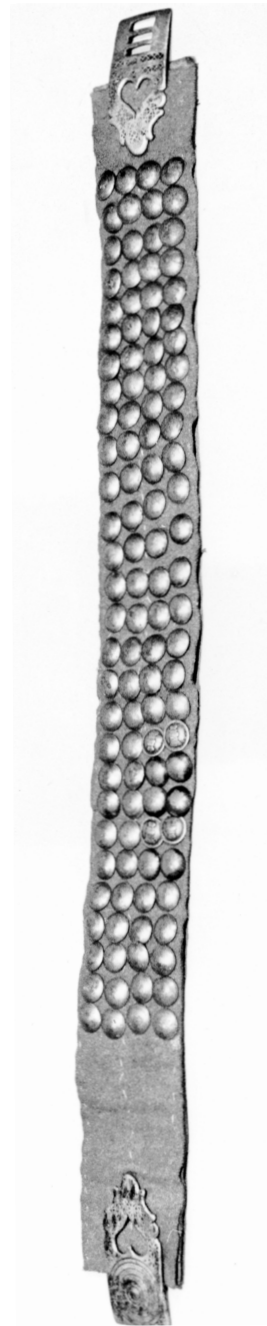

Рис. 14. Мужской наборный пояс, обтянутый красным сукном. Кожа, латунь, сукно. Ненцы, начало XX в. МАЭ, № 1147–16.

впервые появляющихся в скифо-сакский период, но получивших широчайшее распространение в древнетюркское время. То же касается и прямоугольных пластин, но ареал их распространения в Сибири значительно уже. Они используются на наборных поясах только якутов и бурят (напомним, что речь идет о монолитных, а не ажурных пластинах), но в украшении сбруи они характерны также для художественной традиции хакасов, алтайцев и тувинцев.

В эпоху развитого средневековья прямоугольные пластины были практически единственной формой для культуры чжурчженей (X–XII вв.) [Медведев 1975, с. 231–217]. Причем здесь они пришли на смену бляшкам тюркского типа разнообразных профилированных форм, которые, как уже говорилось, были характерны для более ранней культуры мохэских племен VI–VIII вв. Пластины на чжурчженьских поясах представляют собой четкий прямоугольник с зубчатым нижним краем и мелкими ажурными прорезами также геометрических форм (прямоугольник, круг и крест). В целом пояса чжурчженей выглядят более архаическими по сравнению с мохэскими, так как их орнаментальная и пластическая разработка достаточно примитивна. К сожалению, в публикации В.Е. Медведева не приводится размер пластин. Указывается только их ширина – 4,5 см. Однако рисунки позволяют хотя бы приблизительно вычислить высоту пластин, которая несколько больше их ширины и, видимо, равнялась 5,5–6 см. Таким образом, ширина пояса составляет 6–7 см, в то время как в предшествовавший период она не превышала 4–5 см. Пример этот представляется весьма интересным, так как отражает такие известные в культурогенезе процессы, как обращение возникающей культуры к мировоззренческим и художественным традициям более ранних эпох, чем предшествующая культура, на смену которой они приходят.

В связи с распространением пластин простых геометрических форм в наборных поясах Сибири (и шире – в конской сбруе скотоводческих народов этого региона) возникает вопрос об истоках их появления в этих культурах. Свидетельствуют ли они о сохранении определенного компонента непосредственно скифо-сакской традиции, или их наличие объясняется другими причинами? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, помогает найти анализ генезиса пластин сложносоставных форм.

В художественном металле скотоводческих народов Евразии сложносоставные пластины известны только у бурят, якутов, хакасов и алтайцев. Наиболее широко они охватывают комплекс предметов у бурят, где являются основным элементом декора наборных поясов, конской упряжи, колчанов, налучий и огнив. У якутов они украшают наборные пояса и конскую упряжь, у хакасов и алтайцев, в культуре которых в данный период наборные пояса отсутствовали, – только конскую упряжь. Здесь необходимо объяснить следующее: оформление снаряжения всадника и коня в каждой культуре скотоводческих народов имеет общий путь развития, именно поэтому, рассматривая в данной статье наборные пояса, приходится упоминать металлический декор конской упряжи, так как это явления одного порядка. Однако это ни в коей мере не относится к культурам охотников-рыболовов и оленеводов, где наборный пояс предстает абсолютно изолиро-

ванным явлением, а оленья упряжь оформлена костяными пластинами с гравированным орнаментом. Хотя само наличие этих пластин, возможно, имеет общие истоки с украшением конской сбруи у кочевников.

Все многообразие сложносоставных форм накладных пластин строится на основе повторения или соединения простейших геометрических фигур – круга и прямоугольника. Такие пластины у бурят иногда дополнены прорезями, которые, с одной стороны, облегчают их массивность, с другой – выявляют составные элементы их формы. Самые простые из них образованы путем удвоения или многократного повторения круга. Варианты достаточно разнообразны: два соединенных круга, три, четыре, шесть или девять (образующих квадрат или прямоугольник), семь (образующих треугольник или розетку). Они присутствуют на мужских поясах бурят, а на украшениях женских безрукавок буряток они являлись единственным элементом металлического декора (МАЭ, колл. 2202–47, 2202–48). Это длинные узкие пластины (приблизительно 9 x 2 см), представляющие собой 18 соединенных в два ряда окружностей, т.е. два вертикальных ряда кругов, по 9 в каждом. Усложнение формы происходит за счет соединения круга и прямоугольника. В этом случае круг чаще всего обрамлен с двух сторон небольшими прямоугольниками. Такие пластины характерны для мужских наборных поясов якутов (МАЭ, колл. 1071–17). Распространен и другой вариант, когда прямоугольник обрамлен с двух сторон двумя-тремя кругами небольшого диаметра. Однако эти формы чаще всего встречаются на упряжи бурят, как, впрочем, и некоторых других тюркских народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев). При этом поверхность пластин насыщается орнаментом, который выявляет и подчеркивает их форму. Общая композиция декора пояса строится на основе чередования пластин разных форм, что создает орнаментальный ритм, усиленный узором на поверхности пластин.

Если у скотоводов Сибири пластины сложносоставных форм применялись для оформления предметов снаряжения всадника и коня (в частности, наборных поясов), то в украшении одежды они были широко распространены у хантов и манси, нанайцев, ульчей, нивхов, очень редко встречаются у эвенков, ненцев и энцев. Это были миниатюрные металлические бляшки, которые пришивались на полы, рукава или подол верхней одежды. Однако здесь главным формообразующим элементом всегда являлся круг. Наиболее распространенными, особенно в амурском регионе, были бляшки в виде трех соединенных кругов. У обских угров Сибири они были несколько другими: основу их составлял прямоугольник, на котором по углам или по всей плоскости размещались рельефно выполненные окружности (четыре, девять или больше) [Иванов 1963, с. 69].

Композиция металлического декора на одежде также строилась на основе повторения формы пластин, расположенных в ряд, что создавало ритмичный орнаментальный узор, в своей основе сходный с приемом организации отдельных круглых бляшек на поясах ненцев и обских угров. Особенно отчетливо это видно при сопоставлении самодийских и угорских поясов с украшениями бурятских женских безрукавок, накладные пластины которых по сути представляли собой вертикальные ряды соединенных по-

парно кругов, образующих своим повторением и ряды горизонтальные. Объединяет пластины с использованием круга как формообразующего элемента скотоводческих народов Сибири и охотников-рыболовов и оленеводов то, что конструкция формы всегда подчеркивается внутренней пластической разработкой, которая обусловлена технологией изготовления пластин. Так, каждая окружность на пластинах угорских, самодийских и тунгусо-маньчжурских народов, выполненных в технике литья, дополнительно подчеркнута круглой выемкой, бороздкой или точкой (у бурят, хакасов и алтайцев выполненных в технике насечки, круглым кусочком листового серебра).

Таким образом, формы накладных пластин в оформлении наборных поясов бурят и якутов XIX – начала XX вв. (как, впрочем, конской упряжи этих народов, а также хакасов и алтайцев), за исключением узких якутских поясов, обнаруживают сходство форм накладных пластин и приемов композиции их на предмете не столько с торефтикой кочевых скотоводческих народов степного региона, сколько с металлом угорских, самодийских и тунгусо-маньчжурских народов Сибири. Различает эти пластины лишь техника изготовления. У бурят, хакасов и алтайцев они выполнены в технике серебряной насечки по железу, присущей ремесленной традиции большинства скотоводческих народов степного региона, у якутов – в технике чеканки и гравировки по серебру, у остальных такие пластины изготавливались из меди или бронзы, у угров – часто из олова в технике литья в земляные, каменные или берестяные формы. Использование ненцами и хантами готовых изделий русского производства (пуговиц с военных мундиров) указывает только на утрату самой технологии изготовления, но свидетельствует о полном сохранении художественно-образной традиции и позволяет говорить о том, что некогда они изготавливали для украшения поясов круглые медные бляшки именно в технике литья, что подтверждается изготовлением бляшек для украшения одежды.

Аналогичный принцип формообразования характерен для накладных пластин, известных в конце II – начале первого I тысячелетия до н.э. на широкой территории от Камы до Амура. Выполненные в технике бронзового литья и используемые для украшения одежды, они были распространены в культурах лесостепной и лесной полосы Евразии. Фигурные бляхи – так называют их археологи – наиболее характерны для ананьинской культуры бассейна Камы VIII–III вв. до н.э. [Шелонов 1978, с. 48–52], для позднего этапа карасукской культуры Южной Сибири XIII–VIII вв. до н.э. [Зяблин 1977, с. 30], а также встречаются в такштыкской и тагарской культурах Енисея [Киселев 1949, с. 237]. Формы бляшек строятся на основе повторений круга. Обычно это или двоянные круги, иногда соединенные перемычкой, или утроенные круги (тот же принцип, который использовался в сложносоставных пластинах XIX в.). Особенно характерны они для ананьинской культуры, где украшали наборные пояса (МАЭ, колл. 1093–43, 50, 77, 78).

Столь широкое бытование близких по форме пластин в древних культурах обусловлено, видимо, двумя причинами. С одной стороны – простой технологический прием, с другой – тем огромным спектром символи-

ческих значений, который нес в себе круг в архаических мировоззренческих системах, изученных в настоящее время достаточно хорошо. Усиленные символизмом самого металла и желтого («золотого») цвета бронзы, круглые бляшки (или в форме сдвоенных и строенных кругов) должны были, прежде всего, олицетворять дневное светило со всем тем широчайшим набором сакральных смыслов, который оно породило в человеческом разуме в процессе познания им окружающего мира, включая и образ небесного огня с его созидательной и очистительной силой. Это положение хорошо подтверждается выводом известного специалиста в области народного искусства Сибири С.В. Иванова о прямой генетической связи угорских металлических накладных пластин на одежде, оформленных мелкими, рельефно выполненными окружностями с так называемым циркульным орнаментом, широко распространенным на территории Евразии с эпохи неолита (его солярная символика доказана многими учеными) [Иванов 1963, с. 65]. Вторым комплексом символических значений круга, безусловно, была система представлений о пространстве мира людей, о границе между «своим» и «чужим», между Космосом и Хаосом и т.п., что также подтверждено на примере многих культур.

Сохранение принципа построения формы пластин, выработанного в культурах лесостепной и лесной полосы эпохи бронзы, в металле наборных поясов и сбруи у тюрков Южной Сибири, в украшениях одежды угров, тунгусо-маньчжуров Амура и композиции металлического декора наборных поясов самодийских народов, не может быть случайностью. Это и позволяет выдвинуть положение о самостоятельном ареале формирования художественной традиции (в частности – наборного пояса), который условно можно назвать «северным» в отличие от «южного» который включает в себя кочевые культуры Великой Степи. Следует уточнить, что само возникновение наборного пояса было действительно определено появлением на исторической арене кочевников-скотоводов. Его возникновение в культурах северной периферии было обусловлено непосредственным их влиянием, однако доминирующей оказалась местная идейно-художественная традиция, которая определила самобытные пути развития и самого пояса (его ширину, способы крепления поясного набора) и, главное, металлического декора. Уместно вспомнить металлический декор в костюме XVIII – начала XX вв. угорских и тюркских народов Поволжья, где женские головные уборы, нагрудные украшения, перевязи были сплошь декорированы накладными серебряными круглыми бляшками.

Несколько иным представляется генезис прямоугольных и круглых пластин и пряжек с ажурными прорезями, распространенных в наборных поясах коми, ненцев, хантов и манси, а также айнов. В одну группу они объединены весьма условно, так как их форма и рисунок прорезей значительно отличаются друг от друга. В первом случае, т.е. на поясах коми, самодийцев и обских угров, присутствовали крупные (7–9 см длиной), прямоугольные, иногда с легкой профилировкой одной из боковых сторон ажурные пластины, которые укреплялись на концах пояса и выполняли роль пряжек (МАЭ, колл. 638–5, 979–38). Сразу следует пояснить, что в конце XIX – начале XX вв. их изготавливали только коми, в культуре которых

металлургическая традиция в этот период еще сохранялась, и в большом количестве поставляли их ненцам, хантам и манси [Грибова 1980, с. 142, табл. XVIII–XIX]. То же относится к профилированным бляшкам, заполняющим основную плоскость наборного пояса у коми и часто используемым ненцами для украшения пояса. Эти бляшки достаточно однотипны, они всегда имели подтреугольную форму со сложным, но сходным по рисунку криволинейным абрисом. Мотивы, присутствующие в рисунке прорезей всех этих пластин и бляшек, относятся к типу криволинейного орнамента. Доминирует здесь сердцевидный узор, особенно характерный для подтреугольных бляшек, где он является практически единственным. Распространение прорезей сердцевидного рисунка необычайно широко, и для выяснения его происхождения в культуре коми, от которых они были заимствованы ненцами, хантами и манси, требуется анализ не только сибирской, но и восточно-европейской художественной традиции. Стоит отметить, что в торевтике кочевых народов сердцевидный узор прорезей появляется в древнетюркскую эпоху на поясных пряжках VII–VIII вв., а позднее он получает широкое распространение в художественном металле средневековых кыргызов. Это не означает, однако, что генетические корни этого явления в культуре народов северного региона покоятся именно здесь. Вполне возможны и другие истоки, в частности в культуре народов северной части Восточной Европы, но упомянуть о тюрках показалось необходимым в связи с тем, что сердцевидные прорези встречаются и на медных бляшках узких поясов якутов, хотя форма этих бляшек сильно отличается от форм северных народов (Рис. 15).

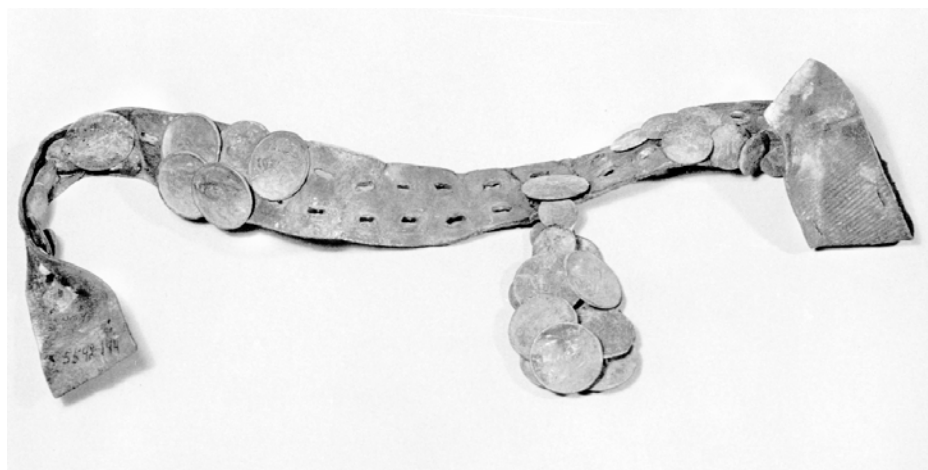

Рис. 15. Мужской наборный пояс. Кожа, бронза. Ханты, XIX в.
МАЭ, № 1542–144.

Во-первых, профилированные медные бляшки якутских узких наборных поясов достаточно разнообразны. Здесь присутствуют такие мотивы, как розетка, цветочный бутон, лировидная форма и другие менее определенные абрисы. Генезис этих мотивов и форм в профилированных пластинах якутов достаточно ясен. Их древнетюркское происхождение вполне

доказано исследователями и не вызывает сомнения [Иванов 1963, с. 179; Вайнштейн 1974, с. 67; Кочешков 1981, с. 11]. Однако среди профилированных пластин, украшающих якутские пояса, нечасто встречаются формы, абсолютно идентичные древнетюркским, поэтому правильнее говорить о древнетюркских истоках этих форм, которые прошли собственный путь развития, обусловленный всей историей формирования якутской культуры. Например, распространенной формой пластин является лировидная – мотив, характерный для всего якутского орнамента, который и определил форму накладной пластины. Истоки этого орнаментального мотива и соответственно формы пластины вызывают бесконечные споры среди исследователей, большинство которых видят в нем стилизованное изображение рогов какого-либо животного [Лельчук 1974, с. 56; Хабарова 1982, с. 25; Каплан 1974, с. 109; Зыков 1976, с. 24]. Но если такая трактовка и допустима, то только как позднейшая его интерпретация. В основе этого мотива лежит зеркальная проекция перевернутой спирали – элемента, характерного для искусства многих кочевых народов евразийских степей и уходящего истоками в эпоху ранних кочевников. В искусстве якутов он получил собственное композиционное решение, придав орнаменту свой неповторимый характер.

Таким образом, в наборных поясах якутов достаточно четко выделяются два типа, которые различаются как по ширине и конструкции, так и по характеру металлического декора, включая формы накладных пластин. Анализ этих типов показывает, что восходят они к разным культурным традициям и отражают сложные процессы этно- и культурогенеза якутов. Узкие пояса с профилированными медными бляшками, безусловно, свидетельствуют о присутствии древнетюркского степного кочевнического компонента.

Что же касается широких поясов с серебряными пластинами прямоугольных и сложносоставных форм, то здесь в виде металла (серебра) проявляется тюркская традиция, а в ширине пояса и форме накладных пластин выступает компонент лесостепного и лесного (южно-таежного) культурного ареала, периферии степной кочевой скотоводческой культуры с очень смешанным этническим составом населения и, возможно, пока не вполне выявленными импульсами скифо-сакской традиции. Практически та же картина проявляется и в наборных поясах бурят, где форма пластин отражает местный лесостепной пласт культурной традиции, а техника серебряной насечки по железу – степной кочевнический.

Особо выглядят наборные пояса айнов. Плоскость ремня украшена одним рядом крупных круглых ажурных бляшек, а к нижнему краю пояса прикреплен ряд подвесок, каждая из которых состоит из трех колец разного диаметра, вставленных друг в друга и соединенных кожаным ремешком, пропущенным через прорезь кожаной основы ремня и закрепленным с изнаночной стороны. Пластическая разработка накладных пластин также достаточно однотипна: основным формообразующим элементом здесь является все тот же круг. Они представляют собой кольца, внутреннее пространство которых заполнено несколькими соединенными между собой более мелкими кольцами. Чаще всего их пять, и тогда они образуют внутри большого коль-

Рис. 16. Мужской наборный пояс. Кожа, латунь. Айны, XIX в.
МАЭ, № 700–1.

ца крест, располагаясь вертикально и горизонтально по линиям его двух диаметров (Музей г. Осака, № ТК 0465, 0466). Иногда композиция бывает более сложной: восемь колец разного размера образуют внутри внешнего кольца как бы четыре сектора, опять же подчеркивая его диаметры (МАЭ, колл. 700–2 аб) (Рис. 16). Таким образом, айнские наборные пояса близки поясам самодийских и угорских народов Сибири. Это широкие пояса, украшенные медными ажурными накладными пластинами, основным элементом которых является круг. В то же время подвески к поясу в виде колец и явно выраженная в накладных пластинах композиция креста в круге говорят о совершенно самостоятельном пути развития декора этих поясов, истоки которого пока остаются нераскрытыми. Никаких прямых аналогий с декором поясов моэксцев и чжурчженей в них не прослеживается. Сам же по себе образ креста в круге относится к архетипическим и известен во многих древних культурах Старого Света как в наскальных изображениях, так и в прикладном искусстве. В качестве примера можно привести золотые корейские царские короны VI–VII вв., форма которых представляла собой обруч-круг с двумя перекрещивающимися в центре дугами [Глухарева 1982]. Аналогичная форма хорошо известна в традиционных культурах Сибири: это и большинство шаманских «корон», и повседневные головные уборы тунгусских народов (эвенков и эвенов). Именно в этом круге культур представляется правильным искать истоки пластической разработки накладных пластин айнских наборных поясов. Сакральный смысл фигуры креста в круге раскрыт исследователями достаточно полно: это прежде всего символ Вселенной, ее сакрального центра, мирового древа, символ небесного огня, круговорота солнца и вечного движения.

Не менее важна для сравнительно-типологического анализа наборных поясов народов Сибири техника и технология обработки металла. Отметим, что в этот период народы Сибири металлы не добывали, а получали их главным образом от русских, но для восточных регионов существенной была и поставка металлов из Китая, особенно серебра. В изготовлении накладных пластин применялись две техники: литье для бронзы и серебра и ковка

для железа и серебра, при дальнейшей их художественной обработке, т.е. для декорирования их поверхность, и гравировка, чеканка и серебряная таушировка. Как уже говорилось, бронза использовалась в декоре поясов коми, самодийцами, обскими уграми и якутами. Напомним, что в конце XIX – начале XX вв. накладные пластины для народов Западной Сибири выполняли мастера коми, причем тех субэтносов, которые занимались земледелием и животноводством, т.е. вели оседлый образ жизни, проживали в селах и деревнях и сохраняли развитые ремесленные традиции [Грибова 1980, с. 41–42]. Именно от них поступали к коми-оленеводам, ненцам, хантам, манси и частично селькупам литые ажурные накладные бляхи и пластины, украшавшие не только наборные пояса, но и другие элементы костюма. Например, им принадлежит производство широко используемых в женских головных уборах ненцев и энцев круглых массивных ажурных блях с изображениями птиц, животных, кентавров и всадников. Трудно сказать, когда самодийцы и обские угры стали пользоваться металлургической продукцией коми, когда их собственная ремесленная традиция стала затухать. При этом необходимо отметить, что касается этот факт в большей степени художественного металла наборных поясов и головных уборов. В других сферах металлургического производства эти народы сохраняли собственное производство, хотя, видимо, и не столь развитое, как у коми. Так, ханты и манси самостоятельно отливали оловянные орнаментированные накладки для декора одежды, изготавливали несложные ювелирные украшения, энцы отливали и выковывали весьма разнообразные подвески для шаманских костюмов и женские украшения, не говоря уже о том, что все эти народы сами изготавливали всевозможные орудия производства, вплоть до пуль. Вопрос этот, прежде всего, касается проблемы взаимодействия традиции и инновации, решение его не входит в задачу настоящей работы. Следует только отметить, что среди имеющихся в музейных коллекциях самодийских и угорских наборных поясов преобладающими являются пояса, декорированные мелкими круглыми бляшками (иногда пуговицами). Это позволяет говорить об этом приеме как о традиционном для этих культур и относить профилированные ажурные бляхи именно к инновациям, внедрившимся в тюреттику этих народов под влиянием соседей коми, оказывавших сильное воздействие на северных самодийцев и угров, особенно на протяжении XIX – начала XX вв.

Изготавливались эти накладные пластины в технике литья в земляные формы по деревянной или глиняной модели. Коми использовали привозной русский металл, главным образом различные бронзовые сплавы. Переплавляли его обычно в графитовом котле. Основным материалом для литейных форм служили формовочные смеси, которые не только в каждой культуре, но и у каждого мастера имели свой собственный состав, представлявший собой главный секрет производственного мастерства. У коми основой формовочной смеси служили чернозем и глина, смешанные с обожженным навозом [Грибова 1980, с. 142]. Для изготовления земляной формы использовались специальные опоки, представлявшие собой, как правило, широкие круглые металлические обручи шириной 3–4 см, с ручками. Опок было две. В земляной форме с помощью модели будущего изделия

оттискивалась матрица. Для плоских бляшек наборных поясов использовалась одна опока, для блях с двухсторонним рельефом применялись две опоки, в которых делался оттиск ее обеих сторон, и специальный желобок для заливки металла. Опоки складывались вместе, зажимались, и в канал заливался металл. Хорошо известно, что техника литья является древнейшей и возникает вместе с освоением первого металла – бронзы. Что же касается развития технологии ее изготовления, то в традиционных культурах она менялась мало. Литье в каменные и земляные формы известно с самых ранних времен, несколько позднее появляется литье техникой утраченного воска и по выжженной деревянной модели, которые применялись исключительно для литья сложных форм, но это не относится к поясным наборам.

Готовые бляшки шлифовали и иногда лудили, что придавало им серебристый цвет. Поверхность декорировалась геометрическим орнаментом в виде кружочков и штриховых линий. Первые наносились специальным циркулем и заполняли центральную часть пластины. Именно эта технология и дала название самому орнаменту – «циркульный». Вторые наносились штихелем (резцом) и обычно располагались по контуру бляшки, подчеркивая ее форму (МАЭ, колл. 979–37).

Подобную технологию применяли и якуты. Различия наблюдались только в составе формовочной смеси. Для ее приготовления они использовали свежую и обожженную глину, песок, золу, которой также обсыпали форму перед заливкой металла. Для технологической традиции якутов, насколько можно судить, характерны, во-первых, отливка всех изделий, независимо от их сложности, в двух опоках, и, во вторых, обжиг опок вместе с моделью на открытом огне, после чего модель вынималась и форма считалась готовой для заливки [Зыков 1976, с. 27]. Поверхность готовых бляшек шлифовалась, но не орнаментировалась, и вся декоративная композиция строилась на сочетании их различных форм. Гравированный узор иногда наносился только на пряжку (МАЭ, колл. 1070–48).

В такие же земляные формы отливали якуты и изделия из серебра. Однако накладные пластины для наборных поясов дополнительно еще и расковывались, что делало заготовку более тонкой. Поверхность серебряных пластин всегда орнаментировалась. Наиболее распространенным был геометрический орнамент, основными элементами которого были круг, треугольник, зигзаг, лунки. Наносился он с помощью пуансонов с фигурным бойком – техникой, относящейся к наиболее простым видам чеканки. Таким образом, несмотря на все возможности серебра как материала, который обладает высокой степенью пластичности, якутские мастера с технологической точки зрения использовали те же самые приемы, что и коми, а ранее, возможно, угры и самодийцы при орнаментации поверхности бронзовых бляшек и пластин. Фактически они перенесли этот технологический прием с бронзы на серебро. Несколько реже применялась якутами гравировка, обычно она использовалась для нанесения орнаментов растительного характера, основным мотивом которых был побег, или сюжетных композиций и изображений дерева и фигурок птиц, а также инициалов мастера (МАЭ, колл. 1070–17).

В технике бронзового литья выполнены и накладные бляшки на айнских поясах. Более конкретных сведений о технологии их производства у меня пока нет, но их поверхность также орнаментирована «циркульным» орнаментом, заполняющим ее внутреннюю часть, а по периметру обычно нанесен штриховой узор (МАЭ, колл. 700-2 аб).

Более сложной была техника набивной насечки (таушировки), используемая для отделки пластин наборных поясов бурятами. Напомним, что эта техника широко применялась в конце XIX – начале XX в. для украшения снаряжения всадника и коня всеми скотоводческими народами Южной Сибири и Казахстана и Средней Азии. Впервые она появляется в VII–VIII вв. и сразу на широкой территории от Средней Азии до южной Германии. В начале II тысячелетия она уже известна от степей Хакасии до Восточной Европы, но определить место и время ее возникновения пока не удастся. Есть предположение, что ее происхождение связано с древнетюркской ремесленной традицией, в которой было достаточно широко распространено золочение железных и бронзовых изделий [Вайнштейн 1974, с. 61], но, возможно, истоки ее уходят в хуннское время, а точнее в эпоху великого переселения народов [Павлинская 1987, с. 59–60].

Таушировка относится к типу биметаллических техник, когда в создании произведения используются два материала, например железо и серебро. Технологически таушировка сводится к тому, что поверхность железа насекается зубилом и в эту шершавую основу осторожно вбивается серебро. Анализ техники позволяет определить путь ее развития и выделить в нем различные стадийные уровни, которые определяются формой серебра [Павлинская 1988, с. 82–84]. Это может быть тонкое листовое серебро, узкие полоски листового серебра и, наконец, серебряная проволока. Листовая насечка, восходящая к приему обкладки предмета серебряной или золотой фольгой, считается наиболее архаичной. Стадийно ее сменяет ленточная таушировка, когда поверхность предмета покрывается узкими (4–5 мм) полосками серебра, между которыми остается зазор, и завершает цикл проволочная насечка, при которой благодаря волоченой проволоке возникает возможность создания орнаментального узора.

На наборных поясах бурят (как, впрочем, и на колчанах, налучниках и сбруе) применялись все три типа насечки. Правда, есть различия в технологической традиции Забайкалья и Предбайкалья. Забайкальские буряты применяли только листовую насечку, при которой насеченная поверхность железной пластины целиком покрывалась листом серебра, а по нему резцом или чеканом наносился орнаментальный узор. Принцип биметаллизма, лежащий в основе таушировки, здесь оказывался скрытым. Пластины выглядели полностью серебряными, т.е. доминирующей оказывалась идея имитации. Более того, для орнаментации пластины мастера использовали резцы и пуансоны с фигурным бойком, т.е. возник совершенно особый подвид техники – гравировка и чеканка по листовой насечке. Неудивительно, что даже специалисты иногда принимают эту технику за серебрение амальгамой.

Предбайкальские буряты использовали все виды серебра, создавая за счет цветового контраста темного матового железа и светлого блестящего

серебра весьма разнообразные варианты орнаментальной разработки поверхности накладных пластин. При использовании ленточного серебра они оставляли зазоры между серебряными полосками, что создавало эффект слегка вибрирующей поверхности. Листовое серебро применялось для изображения лепестков розетки или заполнения поверхности пластин в форме соединенных кругов, но в этом случае серебряным кружочком покрывалась каждая окружность, что позволяло четко выделить конструкцию формы. Серебряной проволокой обычно наносился узор в виде зигзага, как правило, располагавшийся по периметру пластины и подчеркивавший ее конфигурацию. Между тем преобладание листовой и ленточной насечки и очень ограниченное использование проволоки позволяет отнести бурятскую технику таушировки к достаточно архаичной стадии развития этого вида художественной обработки металла, как, впрочем, и аналогичные металлургические традиции тувинцев и алтайцев, особенно в сравнении с изделиями казахских, киргизских, кавказских и восточно-европейских мастеров.

Таким образом, по виду металла, технике и технологии его обработки в наборных поясах народов Сибири выделяются три группы. Это, прежде всего, пояса коми, самодийских и угорских народов и айнов. Здесь вид металла – бронза, технологические способы ее обработки восходят к наиболее архаической стадии металлургического производства. К этой же группе относятся и узкие пояса якутов, украшенные бронзовыми фигурными бляшками. Стадиально более поздними являются якутские пояса с серебряными пластинами. И, наконец, к последней группе следует отнести накладные пластины, выполненные в технике серебряной насечки и украшающие бурятские наборные пояса.

В этой статье не имеет смысла вдаваться в детальный анализ орнамента, украшающего накладные пластины наборных поясов, так как он подробно рассмотрен в фундаментальной работе С.В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник» [Иванов 1963]. Однако необходимо отметить следующее: у всех народов орнамент на металлическом декоре наборных поясов более архаичен, чем на изделиях из других материалов. Так, у самодийцев круглые бляшки часто бывали вообще без орнамента. Здесь уместно вспомнить, что он отсутствовал и на сбруйных наборах раннескифского времени, и на поясных и сбруйных наборах раннетюркского времени. Присутствующий на изделиях коми, а также угров и самодийцев циркулярный орнамент сближает эти металлические изделия с костяными. Однако костяные детали, например, оленьей упряжи и другие предметы быта обычно орнаментированы значительно богаче. Отсутствует на бронзовых пластинах и бляшках наборных поясов такой орнаментальный мотив, как зигзаг, широко используемый этими народами в резьбе по кости. И уж совсем ничего общего декор накладных пластин не имеет с изделиями из меха, отличающимися необычайным разнообразием мотивов, хотя и геометрических, но отражающих высокую степень развития орнаментального искусства. Что касается якутов и бурят, то доминирующее положение здесь занимает геометрический орнамент, причем с достаточно ограниченным набором мотивов, в отличие, например, от вышивки, вязаных изделий, резьбы по дереву и ткачества, где

ведущими оказываются или необычайно развитый геометрический орнамент, или криволинейный, или растительный. Это же относится и к наборным поясам айнов.

Следовательно, если обобщить весь изложенный выше материал, то можно сделать следующие выводы:

– Наборные пояса народов Сибири прошли длительный и сложный путь развития, который отражает различные этапы этнической истории населения этого региона.

– Генетически они восходят к древним культурам лесостепной и предтаежной областей Сибири I тыс. до н.э., что позволяет говорить об особом «северном» ареале становления не только собственно наборного пояса, но и металлургической традиции в целом.

– Хотя на протяжении длительного времени на их формирование оказывали воздействие различные культуры кочевых скотоводов Великой Степи, они сохранили свой собственный стиль, что свидетельствует об автохтонности данной культурной традиции.

– Наиболее отчетливо воздействие кочевой культуры степей проявляется в наборных поясах якутов и бурят, хотя и здесь доминирующей оказывается местная художественная традиция.

– Однако с точки зрения техники и технологии обработки металла, а также форм пластин, построения композиции металлического декора и орнаментации наборные пояса народов Сибири отражают в каждой культуре наиболее архаичный ее пласт.

Библиография

- Айбабин А.И.* Погребения конца VII – начала VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 165–192.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Артамонов М.И.* Сокровищница скифских курганов. М., 1966.
- Боброва А.И., Яковлев Я.А.* К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья. Пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–92.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Гаврилова А.А.* Раскопки второго Катангинского могильника // СА. 1957. № 5. С. 250–268.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гоголев А.И.* Якуты. Якутск, 1993.
- Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Грибова Л.С.* Декоративно-прикладное искусство коми. М., 1980.
- Давыдова А.В.* О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. 1982. № 1. С. 132–142.
- Деревянко Е.И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Дмитриев А.В.* Реннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 69–107.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Долгих Б.О.* Некоторые вопросы древней истории бурят // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 39–47.
- Дэвлет М.А.* Поясные бляшки Сибири эпохи бронзы. М., 1979.

- Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. Т. 1.
- Зыков М.Ф.* Ювелирные изделия якутов. Якутск, 1976.
- Зяблин Л.П.* Могильник Копены III. Новосибирск, 1977.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. Тр. ИЭАИСССР, новосерия, Т. 81, М.; Л., 1963.
- Каплан Н.И.* Якутские наборные пояса // СбНИИХП. М., 1974. С. 104–114.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII в. Якутск, 1971.
- Кочешков Н.В.* Декоративно-прикладное искусство монголоязычных народов. М., 1981.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. // Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 89–90.
- Кызласов Л.Р.* Средневековые древности Западного Забайкалья // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 59–62.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.
- Магомедов А.Д.* Мужские наборные пояса народов Северного Кавказа: формирование и развитие художественной традиции // СЭ. 1988. № 2. С. 111–118.
- Макарова Т.Н., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 45–52.
- Махова Е.И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 205–210.
- Медведев В.Е.* Пояса Надежденского могильника // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 211–218.
- Мелехов Г.В.* Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402–1413 гг.) // Китай и соседи. М., 1970. С. 251–274.
- Могильников В.А.* Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 29–43.
- Распопова В.И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 72–87.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинуилинские курганы. М.; Л., 1962.
- Павлинская Л.Р.* Художественный металл бурят XIX начала XX в. И историко-этнографическом аспекте. Автореферат: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Павлинская Л.Р.* Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. (СМАЭ. Т. 42). Л., 1988. С. 71–86.
- Павлинская Л.Р.* Художественный металл в снаряжении всадника и коня у народов Сибири XIX – начала XX вв. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 52–76.
- Павлинская Л.Р.* Некоторые аспекты семантики металлов в культуре тюрков Сибири XIX – начала XX вв. // Культурное наследие народов Сибири: Материалы 4-х Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 181–188.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 1422. М., 1967.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1–99.
- Симонова Е.Н.* Новые археологические исследования аварской эпохи в области Шомодь // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 192–204.
- Сычева Н.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана. М., 1984.
- Тумахани А.В.* Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970. С. 67–71.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки культуры манси. СПб., 1994.
- Хабарова М.В.* Народное искусство Якутии. М., 1982.
- Хомич Л.В.* Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 14–29.
- Шелонов О.Н.* Древняя культура Камы. М., 1978.
- Шренк Л.* Об инородцах Амурского края, СПб., 1903. Т. II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО – Всесоюзное географическое общество
ВСОРГО – Восточно-Сибирское отделение РГО
ИЭ АН СССР – Институт этнографии АН СССР
ИЭАС – Историко-этнографический атлас Сибири
КСИЭ – Краткие сообщения ИЭ АН СССР
МИА – Материалы Института археологии
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
СбНИИХП – Сборник НИИ художественных промыслов
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Михайлова Е.А.</i> Съёмные украшения народов Сибири	12
<i>Федорова Е.Г.</i> Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири)	120
<i>Ермолова Н.В.</i> Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока	170
<i>Павлинская Л.Р.</i> Наборные пояса в культурах Сибири середины XIX – начала XX в.	302
Список сокращений.	342